

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Фатюнина Олеся Александровна

Кожевенно-сапожное ремесло

Переяславля Рязанского

второй половины XIV – XVI в.

(комплексное исследование)

Исторические науки:

5.6.3. Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель
д.и.н. В.И. Завьялов

Москва

2024

СОДЕРЖАНИЕ ТОМ 1

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. Источники.....	14
1.1. Археологические источники.....	14
1.2. Письменные источники.....	24
1.3. Этнографические источники.....	30
ГЛАВА 2. Историография изучения кожевенно-сапожного ремесла.....	33
2.1. Отечественная историография.....	33
2.2. Зарубежная историография.....	53
2.3. Историография изучения кожевенно-сапожного ремесла Переяславля Рязанского.....	58
ГЛАВА 3. Методика работы с изделиями из кожи.....	61
3.1. Методические подходы к изучению находок из кожи.....	61
3.2. Методика полевой и камеральной обработки кожи из Переяславля Рязанского.....	63
3.3. Естественнонаучные исследования и методики изучения материалов Переяславля Рязанского.....	66
ГЛАВА 4. Технология работы ремесленников Переяславля Рязанского с кожей.....	69
4.1. Выделка кожи. Сырье.....	69
4.2. Мастерские и отходы производства.....	75
4.3. Инструментарий.....	88
4.4. Отпечатки на поверхности кожи.....	91
4.5. Ученические образцы.....	98
ГЛАВА 5. Кожаная обувь Переяславля Рязанского.....	100
5.1. Реконструкция обувных моделей.....	100
5.1.1. Поршни, туфли, полусапожки.....	100
5.1.2. Сапоги.....	101
5.1.3. Лапти.....	117
5.2. Виды ремонта обуви.....	118
ГЛАВА 6. Кожаные изделия Переяславля Рязанского.....	121
6.1. Вместителища.....	121
6.1.1. Кошельки, сумки.....	121
6.1.2. Ножны.....	124

6.1.3. Футляры для ложек.....	130
6.2. Рукавицы	132
6.3. Фартук.....	133
6.4. Пуговицы, застежки, завязки, петли.....	134
6.5. Конская упряжь	135
6.6. Ремни и ремешки	137
6.7. Ручки	138
6.8. Узлы и петли	139
6.9. Прокладки и шайбы.....	141
6.10. Наперстки.....	142
6.11. Атрибуты верований	143
6.12. Образцы с буквами и метками	148
6.13. Атрибуты игр и развлечений	150
6.14. Другие изделия	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
Письменные источники	162
Архивные материалы.....	164
Археологические коллекции РИАМЗ	169
Литература.....	171
Список сокращений.....	209
Словарь.....	210

ТОМ 2

Приложение 1. Статистические таблицы и диаграммы.....	2
Приложение 2. Каталог находок.....	23
Приложение 3. Иллюстрации.....	59

ВВЕДЕНИЕ

Предшественники Homo Sapiens на протяжении тысячелетий использовали уникальные свойства кожи, способами обработки этого легкодоступного сырья для применения с самыми разнообразными целями овладели практически все культуры.

Кожа – это материал, получаемый из наружного покрова тела позвоночного, будь то млекопитающее, птица, рыба, амфибия или рептилия. Ряд технологических процессов делает ее не подверженной гниению и разложению. Повсеместность распространения кожи и широкий круг использования позволяет назвать ее «пластиком средневековья».

Сложная трехмерная структура кожи придает ей уникальные физические качества. Это – гибкость, относительно высокая прочность на растяжение, определенная устойчивость к механическим воздействиям (разрывам, проколам и истиранию), низкая насыпная плотность, хорошая теплоизоляция и пропускание водяного пара, способность формовки, неизменность при воздействии ветра и воды, а также возможность растягиваться и сжиматься, не искажая поверхности.

Кожа может быть как мягкой и эластичной, так и твердой и жесткой. Это в значительной мере обусловлено химическим и физическим составом шкур, видом или породой используемого животного, способом ее обработки.

Возможность получения разных видов кож обуславливает и современное активное изготовление всевозможных вещей из них.

Проследить особенности работы человека с кожей в конкретный исторический период и в конкретном регионе позволяют археологические находки.

Вопросы кожевенно-сапожного производства в Рязанском княжестве ранее не являлись предметом специального исследования. Изучение ремесленной деятельности в Рязанском княжестве долгое время ограничивалось ювелирным делом первой столицы – Рязани (Старая Рязань). Переяславль Рязанский (Рязань), ставший стольным городом в конце XIII –

XIV в., в археологическом плане долгое время оставался в тени Рязани. Постепенное накопление вещественной источниковой базы в обеих столицах княжества привело к появлению обобщающих трудов по гончарному и кузнечному ремеслам (работы И.Ю. Стрикалова (*Стрикалов*, 2006), В.В. Судакова (*Судаков*, 2019), В.И. Завьялова (*Завьялов*, 2013)). Изделия из кожи в сухих культурных напластованиях городов Рязанского княжества были довольно малочисленны.

Наличие влажного культурного слоя в средневековом Переяславле Рязанском (современная Рязань) выгодно отличает его от других городов как Рязанской земли, так и Центральной России. Находки артефактов из кожи в Переяславле Рязанском по численности идут на втором месте, уступая лишь многотысячным керамическим коллекциям.

Устойчивость к процессам гниения хорошо продубленной кожи, невозможность полной утилизации этого органического материала позволяют не только увидеть, как менялись различные категории бытовых изделий и обувная мода с течением времени, но и изучить процессы изготовления, эксплуатации, ремонта, последующего вторичного использования вещей. Десятки тысяч единиц кожаных отходов из сапожных мастерских на территории Кремля Переяславля Рязанского существенно увеличивают ценность и информативный потенциал кожаных коллекций. Появляется возможность проследить специализацию мастерской, время ее функционирования, технологические особенности работы с кожей, а также узнать об уровне профессионализма ремесленников, их антропометрические данные, выявить учебные материалы.

Археологические материалы позволяют затрагивать вопросы особенностей функционирования кожевенных (выделка кожи) и сапожных (изготовление изделий) мастерских, тогда как в сохранившихся до настоящего времени письменных источниках такой информации нет. Например, в Писцовых книгах Рязанского края XVI–XVII вв. лишь упоминаются профессии, связанные с обработкой шкуры и кожи (кожевники,

сыромятники, скорняки, овчинники, шубники, сапожники, подошвенники, седельники). Что касается этнографических материалов, то в коллекции фотодокументов Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (далее РИАМЗ) можно найти изображение работы кустарей Рязанской губернии по выделке овчины, по сапожному и шорному производствам. Безусловно, основываясь только на этих малочисленных сведениях и принимая во внимание тот факт, что техника пошива периодически менялась, невозможно дать характеристику средневековой ремесленной деятельности по работе с кожей, выявить ее уровень и региональные отличия.

В связи с этим принципиально важную информацию дает анализ всего массива постоянно пополняющихся археологических источников как непосредственно связанных с кожевенно-сапожным производством (изделия из кожи и обрезки от их раскроя), так и сопутствующих ему предметов из других материалов (железный инструментарий; деревянные «колодки»; войлочные стельки; деревянные вставки в задники; берестяные вставки в задники и обрезки от их раскроя; деревянные основы каблуков; железные обувные подковки; железные сапожные гвозди, подбивавшие каблук, и декоративные гвоздики; войлочные изделия с кожаной обшивкой).

Слабая степень изученности вопроса, наличие не введенных в научный оборот находок, постоянное пополнение археологических источников, непосредственно связанных с кожевенно-сапожным производством, важность анализа каждой региональной коллекции для сравнения результатов, возможность получения новых данных, расширяющих представления о кожевенно-сапожном ремесле свидетельствуют об **актуальности** проведения комплексной междисциплинарной работы с эталонными кожаными материалами Переяславля Рязанского.

Цель исследования – реконструкция организации кожевенно-сапожного ремесла в Переяславле Рязанском, выявление его характерных черт и региональных особенностей на основании изучения всех материалов, сопутствующих кожевенно-сапожной ремесленной деятельности.

Поставленная цель определяет следующие **задачи** исследования:

1. Атрибутировать кожаные изделия вне зависимости от степени их сохранности.
2. Проанализировать обувные детали, выполненные из различных материалов, с учетом их стратиграфического и планиграфического распределения.
3. Проследить смену обувных фасонов.
4. Систематизировать следы, представленные на поверхности кожаных находок.
5. Уточнить отдельные нюансы работы ремесленников с кожей с помощью естественнонаучных методов (жидкостная хроматография, определение нитей и их отпечатков, определение видовой принадлежности кожи, археозология, трасология, стоматологическая диагностика).
6. Выявить зоны концентрации ремесленных отходов и по результатам их изучения определить специализацию мастерских.
7. Классифицировать инструментарий ремесленников, задействованный в процессе кожевенно-сапожного производства.
8. Создать каталог кожаных изделий и инструментов, связанных с кожевенно-сапожным ремеслом, привести их иллюстрации.

В качестве **объекта** исследования выступает кожевенно-сапожное ремесло Переяславля Рязанского, изменение обувных фасонов и изделий с течением времени.

Предметом изучения являются кожаные находки и изделия из других материалов, отходы ремесленного производства и инструментарий, а также совокупность информации, которую они предоставляют для реализации поставленной цели и задач.

Источники исследования включают археологические коллекции, хранящиеся в фондах РИАМЗ, материалы научного архива Института археологии РАН и РИАМЗ. Археологические материалы были получены членами Общества исследователей Рязанского края (Н.П. Милонов, А.А.

Мансуров, И.И. Проходцов, Н.В. Говоров) в 1929 и 1931 гг., Н.П. Милоновым в 1945 г., А.Л. Монгайтом в 1956–1957 гг., А.А. Коноваловым в 1979–1980 гг., В.П. Челяповым в 1981 г., И.В. Ильенко в 1982 г., М.М. Макаровым в 1987 г., В.В. Судаковым в 2002 г., А.А. Вячиным в 2006 г., В.И. Завьяловым в 2004–2015 гг. на Житном раскопе и при наблюдениях за работами на территории Кремля, с 2016 г. и по настоящее время (2023 г.) на Введенском раскопе, И.Ю. Стрикаловым в 2015 и в 2020 гг., О.А. Фатюниной в 2020 и в 2023 гг.

Общее количество проанализированных кожаных изделий составляет свыше 56 тысяч единиц.

Хронологические рамки определяются второй половиной XIV – XVI вв., что обусловлено состоянием источниковой базы.

В XIV столетии Переяславль Рязанский из небольшого городка превращается в столицу Рязанского княжества, в XVI в. происходит потеря административно-политическими образованиями своего значения и их постепенное политическое и экономическое подчинение Москве. С утратой статуса столицы независимого княжества в 1521 г. Переяславль Рязанский остался крупным военно-оборонительным и торгово-ремесленным пунктом. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть кожевенно-сапожное производство Переяславля Рязанского на протяжении указанного периода.

Территориальные рамки исследования – город Переяславль Рязанский со сложившимися в XVI–XVII вв. такими его историческими районами, названия которых закрепились в начале XX в., как Кремль, Острог, Верхний посад, Нижний посад.

Методологическая основа исследования

Для достижения поставленной цели исследования и решения сопутствующих ей задач применен *комплексный подход*, заключающийся в использовании разнообразных источников (археологических, исторических, этнографических).

В основе работы лежат такие общенаучные **методы** исследования, как логический, статистический, анализа и синтеза. Кроме того, применены исторические (историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный) и археологические (сравнительный, типологический, хронологический) методы. Важное значение имеет привлечение естественнонаучных методов (стоматологическая диагностика, трасология, жидкостная хроматография, археозоология, определение видовой принадлежности кожи, анализ шовного материала).

В основу работы положен **принцип** историзма и системного подхода.

Исследование основывается на **методиках** описания и систематизации коллекций «археологической кожи», разработанных ведущими отечественными и зарубежными специалистами. Изучение всего комплекса кожаных предметов, обнаруженных в рамках условной археологической полевой таксономии (пласт, квадрат), а также в рамках историко-культурных единиц – двора (усадыбы), улицы, осуществлялось согласно методике А.В. Курбатова (*Курбатов*, 2004а. С. 16–20). При использовании терминологии, описании конструктивных элементов обуви, применении современных методов изучения учтены рекомендации Д.О. Осипова (*Осипов, Лихтер*, 2004а; *Осипов*, 2006. С. 23–38, 105–113; *Осипов*, 2021а. С. 101–107).

Вместе с тем разработана **собственная авторская методика** анализа новой относительно русского средневековья категории находок – изделий со следами инструментария на поверхности. Методика включает способы выявления, фиксации, изучения поверхности образцов с отпечатками зубов ремесленников и следами инструментов, применяемых для работы с кожей.

Впервые в российской археологической практике применительно к такому материалу, как кожа, использован **метод стоматологической диагностики** для отпечатков зубов человека на поверхности кожи животного, что позволяет уточнить характер работы с кожей в средневековье и получить информацию об антропометрии русских ремесленников.

Научная значимость выводов и материалов диссертации заключается в обобщении результатов изучения обширной археологической коллекции, насчитывающей 56 тысяч находок, связанных с кожевенно-сапожным производством, во введении в научный оборот всех категорий изделий из кожи, обнаруженных в средневековом Переяславле Рязанском: кошельки, сумки, ножны, футляры; рукавицы; фартук; пуговицы, застежки, завязки, петли; кожаная упряжь; ремни и ремешки; ручки; узлы и петли; прокладки и шайбы; наперстки; атрибуты верований; образцы с буквами и метками; атрибуты игр и развлечений. Анализ обувных коллекций позволил определить степень распространения и время бытования отдельных фасонов, реконструировать схему их раскроя, сборки и декорировки.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые в рамках регионального исследования проведено комплексное изучение материалов, сопутствующих кожевенно-сапожному производству в Переяславле Рязанском с применением естественнонаучных методов. При подготовке диссертации впервые для русского средневековья (на материалах Житного и Введенского раскопов) выявлены и классифицированы следы рабочих инструментов и отпечатки зубов ремесленников на поверхности кожаных изделий, приведены результаты анализа отпечатков зубов на коже методом стоматологической диагностики. Разработана методика выявления, фиксации, изучения поверхности образцов кожи с отпечатками технологического характера. Впервые среди средневековых археологических находок Центральной России выделены изделия из рыбьей кожи и атрибутирована кожаная ладанка с частицей змеи.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов и методических разработок при изучении памятников с массовыми отходами кожевенно-сапожного производства; при написании работ монографического характера и учебных пособий; при разработке лекционных курсов для исторических специальностей в высших учебных заведениях; при построении музейных исторических экспозиций и

тематических выставок, затрагивающих вопросы истории кожевенно-сапожного ремесла и конкретных категорий кожаных изделий. Установленные даты бытования вещей из кожи в Переяславле Рязанском могут способствовать уточнению хронологии аналогичных артефактов на других археологических памятниках. Полученные результаты могут быть полезны историкам, археологам, искусствоведам, музейным хранителям, историкам обувной моды и историческим реконструкторам.

Степень достоверности полученных результатов определяется обширностью источниковой базы: используются все находки, связанные с кожевенно-сапожным производством, из раскопок Переяславля Рязанского в XX в., а материалы, накопленные за 20 лет комплексных полевых работ на широкой площади (Житный и Введенский раскопы) в XXI в., позволили получить эталонные археологические коллекции. Изучено свыше 56 тысяч изделий из кожи и обрезков от их раскроя, кроме того – тысячи обрезков берестяных вставок в задники сапог и сами берестяные вставки, 11 войлочных стелек, 90 подковок, 17 инструментов, 20 оковок для ножен. Основные положения работы могут быть проверены с помощью подробных приложений (таблиц, диаграмм, каталога находок и их иллюстраций), а выводы исследования сопоставляются с результатами изучения других средневековых памятников.

Личный вклад автора в получение результатов диссертации: непосредственное участие в раскопках на территории Кремля Переяславля Рязанского на протяжении 18 полевых сезонов, полевая консервация и камеральная обработка материалов из кожи, анализ материалов и использование нового метода для исследования отпечатков на коже; обработка и анализ коллекций, хранящихся в РИАМЗ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ремесленники Переяславля Рязанского во второй половине XIV – XVI вв. работали в единых традициях с мастерами других русских городов.

2. Изучение поверхности кожаных изделий позволяет проследить отпечатки применения разнообразного железного инструментария: нож, ножницы, резец, тупик.

3. На находках из кожи возможно выделять отпечатки зубов человека и классифицировать их в соответствии с целями применения: технологическая (удержание, скобление, растягивание, жевание); придавливание для сложения вдвое; функциональная; эксплуатационная.

4. Изделия из кожи с отпечатками зубов выявляют антропометрические данные людей, оставивших их.

5. Кожевенно-сапожное производство средневекового Переяславля Рязанского имеет региональные особенности, что выражается в исключительном доминировании такого вида обуви, как сапоги, тогда как туфли единичны, а поршни практически отсутствуют, в сложении определенного разнообразия фасонов сапог во второй половине XV в. и в большем распространении в XVI в. сапог, расшитых нитями, по сравнению с другими городами.

Апробация результатов исследования: основные результаты работы обсуждались на международных («Реставрация, консервация и музеефикация археологического дерева и органических материалов», Казань, 2022), всероссийских («Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России», Рязань, 2010), межрегиональных (Пятое Яхонтовские чтения, Рязань, 2008; IX Яхонтовские чтения, Рязань, 2016; XII Яхонтовские чтения, Рязань, 2022) конференциях; на научных семинарах (Археология Подмосковья, Москва, ИА РАН, 2010, 2011, 2017, 2024), в Лаборатории естественнонаучных методов (научный семинар «Современные подходы к естественнонаучным исследованиям памятников и древностей Руси (Средневековье и раннее Новое время)», Москва, ИА РАН, 2021), в отделе средневековой археологии (Москва, ИА РАН, 2024).

По теме диссертации автором опубликована глава в коллективной монографии «Комплексные археологические исследования Переяславля

Рязанского», десять научных статей, в том числе три – в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы включает в себя текстовый раздел (том 1) и приложения (том 2).

Том 1 состоит из Оглавления, Введения, шести глав, Заключения. Во Введении определены цель, задачи, методы и методики исследования. В Первой главе освещаются источники, а во Второй дается историографический обзор по теме исследования. В Третьей главе приведены методические подходы к работе с кожей, а также собственные наработки, апробированные при исследовании археологических коллекций Переяславля Рязанского. Четвертая глава посвящена вопросам технологии работы средневековых мастеров с кожей: рассматриваются вопросы выделки кож и организации ремесленных мастерских; классифицируется ремесленный инструментарий; всесторонне рассматриваются отходы сапожных мастерских, особое внимание уделено образцам с отпечатками зубов ремесленников и следами инструментов на поверхности кожи; приводятся учебные материалы. В Пятой главе охарактеризована обувь в средневековом Переяславле Рязанском, а в Шестой рассмотрены выделенные категории кожаных изделий. Полученные результаты всего исследования приведены в Заключении. Завершает работу список источников, архивных материалов и научной литературы, а также список сокращений и терминологический словарь. В исследовании учтена терминология современного кожевенного производства (ГОСТ 3123-78) и использованы термины, взятые из русских средневековых письменных источников и этнографических материалов, употребление которых общепринято в научной литературе (Осинов, 2006. С. 102–104; 2014а. С. 169–172; Курбатов, 2010б. С. 169–218).

Том 2 включает три приложения, в которых представлены диаграммы, статистические таблицы, каталог изделий и иллюстрации.

ГЛАВА 1. Источники.

1.1. Археологические источники

Вещественной базой для написания диссертации послужили материалы, обнаруженные в различных районах города Переяславля Рязанского, сложившихся в XVI–XVII вв. (рис. 1). Краткая характеристика культурных напластований в этих частях города, именованная которых даны в соответствии с закрепившимися в начале XX в. историографическими названиями (*Кусова, Филиппов, 2011. С. 23*), приведена ниже.

Кремль

Это древнейшая часть города, расположенная при слиянии рек Трубежа и Лыбеди. С напольной стороны крепость отделена валом и рвом.

Кремлевский холм, сформировавшийся в ледниковый период, имеет сложное геоморфологическое строение. В древности он имел густо расчлененную поверхность. Его южная часть представляет собой сниженное междуречное плато, к которому с севера присоединяются вторая и первая надпойменные террасы реки Оки (*Романова, 1995. С. 72–74; Пендин, Заботкина, 2007. С. 72–79*). По данным геоморфологического бурения, грунты, составляющие культурный слой, в большой степени генетически связаны с подстилающими их естественными образованиями материкового слоя. Поэтому они существенно различаются по своим физическим показателям в зависимости от места их образования (*Буланкин и др., 2010. С. 117*). Так, выделяется зона, располагающаяся на большей части кремлевской платформы, представленная сухим слоем, и зона, занимающая поверхность первой и второй надпойменных террас, содержащая сильно увлажненный культурный слой с большим количеством изделий из органических материалов хорошей сохранности (*Буланкин и др., 2010. С. 123*).

Острог

С XVI в. это вторая укрепленная территория города. Культурный слой здесь сухой, его мощность в разных частях не одинакова (*Судаков, Буланкин,*

2005. С. 252). В юго-восточной части под слоем строительного мусора идет перемешанный слой мощностью 0,4–0,5 м с керамикой XIII–XVII вв. В северо-западной части мощность достигает 1,5 м (в ямах до 2,8 м). Верхние его слои датируются XVII–XIX вв., нижние – XIII–XIV вв. (*Там же*. С. 252).

Верхний посад

Располагается к юго-западу от Кремля. Культурный слой на Верхнем посаде сухой, на значительной части он был нарушен в результате перепланировок и строительной деятельности (*Судаков, Буланкин, 2005. С. 252*). В северной части его мощность составляет 0,6–0,8 м, датируется XVII–XX вв. Только в материке сохранились остатки построек XII–XVII вв. В центральной и южной частях Верхнего посада мощность слоя доходит до 1,5 м, но датируется он временем не ранее XVI в. (*Там же*. С. 252).

Нижний посад

К востоку и югу от Кремля на правом берегу р. Лыбеди располагается Нижний посад с прилегающими к нему *Рыбацкой* и *Затинной* слободами. Культурный слой здесь имеет большую мощность и насыщенность по сравнению с Верхним посадом и Острогом (*Буланкин, 2005. С. 363*), наблюдаются значительные участки увлажненного культурного слоя с хорошей или удовлетворительной сохранностью органических материалов. На всех изученных участках Нижнего посада в материке обнаружены ямы, датируемые концом XIII–XVIII в. (*Судаков, Буланкин, 2005. С. 254*).

Материалы для исследования кожевенно-сапожного производства Переяславля Рязанского происходят из раскопов, шурфов, археологических наблюдений на территории всех частей города. Учтены также редкие случайные находки в Переяславле Рязанском. Общее количество проанализированных кожаных изделий составляет свыше 56 тысяч единиц. Коллекции индивидуальных находок хранятся в фондах РИАМЗ, массовые материалы из раскопок последних лет – в отделе археологии РИАМЗ.

Важная информация содержится в отчетах по результатам исследований, хранящиеся в научном архиве РИАМЗ и ИА РАН. По ним

были выявлены все упоминания фактов обнаружения изделий из кожи и предметов, которые могли иметь отношение к кожевенно-сапожному ремеслу, учтены данные стратиграфии и датировки слоев и ям авторами отчетов.

Ниже представлена характеристика раскопов и шурфов (рис. 2), находки из которых использованы для написания диссертации, и упомянуты случайные обнаружения деталей обуви.

Первые находки были сделаны С.Д. Яхонтовым в 1929 г.: берестяная вставка в задник сапога, обнаруженная в архиерейском саду Кремля и две обувные подковки, найденные им же в указанный год при рытье водопровода.

Большая коллекция изделий из кожи и обрезков от раскроя была собрана в 1929 и 1931 гг., когда Н.П. Милонов при участии членов ОИРК А.А. Мансурова, И.И. Проходцева, Н.В. Говорова заложил пять разведочных шурфов в разных частях Кремля: два во дворе Дворца Олега, по одному в северо-западной части сада музея, в бывшем Спасском монастыре и на улице Рабочих (Милонов, 1929). К сожалению, эти раскопки были неудачными как по масштабам работ (шурфы размером 4 x 3 м или траншеи), так и в методическом плане. Кроме того, нет и точной привязки мест раскопок.

В 1929 г. преимущественно в шурфе 2, а также в шурфе 4 и жилище 2 было найдено около 800 находок из кожи и обувная подковка. Обнаруженные находки отражены в отчете полевых исследований (Милонов, 1929), коллекция с описью сдана в музей. Обувные фасоны могут быть датированы преимущественно XVI в., о чем говорит характерный вогнутый носок у головок и полный двухчастный поднаряд, орнамент тиснением, декоративные круглые вырезы у голенищ. Кроме того, задник и носок подошвы подбивался декоративными гвоздиками, а каблуки – гвоздями со шляпками. Более ранние модели сапог с неполным двухчастным поднарядом единичны. Вместе с тем присутствует и поздняя обувь: у головки округлый носок, крылья удлинены, а также экземпляры низкой обуви.

В 1931 г. Н.П. Милонов продолжил исследование жилища, открытого в шурфе 1 и заложил новый шурф. В отчете за 1931 г. отмечен лишь факт обнаружения обуви, с указанием, что это чупяки, употребляемые для ношения на тот момент в УССР (*Милонов, 1931*). С полевой описью в музей поступила лишь подошва сапога и четыре обувные подковки.

В 1931 г. при постройке общежития водников на территории Кремля были зафиксированы детали низа сапога: подошва с загнутым наверх носком, слой внутреннего наборного каблука и задник.

В 1936 г. в музей был передан наборный каблук, подбитый гвоздями.

Н.П. Милонов в 1945 г. сделал разрез вала с южной стороны, в северном углу кремлевской платформы провел зачистку обрыва длиной 10–12 м, а у Архангельского собора заложил небольшой раскоп. На площадке в северо-восточном углу Кремля при разборе ямы, судя по записям в отчете, он обнаружил обрезки кожи и части обуви, датируемые XIV – началом XVI в. (*Милонов, 1945. С. 7*). Однако находки не были опубликованы, а в фондохранилище РИАМЗ был сдан лишь единственный фрагмент кожи из траншеи у Архангельского собора.

В 1956–1957 гг. в Кремле работала экспедиция Института археологии АН СССР под руководством А.Л. Монгайта, который заложил четыре сравнительно небольших раскопа, давших интереснейший материал (*Монгайт, 1957; 1958*). Например, в 1956 г., помимо обнаруженных обувных подковок (*Монгайт, 1957. С. 2, 9, 17*), был выявлен нож, обозначенный А.Л. Монгайтом как «усморезный», а также оковка для ножен (*Монгайт, 1957. С. 16, 18*) и плетеный кожаный ремешок (*Монгайт, 1957. С. 21*).

В отчете за 1957 г. упомянуты как индивидуальные, так и массовые находки, например: «скопление обрезков кожи и обуви ... с острым носком и гофрированным верхом...», «кожаный пояс», «много кожаной обуви и обрезков кожи» (*Монгайт, 1958. С. 4*), «скопления... кожаной обуви и кусочков кожи» (*Монгайт, 1958. С. 6*), «больше... обрезков кожи и обуви» (*Монгайт, 1958. С. 7*), «кожаный футляр для ножен» (*Монгайт, 1958. С. 8*),

«железная обкладка ножен» (*Монгайт*, 1958. С. 9), «по прежнему множество обрезков кожи и старой обуви» (*Монгайт*, 1958. С. 10), «значительно увеличилось количество... кожи», «кожаные поршни» (*Монгайт*, 1958. С. 16), «на 9 квадрате обрезки кожи и старая обувь – поршни» (*Монгайт*, 1958. С. 17). Есть и такое подробное описание: «На 4 квадрате найдена плетеная из лозы корзина (верша) для ловли рыбы, в ней найдена часть берестяного поплавка, кусок кожи и осетровая чешуя» (*Монгайт*, 1958. С. 13).

В коллекционной описи к отчету даны рисунки наиболее интересных артефактов (*Монгайт*, 1958. С. 16–17, 30). По результатам изучения взятых в коллекцию вещей можно отметить, что обувь, преимущественно, является сапогами, по форме края их головок и поднаряда, а также орнаментации датируется XV–XVI вв.

В 1973 г. в Кремле М.М. Макаров проводил наблюдения за стратиграфией траншеи, проходившей почти параллельно стенке Певческого корпуса. Культурный слой был вскрыт на глубину до 2–2,3 м и датирован временем не ранее XV в. (*Макаров*, 1974). Обнаружены шесть фрагментов сапог «из гофрированной кожи» (*Макаров*, 1974. С. 13–14).

В 1979–1980 гг. экспедицией РИАМЗ под руководством А.А. Коновалова на территории бывшего архиерейского сада был исследован участок площадью 100 м². В силу обстоятельств отчет не был сдан, но сохранилась полевая иллюстрированная опись (*Коновалов*, 1979) и коллекция находок. Исследователем обнаружены изделия из кожи: детский сапог (4 детали), 26 фрагментов кожаных деталей (головки, голенище, задники, внутренние вставки в задники, подошвы, внутренние наборные каблуки) и две берестяные вставки в задники. Кроме того, найдены четыре не подлежащих атрибуции фрагмента, два обрезка первичного и восемь вторичного раскроя (голенище), фрагмент кожи в слое коррозии, а также обувные подковки в количестве 19 единиц. При раскопках могильника в 1980 г. найдены сильно фрагментированные элементы кожаного облачения.

В 1981 г. В.П. Челябинов обследовал верхнюю часть культурного слоя Кремля между зданиями Певческого корпуса и Гостиницы черни общей площадью 36 м² и участок у Гостиницы знати. Среди обнаруженных материалов – обувная подковка, десять головок сапог с полным двухчастным поднарядом, две подошвы, пара обрезков голенищ, задники и обрезки вторичного раскроя.

В 1981 г. М.М. Макаров провел наблюдения за земляными работами в Кремле, в ходе которых были затронуты только верхние перемешанные слои XVII–XX вв., где встречена кожаная обувь, упомянутая исследователем в отчете (Макаров, 1984. С. 1).

В 1982 г. при проведении И.В. Ильенко архитектурно-реставрационных работ по Солодовенным палатам в шурфах были найдены ножны, вместилище, семь деталей сапог, а также обувная подковка (Макаров и др., 1982).

В 1983–1990 гг. осуществлялись раскопки в южной части кремлевской платформы у подножия вала (1983, 1987, 1989 гг. – рук. М.М. Макаров, вскрытая площадь 240 м²; 1986, 1988, 1990 гг. – рук. В.В. Судаков, вскрытая площадь 334 м²). Слой здесь сухой, поэтому находки изделий из кожи единичны. В отчетах есть упоминания о фрагментах обуви в поздних напластованиях из раскопок 1983 г. (Макаров, 1985. С. 33), кожаной обуви и ее фрагментов, найденных как в слое (Судаков, 1986. С. 11), так и в заполнении ям (Судаков, 1986. С. 19, 20) в 1986 г., об изделиях из кожи в 1987 г. (Макаров, 1989. С. 26), о находках фрагментов кожи из раскопок 1990 г. (Судаков, 1993. С. 3). Кроме того, в 1983 г. обнаружены и такие относящиеся к кожевенно-сапожному производству предметы, как ромбическое в сечении шило (Макаров, 1985. С. 25), гвоздодер (Макаров, 1985. С. 16), обувные подковки (Макаров, 1985. С. 17), а в 1987 г. – 27 подковок (Макаров, 1989. С. 11).

В 1990 г. В.В. Судаков на набережной Трубежа в шурфе 1 обнаружил две обувные подковки (Судаков, 1993. С. 53), по обувной подковке в шурфе

№ 2 и № 4 (Судаков, 1993. С. 60, 73) и фрагмент обуви в заполнении ямы шурфа № 2 (Судаков, 1993. С. 64).

В 1992 г. работы на Верхнем посаде проводил В.М. Буланкин (Буланкин, 1992). Был исследован культурный слой на трех раскопах общей площадью 392 м². Удалось обнаружить многочисленные скопления отходов, представляющие собой разрозненные детали кожаной обуви, однако эта значительная по количеству массового материала коллекция не была обработана даже статистически и до настоящего времени не сохранилась. В отчете отмечено, что мощность скопления обрезков кожи и остатков обуви в яме № 6 составляла 40–60 см, а мощность слоя кожи в яме № 4 доходила до 10 см. Их датировка – XVI–XVII вв. (Буланкин, 1992. С. 119). Обнаружены обувные подковки общим количеством 44 единицы (Буланкин, 1992. С. 84, 96, 100, 102, 119–120; рис. 189–193).

В 1993 г. работы на территории Острога шли под руководством В.В. Судакова (вскрыто 72 м²). Найдено 11 обувных подковок. В 1994 г. В.П. Челяпов сделал прирезку к этому раскопу площадью 60 м². Были найдены еще десять обувных подковок и их фрагментов (Челяпов, 1995. С. 16; Челяпов, 1995. Опись. С. 17; табл. № 73).

В 1997 г. при наблюдениях на территории Острога были выявлены 34 детали сапог XVI в., о чем свидетельствуют орнаментированные тиснением головки с вогнутым носком и двухчастным полным поднарядом.

В 2000 г. значительные работы были осуществлены на Верхнем посаде, где В.В. Судаков исследовал площадь в 256 м² (Судаков, 2001). Были обнаружены 15 обувных подковок (Судаков, 2001. С. 19, 24, 42). В заполнении ям встречены остатки кожаной обуви, как указывает автор раскопок, мужской и женской. Женская обувь выделена по наличию тонких каблучков и датирована первой половиной XVIII в. (Буланкин, 2000. С. 68).

В 2002 г. В.В. Судаков раскопал 154 м² на территории Рыбацкой слободы (ул. Затинная, д. 88). Было обнаружено 130 фрагментов обувной

кожи (Судаков, 2003. С. 5), а также обувные подковки и их фрагменты в количестве десяти единиц (Судаков, 2003. С. 4–5).

В 2002 г. В.М. Буланкин проводил работы на Нижнем посаде (пл. Свободы) (Буланкин, 2002). В материалах из ямы № 5 были «многочисленные фрагменты кожаной обуви» (Буланкин, 2002. С. 7; рис. 45–48), среди которой головки сапог хорошей сохранности, определенные как обувь второй половины XVI – начала XVII в. и фрагменты обуви. Помимо обуви зафиксированы обрезки кожи. В отчете приведены довольно подробные описания обуви, указан орнамент тиснением, вогнутый носок головки, куда вшивалась удлиненная носочная часть подошвы, отмечено, что на фрагментах подошв сохранились железные гвозди, задник с берестяной вставкой, украшенный «изогнутой полосой тиснения» (Буланкин, 2002. С. 7).

В 2004 г. В.П. Челяпов провел охранные раскопки в Гончарной слободе Переяславля Рязанского на площади 99 м². В отчете указывается обнаруженный фрагмент обувной подковки (Челяпов, 2005. С. 11).

Начиная с 2004 г. и по 2015 г. В.И. Завьялов осуществлял широкомасштабные комплексные археологические раскопки на территории Кремля площадью 160 м², между зданиями Певческого корпуса и Гостиницы черни. По письменным источникам, там находились амбары, житница, что и послужило поводом к названию раскопа «Житным». В ходе двенадцатилетних исследований хорошо продатированных культурных напластований удалось собрать представительную по количеству и степени сохранности коллекцию изделий из кожи. Она включает не только характерные вещи средневекового повседневного обихода, но и весь массив отходов производства, что крайне важно в плане выявления уровня развития кожевенно-сапожного ремесла.

Кожаные изделия начинают фиксироваться с 2006 г., до уровня 10 пласта их находки единичны, а затем встречаются в большом количестве. Это детали сапог и их обрезки (Завьялов, 2007. С. 48). С 2007 г. все изделия из кожи после атрибуции классифицировались по группам, что отображено в

научных отчетах по результатам исследований Житного раскопа (*Фатюнина, 2008; Завьялов, 2009. С. 75–84; Завьялов, 2010. С. 62–70; Завьялов, 2011. С. 96–109; Завьялов, 2012. С. 73–85; Завьялов, 2013. С. 88–93; Завьялов, 2014. С. 96–99; Завьялов, 2015. С. 86–90*).

В 2006 г. А.А. Вячин провел охранные археологические раскопки на Нижнем посаде (ул. Скоморошинская, д. 5). Исследованная площадь составила 200 м² (*Вячин, 2007*). Был обнаружен фрагмент подошвы с крокулем, высокий наборный каблук и два каблучных флика. Кроме того, в ямах зафиксированы четыре обувные подковки и их фрагменты (*Вячин, 2007. С. 35, 37, 65*).

Он же в 2007 г. провел охранные раскопки на территории Гончарной слободы (ул. Грибоедова, д. 47–59, площадь 196 м²), где также были найдены обувные подковки и их фрагменты (*Вячин, 2008. С. 11, 14, 22–23, 49, 54, 56–58, 60–61*).

В 2007 г. В.М. Буланкин в ходе наблюдений за работами на ул. Лесопарковская обнаружил обувные подковки (*Буланкин, 2007. Рис. 64*). В отчете приведены иллюстрации кожаных находок: подошвы с высоким наборным каблуком (*Буланкин, 2007. Рис. 66*) и головки (*Буланкин, 2007. С. 36; рис. 75*), которые могут быть датированы XVIII–XIX вв.

В 2007 г. В.П. Челяпов продолжил изучение Нижнего посада (ул. Свободы, д. 4) на раскопе площадью 96 м². Зафиксировано пять обувных подковок (*Челяпов, 2008. С. 42–43, рис. 128, 3–5; 129, 1, 4*).

В.И. Завьялов наряду с исследованиями Житного раскопа проводил наблюдения за земляными и строительными работами в Кремле. В 2007 г. у Духовской церкви был найден сапог с вырезанным голенищем и 22 разрозненные детали сапог (*Завьялов, 2009. С. 96–97, 111*), а в саду Кремля были обнаружены ножны и детали сапог (*Завьялов, 2008. С. 116, 125; рис. 300, 308*).

При работах на Верхнем посаде (ул. Новослободская, 8) в 2010 г. был обнаружен фрагмент подошвы сапога и две обувные подковки (Буланкин, 2010. С. 49; рис. 123).

Стоит отметить охранные работы И.Ю. Стрикалова в 2015 г. на территории Острога (ул. Соборная, площадь 528 м²). На раскопе № 1 было выявлено место утилизации кожаных отходов: в мусорной яме № 14 присутствовало массовое скопление обрезков и изношенных деталей обуви (Раскоп–1, кв. 13). Яма датирована второй половиной XIX – началом XX в., но, вероятно, захватывала и более ранние слои. В коллекцию взяты единичные вещи. В раскопе № 1 это 15 находок, представленных обувными деталями и ремешком. В раскопе № 2 два обрезка, плетень, изделие и 14 обувных подковок.

В 2016 г. В.И. Завьялов начал исследования в юго-восточной части Кремля (ул. Рабочих) на Введенском раскопе площадью 364 м², расположенном, судя по письменным источникам, неподалеку от Введенской башни Рязанского кремля (Завьялов, 2017; 2018; 2019; Фатюнина, 2020; Завьялов, 2021; 2022; Завьялов, Фатюнина, 2023). Работы на раскопе будут продолжаться. Мощность культурных напластований ориентировочно составит свыше 4,5 м.

При работах И.Ю. Стрикалова на Нижнем посаде (ул. Затинная, 60) в 2020 г. (площадь 640 м²) найдено 28 обувных подковок, железная оковка кожаных ножен, наперсток из цветного металла, 87 изделий из кожи, а также сапожный нож, шило, молоток-гвоздодер.

Общее количество проанализированных кожаных изделий с учетом изученных массовых находок из кожи, обнаруженных в различных частях Переяславля Рязанского составило 56644 единицы (прил. 1, табл. 1).

Можно заключить, что в накоплении источниковой базы по Переяславлю Рязанскому прослеживаются два этапа.

Первый, продолжавшийся до 2004 г., характеризуется краткими упоминаниями в отчетах фрагментированных деталей обуви и массовых

материалов из кожи, не подкрепленными статистическими данными, и включением в музейные коллекции железных обувных подковок и единичных кожаных изделий. Исключение составляют работы 1929 г., проведенные членами ОИРК, когда в музей было передано свыше 800 изделий из кожи, в том числе и ремесленные обрезки.

Второй этап, с 2004 г., включает изучение всего массива изделий, связанных с кожевенно-сапожным ремеслом, которые происходят из влажных, хорошо стратифицированных слоев Житного и Введенского раскопов, многотысячные коллекции которых являются эталонными.

1.2. Письменные источники

Несомненный интерес представляют дошедшие до нас, крайне немногочисленные, русские средневековые письменные источники, в которых в разной степени затронута работа с кожей: перечислены ремесленники, указан сырьевой состав, упомянуты технологические процессы и приемы организации ремесла, названы виды обуви.

Содержание различных видов письменных источников (летописи, житийная литература, новгородские берестяные грамоты, писцовые и лавочные (оброчные) книги, актовЫй материал, записки и дневники-словари иностранцев, посещавших или живших в Московии) и анализ упомянутых в них терминов и слов, относящихся к кожевенно-сапожному ремеслу, а также изобразительные материалы подробно рассмотрели в своих диссертационных работах А.В. Курбатов (*Курбатов*, 2012а. С. 23–32) и Д.О. Осипов (*Осипов*, 2012. С. 20–36).

В дополнение к охарактеризованным специалистами источникам можно упомянуть производственный трактат практикующего мастера Теофила Пресвитера (*Теофил*, 1963). В первой книге Манускрипта «*Schedula diversarum artium*» – «Записка о разных искусствах», созданной в конце XI – начале XII в., есть описание методов выполнения отдельных живописных процессов, в частности смешение красок для изображения миниатюр на

пергамене (*Теофил*, 1963. С. 78–80), а также способов изготовления клея из кожи (*Там же*. С. 83–84) и левкаса для кожи (*Там же*. С. 84).

Стоит назвать и персидский трактат середины XII в. «Описание ремесел», популяризатора и компилятора научных достижений Тифлиси (*Тифлиси*, 1976). В этом труде автор приводит рецептуру и технологию окраски кожи и способы снятия краски с сафьяна (*Там же*. С. 92–93).

В качестве сравнительного фона были изучены древнерусские и западноевропейские книжные миниатюры с изображениями различных производств, обращалось внимание и на тенденции изображения обуви.

Так, по факсимильному изданию миниатюр Лицевого летописного свода, который был подготовлен для царской библиотеки в 1568–1576 гг., можно проследить весьма схематичные, без какой бы то ни было архаизации изображения обуви (рис. 3, 1–3). На миниатюрах длинные одеяния часто закрывают обувь, а видимая ее часть передана весьма условно. Обувь простого люда, правящей верхушки, воинов, духовенства, а также обувь на покойниках с XIII по XVI в. одинакова, практически без изменений, отличается лишь по цвету (Лицевой..., 2009. Кн. 7. С. 11, 38, 70, 180, 185, 220; 2014. Кн. 12. С. 75, 77; 2014. Кн. 14. С. 11, 19, 54, 191; 2014. Кн. 15. С. 299, 307; 2014. Кн. 16. С. 169, 339; 2004. Кн. 17. С. 12, 275).

Тем не менее, определенную информацию об обуви XVI века можно получить: низкая обувь на покойном князе (рис. 3, 4), высокие сапоги с двухчастным кососрезанным голенищем на всаднике (рис. 4, 1), высокий каблук у конного князя (рис. 4, 2), несколько загнутый вверх носок сапога (рис. 4, 3), орнаментация головки сапога (рис. 4, 4).

Необычайно ценным источником, показывающим разнообразную ремесленную деятельность представителей важных профессий, в том числе работавших с кожей, в Западной Европе начиная со второй четверти XV и по XIX в., являются миниатюры «Нюрнбергских Домовых книг» (*Hausbuch der Mendelschen Zwölfbrüderstiftung*). Их изучение позволяет реконструировать многочисленные технологические процессы при работе с кожей во время ее

выделки и последующем изготовлении из нее изделий, проследить специализацию мастеров, представить оснащение ремесленных мастерских и применяемый инструментарий, а также увидеть готовую продукцию (рис. 5, 1–4).

Что касается письменных свидетельств Рязанской земли, так или иначе затрагивающих рассматриваемую проблематику, то они малочисленны. Представляют интерес Писцовые книги Рязанского края – документ, содержащий статистические данные, определявшие для правительства общее количество платежей и земельных владений. Большинство материалов, касающихся писцового описания рязанских земель в XVI в., утеряно. Небольшая их часть сохранилась в отдельных выписях, дававшихся частным лицам и монастырям. Основные материалы, в том числе последние писцовые книги XVI в. переписей Т.Г. Вельяминова и В.Я. Волинского, также не сохранились. Некоторые данные дошли в виде приправочных и платежных книг, опубликованных Н.А. Найденовым (1884), В.Н. Сторожевым (1898, 1890) и Г.Н. Анпиловым (1982), А.И. Цепковым (1996).

В Платежных книгах Переяславля Рязанского 1594–1597 гг. указывается, сколько оброка платить с лавок. В этой связи упомянута *«лавка овчинника Сенки, оброку 11 алтын»*, *«пол-лавки архиепископского крестьянина Якуша Сопожникова оброку 3 алтын 4 деньги»*, *«лавка Третьякова дворника Вельяминова Степанка Сапожника»*, *«лавка сопожного мастера Якуша Филипова, оброку 10 алтын»*, *«лавка казенного сторожа Васки Сыромятникова оброку 11 алтын, 4 денги»*, *«лавка Сенки Овчинника, оброку 11 алтын 3 деньги»* (ПКРК, 1898. С. 2). Прослеживается, что лавки принадлежали архиепископскому крестьянину, дворнику, казенному сторожу, совмещавшим свои обязанности с ремеслом и торговлей. Из имеющихся на тот момент в Переяславле Рязанском 74 лавок две являются сапожными, и еще две – овчинными. У двух лавок владельцы *«Сопожников»* и *«Сыромятников»*. Это могли быть фамильные прозвания,

передаваемые по наследству независимо от того, продолжило ли потомство профессию своих родителей или нет.

На городском торге, расположенном на посаде за р. Лыбедью, на площади напротив Рязанских ворот, нет отдельного ряда, который бы специализировался на торговле кожей и обувью. Однако из 29 лавок в соленом ряду одна указана как *«лавка Алексеева дворника Денисьева Микитки Кожевника»* (ПКРК, 1898. С. 4). В крупяном ряду среди 11 лавок есть *«лавка Климка Сапожника Ондреева дворника Солового»* (ПКРК, 1898. С. 4). В мясном ряду из «37 полков» присутствует *«полок затинщика Микитки Кожина»* (ПКРК, 1898. С. 5). Кроме того, на торге был *«стул Иванка Сапожника»* (ПКРК, 1898. С. 7). Можно заметить, что торговые помещения принадлежали дворникам и служилому человеку по прибору.

В Приправочных книгах Переяславля Рязанского за 1596–1598 гг. встречаются упоминания владельцев дворов: *«Онтипка сапожник»* (ПКРК, 1898. С. 371), *«Гришка сапожник»* (ПКРК, 1898. С. 371), *«бобыль Ивашко седельник»* (ПКРК, 1898. С. 371).

В Сотных грамотах и Писцовых выписях XVI в. во Владычной слободке указаны различные ремесленники, обслуживавшие епископский двор и одновременно торговавшие на рынке. Это двор *«Ромашка овчинника»*, *«Иванка овчинника»*, *«Гридки овчинника»*, *«Максимка шубника»*, *«Ортемка овчинника»* (ПКРК. 1900. С. 428), *«Митки седельника»* (ПКРК. 1900. С. 430).

В Рязанском уезде, в Пониском и Перевитцком станах, отмечен *«двор Степанко Овчинников, да брат его Митко Овчинников»* (ПКРК. 1900. С. 520), *«двор Гаврилко Микулин да брат его Кузка Овчинниковы»* (ПКРК. 1900. С. 520), *«двор Игнатко Овчинников»* (ПКРК. 1900. С. 520), *«двор Ларка Григорьев сын Овчинников»* (ПКРК. 1900. С. 688). Можно предположить, что занятие по выделке овчины было устойчивым, им занималось нескольких поколений в семье, но утверждать это нельзя.

В Окологородном стане на архиепископской вотчине в слободе перечислены овчинники: *«во дворе Янка да Ивашка Семеновы дети*

Овчинниковы с племянником с Полуехтком да Ульянка дети Панка да Сидорка» (ПКРК. 1900. С. 713) и сапожники: *«во дворе Ивашка Яковлев с племянником с Климком Федоровым, во дворе Ортюшка Онтин, во дворе Пронска Офонасьев»* (ПКРК. 1900. С. 713).

Здесь стоит отметить, что особо многочисленны ремесленники рассматриваемых специализаций у владыки.

В источниках XVII в. упоминания кожевников и сапожников становятся более частыми. В Писцовой книге 1626 г. в Выползовой слободке указаны дворы и их владельцы: *«посадский человек Яков Полосин да сын Фомка кожевник»* (Рязань... 1884. С. 7), на Большой улице *«Богдан Крылов овчинник»*, *«Ероха Осипов сын овчинник»*, *«Мелешка Лукьянов сын сапожник»*, *«Кирило Петров сын да племянник его Мелешка Лукьянов сын сапожник»* (Рязань... 1884. С. 8), в Затинной слободке *«Третьяк Овдокимов сын сыромятник»* (Рязань... 1884. С. 9), в городе *«Михалко сапожник»*, *«Пиминко Офонасьевич сын седельник»* (Рязань... 1884. С. 10).

На посаде города были дворовые пустые места: *«посадского человека Юрки Иванова сына сапожника»*, *«во дворе пушкарь Иван Чейкин живет на черном месте Федора овчинника»* (Рязань... 1884. С. 11). Интересны и причины появления этих пустующих мест, например: место *Лучки сапожника* запустело от черкасского разорения (Рязань... 1884. С. 11), которое было в 1618 г., что *«черкашенин Иван Иванов... живет на черной земле чернослободца Нечайки овчинника»* (Рязань... 1884. С. 11), а *«Тимошка кожевник умер в черкасский приход»* (Рязань... 1884. С. 12).

В Кремле у Рязанских ворот упомянуты лавки *«Янки Семенова сына Овчинника»* (Рязань... 1884. С. 13), *«посадского человека Лукьяновской жены сапожника вдовы Параскевы»*, *«лавка архиепископского крестьянина Якуньки Семенова сын Овчинника»*, *«лавка пушкаря Богдашка Овчинника»* (Рязань... 1884. С. 13–14), а также *«онбар посадского человека Ерохи Овчинника, а прежде того был Девятки овчинника»* (Рязань... 1884. С. 15) и

«онбар посадского человека Евтюшки Орехова Овчинник» (Рязань... 1884. С. 17).

В Переписной книге 1646 г. в Черных слободах посадских людей указаны: *«во дворе Сидорка Овчинник»* (Рязань... 1884. С. 23); на дворничестве *«Трофимка Седельников»*, *«Федотка Овчинник»* (Рязань... 1884. С. 24). В Посадской слободе домовые овчинники: *«во дворе Панка Яковлев»*, *«во дворе Сидорко Яковлев»* (Рязань... 1884. С. 26).

Так, на 1626 г. указаны два кожевника, сыромятник, пять сапожников, десять овчинников и седельник.

Стоит отметить, что по материалам Окладной книги церквям, монастырям Рязанской и Муромской митрополии 1676 г. есть информация по дворам посадских людей, причем упомянуты и дворы ремесленников таких специальностей, как серебряник, кузнец и кирпичник¹. К сожалению, данные о кожевниках и сапожниках там отсутствуют.

В Переписной книге 1677 г. в Переяславле Рязанском отмечены *«Васка Павлов сын Авчинников... живут на церковной земле»* (Рязань... 1884. С. 30) и *«седельник Родька Иванов»* (Рязань... 1884. С. 38).

Писцовая книга 1696 г. содержит данные о нахождении в Выползовой слободке двора *«посадского человека Кирюшки Васильева сына Кожевникова»* (Рязань... 1884. С. 54).

В Переписной книге 1718 г. появляется отдельный сапожный ряд: это *«лавка посацкого человека Алексея Рубцова, оброку 5 алтын 2 денги; ныне Кузмы да Федора Рубцовых; лавка посацкого человека Емельяна Шестова, оброку 4 алтын 2 денги; анбар посацкого человека Григорья Рубцова, оброку 2 алтын 4 денги; ныне Якова Хлопова; лавка Акима Понахидина, оброку 2 алтын 4 денги; ныне Якова Хлопова; лавка посацкого человека Василья Гордеева, оброку 5 алтын 2 денги; ныне Федора Рубцова; лавка посацкого человека Лариона Винокурова, оброку 5 алтын 2 денги; ныне половина*

¹ Автор выражает благодарность руководителю Центра научных исследований РИАМЗ, к.и.н. И.Г. Кусовой за информацию.

Федора Кокина, другая Федосея Гордеева; лавка с 2 затворы посацкого человека Аникея Винокурова, оброку 4 алтын 1 денга; ныне за Федосеем Гордеевым; лавка посацкого человека Аникея Винокурова, оброку 2 алтын с ½ денги; ныне Федосея Гордеева; лавка с 2 затворы вдовы Ирины Ивановской жены Третьякова, оброку 4 алтын; ныне Ивана Рубцова; лавка посацкого человека Ананьи Терентьева, оброку 2 алтын 2 денги» (Рязань... 1884. С. 141), «анбар посацкого человека Григорья Третьякова, оброку 5 алтын 2 денги» (Рязань... 1884. С. 144).

Анализ упомянутых фамилий владельцев лавок сапожного ряда позволяет предположить, что складывались целые династии: Рубцовы, Гордеевы, Винокуровы, Третьяковы. Нельзя не обратить внимания на наличие в перечне женщины – после смерти мужей вдовы продолжали держать лавки.

Всего в сапожном ряду было «десять лавок», «анбар» и «пустой анбар» (Рязань... 1884. С. 145). Если сравнить с количеством лавок у других ремесленников, то меньше лавок было только в серебряном ряду (четыре), а, к примеру, в горшечном ряду числится 23 амбара.

Кроме того, в Переписной книге 1718 г. среди посадских людей бездворных, оскудалых и малоплатежных указан «Алексей Васильев сын Овчинников» (Рязань... 1884. С. 145).

Таким образом, изучение немногочисленных сохранившихся рязанских письменных источников позволило проследить специализацию переяславль-рязанских ремесленников, их социальный статус и топографию расселения в городе.

1.3. Этнографические источники

Для уточнения возможных особенностей обработки кожи были учтены этнографические данные по выделке кож у разных народов страны.

Здесь особо стоит отметить колоссальную работу, проделанную Г.Ф. Миллером по изучению сибирских народов в 1733–1743 гг. (Миллер, 2009). В

знаменитых «Портфелях Миллера» есть листы, содержащие информацию по подготовке кожи для изготовления сосудов и обуви, одежды, бытовых вещей, а также по выделке шкур (*Миллер*, 2009. С. 283–284, 286–291).

Интересные сообщения представлены в многотомном труде 1799 г. И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», на страницах которого можно найти краткие сведения о работе с кожей у целого ряда народов.

Ф. Нансен по результатам экспедиции 1888–1889 гг. в Гренландию оставил важные наблюдения по обработке кож эскимосками (*Нансен*, 1937. С. 282, 285). Ценную информацию по быту эскимосов и, в том числе, по обработке кож собрал Р. Амундсен во время полярной экспедиции 1903–1906 гг. (*Амундсен*, 1935. С. 212, 217–218, 237). Необходимо отметить, что установление назначения отпечатков зубов ремесленников на поверхности кожи по материалам Переяславля Рязанского стало возможным во многом благодаря этнографическим сведениям о работе малых коренных народов с кожей.

Изучены опубликованные этнографические данные по выделке кож и изготовлению кожаных изделий и обуви у народов Сибири (*Патачков*, 1958. С. 35–37; *Василевич*, 1963; *Чернецов*, 1987. С. 79, 122; *Иванова-Унарова*, 2005. С. 173–178), Нижнего Амура (*Глебова*, 2017. С. 99–108; 2019. С. 94–112).

Первое обобщающее исследование по этнографии русских, украинцев и белорусов сделано Д.К. Зелениным (*Зеленин*, 1991. С. 215–221, 267–270). Он привел данные по традиционным способам выделки кожи, типам обуви и ее названиям, кожаным изделиям восточнославянских народов.

Этнографические материалы по кожевенно-обувной проблематике применительно к рязанскому региону крайне малочисленны. В коллекции фотодокументов РИАМЗ имеются изображения работы кустарей Рязанской губернии по выделке шкуры (рис. 6–9), по сапожному (рис. 10) и шорному производствам (рис. 11). Фотографии запечатлели сапожную мастерскую,

которая занимала часть жилого дома, ремесленника, работавшего вместе с учеником, а также готовую продукцию и обувь, бытовавшие в самом начале XX в., специализированный инструментарий (рис. 10).

По этнографическим наблюдениям, в Рязанском крае в XIX в., а в южных районах и в начале XX в., наиболее распространенной летней и зимней обувью у мужчин и женщин были лыковые лапти (*Чижикова, 2009. С. 472*). Кожаная обувь начала пользоваться популярностью с конца XIX в. В одних селениях она долго являлась праздничной выходной обувью, а в других вытесняла лапти. Мужские кожаные сапоги имели высокое голенище, набираемое в сборку, пришивную подошву. Праздничной женской обувью были открытые туфли с небольшим каблучком и железными подковками на подошве, украшенные медными пистонами, а также строчкой из разноцветных ниток или аппликациями из цветного сафьяна. Такие туфли обычно носили с длинными вязаными шерстяными чулками, собираемыми на ногах гармошкой (*Чижикова, 2009. С. 474*).

Стоит отметить, что в этнографических данных по Рязанской губернии отражены обряды, связанные с обувью (*Маслова, 1984. С. 27, 66*).

Таким образом, ввиду скудости письменных и этнографических свидетельств, крайней малочисленности средневековых изобразительных материалов, основой для изучения вопросов кожевенно-сапожного производства Переяславля Рязанского стали археологические коллекции.

ГЛАВА 2. Историография изучения кожевенно-сапожного ремесла.

2.1. Отечественная историография

Историографический очерк рассматривает работы отечественных ученых, исследовавших кожевенно-сапожное ремесло в рамках изучения ими ремесленного производства как такового. Интерес к этому вопросу появился еще в середине XIX в., и за прошедшие 170 лет накопилось внушительное количество литературы по проблемам древнерусского кожевенного и сапожного ремесел.

Еще Б.А. Рыбаков в 1948 г. указал на три этапа развития взглядов на русское ремесло (в том числе и кожевенно-сапожное), начиная с первой половины XIX в. и по конец 1940-х годов (*Рыбаков, 1948. С. 22*). Периодизация Б.А. Рыбакова была продолжена А.В. Курбатовым, выделившим четвертый и пятый этапы изучения кожевенно-сапожного дела (*Курбатов, 2018д. С. 352–355*).

В настоящее время представляется целесообразным разделить всю историю изучения рассматриваемой темы на шесть этапов, для каждого из которых характерен различный уровень исследованности вопроса в зависимости от наличия источников и степени разработки методики их освоения, наличия фундаментальных обобщающих трудов и новых исследовательских подходов. В частности, пятый этап следует обозначить началом 90-х гг. XX в. – серединой 10-х гг. XXI в., когда обоснованно вводится в научный оборот понятие эталонной археологической коллекции кожи и создается методика работы с ней, определяются возможности эталонной коллекции и приводятся результаты ее изучения. Обозначенная А.В. Курбатовым тенденция привлечения данных различных исторических дисциплин для палеоэтнографических и палеосоциологических реконструкций (*Курбатов, 2018д. С. 355*) может быть отнесена к современному, шестому этапу.

Учитывая вышеизложенное, отмечу выделяемые этапы:

I этап, вторая половина XIX – начало XX в., первоначальное накопление материала, упоминания о находках кожаной обуви и изделий в курганах, общие работы о ремесле по данным письменных и этнографических источников, издание руководств по кустарному производству обуви;

II этап, 30–40-е гг. XX в., выявление кожевенно-сапожных ремесленных производств при раскопках поселений, формирование первых коллекций кожаной обуви, краткие упоминания кожевенно-скорняжного дела в рамках изучения древних ремесел;

III этап, 50-е гг. XX в., появление первых специализированных работ по кожевенно-сапожному ремеслу, обусловленное обнаружением материалов при масштабных археологических исследованиях советских городов;

IV этап, конец 50-х – начало 90-х гг. XX в., внедрение естественнонаучных методов, тематические публикации на значительном массиве кожаных изделий, разработка методики работы с обувью;

V этап, 90-е – начало 2000-х гг., широкий территориальный охват изучения материалов, комплексный характер исследований, эталонные коллекции археологической кожи, узкотематическая направленность рассматриваемых вопросов;

VI этап, середина 10-х – 20-е гг. XXI в., обобщающий характер работ, внедрение новых методик исследований археологической кожи, расширение рассматриваемой проблематики.

Предлагаю подробную характеристику основных научных публикаций каждого из перечисленных выше этапов.

I. Долгое время специалисты не интересовались развитием ремесла, что можно объяснить чрезвычайной скудостью данных. Письменные источники практически не содержат сведений об организации ремесла, в них имеются лишь отдельные упоминания ремесленников или готовых ремесленных изделий.

Первые специальные исследования по древнерусскому ремеслу, во многом основанные на анализе летописей, актов, житий и других сочинений

религиозного характера, принадлежат И.Е. Забелину. В его публикации о работе по металлу можно встретить и упоминания басменной кожи и сафьяна как материала пригодного для техники тиснения узора (*Забелин*, 1853. С. 40–41). Стоит отметить, что в 1862 г. Забелин подробно описал жизнь царей в XVI–XVII столетиях и охарактеризовал их обувь – чеботы и башмаки из сафьяна и бархата, расшитые золотным и серебряным шитьем, жемчугом и камнями, при необходимости утепленные войлоком или бобровым мехом (*Забелин*, 1915. С. 467–470). В 1869 г. уделил внимание нарядам и изящной обуви цариц из бархата, атласа, сафьяна, расшитой золотом и камнями. Он кратко указал и на более простую кожаную обувь придворных женщин (*Забелин*, 1869. С. 638–641).

Более обобщающим и информативным стал труд Н.Я. Аристов *«Промышленность Древней Руси»*, опубликованный в 1866 г., в основе которого лежал обширнейший свод письменных источников. В подразделе *«Меховой промысел»* названы животные, шкура которых шла на изготовление одежды (*Аристов*, 1866. С. 145–149). В следующем за этим подразделе *«Кожевенные изделия»* Н.Я. Аристов указывает ремесленников, работавших с кожей, приводит названия обуви и перечисляет изделия, выполнявшиеся из кожи (*Там же*. С. 149–153). На основании скудных данных письменных источников и ввиду отсутствия археологических материалов Н.Я. Аристов дает низкую оценку уровню развития промышленности (*Там же*. С. 259–260).

С середины XIX в. появляются первые руководства по кожевенному производству, которые включали в себя описание технологии подготовки кож к выделке, способы выделки кож и шкур разного вида и последующие за этим процессы обработки; описывали оснащение специализированных ремесленных мастерских, сорта выделанных кож (*Скобликов*, 1852; 1865). Появление подобных практических руководств было вызвано развитием отрасли.

Что касается археологических источников, то во второй половине XIX – начале XX в. шло только первоначальное их накопление. Начиная с 80–90-х гг. XIX в. в основном исследовались курганы, широкомасштабные раскопки которых проводились на всей территории страны. Указание на единичные факты обнаружения обуви и части костюма в курганах и могильниках сопровождалось их описанием (*Антонович*, 1893. С. 16; *Черепнин*, 1895. С. 106; 1898. С. 56–58).

Большое значение в развитии представлений о кожевенно-сапожном производстве имела монография Г.Г. Поварнина «Очерки мелкого кожевенного производства в России», опубликованная в 1912 г. (*Поварнин*, 1912). Автор привлек все доступные ему письменные источники и обширный этнографический материал. На фоне истории обработки кожи народами Сибири, Кавказа, Средней Азии, Северной и Западной России, а также зарубежных стран Г.Г. Поварнин проанализировал статистические сведения по кустарному производству в Европейской части России и привел все многообразие кустарных рецептов выделки кож, что позволило ему реконструировать технологию процесса.

Кроме того, в начале XX в. появляется все больше справочников и пособий, включающих этнографические материалы по кустарному кожевенно-сапожному производству, а также руководств по индивидуальному пошиву кожаной обуви (*Введенский*, 1907; *Кривцов*, 1912; *Журин*, 1915; *Гданский*, 1917; *Салин*, 1924).

Таким образом, специфика выделяемого этапа обусловлена привлечением доступных письменных источников с опорой на этнографические данные по кожевенно-сапожному ремеслу, что позволило описать технологические особенности ремесла.

II. Рубеж 20–30-х XX в. стал переломным этапом в изучении древнерусского ремесла. В ходе острых дискуссий о путях развития советской археологии специалисты наметили новую проблематику славяно-русской археологии. Ставилась задача реконструкции общественно-

экономических формаций и изучения социальной организации древних обществ с привлечением археологических источников. Для выяснения роли производительных сил общества начинают изучаться производственные сооружения и ремесленный инструментарий, технологические аспекты работы мастера, готовая ремесленная продукция. Увеличивающийся объем археологических работ на поселениях способствовал выявлению производственных мастерских и массовой продукции ремесленников.

На основании изучения материалов, полученных в ходе начавшихся в 1932 г. под руководством А.В. Арциховского систематических раскопок Новгорода, было определено существование различных ремесел, в том числе и специализировавшихся на работе с кожей. Дополнительную информацию Артемию Владимировичу дало привлечение новгородских писцовых и лавочных книг, позволивших выявить специализацию мастеров, занятых в кожевенно-сапожном производстве, их локализацию на территории города и проследить их процентное соотношение по отношению к другим ремесленникам (*Арциховский*, 1939. С. 3–15).

Первой попыткой осмысления находок из кожи, обнаруженных новгородской экспедицией, стала публикация Л.И. Якуниной (*Якунина*, 1947. С. 38–48), посвященная обуви XII–XIV вв. Из-за начальной стадии изучения находок кожаной обуви и широкого географического разброса привлекаемых этнографических данных в качестве аналогий, в работе имелись неверные суждения. Это касалось таких частных моментов, как датировка отдельных обувных фасонов (сапоги с тиснением на головках, сапоги с наборным каблуком) или повторение вслед за А.В. Арциховским, А.И. Черепниным ошибочных определений подошвы как двухслойной, тогда как имелось расслоение кожи этой детали (*Фатюнина*, 2018. С. 168).

Накопленный в процессе массовых раскопок древнерусских поселений в 30–40-х гг. XX в. археологический материал вызвал необходимость соединения и обобщения письменных и вещественных данных по ремесленному производству Древней Руси. Это было сделано Б.А.

Рыбаковым в его фундаментальном труде «Ремесло Древней Руси» (Рыбаков, 1948). В разделе «Разные ремесла» Борис Александрович небольшое внимание уделяет кожевенному и скорняжному делу, а именно: перечисляет изделия, виды кож, затрагивает терминологический аспект, описывает открытую А.В. Арциховским новгородскую ремесленную мастерскую, касается вопросов технологии выделки кожи и указывает на специализированный инструментарий (Рыбаков, 1948. С. 400–403).

В рамках рассматриваемого этапа принципиально новым в исследованиях является привлечение вещественных материалов в дополнение к известным письменным источникам.

III. Накопление археологических материалов привело к появлению в 50-х гг. XX в. серии как самостоятельных работ по кожевенно-сапожному делу, так и его упоминание в рамках обобщающих монографий по археологии городов.

В опубликованных материалах представлены кожаные предметы, преимущественно обувь, обнаруженные в процессе археологических раскопок в Заполярье (Якунина, 1951. С. 179–186), Москве (Григорьев, 1953. С. 350–352), Гродно (Воронин, 1954, С. 61–63), Ленинграде (Грач, 1957. С. 4).

Наличие специализированных публикаций по кожевенно-сапожному производству подчеркивает интерес к тематике и способствует его дальнейшему изучению.

IV. С конца 50-х гг. XX в. начинается новый этап развития научных представлений о древнерусском ремесле. Он характеризуется широким применением методов естественных наук и внедрением экспериментов для уточнения технологии выделки кожи.

Обнаружение многочисленных обувных деталей при раскопках московского Зарядья привело к привлечению к археологическим исследованиям группы профессиональных обувщиков-технологов под руководством профессора Московского Института текстильной и легкой промышленности Ю.П. Зыбина. В результате с профессиональной точки

зрения были описаны способы обработки кожевенного сырья, технические приемы раскроя, пошива и декорирования разных видов обуви, их изменение во времени (*Зыбин*, 1958а; 1958б; 1960; 1961). Также были сделаны анализы по химическим и физико-механическим параметрам кожи и объяснены результаты экспериментального тестирования образцов.

Технологические процессы производства кожи была охарактеризованы В.П. Левашевой на основе изучения кожаных предметов из древнерусских городов и курганных могильников (*Левашева*, 1959. С. 38–53). Она предприняла попытку определения видов сырья и сорта кожи по качеству ее обработки и выделила обувные фасоны.

Первая специальная работа по изучению организации кожевенно-сапожного ремесла и классификации кожаной обуви была проделана С.А. Изюмовой по новгородским материалам XI–XVI вв. (*Изюмова*, 1959. С. 192–222). Она рассмотрела все имеющиеся на тот момент археологические свидетельства организации ремесла и технического оснащения кожевенных и сапожных мастерских с привлечением письменных, изобразительных и этнографических источников. Это позволило автору сделать заключение о разделении кожевенного и сапожного ремесел в XII–XIII вв. (*Там же*. С. 221). В публикации уделено внимание технологии сапожного ремесла, впервые учтено большое количество материалов и приведена статистика по ярусам застройки, выделены типы обуви и прослежены ее конструктивные изменения и способы орнаментации. Рассмотрены и другие многочисленные кожаные изделия. Кроме того, затронуты и такие вопросы, как виды специализаций по работе с кожей, способы реализации продукции, места расселения ремесленников, обучение ремеслу.

Дальнейшее развитие представлений об эволюции сапожного производства связано с исследованиями Е.И. Оятевой обуви Пскова (*Оятева*, 1962. С. 77–94) и Старой Ладogi (*Оятева*, 1965. С. 42–59). Критический подход к иностранной литературе, выявление дискуссионных моментов позволили применить схему технолого-типологического развития

применительно и к материалам из Польши (*Оятева*, 1970. С. 112–118). Учет зарубежного опыта, работа с материалами разных городов привели к разработке методики описания обуви, включающих способы ее вербального и графического отображения (*Оятева*, 1973. 105–111). Изучение семантики показало определенную схожесть обрядовых действий, связанных с обувью, у ряда народов (*Оятева*, 1978. С. 86–92), а разбор иностранных публикаций по истории сапожного ремесла подтвердил возможность применения к обуви типологии по технологическому признаку (*Оятева*, 1979. С. 125–129).

Количественное увеличение кожаных предметов из раскопок ряда древнерусских городов привело к качественно новому уровню их изучения. Помимо характеристики видов обуви и упоминания других изделий из кожи, рассмотрения вопросов разделения кожевенного и сапожного ремесел, кожа как материал исследовалась с помощью физико-механических испытаний и химических анализов. Здесь стоит отметить публикации Г.В. Штыхова по материалам Полоцка (*Штыхов*, 1963. С. 240–246; 1975. С. 72–80), О.Н. Левко по находкам в Витебске (*Левко*, 1984. С. 97–101). Работы демонстрируют, что тенденции 1960-х годов по активному внедрению естественнонаучных методов в археологию затронули и такой материал, как кожа.

С расширением географии археологических работ и увеличением хронологических рамок исследуемого материала возрастает количество публикаций: вводятся в научный оборот находки Москвы (*Рабинович*, 1964. С. 100–116, 286–288; 1988. С. 172–177), Берестья (*Лысенко*, 1985. С. 287–303), Риги (*Бебре*, 1987. С. 25–31), Болгара (*Хлебникова*, 1988. С. 244–253), Торопца (*Фоняков*, 1989. С. 85–90), Полоцка и Минска (*Тарасов*, 1989. С. 164–175), Смоленска (*Полонская*, 1991. С. 105–124), Новгорода (*Гайдуков*, 1992. С. 110).

V. С 90-х гг. XX в. исследование кожевенно-обувной проблематики во многом связано с именем Александра Валентиновича Курбатова, чья плодотворная деятельность охватила значительное количество городов: Ивангород (*Курбатов*, 1991а. С. 71–77; 1995а. С. 198–208), Псков (*Зубкова*,

Курбатов, 1992. С. 39–42), Тверь (*Курбатов*, 1994а. С. 189–195), Старую Ладугу (*Курбатов*, 1996. С. 105–113).

А.В. Курбатов обозначил методические подходы к работе с кожаными коллекциями и отметил важность сбора всего объема находок (*Курбатов*, 1991б. С. 130–140; 1997а. С. 277–290). Он неоднократно подчеркивал необходимость полного сохранения всего блока находок, включая и многочисленные обрезки от раскроя (*Курбатов*, 1997а. С. 277–278), сформулировал признаки эталонной коллекции, материалы которой важны для характеристики ремесла в том или ином городе (*Курбатов*, 1997д. С. 51–68). Единицей камерального изучения кожаных предметов, по его мнению, являются не отдельно взятые находки (*Курбатов*, 1997а. С. 277–278), а весь комплекс в рамках условной археологической полевой таксономии (пласт, квадрат, слой, ярус), а также в рамках историко-культурных единиц – двора (усадыбы), улицы, района, города. Александр Валентинович на примере псковских находок показал возможность точного датирования комплексов кожаных изделий по конструктивным и стилистическим признакам (*Курбатов*, 2008в. С. 210–233), разработал программу изучения средневекового русского кожевенного ремесла (*Курбатов*, 2011а. С. 157–158).

В целях выяснения отдельных технологических моментов кожевенного производства А.В. Курбатов привлек этнографические данные по рецептурам выделки кож (*Курбатов*, 1997г. С. 367–373).

Изучение кожевенно-обувного ремесла северо-западного региона на основании анализа коллекций кожаной обуви из Ивангорода, Пскова, Старой Ладуги, Орешка и Твери (*Курбатов*, 1995б. С. 64–67; 1997б. С. 117–128) стало темой его кандидатской диссертации «Кожевенное производство северо-запада России в XV–XVII вв.» (1997), первого серьезного исследования по русскому кожевенному ремеслу.

А.В. Курбатов подготовил первую отечественную монографию «Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок

Тверского кремля 1993–1997 гг.)», основанную на многолетнем изучении, описании и систематизации эталонной многотысячной (более 90000) тверской коллекции изделий из кожи (Курбатов, 2004а), где приведена методика полевой и камеральной обработки материалов, уточнена сырьевая база средневекового русского кожевенного производства, определены участки, где располагались кожевенно-обувные мастерские, установлено, что часть производственных отходов утилизировалась в ямах в пределах двора.

А.В. Курбатов охарактеризовал коллекцию кожи из новгородского Рюрикова городища, отражающую различные периоды жизни на этой территории (Курбатов, 2004б. С. 218–225; 2007б. С. 89–133), материалы раннесредневековой Ладоги (Курбатов, 2009б. С. 189–202), позволившие провести сравнительный анализ двух раннегородских центров – Хедебю и Ладоги (Курбатов, 2016б. С. 49–71). Он не только продолжил исследования кожаных изделий из Твери (Курбатов, 2006в. С. 42–72), Пскова (Курбатов, 2013б. С. 478–500), но и охватил другие города: Полоцк (Курбатов, 1999а. С. 100–117), Торжок (2003б. С. 148–158), Новогрудок (Курбатов, 2013а. С. 168–175). Проследил региональные особенности обувных моделей на примере Таллина (Курбатов, 2006а. С. 264–272).

Кроме того, А.В. Курбатов подробно рассмотрел все виды русской обуви:

- погребальная и ее особенности (Курбатов, 2002. С. 155–172; 2014а. С. 161–168),
- повседневная и время ее появления – лапти (Курбатов, 2001б. С. 225–233), валенки (Курбатов, 2005б. С. 43–48; 2006б. С. 31–33),
- плетеная и вязаная (Курбатов, 2015а. С. 28–33),
- предохранительная (надеваемая поверх обычной с целью ее защиты от сырости и грязи) в мировом контексте с предположением, что отдельные аналоги могли быть и в средневековой Руси (Курбатов, 2011в. С. 241–250),
- специальная воинская (Курбатов, 2010а. С. 416–431).

А.В. Курбатов выявил такую категорию, как рабочая одежда и обувь. Под рабочей подразумевается предназначенная для «грязных» работ, а под специализированной – для определенных видов хозяйственной или ремесленной деятельности, а также для промыслов. Кроме того, он указал на наименования рабочей и специализированной одежды и обуви в письменных источниках (*Курбатов*, 2010д. С. 232–248; 2011б. С. 203–215).

Есть и специальные публикации Александра Валентиновича по вопросам складывания профессиональной кожевенной терминологии с целью введения ее в научный оборот из общих и региональных словарей русского языка, берестяных грамот, записей русских слов и выражений, составленных жившими в России иностранцами (*Курбатов*, 2001а. С. 399–416).

А.В. Курбатов подробно осветил сырьевую базу: виды кожевенного сырья, его сбор и отбраковку; доставку к ремесленнику; сортамент кожевенного товара в средневековой России (*Курбатов*, 2010б. С. 169–218). Он охарактеризовал оснащение процесса выделки и разобрал терминологию, упоминающуюся в русских средневековых письменных источниках и в этнографических записках, а также рассмотрел видовой состав животных, из шкур которых выделывали кожи, связь животноводства и профессионального кожевенного ремесла (*Курбатов*, 2012б. С. 103–115). Значительное внимание уделил сложной теме ремесленного ученичества с привлечением письменных свидетельств и археологических находок, что позволило выделить ученические материалы, рассмотреть вопросы организации ремесла и специализации ремесленников (*Курбатов*, 2003а. С. 169–182; 2007в. С. 306–319). Проследил этапы совершенствования ремесла (*Курбатов*, 2008б. С. 472–476) и выявил специализацию производственного комплекса (*Курбатов*, *Мирецкий*, 2011. С. 273–282).

Исследователь уточнил время и особенности появления техники тиснения, описал оттиски матриц металлическими пуансонами по влажной

коже на поясах и парамандах – принадлежностях облачения монаха (Курбатов, 2009а. С. 195–211).

Он обнаружил товары западноевропейского импорта среди материалов Твери (Курбатов, 1997в. С. 75–78), затронул вопросы восточного влияния на кожевенное производство Руси, выразившееся в обуви новых форм, декоре кожаных изделий и восточной терминологии (Курбатов, 2000. С. 82–86), а также выделил инокультурные (западные и восточные) кожаные предметы в русских городах и русские изделия за пределами Руси (Курбатов, 2011г. С. 183–196).

А.В. Курбатовым опубликованы статьи по результатам изучения кожаной обуви первого русского города в Западно-Сибирском Заполярье – Мангазеи (Курбатов, Овсянников, 1999б. С. 245–271; 2010в. С. 211–230), где прослежена как общерусская, так и местная традиция в изготовлении обувных фасонов. Впоследствии кожаные изделия Мангазеи легли в основу коллективной монографии, в которой приведено внушительное количество предметов из органических материалов из раскопок 2001–2007 гг., прекрасное состояние которых обусловлено промерзшим культурным слоем (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011). Коллекция кожи включала не только обувь, но и рукавицы, ножны, детские игрушки, изучение которых позволило узнать об отдельных сторонах материальной культуры первых русских поселенцев Сибирского Заполярья, таких как костюм мангазейцев, использование кожаных изделий в строительных обрядах. Монография существенно дополнила издание 2008 г., основанное на результатах работ в Мангазее в 2001–2004 гг. (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 79–85, 118–120).

А.В. Курбатов проследил связь развития кожевенного ремесла с этапами освоения Русского Севера, в процессе которого русское население не только перенимало элементы быта аборигенов, связанные со спецификой существования в экстремальных условиях, но и привносило свою технику и технологию в кустарные ремесла, что проявилось в особом раскрое обуви (Курбатов, 2007а. С. 157–165).

В целом работы А.В. Курбатова отражают возрастающий интерес к теме кожевенно-обувного ремесла и неоднозначность имеющихся трактовок (Курбатов, 2012в. С. 162–173).

А.В. Курбатов подготовил научные рецензии на работы по средневековой обуви ряда европейских (Курбатов, 1992. С. 220–224; 1994б. С. 225–230; 2005а. С. 231–244; 2010г. С. 212–223; 2013в. С. 246–254; 2014б. С. 350–360; Матехина, Курбатов, 2004. С. 350–357) и русских городов (Курбатов, 2008а. С. 246–254; 2016а. С. 213–221). Эти статьи подчеркивают широкий охват исследователем всех имеющихся публикаций как для расширения круга археологических аналогов, так и для выявления региональных особенностей.

Немного позже, с середины 1990-х гг., исследованием обувной тематики начинает заниматься Дмитрий Олегович Осипов. Он изучал кожевенно-сапожное ремесло по материалам Москвы: конструктивные схемы раскроя и сборки обуви (Векслер, Осипов, 1997. С. 291–296), обувные подковки (Векслер, Лихтер, Осипов, 1997. С. 114–119), кожаную обувь (Векслер, Осипов, 2000. С. 160–165; Векслер, Осипов, 2004. С. 333–342), следы сапожной мастерской (Векслер, Осипов, 1999. С. 142–151). Исследователь обратил внимание на большой информационный потенциал археологических коллекций кожи (Осипов, 2003. С. 17–30). Были даны методические рекомендации по описанию и классификации кожаной обуви (Осипов, Лихтер, 2004). Дмитрий Олегович изучил конструктивные особенности обуви из Коломны (Осипов, 2005а. С. 45–53), Владимира (Осипов, 2007. С. 134–144), Великого Новгорода (Осипов, Петров, 2011. С. 111–115).

Д.О. Осипов в монографии «Обувь московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований» систематизировал и обобщил обувь Москвы и Подмосковья значительного хронологического периода, описал технологию изготовления обуви, проследил смену обувных фасонов, привел методику описания обуви с конкретными примерами (Осипов, 2006).

Ряд его публикаций посвящен выявленным элементам снаряжения для охоты с ловчей птицей, относящейся к великокняжеским и царским «потехам» (Осипов, 2009. С. 237–250; Осипов, Фёдоров, 2010. С. 24–29; Фёдоров, Матехина, Осипов, 2011. С. 199–211; Осипов, 2013а. С. 141–145).

Д.О. Осипов рассмотрел ряд актуальных дискуссионных вопросов. В частности, усомнился во времени появления и распространения лаптей на Руси (Осипов, 2010а. С. 303–308) и разделения кожевенного и сапожного ремесел, (Осипов, 2010б. С. 206–217). Предложил трактовки отдельных категорий кожаных находок: охотничьей обуви, различных усилительных накладок (Осипов, 2011а. С. 184–192), монашеской обуви (Осипов, 2011б. С. 170–171; 2011в. С. 51–54).

По письменным источникам Д.О. Осипов осветил кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода (Осипов, 2012а. С. 96–103); проследил влияние западноевропейской и восточной моды на формирование фасонов русской обуви (Осипов, 2012б. С. 240–250).

В 2012 г. А.В. Курбатов («Кожевенное ремесло в средневековой России») и Д.О. Осипов («Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование)») защитили докторские диссертации, где сформулировали основные выводы по результатам исследований. Специалисты разошлись во мнениях по вопросам периодизации сапожного ремесла. Выделяемый А.В. Курбатовым период XIV – первой половины XVI в. как особый хронологический этап сапожного ремесла (Курбатов, 2012а. С. 213–215) не поддержан Д.О. Осиповым ввиду отсутствия, на его взгляд, макроэволюционных изменений обувной конструкции (Осипов, 2012. С. 178–179).

Разница во взглядах есть и в вопросе о времени разделения кожевенного и сапожного направлений в ремесле. Результаты анализа следов производственных отходов и критический разбор упомянутых ремесленных мастерских в отчетах по результатам раскопок позволили Д.О. Осипову подтвердить предположение С.А. Изюмовой о том, что разделение

произошло уже в домонгольское время (*Осипов, 2012. С. 219*), тогда как А.В. Курбатов полагает, что это случилось позднее и это время индивидуально для каждого города (*Курбатов, 2017в. С. 251–252*).

Различную трактовку исследователи дают отдельному виду обуви, называя ее или погребальной, или комнатными/домашними туфлями (*Осипов, 2012. С. 158–166*). Неоднозначны определения времени появления и распространения лаптей (*Курбатов, 2012а. С. 159*), покойницкой обуви (*Курбатов, 2012а. С. 164*). Споры вызвало предназначение круглых вырезов в голенищах сапог.

После подготовки этих фундаментальных работ специалисты сделали еще ряд публикаций. Так, А.В. Курбатов рассмотрел импортные вещи из кожи в русских и западных городах (*Курбатов, 2015г. С. 62–69*), выделил предметы воинского снаряжения (*Курбатов, 2014в. С. 99–102*).

Д.О. Осипов выявил рыбацкие сапоги (*Осипов, 2013в. С. 68–71*), уточнил периодизацию развития кожевенно-сапожного ремесла (*Осипов, 2014б. С. 316–319; 2016а. С. 79–84*), дал рецензию на научную монографию по коже (*Осипов, 2013г. С. 176–179*). Кроме того Д.О. Осипов подготовил вторую монографию, посвященную кожаным изделиям Московского Кремля, где хорошая датировка культурных напластований и обилие закрытых комплексов позволили не только проследить изменения типов обуви, технологии ее раскроя и сборки, но и охарактеризовать широкий круг вещей повседневного использования (*Осипов, 2014а*). В книге изложены археологические данные по кожевенному ремеслу в средневековой Москве, приведены их культурно-исторические трактовки.

Помимо изучения кожевенно-сапожного ремесел вышеуказанных городов, стоит отметить работы Я.В. Антроповой, посвященные раннесредневековой обуви Старой Руссы (*Антропова, Торопова, 2001*), Ю.В. Ганиной о типах обуви XIII–XVII вв. из Вологды (*Ганина, 2000. С. 78–87*). Р.Р. Валиев изучил кожевенно-сапожное дело ханской Казани (*Валиев, 2009а*).

С. 33–58; 2009б. С. 112–124), результаты приведены в кандидатской диссертации (Валиев, 2010).

В отмеченный период появляются публикации и по конкретным вопросам изучения кожаных артефактов. Например, статьи по отдельным категориям средневековых новгородских находок: футлярам и ножнам (Рыбина, 1992. С. 82–85; 1993. С. 153–161). Обобщенная информация по категориям кожаных изделий и обуви в древнерусских городах приведена в издании «Археология СССР» (Древняя Русь. Быт и культура. 1997. С. 46–47, 103–106). Дальнейшее изучение новгородских изделий было осуществлено Т.С. Варфоломеевой: ножны (Варфоломеева, 1993. С. 162–169), футляры и кошельки (Варфоломеева, 1993. С. 166–182; 1995. С. 192–202; 1997. С. 105–114), футляры для ложек (Варфоломеева, 1999. С. 3–5). Результатом изучения, описания и систематизации новгородских кожаных материалов Т.С. Варфоломеевой стала ее кандидатская диссертация «Кожаные вместителища средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки» (Варфоломеева, 2009).

Ряд тематических публикаций рассматривает погребальную обувь (Попова, 1997. С. 271–276), находки из «необычной кожи» (Матехина (Варфоломеева), 2008. С. 184–203), маски (Овчинникова, Копнина, 2000. С. 118–134; Овчинникова, 2011. С. 281–290), монашеские пояса (Курбатов, 2009а. С. 195–211), плетеные изделия (Савенкова, 2011. С. 200–216), сумки (Васильев, 2014. С. 75–81), чехлы для ложек (Матехина (Варфоломеева), 2016. С. 213–225).

VI. Середина 2010-х гг. – настоящее время.

Для современного уровня изучения кожаных изделий характерно активное применение естественнонаучных методов. Это обеспечивает более глубокое понимание раскопанного материала, способствующее решению целого ряда вопросов, выходящих за рамки проблем развития кожевенно-сапожного ремесла.

Рассматриваемый этап характеризуется привлечением информационного потенциала коллекций кожаных изделий для палеоэтнографических и палеосоциологических реконструкций. Это выражается, например, в возможности выявления половозрастного состава средневекового населения, наличия у них заболеваний (*Курбатов, Минченко, 2013. С. 32–36; Осипов, Тропин, 2020. С. 352–353*).

Здесь стоит отметить проделанную Д.О. Осиповым работу по изучению кожи с привлечением химического анализа (жидкостная хроматография) для выявления красителей кожи, апробированного на московских изделиях (*Осипов, 2014а. С.182–184; 2017. С. 218–224; 2018а. С. 343–352*), на материалах Липецка (*Осипов и др., 2018в. С. 235*). Увеличилось количество данных по химическому составу проволоки на обувных деталях при помощи рентгенофлуоресцентного анализа (*Осипов, 2017. С. 214–217; Лазарев, Осипов, 2020. С. 316; Новиков, Новикова, Осипов, 2021. С. 213, 217*). Специальная публикация Д.О. Осипова посвящена обобщению современных методик и методов изучения кожаных артефактов, в том числе инфракрасная спектроскопия, ДНК-тестирование сырья (*Осипов, 2021а. С. 101–107*). Нельзя не упомянуть статьи с результатами протеомного анализа кожи, позволяющего установить видовую принадлежность животных на основе последовательности белков-пептидов (*Бусова и др., 2020. С. 36–38; Степанова и др., 2023. С. 166–174*).

В этот период прослеживается неослабевающий интерес к теме развития обувного производства в русских средневековых городах, что связано с продолжающимися широкомасштабными археологическими раскопками. Здесь стоит отметить статьи Е.С. Зубковой по псковским материалам (*Зубкова, 2011. С. 92–110*), Л.С. Андриановой и А.С. Фёдорова по кожаным находкам в Вологде (*Андрианова, Фёдоров, 2012. С. 82–91*), Д.О. Осипова по кожаной обуви Смоленска (*Осипов, Соболев, 2014. С. 345–361*), Е.Е. и П.П. Колосницыных по обуви и рукавицам Старой Руссы (*Колосницына, Колосницын, 2018. С. 1–8; Колосницына, Колосницын, 2019. С. 1–7*), а также

публикации по кожаным изделиям Галича Мерьского (*Новиков, Новикова, Осипов*, 2021. С. 209–223), Свяжска (*Ситдилов, Старков*, 2022. С. 203–205, 314–316, 322, 327–335).

Увеличение количества и объема охранных работ привели к расширению хронологических рамок изучаемой обуви, которые включают в себя позднее Средневековье и Новое время. Это исследования материалов Липецка (*Осипов и др.*, 2018б. С. 227–241), Костромы (*Лазарев, Осипов*, 2020. С. 312–321), Калуги (*Осипов, Тропин*, 2020. С. 345–356).

Появилась серия публикаций по материалам позднего Средневековья и Нового времени, обнаруженным на территории Западной Сибири (*Балюнов*, 2012. С. 179–186; *Татауров, Татауров*, 2016. С. 336–346; *Татаурова, Богомолов*, 2016. С. 109–117; *Осипов, Чёрная*, 2016. С. 138–150; *Семёнова*, 2017. С. 402–406; *Кениг и др.*, 2017. С. 406–411; *Фурсова*, 2017. С. 494–499; *Осипов и др.*, 2017. С. 112–120; *Татаурова, Богомолов*, 2018. С. 107–120; *Баранов, Осипов*, 2021. С. 149–158; *Татаурова*, 2021. С. 174–180). Они основываются не только на археологических, но и на этнографических данных, чтобы ликвидировать источниковедческие разрывы между этими материалами (*Баранов, Осипов*, 2017. С. 511–517).

Значительное внимание уделяется погребальной обуви (*Зубкова*, 2013. С. 38–47; *Осипов*, 2013б. С. 140–151; *Кочкина, Левыкина*, 2015. С. 311–323; *Курбатов*, 2015б. С. 225–238; *Осипов и др.*, 2018б. С. 335–347; *Курбатов*, 2019б. С. 192–205; 2019в. С. 25–28), а также кожаному облачению в захоронении монаха (*Панченко*, 2022. С. 180–189).

Прослеживаются следующие современные направления работы по кожевенно-обувной тематике.

- Обобщения, включающие обширный материал из ряда городов на территории Древнерусского государства и Московского царства: изделия из кожи, виды и фасоны обуви (*Курбатов*, 2015д. С. 467–495); данные по кожевенным мастерским (*Курбатов*, 2017в. С. 231–256); ладожские материалы в контексте североевропейских аналогий и сравнение форм и

стилей декора обуви на различных поселениях эпохи раннего средневековья (Курбатов, 2018в. С. 283–334; 2018е. С. 1–9); кожа как материал, применявшийся для письма (Курбатов, 2015в. С. 154–167; Воронин, Медынцева, Осипов, 2019. С. 275–282); история изучения кожевенного дела (Курбатов 2018д. С. 349–357); классификация железных обувных подковок, уточнение времени появления и бытования различных их типов по материалам Москвы (Осипов и др., 2022. С. 256–272); истоки появления обуви на каблуках в Московском государстве (Осипов, 2024. С. 203–210).

- Неослабевающий интерес к кожаным изделиям как предмету импорта в материалах русских городов и определению степени влияния отдельных регионов на кожевенно-сапожное дело средневековой Руси (Курбатов, 2017а. С. 90–113; 2018а. С. 377–391; Матехина, 2018. С. 135–140; Матехина, 2019. С. 253–288; Осипов, 2018г. С. 151–156; Курбатов, 2023. С. 116–121).

- Активное освещение в научных публикациях редких категорий находок с различных территорий и относящихся к разным хронологическим периодам: лошадиный башмак (Осипов, 2016б. С. 158–161), кожаные детали вооружения и амуниции (Курбатов, 2019а. С. 245–257; Курбатов, 2022. С. 35–44), чехол для карабина (Курбатов, 2020а. С. 453–459), кожаные предметы морского судоходства (Курбатов, 2020б. С. 203–215), изделия из кожи бобра (Курбатов, 2020в. С. 119–131; Курбатов, 2021а. С. 258–264).

- Уточнение нюансов работы с кожей: техники горячего тиснения с помощью матриц (Курбатов, 2017б. С. 265–282) и назначения деревянных колодок (Курбатов, 2018б. С. 219–236).

В настоящее время прослеживается тенденция расширения ареала исследуемых территорий. В центре внимания вопросы изучения кожевенного материала Пермского Прикамья (Курбатов, 2018г. С. 220–238), отходы мастерской в Кёнигсберге (Курбатов, 2021б. С. 66–70). Интенсивно изучаются кожаные материалы сибирских городов Мангазеи и Берёзова (Курбатов, Визгалов, 2019г. С. 389–406), городов Русского Севера. Это позволяет проследить этапы колонизации и контакты русских с аборигенами

Севера, заимствования, проявляющиеся, по находкам в городах Северо-Запада России обуви, сопоставимой по крою, манере сшивания и декору с изделиями аборигенов Русского Севера и Сибири, а также по письменным источникам, свидетельствующим о привнесении многих названий в русский язык из языков северных народов (*Курбатов*, 2019д. С. 240–251).

Объектом современных исследований являются и старые коллекции. С учетом новых научных взглядов и подходов к изучению материала ведется пересмотр новгородских материалов (*Курбатов*, 2020г. С. 111–123); вводятся в научный оборот тверские коллекции из раскопок 1979–1984 гг. (*Курбатов*, 2021в. С. 135–148).

Отдельно стоит обратить внимание на публикации музейных коллекций изделий из кожи в виде каталогов. Такие работы пока крайне малочисленны. Одним из первых стал иллюстрированный каталог Владимиро-Суздальского музея-заповедника (*Древнерусские...*, 2012. 40 с.), в котором представлены отреставрированные кожаные изделия и обувь XII–XIII вв., обнаруженные при проведении археологических раскопок в восточной части древнего Владимира, на территории Ветчаного города.

Нельзя не отметить богато иллюстрированный каталог, подготовленный сотрудниками Государственного Эрмитажа. Он посвящен предметам европейского импорта, экспонировавшимся на выставке «Кожа. Художественные изделия Старой Европы». В каталоге приведены подробные описания предметов декоративно-прикладного искусства из кожи и характеристики техник работы с ней (*Кожа...*, 2019. 344 с.).

Необходимо заметить, что все чаще стали появляться статьи, в которых представлена методика консервации и реставрации кожаных изделий (*Шерышева*, 2010. С. 163–166; *Левыкина*, 2010. С. 352–357; *Синицына*, 2010. С. 42–48; *Синицына, Соломатина*, 2010. С. 405–410; *Тупицына*, 2010. С. 48–49; *Абдуллин и др.*, 2014. С. 277–292; *Богатова и др.*, 2016. С. 248–265; *Романова и др.*, 2018. С. 93–100; *Чурилова*, 2021. С. 360–368).

Подводя итог обзору отечественной историографии по кожевенно-сапожной проблематике, можно отметить, что разработана и апробирована методика описания и классификации кожаной обуви, изучены археологические коллекции, полученные в ходе многочисленных широкомасштабных раскопок целого ряда городов, а результаты их исследования введены в научный оборот. Уже атрибутированы десятки неизвестных ранее категорий вещей и уточнено время их бытования, рассмотрены особенности их конструкции и техника изготовления, а также сделаны историко-культурные выводы, связанные с кожевенно-обувным ремеслом.

В связи с обозначенными в публикациях дискуссионными вопросами представляется целесообразным комплексное изучение материалов Переяславля Рязанского.

2.2. Зарубежная историография

Иностранная литература, затрагивающая вопросы кожевенно-сапожного ремесла, довольно многочисленна и крайне разнопланова. Рассмотрю публикации XXI в., которые наиболее полно отражают современные тенденции изучения проблемы в зарубежных странах.

Заслуживает внимания монография коллектива **английских** ученых, представляющая материалы по производству кожаных изделий в Йорке IX–XV вв. на основании исследования более чем 5000 артефактов. В книге приводятся результаты изучения отходов производства и анализа пород животных, чья кожа шла на изготовление изделий, что коррелируется с остеологическим материалом. Дается подробная характеристика типов обуви, ножен для ножей и мечей, поясов, а также описываются ремесленные инструменты. Интересны различные методики консервации артефактов из кожи (*Mould, Carlisle, Cameron, 2003*).

В **Нидерландах** опубликован тематический каталог, посвященный рассмотрению сумок, кошельков, мешков, футляров, чехлов XIV–XVI вв.

(*Goubitz, 2007*). Приводится их типология и описания, даются реконструкции, привлекается широкий круг иллюстративного материала: миниатюры, иконы, живопись. Есть и подробный путеводитель по европейской обувной моде от «доисторических» времен и до XVII в. (*Volken, 2014*). Каталог включает названия всех обувных стилей, детальные прорисовки типов обуви, выкройку каждого из них, подробное описание и полный перечень опубликованных археологических образцов.

В **бельгийском** Алсте исследована обувь и выделены ее типы (*Moens, 2018. P. 259–284*).

Среди **датских** публикаций можно отметить работу В.Л. Андерсен по обуви Копенгагена, основанную на комплексном подходе (*Andersen, 2016. P. 1–16*). Автор указывает, что интегрированный взгляд на проблему способствует решению целого ряда вопросов, которые трудно или невозможно решить, применяя лишь методы одной дисциплины. В.Л. Андерсен рассматривает взаимосвязь между ремеслом, функциональностью и модными аспектами развития обувных тенденций.

Интересным является применение сравнительной характеристики организации обувного производства на основании изучения обуви в двух разных центрах – **норвежском** Бергене и **шведском** Стокгольме (*Wubs-Mrozewicz, 2005. P. 7–36*).

В **Финляндии** крупным специалистом по изделиям из кожи является Янне Харьюла. Стоит отметить его монографию, в которой приведены результаты изучения 224 чехлов для ножей, кинжалов и мечей, обнаруженных в Турку и датируемых XIV–XVI вв. (*Harjula, 2005*). Все изделия подробно описаны и хорошо иллюстрированы. Кроме того, в свете новых сведений дан экскурс в эту категорию находок, относящихся к раннему железному веку. Наряду со скандинавской и западноевропейской историографией он упоминает российскую, характеризует технологии изготовления, способы декорирования. Автор уделяет внимание широкому кругу вопросов, выходящих за рамки простой каталогизации изделий.

В другой монографии, тоже по материалам Турку, Я. Харьюла проследил историю изменения обувной моды на протяжении продолжительного хронологического периода – конца XIII – первой половины XVI в., привел свидетельства функционирования местных ремесленных мастерских, охарактеризовал отходы производства (*Harjula, 2008*).

Представляют интерес публикации польской исследовательницы А.Б. Ковальской. В монографиях, посвященных работе с кожей в X–XV вв. в Щецине (*Kowalska, 2010*) и его округе (*Kowalska, 2013*), затронут широкий спектр вопросов, касающихся технологии выделки кож, особенностей края обуви, ассортимента товаров, что позволило проследить динамику развития обувного производства. Она выделила и типы померанской обуви (*Ковальска, 2016. С. 44–50*). В последние годы автор уделяет очень пристальное внимание кожаными производственным отходам как источнику по изучению организации ремесла (*Kowalska, 2017. Р. 181–199*). По материалам Померании обрезки были классифицированы по форме, определен вид животных, а также выявлена очередность раскроя кожного листа. Автор пришла к заключению, что обрезки отражают постепенное развитие производства, приведшее к появлению специализированных мастеров.

Б. Цейнова в работах по Гданьску обращает внимание на отдельные обувные фасоны (*Сеунова, 2009. Р. 403–416*), рукавицы (*Сеунова, 2020. Р. 195–200*), ножны для кухонных и боевых ножей, ножны для мечей, кожетки для рогаток (*Там же. Р. 424–432*), ремни, обувь, сумочки и кошельки (*Там же. Р. 539–556; 579–591*). Ремни стали предметом специального исследования Б. Выврот-Вышковской и А. Яновского (*Wywrot-Wyszowska, Janowski, 2017. Р. 209–219*).

Проблема изучения массовых кожаных материалов в Польше затронута К. Блусевич (*Blusiewicz, 2017. Р. 305–360*). Она обращает внимание и на

нетипичную по креплению и технике производства обувь (*Blusiewicz, 2020. P. 103–110*).

Чешские публикации посвящены кожаной обуви и бытовым вещам второй половины XIII – начала XIV в. с привлечением средневековых изображений (*Dejmal, Hoch, 2013. P. 653–671*), обуви XIII–XV вв., являющейся утилизированным мусором, вероятно из сапожной мастерской (*Hoch, Stanek, 2015, P. 131–147*), технологическому и типологическому анализу обуви и предметов личного пользования (*Hoch, Bartík, Malý, Behouňková, 2017. P. 157–173*), вопросам утилизации производственных отходов (*Hoch, Bartík, 2020. P. 87–104*). В публикациях, наряду с рассмотрением индикаторов функционирования специализированных мастерских, обращается внимание на редкие категории находок, такие как футляр-коробочка и маска (*Hoch, Šlězár, 2021. P. 109–126*).

Коллектив авторов из **Австрии** представил обзор изделий из кожи, основанный на опубликованных археологических находках и исторических документах, большинство которых происходит из Европы и восточного Средиземноморья продолжительного периода – от античности до средневековья (*Grömer..., 2017. P. 69–93*).

Основное внимание в работах **американских** исследователей направлено на изучение предметов личного пользования (обувь) как средства выделения личностной идентичности носителей обуви (*White, 2009. P. 141–159; White, Beaudry, 2009. P. 209–225*).

В **белорусской** монографии по материалам Витебска одна из глав посвящена кожаным изделиям, в которой представлены как виды зафиксированной обуви, так и широкий ассортимент бытовых вещей (*Колединский, 2021. С. 280–297*).

Коллективная монография, опубликованная в **Нидерландах**, «Почему кожа? Материальные и культурные аспекты кожи» (*Why Leather? 2014*) является хорошим образцом консолидации специалистов разного профиля, теоретиков и практиков. Археологи, представители кожевенной

промышленности, инженеры-материаловеды и реконструкторы рассматривают способы выделки кож, преимущества конкретного вида кожи животного, шедшей на изготовление определенной категории вещей, проверяют рецептуры выделки кожи экспериментальным путем.

Еще одна монография коллектива исследователей «Предметы повседневного обихода в Средние века. Ремесла, потребление и личность в Северной Европе» посвящена средневековым вещам повседневного использования в Северной Европе (Everyday Products... 2015). В нескольких главах сборника уделено внимание кожевникам и сапожникам, особенностям функционирования их производства, готовой продукции (Mould, 2015. P. 290–327; Mould, Cameron, 2015. P. 328–358; Harjula, 2015. P. 359–402).

Ряд публикаций посвящен коллекциям обуви, экспонировавшимся на выставках в европейских музеях. Такие издания, как правило, имеют обширные временные рамки, начиная от обуви эпохи бронзы и по новое время, включая обувь, являющуюся образцом искусства. Здесь можно отметить работу по материалам выставки «Обувь – обувь говорит все» в датском Выборге, дополненную статьями с искусствоведческим подходом к обуви XIX–XX вв. (Dragtjournalen... 2013) Прекрасно оформленный каталог тематической музейной выставки в польском Гданьске «Каждый шаг оставляет след» наглядно иллюстрирует обувные фасоны XII–XVIII вв. Методика реставрации обуви позволила воссоздать оригинальный облик моделей и проследить их изменения на протяжении столетий (Seypowa, Trawicka, 2016). Еще один каталог отражает результаты работы с материалами Гданьска широкого круга специалистов в рамках проекта «Что носили бывшие жители Гданьска? Сохранение кожаных элементов обуви и одежды из археологических раскопок» (W czym chodzili dawni Gdańszczanie? 2022). Предваряют каталожные описания самых интересных находок характеристики примененных методик консервации и реконструкции изделий из кожи, результаты микробиологического анализа поверхности кожи и ее видового определения.

Отдельные статьи посвящены изучению кожевенного сырья, технологии его выделки с привлечением естественнонаучных методов: микроскопии и анализа ДНК, зооархеологии с помощью масс-спектрометрии (*Brandt*, 2018. P. 241–247), а также целого ряда химических анализов (*Koochakzaei, Achachluei*, 2015. P. 45–56).

2.3. Историография изучения кожевенно-сапожного ремесла Переяславля Рязанского

Кожевенно-сапожное ремесло Переяславля Рязанского до настоящего времени не являлось темой специального изучения, что объясняется небольшими объемами проведенных археологических работ. И хотя археологическое изучение города началось в 1890 г. с обследования южной части вала кремля В.А. Городцовым, на настоящий момент исследовано менее 1% всей кремлевской территории.

Краткие описания изделий из кожи, найденных в 1929 г. на территории Архиерейского сада в Кремле Переяславля Рязанского в шурфе 1, были сделаны Н.П. Милоновым (*Милонов*, 1930. С. 1–18 (147–156)). Автор считал, что обнаружена сапожная мастерская, поскольку среди находок встречались не только готовые вещи, но и большое количество обрезков, отремонтированная обувь, отдельные инструменты, отнесенные им к орудиям труда ремесленника (*Милонов*, 1935. С. 135–138).

В ходе раскопок в Кремле 1956–1957 гг. под руководством А.Л. Монгайта были найдены кожаные изделия, наиболее интересные из них (туфли, сапоги, ножны, фигурные обрезки) он опубликовал в монографии «Рязанская земля» (*Монгайт*, 1961. С. 167–168, 173, 177, 184, 297–298).

Позднее характеристика основных видов кожаной обуви, обнаруженных А.Л. Монгайтом, была дана Е.И. Оятевой (*Оятева*, 1974. С. 189–192). К ней в Государственный Эрмитаж поступило 110 обувных деталей, которые она отнесла преимущественно к XIV–XVII вв. Автор отмечала, что фрагментарность и малочисленность этих находок не могли служить основой

специального исследования. Однако ввиду того, что детали представляли несомненный интерес, Елена Ивановна определила их, систематизировала и соотнесла с разработанной ею типологической схемой, выделив на основании формы края головок три вида сапог.

При широких исследованиях в южной части Кремля в 80-х гг. XX в. (рук. работ М.М. Макаров, В.В. Судаков) вскрывались сухие слои, не способствующие сохранению артефактов из органических материалов, и в обобщающих публикациях результатов работ упомянуты лишь металлические каркасы и кожаные ножны из раскопок А.Л. Монгайта, приведены их иллюстрации (*Судаков и др.*, 1995. С. 29, 56, рис. 21, 1–3).

Новый этап в изучении ремесла Переяславля Рязанского связан с начавшимися в 2004 г. широкомасштабными комплексными археологическими раскопками под руководством ведущего научного сотрудника ИА РАН, д.и.н. В.И. Завьялова.

Выявленная на Житном раскопе за время археологических исследований с 2004 по 2015 г. представительная по количеству и степени сохранности коллекция изделий из кожи вызвала необходимость интерпретации и датирования находок. Анализ формы края деталей позволил проследить смену обувных фасонов на протяжении второй половины XII – XVI вв. (*Фатюнина*, 2011б. С. 217–221; *Фатюнина*, 2012. С. 286–296; *Фатюнина*, 2016. С. 53–60). Помимо обуви, были рассмотрены и другие средневековые бытовые изделия из кожи (*Фатюнина*, 2010а. С. 52–61; *Фатюнина*, 2011а. С. 158–167). Отдельные статьи посвящены кожаным ножнам (*Фатюнина*, 2010б. С. 130–133) и элементам снаряжения ловчих птиц (*Фёдоров*, 2011. С. 231–233). По результатам двенадцатилетних раскопок весь массив кожаных изделий был представлен в отдельной главе обобщающей монографии по Переяславлю Рязанскому (*Фатюнина*, 2019. С. 153–201).

Продолжившиеся после завершения Житного раскопа работы Переяславль-Рязанской археологической экспедиции с 2016 г. на новом, Введенском, раскопе позволили обнаружить массовое скопление

ремесленных отходов из сапожной мастерской. Результаты исследования выявленных на обрезках отпечатков зубов человека, назначение их применения и классификация вдавливания отражены в специальной статье (Фатюнина и др., 2022. С. 157–167). Была обнаружена и еще одна категория находок, ранее неизвестная по результатам археологических раскопок, – изделия из рыбьей кожи (Фатюнина, 2022. С. 280–291). Кроме того, все отходы из ремесленной мастерской были классифицированы по категориям, приведено их статистическое соотношение, представлена систематизация технологических отпечатков на поверхности обрезков первичного раскроя кожи. Среди кожаных и берестяных обрезков от раскроя обувных деталей были выявлены образцы со следами использованных инструментов (Фатюнина, 2023. С. 154–172).

Подводя итоги, стоит отметить, что и в отечественных, и в зарубежных публикациях затрагивается самый широкий круг вопросов, связанных с кожевенно-сапожным производством. И в нашей стране, и за рубежом прослеживается тенденция внедрения всевозможных естественнонаучных методов применительно к такой категории находок, как кожа. Однако, в отличие от отечественных специалистов, исследователи отдельных европейских стран уделяют более пристальное внимание ремесленным отходам.

ГЛАВА 3. Методика работы с изделиями из кожи.

3.1. Методические подходы к изучению находок из кожи

Увеличивавшиеся объемы археологических исследований в 60-70-е годы XX в. привели к обнаружению большого количества кожаной обуви, которую необходимо было детально изучать.

Первые в стране методические разработки систематизации кожаной обуви сформулировала Е.И. Оятева (*Оятева*, 1973. С. 105–111). В основе ее классификации по совокупности технологических признаков лежат материал, конструкция и функциональное назначение обуви (*Там же*. С. 105). Разработанная Е.И. Оятевой методика описания позволила выстроить классификационную схему для всего многообразия обувных конструкций с учетом формы кроя, видов швов и места их расположения, высоты, методов крепления, приемов украшения, а также проследить этапы развития обувной технологии. Публикация стала руководством к качественно новому изучению возросшего количества кожаной обуви. Но поскольку методика была разработана на материалах X–XIV вв., впоследствии она дорабатывалась, расширяя типологический обувной ряд.

Новый методический подход в изучении кожаных изделий, нацеленный на описание всего комплекса находок из кожи, был разработан и успешно апробирован А.В. Курбатовым на объемной коллекции кожаных изделий и отходов кожевенного ремесла (более 82000 единиц), обнаруженных в 1993–1997 гг. на территории Тверского кремля (*Курбатов*, 2004а. С. 16–20). А.В. Курбатов сформулировал принципы эталонной археологической коллекции (*Там же*. С. 17), которые кратко можно обозначить следующим образом:

- формирование коллекции в процессе широкомасштабных археологических раскопок сплошной площадью;
- включение всех кожаных предметов и изделий из других материалов, связанных с производством или с самими кожаными изделиями;
- наличие нескольких тысяч единиц находок;

- обнаружение одного или нескольких производственных участков, связанных с занятиями кожевенным ремеслом (в том числе и «домашним»);

- относительно узкие хронологические рамки накопления материалов и наличие нескольких горизонтов застройки на исследуемом участке, охватывающих хронологический диапазон в 100 и более лет.

Стоит отметить, что переяславль-рязанская коллекция археологической кожи, полученная в результате исследований Житного и Введенского раскопов полностью соответствует сформулированным А.В. Курбатовым признакам эталонной коллекции.

Еще одна методика, в основе которой лежит принцип системного подхода с отдельным описанием морфологических и технических признаков деталей обуви, была сформулирована Д.О. Осиповым (*Осипов, Лихтер, 2004*). При морфологическом подходе проводится классификация элементов конструкции обуви, ориентированная на традиции обувного производства, анализируются основные и дополнительные детали для верха и низа обуви. Данная методика позволяет описывать и систематизировать все виды обуви и ее фрагменты. Помимо подробного алгоритма описания обувных деталей (*Осипов, Лихтер, 2004. С. 105–109*), приводятся справочники-классификаторы и даются примеры описания различных форм обуви (*Там же. С. 110–113*).

И если подход А.В. Курбатова более приемлем для специалиста по кожевенно-сапожному ремеслу или человека, имеющего многолетний опыт полевой и камеральной фиксации кожаных изделий, то предложенная Д.О. Осиповым методика системного описания и классификации кожаной обуви рассчитана не только на специалиста-археолога, но и музейного хранителя, исследователя-историка.

В диссертационном исследовании учтены все имеющиеся на настоящий момент методические рекомендации по изучению коллекций археологической кожи, а используемая кожевенно-сапожная терминология

является общепринятой в современной научной литературе (Осипов, 2006. С. 102–104).

3.2. Методика полевой и камеральной обработки кожи из Переяславля Рязанского

Несмотря на хорошую сохранность кожаных артефактов во влажном культурном слое, попадание на открытый воздух ведет к их необратимым изменениям. Гидротермальная усадка кожи вызвана не только физико-химическим изменением, но и является совокупным результатом ряда межмолекулярных процессов. Степень усадки образца зависит от ряда факторов: вида и возраста животного, способа выделки кожи и процедур по ее последующей обработке (Kite, Thomson. 2006. P. 2).

Неизбежная потеря влаги в процессе высыхания кожи влечет за собой трансформацию любого кожаного изделия. Трансформация вызывает уменьшение в размерах, расслоение, деформацию и затвердевание в нехарактерном для вещи виде. Такая специфика кожаного материала требует особых подходов к работе с кожаными артефактами для получения максимально полной информации о назначении изделия, особенностей его изготовления и эксплуатации.

Описать, зафиксировать размеры, графически отобразить, взять в индивидуальные находки весь массив находок из кожи, насчитывающий десятки, а в случае вскрытия слоев, содержащих отходы ремесленного производства, тысячи единиц, в полевых условиях невозможно. Поэтому за годы археологических исследований на Житном и Введенском раскопах выработалась следующая методика полевой и камеральной работы с кожей.

Полевая фиксация

Полевая фиксация включает в себя следующие этапы:

1) все находки из кожи, а также сопутствующие кожевенно-сапожному производству артефакты из других материалов имеют четкую привязку к пласту (20 см), разделенному на два горизонта (по 10 см), и квадрату;

2) предварительный осмотр (при необходимости – после аккуратной промывки) каждого кожаного предмета проводится сразу после извлечения из культурного слоя;

3) в полевую опись находок, с точным указанием глубины залегания и размерами кожаного изделия, включаются индивидуальные вещи; неатрибутированные артефакты, полные формы обуви, головки (характеризуют фасон) и подошвы полной сохранности (позволяют рассчитать антропометрические данные владельца обуви); обрезки, сохранившие следы инструментария; образцы с нитями и отличающиеся от характерного для археологической кожи цвета;

4) при выявлении следов инструментов (на обрезках и на готовых вещах), образцов с остатками нитей или окрашенными участками кожи проводится их макросъемка;

5) после промывки материала по квадратам осуществляется повторный осмотр изделий из кожи, их медленная просушка в тени и упаковка в крафтовую бумагу.

Полевая методика сбора, фиксации, изучения кожаных изделий позволила выявить новую, применительно к русскому средневековью, категорию находок – кожа с отпечатками инструментов на поверхности. Наиболее отчетливо эти отметины видны сразу после извлечения кожи из влажного культурного слоя. При последующем ее неизбежном высыхании и даже незначительной возникающей при этом деформации следы нивелируются и практически не прослеживаются. Несколько улучшает ситуацию повторное увлажнение кожи: на определенной стадии высыхания и при определенном ракурсе, индивидуальном для каждого образца, можно обнаружить *рельеф зубных отпечатков и следы инструментов*. Дальнейшее изучение указанных следов проводится при макросъемке.

Кроме того, именно при полевой фиксации удалось проследить факт присутствия войлочного утеплителя (стелек) в сапогах, даже если они были вынуты по какой-то причине (вторичное использование в другой обуви или

удаление на теплое время года), а также наличие кусочка древесины в носочной части головок сапог с вытянутым заостренным носком для придания формы и ее поддержания.

Камеральная фиксация

Камеральная фиксация артефактов из кожи заключается в нижеследующем.

1. Планиграфическая фиксация индивидуальных находок, имеющих отношение к кожевенно-сапожному производству:

- наименование изделия с его краткой характеристикой;
- определение детали со схематичной зарисовкой ее формы кроя, орнамента; выявление следов крепления поднаряда (одночастный/двухчастный, полный/неполный), внутреннего задника, декоративных элементов; выделение следов ремонта и вторичного раскроя детали, их описание; указание наличия/отсутствия дотачки детали;
- определение вида обрезка (первичный, вторичный), указание его формы, подсчет по категориям.

2. Раскладка по сектору/участку поквadratных упаковок массового материала горизонта пласта в соответствии с нумерацией квадратов.

3. Распаковка материалов квадрата, раскладка по категориям: детали обуви, ее фрагменты, обрезки и др.

4. Проверка деталей с квадрата на принадлежность к одной вещи; сверка с данными по индивидуальным находкам; подбор деталей по одинаковой деформации на стыках, шовным отверстиям на смыкающихся сторонах обувных деталей полупары².

5. Выявление недостающих деталей обуви по таблице планиграфического распределения в других квадратах, сбор вещи по шовным отверстиям деталей.

² Пара обуви включает две единицы. Полупара – один предмет из обувной пары.

6. Сравнение данных планиграфической таблицы пласта с нижележащим пластом с целью подбора деталей обуви и анализа смены обувных модных тенденций (при учете стратиграфии).

7. Поквадратные отметки наличия изделий, сопутствующих кожевенно-сапожному производству, но выполненных из других материалов, например обрезков бересты от раскроя вставок в задник сапога или сапожных гвоздиков, подбивавших каблук.

Разработанная и апробированная на переяславль-рязанских материалах методика камеральной обработки изделий, относящихся к кожевенно-сапожному производству, позволила в нескольких случаях собрать воедино как все детали полупары обуви, так и найти пару обуви, локализовать участки со скоплением отходов сапожного производства. Кроме того, учет распределения обрезков бересты помог связать их с функционировавшей сапожной мастерской, понять, что они являются обрезками от раскроя берестяных вставок в задники сапог.

3.3. Естественнонаучные исследования и методики изучения материалов Переяславля Рязанского

Объем информации, запечатленный и хранящийся в кожаном материале, обширен, а вопросы, возникающие при работе с ним, выходят за рамки исследования кожевенно-сапожного ремесла как такового. Благодаря привлечению естественнонаучных методов изучения и широкому взаимодействию со специалистами различного профиля, при анализе археологических коллекций изделий из кожи открываются принципиально новые возможности.

Современные методики работы с кожаными изделиями уже обобщены (RFA-анализ, инфракрасная спектроскопия, ДНК-тестирование сырья, жидкостная хроматография, исследования шовного материала, ортопедическая диагностика, макросъемка), а их результаты опубликованы (Осипов, 2021а. С. 101–107).

Охарактеризую естественнонаучные анализы и методики, которые применялись при работе с материалами Переяславля Рязанского³, их результаты приведены в последующих главах.

Жидкостная хроматография

Определение состава дубильных веществ и изначального цвета кожи обувных деталей проводилось в Центре спектральных исследований Новосибирского института органической химии СО РАН н.с. Е.В. Карповой.

Археозоология

Осмотр костяных изделий из заполнения ямы с отходами сапожного производства с целью выявления возможных ремесленных инструментов из кости для обработки кожи был проведен н.с. ИА РАН, к.и.н. Л.В. Яворской.

Определение породы древесины

Осмотр деревянных вставок в задники кожаных сапог осуществлен н.с. ИА РАН Л.Н. Соловьёвой.

Определение нитей, тканей и их отпечатков

Анализ заполнения шовных отверстий (остатки нитей, скреплявших составные части обуви), войлочных изделий, обшитых кожей, а также текстильных отпечатков на коже выполнено н.с. ИА РАН, к.и.н. И.И. Ёлкиной.

Стоматологическая диагностика

Изучение отпечатков зубов на кожаных изделиях выполнено на кафедре ортопедической стоматологии и ортодонтии с курсом пропедевтики стоматологических заболеваний ФГБОУ ВО РязГМУ им. акад. И.П. Павлова Минздрава России. Изучением занимались зав. кафедрой к.м.н, доц. А.В. Гуськов и к.м.н., доц. Т.А. Васильева.

Изучение под микроскопом и макросъемка. Трасология

Выявление, исследование, классификация следов инструментов на образцах кожи, их макросъемка были проведены в отделе археологии

³ Выражаю огромную благодарность специалистам за проведение естественнонаучных анализов.

РИАМЗ под микроскопом Levenhuk DTX RTC4 при оптическом увеличении до 40 крат.

Современные методики работы с эталонными коллекциями и применение естественнонаучных методов позволяют делать принципиально новые выводы, основанные на возросшей информативности археологической кожи.

ГЛАВА 4. Технология работы ремесленников Переяславля Рязанского с кожей.

4.1. Выделка кожи. Сырье

Во все времена снятую с животного шкуру необходимо было оперативно обработать с целью предотвращения ее гниения.

В коже выделяется три слоя: поверхностный – эпидермис, средний – основа кожи, или дерма, и глубокий подкожный слой (рис. 12, 1). Эпидермис состоит из плоского многослойного эпителия, расположенного в несколько слоев. Основу кожи составляет сосочковый и сетчатый слои. Сосочковый слой построен из эластических волокон, рыхлой и ретикулярной тканей. Сетчатый образован плотной соединительной тканью с преобладанием коллагеновых и эластических волокон. Собственно свойства кожи животных зависят от организации этих пучков волокон, которые меняются с возрастом животного, но также различаются между видами (рис. 12, 3а–д). Этот своеобразный узор, который образуют углубления от волос и потовых желез, называется мереёй. Третий, подкожный, слой состоит из рыхлой соединительной ткани, в промежутках между волокнами которой находится жировая ткань – подкожная жировая клетчатка.

Еще в начале XX в. Г. Поварнин, изучив кустарное кожевенное дело России XIX – начала XX в., отметил наличие в практике кустарей из разных регионов страны различных рецептов выделки кож (*Поварнин, 1912*). Обращение к труду Г. Поварнина, комплексное привлечение данных письменных и изобразительных источников, археологии и этнографии позволили специалистам проследить технологию выделки кож в древнерусских городах (*Курбатов, 2012а. С. 63–70; Осипов, 2012. С. 77–81*). Кратко и весьма обобщенно процесс обработки можно представить так.

После удаления со шкуры подкожной клетчатки, так называемой мездры, ее просушивали, размачивали, мездрили – удаляли остатки мяса и жира на специальной деревянной колоде с помощью особого ножа тупика или резца. После этого шкуру снова замачивали или промывали. Для

ослабления связи дермы с волосяным покровом шкуру помещали в чан с золой и выдерживали там несколько дней. После золки осуществляли дернение – сбивание шерсти на колоде. Следующий процесс – бучение, или киселеварение, кожи с помощью ячменных киселей или раствора из пшеничных отрубей. Еще одна стадия бучения – шакшевание, т.е. обработка кожи с помощью определенных ферментов. Финальной стадией являлось дубление – пропитка дубильными веществами, получаемыми из коры определенных деревьев или наростов, образующихся на некоторых видах дуба или сумаха под влиянием развития в них личинок насекомых (*Осипов, 2014а. С. 109*). После дубления кожу просушивали.

В результате этих операций кожа становилась устойчивой к гниению, прочной, но вместе с тем пластичной.

Обсуждаемым в современной научной литературе является вопрос об окраске кож в различные цвета. После извлечения из культурного слоя археологической кожи, даже если она и была окрашена, визуальнo проследить это практически невозможно. А.В. Курбатов сомневается в производстве цветных кож в древнерусских городах, а крайне редкие цветные детали связывает с товарами импорта (*Курбатов, 2012а. С. 69–72*). По мнению исследователя, тонирование кожи в процессе дубления нельзя считать ее окраской (*Курбатов, 2012а. С. 99*). Д.О. Осипов придерживается противоположного мнения, полагая, что цветная обувь существовала и такие образцы удастся найти среди спрессованной массы обрезков (*Осипов, 2012. С. 92–93*). Кроме того, результаты жидкостной хроматографии сапога из раскопок в Зарядье показали, что эта статусная обувь была окрашена (*Осипов, 2017. С. 205*).

Изучение переяславль-рязанской археологической кожи позволяет по вопросу окрашивания кож отметить, что образцы, сохранившие на небольшом участке деталей, в месте их залома, более насыщенный коричневато-красный цвет, единичны. Крайне незначительная в процентном соотношении часть имеет черный цвет (рис. 49, 8б), подавляющая же масса –

характерный для вынутой из слоя кожи коричневый цвет (рис. 49, 1–7). После извлечения из слоя в крайне редких случаях прослеживается бордовый цвет кожи (рис. 49, 8а). Выделяется обрезок сапожного двусоставного кососрезанного голенища (рис. 32, 10). Верхний край обшивался, параллельно ему нанесен декор в виде несквозного надреза кожи, под которым остались нити. Расшивка нитью проходит и вдоль бокового шва. Визуально очень четко заметен светло-бордовый цвет верхней части голенища и такой же цвет в районе бокового шва. На остальной поверхности голенища – светло-коричневый цвет.

Три образца обувных деталей, имеющие на настоящий момент коричневый цвет, были подвергнуты изучению методом жидкостной хроматографии в Центре спектральных исследований Новосибирского института органической химии СО РАН (Карпова, 2019). Первый – головка детского сапога, датируемая последней четвертью XV – началом XVI в., второй – головка сапога со следами расшивки нитями XVI в. (материалы Житного раскопа). Удалось установить, что кожа была продублена танинами, но не окрашена. Третий образец – обрезок голенища с зубчатым краем из слоя первой половины XVI в. (Введенский раскоп) (рис. 49, 9) был окрашен в зеленый цвет. Кроме того, на одном из обрезков голенища первой половины XVI в. (рис. 32, 9) был проведен анализ сохранившихся декоративных нитей визуально слабо прослеживающегося красновато-коричневатого цвета. Согласно полученным результатам, цвет нити был алым или оранжево-красным.

Что касается кожевенного сырья, то А.В. Курбатов с привлечением широкого круга письменных и имеющихся археологических источников максимально детально исследовал этот вопрос по ряду направлений. Так, удалось выяснить, какие виды сырья существовали, каким образом проходил его сбор и что включал в себя сортамент кожевенного товара (Курбатов, 2012а. С. 40–62). В скорняжной и кожевенной деятельности использовались шкуры крупного и мелкого рогатого скота, лошади, верблюда, изредка

свиньи, лося и оленя, собаки, медведя, бобра, зайца, кошачьих, морских животных и рыб. А.В. Курбатов разделил выделанные кожи на четыре группы по виду обработки: сыромятные, жирового дубления, танидного дубления и пергамен.

Изучение кожаных изделий и производственных отходов Переяславля Рязанского позволяет говорить, что среди рассмотренных материалов присутствует дубленая растительными материалами кожа. Это же подтверждают результаты исследования с помощью метода жидкостной хроматографии. Степень расслоения кожи незначительная, что говорит о довольно хорошем качестве дубления.

Количество образцов с подходящей степенью сохранности мерей для визуального определения вида животного весьма немногочисленно. Достаточно крупных, с не зацепленной инструментом поверхностью мерей и не затертых в процессе эксплуатации участков кожи не так много. Пригодные для анализа образцы позволили установить наличие кожи козы и коровы, но результаты даже случайной выборки в процентном соотношении будут необъективны применительно ко всей многотысячной коллекции.

Кроме того, в материалах средневекового Переяславля Рязанского при визуальном осмотре мерей удалось выявить три фрагмента редкой кожи (Фатюнина, 2022. С. 280–291). Они были обнаружены в культурных напластованиях второй половины XV в. на Введенском раскопе.

Стоит пояснить, что под «редкой» или «необычной» подразумевается кожа, мерая которой отличается от привычных исследователям кож домашних животных. Например, в тверской коллекции есть кожа хвоста бобра (Курбатов, 2004а. Рис. 128, 2). Т.С. Матехина опубликовала специальную статью, посвященную изделиям из «необычной» кожи, где приведены ножны из хвоста бобра (Матехина, 2008. С. 184–203).

Фрагменты «редкой» кожи зафиксированы в разных местах Введенского раскопа (пл. 8, кв. 85, -202 см; пл. 8, кв. 5, -185 – -195 см; пл. 7, кв. 79, -175 – -185 см). Относились ли они к одному предмету или нескольким, сказать

сложно. Рисунок мери представляет собой упорядоченные разноразмерные выпуклости, форма которых близка к полусферической, расположенные неровными рядами, как это свойственно природным материалам (рис. 12, 3e).

По предположению старшего таксидермиста Зоологического музея РАН Ю.В. Старикова, фактура кожи может быть отнесена к рыбьей, вероятно, к семейству осетровых: у кож осетровых рыб есть характерный «пупырчатый» рисунок. Скорее всего, это шип или стерлядь.

Хорошо известно, что рыба как источник животного белка и жира употребляется человеком в течение значительного хронологического периода. Но и такие ее ресурсы, как кости, мочевой пузырь, чешуя, кожа находили свое применение. В частности, традиция обрабатывать и использовать кожи рыб прослеживается у многих народов мира, что предопределил ряд естественно-географических факторов (Фатюнина, 2022. С. 282).

Кожа рыбы состоит из двух частей: клеточного эпидермиса и волокнистой дермы. Эпидермис большей частью прозрачен и выделяет слизь, обеспечивающую рыбе защиту от окружающей среды и потенциальных патогенов. Дерма состоит из двух слоев: верхнего, образованного тонкой прослойкой рыхлой соединительной ткани, окружающей чешую, и нижнего, состоящего из плотной соединительной ткани (Тылик, 2015. С. 28–29) (рис. 12, 2). Собственно дерма и подлежит выделке.

По сравнению с животными шкурами, рыбья кожа лучше растягивается в длину, прочнее из-за другого расположения коллагеновых волокон и, как следствие, долговечнее. Кроме этого, кожа рыб обладает такими важными качествами, как легкость, способность не пропускать влагу, она защищает от ветра и сохраняет тепло (Vávra, 2020. P. 332).

Как отмечают специалисты, кожа осетровых достаточно жесткая и толстая, ее трудно размягчить (Vávra, 2020. P. 335). Размер пригодной к использованию кожи осетровых ограничен костными щитками, проходящими по спине, бокам и брюху. Поскольку отдельные особи могут

достигать внушительных размеров и массы (*Лебедев и др.*, 1969. С. 57–59), возможно получить относительно крупные листы кожи для раскроя изделий.

Стоит подчеркнуть, что технология обработки рыбьих кож и их последующее применение прослеживаются в основном по этнографическим материалам (*Глебова*, 2019. С. 97). Сам процесс мало отличается от выделки кож животных. Это высушивание/замораживание и следующее за этим разминание (получение так называемой сыромятной кожи) и дубление. Известны следующие способы дубления: жировое (с применением масел; мочи; мозга, жира животного или рыбы), растительное, минеральное, дымление, а также их комбинации (*Rahme*, 2021. Р. 3, 6–7, 9–10).

В письменных источниках XVII–XVIII вв., упоминания о шкурах рыб, как указывает А.В. Курбатов, отмечаются довольно редко (*Курбатов*, 2010. С. 181). Они касаются кож белуги, сазана и относятся к хозяйственной деятельности на Севере России и в Сибири. Записи XIX–XX вв. также крайне редко содержат упоминания одежд, мешков, кошельков, халатов, оконных стекол из рыбьей кожи (*Курбатов*, 2010. С. 181).

Археологические же находки рыбьей кожи в мире единичны (*Vávra*, 2020. Р. 344), а на территории Центральной России в эпоху средневековья не известны или пока не опубликованы. А.В. Курбатов дает изображение кожи форели современной выделки и сухой кожи налима, происходящей из археологических раскопок на Русском Севере (*Курбатов*, 2019д. С. 252).

Что касается вопроса местного или импортного происхождения переяславль-рязанских изделий из рыбьей кожи, то здесь не может быть однозначного ответа. Ареал распространения рыбы шип – Чёрное, Каспийское, Аральское моря, откуда она на нерест входит в реки и встречается, в частности, в дельте Волги (*Берг*, 1948. С. 67). Стерлядь водится в Волге и Оке (*Берг*, 1948. С. 71). При археологических исследованиях на Житном раскопе в Кремле Переяславля Рязанского, расположенном неподалеку от Оки, в средневековых слоях были обнаружены остатки ихтиофауны, в том числе осетровых (осетр, стерлядь,

севрюга) (*Антипина, Кириллова, 2007. С. 95; Яниш, 2014. С. 186*). О том, что осетровых промыслили в Оке, свидетельствуют и археологические находки костных остатков белуги, севрюги, шипа, белорыбицы в Коломне (*Мазуров, Цепкин, 2003. С. 132–133*) и в Старой Рязани (*Лавренов, Розанова, Жулева, 2003. С. 200, 203*).

И хотя степень активности работы с кожей рыб различается в зависимости от географического положения народов, она не ограничивается территориями с холодным климатом и богатыми на водоемы (*Vávra, 2020. P. 341*), где рыболовство было важнейшим жизнеобеспечивающим видом хозяйственной деятельности населения. Таким образом, нельзя исключать и местную выделку рыбьих кож в XV в. в Переяславле Рязанском, которая технологически не отличалась от выделки шкур животных.

Помимо вопросов, связанных с технологией выделки кож и определением видов сырьевой базы, важной является проблема организации и оснащения ремесленного производства, выявления кожевенных и сапожных мастерских, чему посвящен следующий раздел.

4.2. Мастерские и отходы производства

Следует пояснить, что под кожевенным производством подразумевается процесс работы со свежеснятыми шкурами с целью выделки кожи, а под сапожным – работа с готовой, выделанной, кожей.

По мнению Д.О. Осипова, разделение кожевенного и сапожного ремесла на территории Древней Руси произошло в домонгольское время (*Осипов, 2010б. С 216*), на что ранее указывала С.А. Изюмова (*Изюмова, 1959. С. 214*). В XV–XVI вв. складывается уже узкая специализация внутри этих ремесел (*Осипов, 2010б. С 216*). А.В. Курбатов полагает, что разделение ремесел в Новгороде в домонгольское время весьма вероятно, но этот вывод нельзя распространять на другие города (*Курбатов, 2017. С. 252*).

Особенности функционирования и специализация средневековых ремесленных мастерских прослежены по материалам Ивангорода (*Курбатов,*

1997а. С. 277–290), Москвы (*Векслер, Осипов, 1999. С. 142–151*), Твери и Пскова (*Курбатов, 2007в. С. 306–318; 2008. С. 210–233; Курбатов, Мирецкий, 2011. С. 273–282*).

Вместе с тем критический подход к мастерским, определенным в советские годы как кожевенные, позволяет переосмыслить функциональное назначение многих из них (*Осипов, 2010б. С. 206–217; Зубкова, 2011. С. 92–110; Курбатов, 2017в. 231–256*).

Так, по мнению Д.О. Осипова, однозначно указывать на кожевенное производство могут остатки дубильных чанов и такие инструменты для выделки кожи, как колода, тупик, струг (*Осипов, 2010б. С. 215*). Места выделки кож выносились за границы плотной городской застройки, вниз по течению водоема (*Осипов, 2006. С. 61*).

Локализация сапожных мастерских также сопряжена с определенными сложностями. Хорошо известно, что даже обнаружение значительного скопления обрезков не дает основания говорить о размещении на этом месте мастерской (*Осипов, 2017. С. 214*): это может быть просто местом утилизации. По мнению А.В. Курбатова, находки инструментов или приспособлений не всегда маркируют производственную деятельность: встречаемые в Новгороде деревянные обувные колодки были нужны не только и не столько обувщикам для обивания готовой обуви, сколько потребителям для просушки обуви после ношения (*Курбатов, 2012а. С. 170*). В то же время определенный процентный состав находок на участке производства, где обрезки от раскроя преобладают в несколько раз над деталями или фрагментами изделий, является показателем профессионального производства (*Курбатов, 1997а. С. 284*).

Производственные отходы в Переяславле Рязанском встречаются единичными образцами в отдельных квадратах, они рассредоточены по площади раскопа или же образуют меньшие или большие скопления в пределах определенного средневекового пространства.

Стоит отметить, что отходам производства археологи долгое время не уделяли должного внимания. Как правило, в музейные коллекции попадают атрибутируемые вещи или изделия хорошей сохранности, которые впоследствии становятся предметами экспозиционного показа. Массовые материалы из кожи в лучшем случае кратко отмечаются на страницах отчетов, и не всегда такие упоминания бывают подкреплены статистическими данными.

На кожаные отходы обратила внимание С.А. Изюмова в рамках изучения кожевенного и сапожного ремесел Великого Новгорода (*Изюмова*, 1959. С. 196–197). Позднее, фиксация всех кожаных находок, включая многочисленные обрезки от раскроя, была осуществлена М.Ю. Полонской по материалам раскопок Смоленска (*Полонская*, 1991. С. 105–124). Количественный учет позволил выявить концентрацию производственных отходов на ограниченном пространстве, а на основании локализации выбросов из мастерской сделать предположения о месте функционирования сапожного производства.

Тогда же, в 90-х гг. XX в., о необходимости фиксации массовых находок из кожи начал писать А.В. Курбатов. Он указывал, что по визуальному осмотру обрезков кожи возможно определить породу животного (*Курбатов*, 1991б. С. 131). На примере материалов из Ивангорода обрезки кожи впервые были классифицированы им по форме кроя и была продемонстрирована информативная значимость производственных отходов для изучения мастерской (*Курбатов*, 1997а. С. 277–290). Позже А.В. Курбатов выявил «учебные материалы», свидетельствующие об обучении ремеслу (*Курбатов*, 2003а. С. 172). Впоследствии он неоднократно отмечал возможные направления работы с массовым материалом: необходимость систематизации следов и признаков, оставшихся на поверхности кожи после различных стадий обработки материала (выделка кож, раскрой и пошив, дополнительная отделка), эксплуатационного износа, ремонта, археологизации изделий (*Курбатов*, 2004а. С. 16; 2006в. С. 42–72; 2007в. С. 306). Обозначенный

методический подход к изучению массовых находок позволил А.В. Курбатову рассмотреть вопросы организации ремесла и специализацию ремесленников, а также ремесленного ученичества (*Курбатов, 2007в. С. 310–313*). На основании планиграфического анализа массовых находок А.В. Курбатов обозначил варианты использования городской территории (*Курбатов, 2008в. С. 211–212*), а по результатам изучения поверхности обрезков повысил информативность качественных показателей сырья, определив не только вид и возраст животных, но и выделив обрезки с прижизненными пороками шкуры (*Курбатов, 2010б. С. 182–183*). А.В. Курбатов впервые обратил внимание на технологические отверстия на коже и пояснил их назначение (*Курбатов, Мирецкий, 2011. С. 275*). Кроме того, он показал, как возможно определить специализацию мастера на основе изучения отходов мастерской (*Курбатов, 2021б. С. 66–70*).

Д.О. Осипов в своих публикациях отмечал, что отходы производства позволяют проследить основные приемы изготовления обуви, нормы размещения деталей на площади кожевенного листа, определять профессиональный или «домашний» характер мастерской (*Осипов, 2014а. С. 63*). Исследователь подчеркивал, что информационный потенциал отходов сапожного производства огромен (*Осипов, 2014а. С. 132*).

В современных зарубежных публикациях производственные отходы являются предметом изучения как в рамках монографий и статей по кожевенно-сапожной проблематике (*Kowalska, 2010. Р. 49–59; Blusiewicz, 2017. Р. 344–352*), так и специальных исследований (*Kowalska, 2017. Р. 181–199*).

На скопления кожаных отходов в Переяславле Рязанском впервые обратил внимание Н.П. Милонов по результатам своих работ в 1929 и 1931 гг. в шурфе 1 на территории архиерейского сада в Кремле. На основании этого он сделал вывод об обнаружении специализированной мастерской (*Милонов, 1930, 1935*). Однако изучение полевой документации, коллекционной описи, приложенной к коллекции при ее передаче в музей, и

самых находок заставляет усомниться в наличии производства обуви в постройке, попавшей в этот шурф.

В отчете за 1929 г. сказано, что «особое место шурфа № 1 занимает громадное скопление обрезков обработанной поделочной кожи, несколько десятков пар цельной обуви в виде летних кожаных чувяков... Пласт культурного слоя, заполненного кожей и обувными изделиями, имеет толщину около 1 м, самое скопление данных остатков наиболее локализовано в центре шурфа, то есть посередине избы, несколько ближе к печи, находившейся в юго-восточном углу» (Милонов, 1929. С. 11). В коллекционной описи за тот год преимущественно в шурфе 2, а также в шурфе 4 и жилище 2 было указано обнаружение свыше 800 находок из кожи. В жилище 2 отмечено наличие 50 единиц «обрывков обуви» с указанием в отдельных случаях, что это «подошва, носок, задник, остатки верха».

Изучение кожаных изделий, сданных по результатам раскопок 1929 г. в музей (рис. 13–14), позволило определить, что 41,1% представлены обрезками первичного раскроя, 20,4% – вторичного раскроя, 35,2% – это детали сапог разной степени сохранности, 1,3% – изделия, 2% – не атрибутированы ввиду сильной фрагментарности (прил. 1, табл. 2).

За 1931 г. в постройке шурфа 1 названа только подошва, хотя в отчете отмечен факт обнаружения обуви с указанием, что это чувяки, употребляемые для ношения на тот момент в УССР (Милонов, 1931). С полевой описью в музей поступила лишь подошва сапога и четыре обувные подковки.

Уже неоднократно обращалось внимание, что раскопки Н.П. Милонова были неудачными как по масштабам работ (шурфы размером 4 x 3 м или траншеи), так и в методическом плане: отсутствует как точная привязка мест раскопок (Судаков, 2011. С. 7), так и тщательная фиксация раскопов, прослеживается склонность к произвольным, фантастическим, реконструкциям (Коваль, 2024. С. 128). Все это дает повод усомниться в определении Н.П. Милонова обнаруженного объекта как ремесленной

мастерской, хотя отдельные ремесленные отходы и вещи (см. Главу 5.1) представляют определенный интерес.

За 12 лет археологических исследований на Житном раскопе было обнаружено около 15000 ремесленных отходов (рис. 16–17).

Ежегодное изучение их статистического распределения (прил. 1, табл. 15) позволило установить, что высокая концентрация обрезков приходится на первую половину XV в. (пл. 22, кв. 11, 26, 27, 37) (прил. 1, табл. 7) и вторую половину XV в. (пл. 21–19, кв. 13, 16, 22, 26) (прил. 1, табл. 8). Ниже приведены результаты изучения кожаных изделий по категориям в этих пластах.

Начиная с пласта 23 наблюдается численное преобладание отходов производства: они составляют свыше 70% (прил. 1, табл. 9). Такой же высокий процент ремесленных обрезков в пласте 22 (прил. 1, табл. 10). В подавляющем большинстве обрезки представлены вторично раскроенными деталями сапог.

На уровне пласта 22 в 28 квадратах раскопа наблюдается большое количество отходов – от 50 единиц и выше, за исключением единичного квадрата без находок кожи и семи квадратов с фоном менее 50 единиц на квадрат (прил. 1, табл. 8).

Внутреннее количество обрезков первичного и вторичного раскроя – 8157 единиц, выявлено во всех квадратах пластов 21–19. Соотношение отходов первичного и вторичного раскроя практически равно (прил. 1, табл. 12). Максимально высокая концентрация отходов приходится на пласт 21 (рис. 15).

Массовые отходы сапожного производства свидетельствует о наличии мастерской или мастерских на этом участке Кремля Переяславля Рязанского, но однозначно определить их конкретную локализацию затруднительно.

Наблюдения специалистов о том, что улицы содержались в чистоте (Осинов, 2010. С. 215), подтверждает концентрация находок на территории усадьбы. Так, в квадрате 13 (пл. 21) найдено 867 единиц, из них только 20

обнаружены в пределах улицы, остальные на территории усадьбы. Из этого же пласта в квадрате 16, приходящегося на усадьбу, 1171 единица кожаных изделий. В каждом из этих двух квадратов обрезки первичного раскроя составляют свыше 40%, вторичного – свыше 30%, а на детали обуви разной степени сохранности приходится около 15% (прил. 1, табл. 11).

Более четкая зона концентрации ремесленных отходов прослежена на территории Введенского раскопа, что позволило провести их всестороннее изучение, результаты которого представлены ниже.

При исследованиях на Введенском раскопе были выявлены мощные скопления обрезков от раскроя сапожных деталей (прил. 1, табл. 16). Кроме того, было обращено внимание на многочисленные обрезки от раскроя берестяных вставок в задники сапог. Высокая насыщенность слоя обрезками прослеживалась на Центральном участке Введенского раскопа при вскрытии пластов 7 и 8. Датировка слоя основана на результатах сравнительно-типологического анализа керамического материала, выполненного В.В. Судаковым. Несмотря на очень сильную измельченность керамики, слой в данных квадратах датируется второй половиной XV – началом XVI в. (Фатюнина, 2021. С. 146; Завьялов, 2022. С. 168).

Поквадратная статистика кожаных изделий и обрезков отражена в полевых отчетах (Фатюнина, 2021. С. 138–141; Завьялов, 2022. С. 193–201). Очень большое скопление отходов приходилось на квадраты 28, 29, 33, 34. Общее количество проанализированных кожаных изделий из обозначенных квадратов составило 17249 единицы, а берестяных – свыше 1050, что является репрезентативной выборкой для изучения средневекового сапожного производства.

В месте концентрации ремесленных отбросов слой представлен однородной темно-коричневой супесью без каких-либо включений. Верхняя отметка глубины скопления – 167 см, а нижняя – 190 см. В нижележащем горизонте находки отходов сапожного производства были уже единичны. На квадраты 28, 29, 33, 34 приходилась яма с размытыми и нечитаемыми

границами. В заполнении ямы также были обнаружены фрагменты бытовых вещей. Это сильно деформированные и разрушенные шерстяные ткани и тесьма; обрывки шнура и веревки, выполненные из растительных волокон; два кресальных камня; два фрагмента стеклянных браслетов; обломки лезвий ножа и серпа; оселок; фрагмент тонкого плоского железного предмета с приостренной и загнутой оконечностью; фрагмент сильно корродированного плоского заостренного железного предмета; сапожный гвоздик, а также редкие осколки керамики и единичные кости животных разной степени фрагментированности. Стоит отметить, что по результатам атрибуции костей из этих квадратов Л.В. Яворская обнаружила две метаподиальные кости лошади, на диафизах которых прослеживается лощение и стертость. Такие кости были зафиксированы и в материалах Житного раскопа. По аналогичным находкам, выявленным в золотоордынских городах Маджаре, Азаке, сделаны выводы об их эксплуатации в процессе работы с кожей (Бочаров, Яворская, 2019. С. 195–196; Яворская, Бочаров, 2020. С. 196–197; Яворская, 2021. С. 220–221).

Скопление залегает на открытом участке усадьбы, что согласуется с наблюдениями о выносе отходов ремесла на свободные от застройки окраины усадеб (Зубкова, 2011. С. 101). Из-за возможности добавления отходов в процессе заполнения и выравнивания поверхности участка усадьбы, а также ввиду отсутствия других ярко выраженных следов производства в непосредственной близости от скопления местонахождение самой сапожной мастерской остается неопределенным. Изделия из кожи присутствуют и в рядом расположенном срубе, однако уровень дневной поверхности сруба ниже верхнего уровня концентрации отходов.

Среди обнаруженных в месте скопления изделий из кожи можно выделить следующие группы: обрезки первичного раскроя (95,9%), обрезки вторичного раскроя деталей (3,2%), детали сапог (0,6%), другие кожаные изделия (0,3%).

Подавляющее большинство составляют обрезки первичного раскроя кожи. Безусловно, с абсолютной точностью определить отход как обрезок первичного или вторичного раскроя затруднительно. Однозначно к первичным относятся обрезки, сохранившие край кожного листа, участки с не полностью удаленным волосом животного, обрезки с технологическими отверстиями и отпечатками, а также с дефектами поверхности. К обрезкам вторичного раскроя отнесены образцы с шовными отверстиями и эксплуатационным износом, таким как затертость или следы ремонта.

В самой внушительной по количеству группе **обрезков первичного раскроя** (прил. 1, табл. 13а, 13б) можно выделить несколько видов. За основу классификации взято разделение обрезков А.В. Курбатовым (*Курбатов*, 1997а. С. 289; 2007. С. 312) и Д.О. Осиповым (*Осипов*, 2014а. С. 127), дополненное указанием вида технологических отпечатков на поверхности (*Фатюнина*, 2019. С. 155–156).

Виды обрезков:

1. Обрезки с края кожевенного листа (5,76%).

Такие обрезки имеют утолщенный край (рис. 19, 1) и участки с неполной сгонкой волоса животного (рис. 19, 2–3). Подобные отходы свидетельствуют о том, что ремесленник располагал всей шкурой.

2. Удаленные непригодные участки и пороки шкур.

Они крайне малочисленны, представляют собой сморщенные участки кожи, локальные утолщения или участки с неравномерной толщиной (рис. 19, 4–5). К отбракованным участкам стоит отнести и испорченную лицевую поверхность ввиду чрезмерного нажатия острым инструментом при удалении мездры (рис. 19, 4).

3. Негативы раскроя деталей (рис. 19, 6–10) (2%).

Такие обрезки, как правило, имеют своеобразную фигурную форму и позволяют представить вырезанную деталь. На крупных обрезках можно заметить, что мастер размещал детали на кожаном листе максимально плотно друг к другу, снижая тем самым количество отходов (рис. 19, 7). Но чаще

всего встречается небольшая часть фигурного обрезка, в связи с чем проследить вырезанную деталь затруднительно.

4. Геометрические или близкие к геометрической форме обрезки (47,14%).

Преобладающая по количеству группа обрезков первичного раскроя. Обрезки геометрических и подгеометрических форм – это участки кожи, оставшиеся после вырезания деталей (рис. 19, 11–15). Большое их количество и мелкий размер также свидетельствуют о довольно плотном расположении деталей на кожаном листе для экономии расходуемого материала.

5. Нитевидные обрезки (44,5%).

Этот весьма внушительный по количеству вид отходов образовался после окончательной подгонки детали по форме или выравнивания ее края (рис. 19, 16–19).

Технологические отверстия

На обрезках первичного раскроя присутствуют технологические отверстия двух видов: округлые (рис. 20, 1а) и продолговатые (рис. 20, 1б, 2–3). Такие отверстия остаются от прибивания шкуры кольщиками или гвоздями к земле или доске с целью ее фиксации во время снятия мездры или удаления волоса, а также могут свидетельствовать о вероятном развешивании (или растягивании) шкур для сушки на заключительном этапе кожевенного процесса (Kowalska, 2017. С. 183). По мнению А.В. Курбатова, подобные отверстия остаются от деревянных шпеньков, которыми шкуру закрепляли на деревянной раме при сушке (Курбатов, Мирецкий. 2011. С. 275).

Отверстия от крепления шкуры располагаются по линии на равноудаленном расстоянии друг от друга. Стоит обратить внимание на обрезок, через продолговатое отверстие которого продернут и завязан узлом тонкий кожаный шнурок (рис. 20, 3). Возможно, крепление шкуры на раме осуществлялось при помощи кожаных шнурков, как это представлено на

средневековой миниатюре в «Нюрнбергских Домовых книгах» (*Hausbuch...*) (рис. 5, 1).

Часть обрезков с технологическими отверстиями – это обрезанный край кожаного листа до начала выкройки деталей (рис. 20, 1), другие являются негативом раскроя и несут в себе информацию о вырезанной заготовке детали (рис. 20, 2).

Наряду с кожаными обрезками фиксируются обрезки от раскроя берестяных вставок в задники сапог, количество которых также исчисляется сотнями. Некоторые из них довольно крупные, хорошо прослеживается форма детали (рис. 21, 1–2, 4) и заметно, что вырезанные изделия с целью экономии материала прилегали друг к другу очень близко (рис. 21, 1, 4). Многие обрезки стандартизированной формы – это часть негатива вырезанного изделия (рис. 21, 5–12). Более мелкие обрезки остались от подгонки вырезанной вставки до нужного размера (рис. 21, 13–24). Примечательно, что практически на всех образцах видны следы раскроечной разметки изделия, нанесенные острым тонким инструментом (рис. 21, 25–26). Сами вставки вырезались ножом, так что боковины обрезка с внутренней стороны косо скошены, линии плавные и ровные (рис. 21, 2). Встречаются неудачные образцы вырезания: линия разметки на негативе, а боковины вырезаемой вставки обломились (рис. 21, 27).

Следующая по количеству группа отходов представлена **вторичными обрезками** деталей сапог (прил. 1, табл. 14а, 14б). Среди них выделяются:

1. Нитевидные обрезки со следами шва.
2. Геометрические обрезки – вырезанные сильно изношенные участки детали сапога и места с ремонтом.
3. Крупные обрезки, подготовленные к вторичному применению.
4. Негативы вырезанных изделий.

Обрезки вторичного раскроя говорят о перешиве мастером старых кожаных изделий. Множество обрезков принадлежит бывшей в употреблении обуви: места ее наибольшей изношенности, участки со следами

крепления заплат, тогда как годные для вторичного использования хорошие части деталей вырезаны. Из точно определенных вторично раскроенных компонентов обуви преобладают обрезки *голешиц* – 29,3%, что неудивительно ввиду размера этой детали, наиболее подходящей для повторного применения. Выявлен обрезок голенища со следами обшивки его верхнего края и с декоративным круглым вырезом, обшитым полоской кожи. Найден обрезок голенища со следами ремонта. О том, что чаще всего вырезалось голенище, говорят и задники со срезанным верхом, надрезы в районе верха головки, сшивавшегося с нижней частью голенища.

Обрезки *головак* (4,7%) в основном представлены участками с шовными отверстиями, в единичном случае прослежен орнамент тиснением. Характер обрезков *поднаряда* (подкладка) (3,8%) указывает на то, что подкладка повторно разрезалась вместе с головкой. В рассматриваемом скоплении отходов присутствуют обрезки 16 неполных поднарядов (копируют головку не полностью, а усиливают ее лишь в местах нахождения швов) и в пяти случаях определение вида поднаряда затруднено.

Находки вторично раскроенного *задника* и *внутренней вставки* в задник малочисленны (2,7 и 0,5%). Единичные обрезки *подошвы* и *слоя внутреннего наборного каблука* (0,9 и 1,5%), возможно, свидетельства починки низа обуви. Удаленные участки со следами ремонта составляют всего 1,4%. Среди отходов вторичного раскроя 54,9% обрезков приходится на изделия, атрибуции которых затруднительна в связи с небольшим размером обрезка.

Абсолютное преобладание обрезков первичного раскроя является свидетельством, что в распоряжении ремесленника было достаточное количество нового кожаного материала. Наличие небольших по размеру как первичных, так и вторичных отходов указывает на стремление к экономии сырья, что характеризует профессионализм мастера.

По негативам вырезанных изображений на обрезках обоих видов четко просматриваются задники и головки с вогнутым носком.

Наряду с обрезками от раскроя обнаружены **детали сапог** разной степени сохранности в количестве 103 единиц.

Стоит привести краткую характеристику головок сапог как наиболее фасонообразующих деталей (8 ед.). Одна головка со следами крепления неполного поднаряда была вторично раскроена: ее носок обрезан. Форма кроя другой головки не прослежена из-за плохой сохранности. Три головки из пласта 7 имеют вогнутый носок, неполный двухчастный поднаряд. Такой фасон бытует в Переяславле Рязанском со второй половины XV в. и в XVI в. (см. Главу 5.1), что полностью согласуется с датировкой, полученной для этих культурных напластований по керамическому материалу. Одна головка орнаментирована тиснением. Три головки из пласта 8 (одна из них обнаружена в пределах сооружения) имеют заостренный носок и неполный двухчастный поднаряд. Одна из них со следами вторичного раскроя. В Переяславле Рязанском встречаются в культурных напластованиях первой половины XV в., распространение получают в середине – второй половине XV в. (см. Главу 5.1).

Необходимо отметить, что из пяти задников два также были вторично раскроены, а один из каблучных фликов выполнен из головки, орнаментированной тиснением, со следами крепления неполного поднаряда. При зачистке квадратов на глубину -193 – -195 см найдена головка с удлиненным вытянутым носком и неполным двухчастным поднарядом, которая имела следы вторичного раскроя.

Другие изделия (51 ед.) представлены *обрезками с узелками* (42 ед.), выполненными в различных техниках завязывания. Есть узелки на оконечностях обрезков (рис. 74, 4–5, 7, 10); узлы, скрепляющие несколько обрезков (рис. 74, 8, 13); узлы, связывающие обрезки для увеличения их длины (рис. 74, 1); узлы, образующие петлю (рис. 74, 12); разные виды узлов на изделии (рис. 74, 19, 22). Интересен тонкий кожаный *обрезок, обернутый вокруг деревянной палочки* и завязанный простым двойным узлом (рис. 74, 14).

Кроме того, найден тонкий обрезок с загнутой и перекрученной оконечностью, пять трапециевидных *наперстков*, и декорированные прорезным орнаментом *ножны* со швом по центру тыльной стороны.

Таким образом, изучение многотысячных отходов дает важную информацию для исследования производственных навыков ремесленника. Существенное преобладание обрезков первичного раскроя свидетельствует, что недостатка нового материала для изготовления обуви не было. Анализ формы края головок позволяет датировать скопление концом XV – началом XVI в.

4.3. Инструментарий

Инструменты, связанные с кожевенно-сапожным производством, в Переяславле Рязанском довольно малочисленны (прил. 2, табл. I).

Специализированный инструментарий, применимый при работе с кожей, был отмечен Б.А. Колчиным (*Колчин*, 1953. С. 19, 128–130). В последние годы инструменты кожевников и оборудование кожевенных мастерских по материалам ряда средневековых городов охарактеризованы подробно (*Курбатов*, 2012а. С. 88–97; *Осипов*, 2012. С. 107–115; *Сингх*, 2009. С. 74–75). Специализированный сапожный инструментарий так же хорошо известен (*Курбатов*, 2012а. С. 100–114; *Осипов*, 2012. С. 123–132).

К универсальным инструментам исследователи относят круглые в сечении шилья, ножницы, оселки, иглы и кожаные наперстки (*Осипов*, 2014а. С. 120). Здесь стоит отметить и крайне редко встречающийся *наперсток* из цветного металла, обнаруженный в ходе охранных работ на Нижнем посаде Переяславля Рязанского (рис. 22, 13). Единичные подобные находки происходят из московского Кремля и Зарядья (*Осипов*, 2014а. С. 120), с территории Болгарского городища (*Бадеев, Валиев*, 2023. С. 286), а также из Свяжска (*Ситдииков, Старков*, 2022. С. 359) и Мангазеи (*Курбатов*, 2011. С. 189). Среди миниатюр Нюрнбергских домовых книг под 1425 г. замечен сюжет изготовления наперстков (*Hausbuch... Folio 5 verso (Mendel I)*).

В Переяславле Рязанском выявлены следующие железные инструменты:

Сапожные ножи

Такие предметы, по Б.А. Колчину, имеют массивное, широкое и короткое лезвие с плавно закругленным острым концом клинка (*Колчин, 1959. С. 55–56, рис. 43*). Известны по материалам Новгорода (*Колчин, 1959. С. 55*), Твери (*Курбатов, 2004а. С. 67*), Москвы (*Осипов, 2014а. С. 122*).

В Переяславле Рязанском нож с подобным лезвием был обнаружен А.Л. Монгайтом (рис. 22, 11). Нож имеет довольно короткий клинок, лезвие прямое, слегка загнутое вверх на конце.

Еще один сапожный нож происходит из раскопок И.Ю. Стрикалова с территории Нижнего посада (рис. 22, 12).

Шило

Специализированными сапожными являются ромбические в сечении шилья (*Колчин, 1953. С. 64; Курбатов, 2004а. С. 67; Курбатов, 2011. С. 189; Осипов, 2014а. С. 122*).

Одно шило с таким сечением обнаружил А.Л. Монгайт (рис. 22, 3).

Небольшое шило (длина стержня 80 мм) с деревянной рукояткой (длина 45 мм) найдено на Житном раскопе в слое конца XV – начала XVI в. (рис. 22, 4). Его стержень проходит через всю рукоятку. Второе шило, более массивное, обнаружено на Житном раскопе в слое второй половины XVI – начала XVII в. (рис. 22, 10). Еще четыре предмета из того же раскопа представлены фрагментами (рис. 22, 4, 5–9).

Вероятно, к шильям можно отнести инструмент, также имеющий ромбическое сечение, но оконечность которого немного изогнута (рис. 22, 6).

Молоток-гвоздодер

На Житном раскопе в культурных напластованиях конца XIV – первой половины XV в. найден молоток-гвоздодер (рис. 22, 2). Его длина 135 мм, длина головки 40 мм. Боек в сечении прямоугольный, слегка расплюсчен. Размер бойка 13 x 13 мм. Рукоятка в сечении четырехгранная, сужается на острие. Максимальное сечение рукоятки (у головки) 8 x 8 мм. Длина стержня

125 мм. Остряк оформлен в виде раздваивающейся пластины. Миниатюрные размеры молотка-гвоздодера позволяют определить его как сапожный инструмент.

Похожий, но чуть большего размера молоток-гвоздодер найден в 1983 г. на территории Кремля (рис. 22, 1), и еще один происходит с территории Нижнего посада.

Отмечу, что обнаружено несколько десятков железных сапожных гвоздей в слоях конца XIV – второй половины XVI в. на Житном раскопе. Там же, в слое середины – второй половины XV в. найдено скопление из 22 гвоздиков длиной 20 мм и диаметром шляпки 10 мм (рис. 22, 14). Прослеживаются как неиспользованные гвозди, так и уже бывшие в употреблении, вынутые, вероятно, с целью вторичного применения.

Колодка

В последнее время идет переосмысление использования деревянных колодок в качестве приспособлений исключительно для пошива обуви. Они уже не рассматриваются как показатель работы мастера. Более того, известны случаи их отсутствия в четко интерпретированных как сапожные мастерские сооружениях (Курбатов, 2018б. С. 220–221).

Среди переяславль-рязанских материалов встречен всего один предмет, определенный А.Л. Монгайтом как колодка для плетения лаптей (Монгайт, 1961. С. 182, 184, рис. 73, 3) (рис. 22, 15). Колодка изготовлена из цельного куска дерева, по форме приближена к человеческой стопе. На одном конце имеется выступ.

Как уже отмечалось выше, для отдельных операций по работе с кожей использовались метаподиальные кости (рис. 22, 16).

Дополнительную информацию о применявшихся мастерами инструментах позволяют получить образцы кожи с отпечатками.

4.4. Отпечатки на поверхности кожи

Кожа как материал легко проминается под небольшим давлением, и любое слабое нажатие при работе оставляет на ее поверхности следы. На переяславль-рязанских материалах удалось выявить отпечатки зубов человека и следы инструментов, применявшихся при работе с кожей. Дальнейшее исследование образцов с отпечатками проводилось под микроскопом. Результаты этого изучения приведены ниже.

Следы зубов ремесленников

Зубные вдавливания присутствуют как на обрезках первичного (с края кожаного листа, на участках кожи с технологическими отверстиями и с не полностью удаленным волосом животного) (Фатюнина, 2019. С. 156–157) и вторичного раскроя кожи, так и на сапожных деталях, бытовых вещах. Выявлены на Житном (рис. 16, 9–10) и Введенском раскопах (рис. 23–24). Степень вдавливаний различна: от едва заметных до очень отчетливых. Отпечатки зубного ряда расположены одиночной полукруглой группой или несколькими группами, иногда они перекрывают друг друга, а в отдельных случаях даже сливаются друг с другом.

По характеру отпечатков определено назначение использования зубов: технологическое; придавливание для сложения вдвое; функциональное; эксплуатационное.

Под технологическим назначением подразумеваются отпечатки, оставленные в результате технологического процесса.

1. Удержание. Сильный зажим челюстями позволял удерживать и прочно фиксировать в нужном положении кожаный лист. Отпечатки отчетливы и часто видны с обеих сторон (рис. 23, 1–2). Возможно, зажимали кожу при сгонке волоса или при удалении мездры.

2. Скобление. В этом случае фиксируются неглубокие следы от скользящих движений зубами по поверхности мерей (рис. 23, 3). Скобление

могло применяться для удаления волоса, который остался после золена и после сбивания тупым инструментом.

3. Растягивание. Под микроскопом прослеживается скольжение зубов до момента прочной фиксации у края кожного листа (рис. 23, 4), при этом руками кожа оттягивалась движением «от себя». Заметно также, что кожа на этом участке действительно растянулась.

4. Жевание. Фиксируются хаотичные и неглубокие следы верхних и нижних зубов на коже (рис. 23, 5–6). Операция проводилась для размягчения кожи.

Стоит отметить, что существенно преобладают вдавливания после зажима зубами с целью удержания кожи и ее растяжения.

Такие технологические приемы задействования человеком собственных зубов в процессе работы с кожей известны по этнографическим материалам⁴ (Фатюнина, 2022. С. 159). Подобные следы на производственных отходах указаны в материалах X–XI вв. в Англии, Шотландии, Германии (Mould, 2003. P. 3264–3265).

Помимо рассмотренного технологического назначения применения зубов среди переяславль-рязанских находок можно выделить примеры прижимания зубами с целью сложить кожу вдвое (рис. 24, 1).

Еще одно определяемое применение зубов – функциональное. Выявление образцов с такими отпечатками говорит о том, что оставлены они не только занятыми в кожевенном производстве ремесленниками. Конструкция застежки изделия/одежды нуждалась в механическом воздействии для фиксации сложения, которое и было выполнено зубами (рис. 24, 2).

Последняя определяемая категория назначения зубов – эксплуатационная, т.е. следы оставлены на вещи в процессе ее эксплуатации. Отпечатки верхнего и нижнего зубного ряда зафиксированы на передней части двухчастного кососрезанного голенища, происходящего из слоя

⁴ Выражаю огромную благодарность д.и.н. Д.О. Осипову за консультацию.

последней трети XV в. на Житном раскопе (рис. 24, 3). По расположению на удаленном расстоянии друг от друга верхней и нижней челюсти можно утверждать, что укус был совершен после того, как голенище сапога сложили вдоль, а потом поперек. Отпечатки верхней челюсти – центральные резцы, латеральные резцы, клыки; нижней – центральные резцы, боковые резцы, клыки. Так как была еще вторая часть голенища, кожа дальше не сминалась, она уперлась в уголки рта. В данном случае сапог, скорее всего, использовался как кляп.

Стоит отметить, что среди новгородских берестяных туесков выявлены экземпляры, декорированные «покусыванием» (*Ярыш*, 2002. С. 102–107), Т.С. Матехина отмечала кожаное изделие, на котором «остались следы, похожие на отпечатки зубов при надкусывании» (*Матехина*, 2019. С. 261).

Статистическая обработка переяславль-рязанских образцов с прослеживаемыми вмятинами от зубов человека позволяет сказать, что среди материала выборки (четыре квадрата с высокой концентрацией кожаных обрезков) таких находок 7,3% от общего количества обрезков первичного раскроя кожи (прил. 1, табл. 13а, 13б). А если исключить нитевидные обрезки, небольшие размеры которых не дают возможности проследить отпечатки, то количество возрастет до 13,1%.

Стоматологическому анализу были подвергнуты 16 произвольно взятых экземпляров. Исследовались как сами артефакты, так и их фотографии, сделанные микроскопом Levenhuk DTX RTC4 при оптическом увеличении до 40 крат под разным углом освещения и степенью освещенности при различном положении образца на исследовательской панели. Для изучения применялись методы осмотра, анализа глубины отпечатков с помощью градуированного зонда.

Удалось установить, что, судя по характеру окклюзионных отпечатков в представленных образцах, это закусы, оставленные разными людьми, а в пределах конкретного образца отпечатки идентичны. Полученный вывод является косвенным подтверждением значительного количества

ремесленников, занимавшихся обработкой кожи и пошивом кожаных изделий в Переяславле Рязанском в XV–XVI вв. Высказанное предположение согласуется с данными писцовых книг по русским городам, свидетельствующим, что специальности кожевник и сапожник были самыми многочисленными (Осинов, 2012а. С. 96). Связано это с постоянно растущей потребностью населения в такой необходимой вещи, как обувь, а «каждый из кожевников выделял относительно небольшое количество кож, что объясняется технологическими особенностями и возможностями производства» (Курбатов, 2012а. С. 69).

Половозрастное определение отпечатков позволяет сделать предварительный вывод о том, что это люди разного возраста. Об этом говорит ширина каждого вдавливания и встречающаяся не везде равномерная глубина отпечатков и расстояние между зубами. Например, определены резцы нижней челюсти молодого человека (рис. 23, 1).

По характеру закусов не отмечается выраженной патологии прикуса. На всех закусах зубы стоят по дуге, лишь на четырех отпечатках видно нарушение легкой степени: поворот зуба в зубном ряду не более 15 градусов – тортоаномалия (рис. 24, 5). На одном образце заметны очень острые отпечатки (рис. 24, 4), возможно, режущих краев с острой вестибулярной поверхностью и вертикальной стертой небной поверхностью. Можно предположить, что вертикальная форма повышенной стираемости при глубоком резцовом перекрытии возникла при функциональной перегрузке этих отделов зубного ряда.

Четкая картина была получена на образце с наиболее информативными отпечатками пяти передних зубов (рис. 24, 5). По ним можно сказать, что это вмятины от верхних двух центральных резцов, двух латеральных и клыка. По рельефу видно, что все зубы имеют острые глубокие отпечатки режущих краев (т.е. это может быть человек до 30 лет), кроме одного центрального резца. Отпечаток этого резца имеет широкую фасетку стирания на режущем крае, менее погруженную в кожаные закусы. Разница погружения,

промеренная градуированным зондом, составляет 1,2 мм. Это свидетельствует о повышенной стираемости зубов (по форме и состоянию режущих краев), локализованной (так как стерт только один зуб), декомпенсированной формы (отпечаток стертого зуба менее погружен в закуску на 1,2 мм). Можно предположить, что этим зубом удерживались твердые жесткие предметы (гвозди, иглы). Дополнительно прослеживается треугольный скол на стертой фасетке, возможно травматического происхождения. Зуб слегка развернут по оси. Отпечатки режущих краев зубов между собой имеют промежутки между медиальными и латеральными поверхностями, т.е. имеются тремы (межзубные промежутки) и диастема (щель между передними зубами верхней челюсти). Происхождение их может быть и не врожденного характера, а являться причиной пародонтальной миграции из-за наличия травматического узла в переднем отделе.

Разработанная методика выявления и исследования кожаных изделий с отпечатками зубов представляется перспективной, поскольку позволяет уточнить характер работы с кожей в средневековье и получить информацию об антропометрии русских ремесленников, основываясь на результатах стоматологических анализов.

На обрезке (Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, -175 – -185) со следами жевания кожи (рис. 23, 5), наряду с несколькими рядами отпечатков, идентичных отпечаткам зубов верхней челюсти (два центральных резца) и нижней челюсти (четыре резца), выявлены и другие вдавливания, характер и происхождение которых не систематизированы и не ясны из-за их нечеткости. Так поиск зубных отпечатков на ремесленных отходах позволил выявить новый вид отметин на коже – следы инструментов.

Технологические отпечатки

Технологические отпечатки на внешней и внутренней стороне кожи характеризуют применявшиеся инструменты.

Разметка

Удалось проследить (на материалах шурфа в архиерейском саду, на Житном и Введенском раскопах) как грубую разметку листа для обозначения подходящих для работы участков кожи, так и более аккуратную разметку контура выкраиваемой детали. Линия разметки процарапывалась заостренным предметом (рис. 25, 3) или вдавливалась тупым инструментом (рис. 25, 4–5). Такие линии наносились с учетом небольшого припуска, поэтому после вырезания детали они оставались на обрезках.

Стоит отметить обрезок с хаотичными надрезами в виде прямых линий на поверхности, нанесенными с разной степенью нажатия, вероятно ножом (рис. 25, 6).

Обнаружен нитевидный обрезок (Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, -165 – -175) с волнообразной деформацией, созданной, вероятно, с применением твердого инструмента (рис. 26, 1). Это инструмент с небольшой рабочей поверхностью эллипсоидной формы, оставившей неглубокие попарные следы, которые сформировали защипы.

Еще один обрезок, сложенный вдвое (Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, -165 – -175), имеет следы технологической обработки при помощи инструмента, отличного от вышеописанного – он оставил неглубокие удлиненные вдавливания (рис. 26, 2).

Наиболее информативны в плане поиска сохраняющихся отметин от инструментов крупные обрезки первичного раскроя кожи (рис. 27). На одном таком образце (Введенский раскоп), размером 230 x 75–190 мм, имеющем утолщенные края кожаного листа с волосом животного, заметны и участки на поверхности кожи с не полностью согнанным волосом (рис. 27, а). Прослежена линия разметки контура детали, продавленной тонким инструментом (рис. 27, б). Со стороны бахтармы отчетливо видны следы удаления мездры при помощи острого инструмента с горизонтальной рабочей поверхностью шириной 30–45 мм (рис. 27, в–г, ж). Возможно, для снятия мездры был применен железный резец, что подтверждает атрибуцию

новгородских железных лопаточек с заостренным рабочим краем с шириной лезвийной части от 30 до 40 мм как резцов для снятия мездры (Сингх, 2009. С. 74–75; табл. 38). Замечен небольшой участок, где режущий инструмент срезал не только подкожную клетчатку, но и зацепил дерму (рис. 27, д). На этом образце просматриваются места, где мездра сбивалась тупым инструментом, вероятно так называемым тупиком (рис. 27, е), который, как указывают специалисты, помимо удаления мездры применялся и для сгонки волоса после золенья (Курбатов, 2012а. С. 88–89).

Известно, что для срезания и скобления мездры использовались также струги (Курбатов, 2012а. С. 88–90) и ножи (Там же. С. 103), но переяславль-рязанские образцы с надрезами на бахтарме слишком малы, поэтому проследить длину рабочей поверхности инструмента невозможно.

Иногда выявляется наложение разных видов отпечатков на одном образце: вмятины от зубов (рис. 25, 2а), короткие надрезы длиной 1 мм (рис. 25, 2б) и вдавливания, оставшиеся от тонкого притупленного инструмента с рабочей поверхностью 3 мм (рис. 25, 2в).

Можно предположить, что при выравнивании кромок кожного листа и при раскрое деталей использовался острый нож, а при вырезании мелких деталей – ножницы, которыми было удобнее работать. Об этом косвенно свидетельствуют обрезки: видны надрезы ножом поверхности (рис. 28, 11) и косой срез кожного листа ножницами из-за толщины разрезаемого материала (рис. 28, 8–9). Причем на обрезке зафиксированы сразу оба инструмента (рис. 28, 12).

Таким образом, тщательный анализ производственных отходов позволил выявить ряд технологических процессов по оставшимся отпечаткам на поверхности кожи. По переяславль-рязанским отпечаткам зубов удалось выделить их различное целевое назначение и получить данные о людях, оставивших их. Следы орудий позволили подтвердить применение конкретных видов кожевенно-сапожного инструментария в Переяславле

Рязанском, известных по вещественным, письменным, этнографическим источникам.

4.5. Ученические образцы

Категория «учебных материалов» была выявлена и подробно рассмотрена А.В. Курбатовым на примере тверских находок (*Курбатов, 2003а. С. 172–174; Курбатов, 2004а. С. 62*).

Тренировочные материалы в Переяславле Рязанском обнаружены как на Житном (рис. 16, 12–16), так и на Введенском раскопах (рис. 28–29) общим количеством менее сотни единиц. Большинство происходит из скопления сапожных отходов на Введенском раскопе.

К тренировочным материалам отнесены образцы, схожие с тверскими (*Курбатов, 2003а. С. 176, рис. 5*). Это нарезанные на тонкие полосы обрезки (рис. 29, 1–3), обрезки с нанесенными небольшими надрезами (рис. 29, 4–6) и прорезями на равноудаленном расстоянии друг от друга (рис. 29, 7–11). На сложенной вдвое обрезке наряду с надрезами прослеживаются отпечатки зубов человека (рис. 29, 10).

Кроме того, выявлены единичные обрезки с фигурными вырезами, по контуру проходят технологические отверстия (рис. 29, 12–14).

Прослеживаются обрезки, оставшиеся, видимо, от упражнения в вырезании ножницами мелких деталей (рис. 28, 4–10).

Непонятно, после каких операций остались обрезки с многочисленными небрежными надрезами ножницами. Не исключено, что это тоже своеобразные упражнения (рис. 28, 1–3).

К «учебному» материалу может быть отнесен образец с нанесенными по поверхности вдавливаниями сетки неровных квадратов (рис. 29, 15). На другом образце прорезаны горизонтальные линии, их пересекают две вертикальные (рис. 29, 16).

Здесь же стоит особо отметить шесть образков с прорезью и с продолговатыми технологическими отверстиями (рис. 28, 13–16). Похожи

своей формой на застежки (см. Главу 6.4; рис. 69, 6–10), но у рассматриваемых изделий неровные края и присутствуют технологические отверстия, нет следов нашивания на основу, обычно прослеживающиеся как точечные отверстия. На одном – отпечатки зубных вдавливания. Все это позволяет считать эти находки тренировкой выполнения застежек.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что ввиду малочисленности обнаруживаемого ремесленного инструментария дополнительную информацию дают следы инструментов, оставшиеся на коже. Исследование всего массива отходов сапожного производства, учитывая запечатленные на их поверхности отпечатки, позволяет реконструировать различные технологические процессы, происходящие во время работы с кожей.

ГЛАВА 5. Кожаная обувь Переяславля Рязанского.

5.1. Реконструкция обувных моделей.

5.1.1. Поршни, туфли, полусапожки

Малочисленность и фрагментарность обувных деталей из ранних городских слоев, их плохая сохранность ввиду смены влажного слоя на сухой, наличие неидентифицированных изделий существенно затрудняют реконструкцию обувных моделей XII – первой половины XIV вв.

По результатам изучения немногочисленных материалов указанного периода из раскопок А.Л. Монгайта, В.И. Завьялова были выделены такие виды обуви, как поршни, туфли, полусапожки (по терминологии С.А. Изюмовой).

Поршни

На Житном раскопе полных форм этого простейшего вида обуви не зафиксировано, а их обрывки крайне невыразительны. К поршням они отнесены предположительно по наличию линии прорезей для продевания ременной оборы. Как вид обыденной обуви поршни древнерусского образца выходят из употребления в XIV – начале XV в. (*Курбатов*, 2012а. С. 23), хотя в редких случаях сохраняются вплоть до конца XVIII в. (*Осипов*, 2006. С. 40; *Богатова и др.*, 2016. С. 248). На Житном раскопе фрагменты поршней происходят из слоя второй половины XII – первой половины XIII в.

Единичная находка обнаружена на Введенском раскопе в слое середины XV в. (рис. 30, 1). Это фрагмент пяточной части поршня со следами сильного эксплуатационного износа и крепления усилительной подметки. Внутри вложена плетеная лыковая стелька.

Туфли

Мягкие туфли были основной обувью в древнерусских городах до середины XIV в. (*Курбатов*, 2012а. С. 24). Несмотря на их широкое распространение, среди переяславль-рязанских материалов они представлены всего 10 фрагментами довольно плохой сохранности,

обнаруженными в материалах из раскопок А.Л. Монгайта и на Житном раскопе (рис. 30, 2–4). На туфлях можно выделить следующие виды декора:

Расшивка. Выявлена на пяти фрагментах туфель XII–XIII вв. (рис. 30, 2).

Продёржка. Небольшие прорези использовались для пропуска тонких ремешков, а также являлись самостоятельным орнаментом, нередко дополнявшим расшивку (рис. 30, 2–3). Орнамент на туфлях по материалам Твери встречается и в XIII–XIV вв. (*Курбатов*, 2004а. С. 45–46).

Полусапожки

К деталям этого вида обуви отнесены четыре голенища, происходящие из заполнения материковой ямы на Житном раскопе (рис. 30, 5–6). Высота задних частей двухчастных кососрезанных голенищ составляет 14–15 см. Присутствие в яме № 48 вместе с голенищами таких хроноиндикаторов, как красноглиняные амфоры, стеклянные браслеты, топор, который близок к типу 1А по А.Н. Кирпичникову, позволяет с известной долей вероятности датировать комплекс из ямы второй половиной XII – серединой XIII в. Этот вид обуви встречается в Смоленске (*Осинов, Соболев*, 2014. С. 348–349), Твери, Новгороде, Ярославле, Москве и бытует до конца XIV в. (*Осинов*, 2014а. С. 40).

5.1.2. Сапоги

Подавляющее большинство обнаруженных в Переяславле Рязанском обувных деталей относится к сапогам – самому распространенному виду обуви горожан в средневековье. В домонгольских коллекциях сапоги встречаются довольно редко, а доминирующим видом становятся со второй половины XIV в. (*Осинов*, 2014а. С. 60). По материалам Твери сапоги жесткой конструкции появляются в середине – второй половине XIV в. (*Курбатов*, 2012а. С. 153).

Сапоги имеют следующую конструкцию: детали верха (голенище, головка, задник), детали низа (подошва, каблук), дополнительные детали (поднаряд, стелька, обшивка края) (рис. 31).

Изготовление сапог начиналось с раскроя необходимых деталей. На куске кожи процарапывалась заостренным предметом или вдавливалась тупым инструментом линия раскройной разметки. При недостаточном размере кожного листа делали так называемую дотачку детали: выкраивали недостающие кусочки. Подогнанные по размеру детали сшивались различными видами швов (рис. 31), подробная характеристика которых и графическая схема их отображения приведена А.В. Курбатовым (Курбатов, 2004а. С. 19).

Тачной шов применялся для соединения краев двух деталей, приложенных друг к другу торцами. Нить проходила с внутренней стороны кожи в торец детали, без выхода на лицевую сторону. Таким швом сшивались между собой передняя и задняя часть голенища, нижний край голенища соединялся с головкой и задником.

Сквозной прямой шов использовался для соединения деталей, когда они, наложенные друг на друга, прокалывались по краю иглой сквозь всю толщю слоев кожи. *Выворотный шов* применялся для соединения краев двух деталей, сложенных лицевыми сторонами, после сшивания их выворачивали на обратную сторону, чтобы шов остался внутри. Головка и подошва скреплялись одним из этих способов, а задник с деталями низа – сквозным швом.

Переметочный шов сшивал две детали краями. Выполнялся в одну нить, поочередно выходящую на лицевую и тыльную сторону деталей. Швом крепились между собой половинки поднаряда.

Потайной шов скреплял таким образом, что шов проходил в толще кожи, не выходя на лицевую поверхность. Использовался для крепления подошвы с верхом.

Осмотр переяславль-рязанских деталей сапог непосредственно после извлечения из культурного слоя позволил выявить остатки нитей, сохраняющихся в деструктированном виде в шовных отверстиях. Нити

обнаруживаются во всех типах швов, соединяющих все составные детали сапога (рис. 32).

По результатам анализа н.с. ИА РАН, к.и.н. И.И. Ёлкиной (Ёлкина, 2020) удалось установить, что нити свиты из растительных волокон, возможно льна, нити неокрашенные. На поверхности нитей, крепивших задник с подошвой (рис. 32, 1) и подошву с внутренним каблуком (рис. 32, 8), зафиксирован налет, что, вероятно, является следами вошения, которое наносилось для прочности нитей. Для сшивания кожаных изделий использовались либо сдвоенные нити Z-крутки, либо две нити, свитые вместе, образуя крутку 2ZS. Толщина нитей и величина шага шва зависели от типа шва.

При полевой фиксации изделий удастся обнаружить и остатки цветных нитей. Методом жидкостной хроматографии был проведен анализ декоративных нитей визуально слабо прослеживающегося красновато-коричневатого цвета на фрагменте верхнего края голенища сапога (рис. 32, 9). Согласно полученным результатам, цвет нити был алым или оранжево-красным (Карпова, 2019).

Помимо нитей для соединения деталей обуви применялось дерево. Задник жесткой конструкции крепился к подошве при помощи деревянных шпешков (рис. 33, 1–3). Чаще всего сохраняются железные стерженьки или гвоздики со шляпками. Но выявленные при полевой фиксации деревянные стерженьки свидетельствуют, что они применялись наряду с железными.

Ввиду того, что в основном обувь представлена разрозненными деталями сапог, соотношение которых варьируется на протяжении рассматриваемого периода (прил. 1, табл. 17–18), их характеристика приводится ниже по группам.

I. Детали верха.

Головка (рис. 34; 36, 1–6). Является фасонообразующей в обуви, поскольку ее край, сопутствующая ей подкладка-поднаряд и орнаментация менялись на протяжении времени.

Для XII–XIII вв. типична головка со слабо заостренным носком и прямым или слабо вогнутым краем верха, а также короткими кососрезанными боковинами. Подкладка отсутствует (рис. 34, 1).

В культурных напластованиях середины – второй половины XIV в. на Житном раскопе обнаружена головка с острым носком, прямым, слабо вогнутым или слегка выступающим верхом, с помещенным вдоль бокового края узким двухчастным поднарядом (рис. 34, 2; 37, 3) по материалам Житного и Введенского раскопов фасон бытует на протяжении XV в. (прил. 1, табл. 19–20).

Головка с острым носком, на самом краю которого совсем небольшой вырез под заостренный носок подошвы (рис. 37, 2, 4; 50, 1) в Переяславле Рязанском фиксируется в слое XV в. (прил. 1, табл. 21–22). По материалам Москвы датирована рубежом XV–XVI вв. (Осинов, 2014. С. 41).

Головка с зауженным и вытянутым носком и слабо заостренным краем верха при неполном поднаряде (рис. 34, 3–4; 47, 1; 50, 4) бытовала, по мнению исследователей, в третьей четверти XV в. (Осинов, 2014а. С. 41) или на рубеже XV–XVI вв. (Курбатов, 2016а. С. 214). В Переяславле Рязанском на Житном и Введенском раскопах фиксируется в культурных напластованиях с первой половины XV в. (прил. 1, табл. 19–20). Этот фасон несколько схож с описанным выше и по мнению А.В. Курбатова, их следует относить к одной группе (Курбатов, 2016а. С. 214–215). По материалам Переяславля Рязанского прослеживается разница в оформлении их носочной части, поэтому они рассмотрены по отдельности, как это сделано по московским деталям (Осинов, 2014а. С. 41). У головки с зауженным и вытянутым носком в носочной части обнаруживается кусочек древесины, помещаемый для придания формы.

Стоит отметить головку, происходящую из слоя второй половины XV в. Ее носок сильно вытянут и загнут вверх (рис. 50, 3). Выявлена в единичных экземплярах на Житном и Введенском раскопах.

В слоях середины – второй половины XV в. обнаруживается головка с округлым носком и прямым или слегка вогнутым верхом и неполным поднарядом (рис. 37; 49, 2; 50, 1) (прил. 1, табл. 21–22).

Еще один фасон представлен головкой с вогнутым носком и прямым или слабо заостренным верхом (рис. 38, 7–8). На Житном и Введенском раскопах такой фасон с неполным поднарядом и без орнамента начинает фиксироваться в единичных экземплярах в слое середины XV в. Во второй половине XV в. количество головок возрастает, они орнаментируются, иногда начинает встречаться полный, дублирующий головку поднаряд. Бытуют одновременно с головками, имеющими зауженный и вытянутый носок и с остроносими головками с небольшим вырезом на краю. Доминирующим фасон с вогнутым носком становится с конца XV в. и в это время экземпляров с полным поднарядом становится больше (прил. 1, табл. 21–22).

Орнаментация охарактеризованного выше фасона представлена следующими видами.

Линование. На головках имеются неглубокие прямо прочерченные линии (рис. 37, 6), а также линии, расположенные «елочкой» в различных вариациях (рис. 37, 7–9; 38, 7; 47). У головок с таким орнаментом поднаряд преимущественно неполный, фиксируются в слое второй половины XV – начала XVI в.

Тиснение (рис. 37, 11; 46, 3а, 4а). Глубокие прямые линии характерны для головок рассматриваемого фасона с преимущественно полным поднарядом. Распространены в основном в XVI в., но начинают фиксироваться в конце XV в. и продолжают бытовать и в XVII в.

Аналоги головкам с тиснением встречены в Ивангороде (*Курбатов*, 2004. С. 501, рис. 201, 2; 503, рис. 203, 1.2, 2.2), Казани (*Валиев*, 2009. С. 116, рис. 3, 22–23), Новгороде (*Осипов*, 2012. С. 37, рис. 62, 1), Москве (*Осипов*, 2014а. С. 41–42; 200, илл. № 21, 8–9), Вологде (*Андрианова, Фёдоров*, 2023. С. 104, рис. 5, 1) и в других городах.

Обращает на себя внимание головка с вогнутым носком и неполным двухчастным поднарядом. С внутренней стороны прослеживаются три шва, выполненные толстыми нитями, которые как бы нанизывают складки, образованные тиснением (рис. 49, б). находка головки с тремя стяжками единична, обычно по центру детали помещались две стяжки.

Можно отметить еще одну головку такого же фасона. Орнамент тиснением сначала был нанесен на одну половину головки, потом на другую, что прослеживается как в прерывании линии, так и ее смещении (рис. 49, 4).

Расшивка. На Житном раскопе головки с изображением растительного орнамента обнаружены в количестве девяти единиц (рис. 39, 1–9). На Введенском раскопе расшитое изображение есть на фрагменте плохой сохранности (рис. 39, 10) и на заплатке (рис. 39, 11), происходящих из слоя середины XV в. Подобные находки, как указывают специалисты, крайне редки (Осипов, 2006. С. 65; Курбатов, 2008а. С. 251). Расшивка присутствует среди материалов Ивангорода, Новгорода, Вологды (Курбатов, 2017а. С. 96); в московском Зарядье зафиксирована находка расшитой сапожной головки (Осипов, 2014а. С. 76–77). В этой связи коллекция Переяславля Рязанского представляет несомненный интерес.

Основное время бытования головок с расшивкой приходится на XVI в. У этих головок полный двухчастный поднаряд, орнаментированы глубоким тиснением. На протяжении времени наблюдается некоторое видоизменение рисунка, его усложнение. Так, растительное изображение на головке с неполным двухчастным поднарядом из слоя XV в. (рис. 39, 1) не столь сложное по сравнению с находками более позднего периода (рис. 39, 2–6). Два фрагмента плохой сохранности (рис. 39, 7–8) происходят из напластований второй половины XIV в., однако один из них обнаружен в заполнении более поздней ямы, а второй – в непосредственной близости от нее.

Подобные орнаментальные мотивы А.В. Курбатов относит к восточному стилю (Курбатов, 2015г. С. 64). Расшивка несколько схожа с традиционными

татарскими приемами украшения обуви. «Восточные» традиции Среднего Поволжья проникали в русские города благодаря личностным и торговым контактам (Курбатов, 2017а. С. 96).

Возвращаясь к неорнаментированным головкам, можно отметить находки второй половины XVI в. Головка имеет тупой носок и выгнутый край верха (рис. 36, 5).

У головки рубежа XVI–XVII вв. округлый слабо заостренный носок и удлиненные крылья (рис. 36, 6). Аналоги есть в материалах Москвы (Осипов, 2014а. С. 42).

По материалам Житного и Введенского раскопов прослеживается сосуществование фасонов сапог в XV в., тогда как в XVI в. фасон представлен вогнутым носком головки, в который вшивался загнутый наверх носок подошвы.

Голенище (рис. 35, 1–4; 40, 1–9, 13). Все они двухчастной конструкции, прямой или трапецевидной формы. Край верха прямой, округлый или кососрезанный. Несмотря на большую пригодность ко вторичному использованию, чем другие детали, на Житном и Введенском раскопах присутствуют целые голенища (прил. 1, табл. 19–20). Стоит обратить внимание, что на Введенском раскопе в слоях середины – второй половины XV в. существенно преобладают сохранившиеся в двух частях голенища, тогда как на Житном раскопе преимущественно обнаруживаются лишь одна составная деталь голенища.

Для сапог XIV–XV вв. характерны голенища, не требующие отдельно выкроенного и пришитого задника (рис. 40, 10; 46, 2д). На некоторых голенищах заметны следы дотачки, которая могла быть сделана как изначально при раскройке детали из-за нехватки материала, так и впоследствии при ремонте износившегося участка голенища (рис. 40, 8; 46, 3ж). Верхний край обшивался (рис. 40, 4–5, 8–9), в единичных случаях верхний край загибался внутрь и подшивался (рис. 49, 7).

Орнаментация голенищ разнообразна.

Расшивка. Довольно редкий декор по сравнению с другими видами украшений (рис. 32, 10; 40, 15; 83, 5). Встречен на четырех фрагментах из слоя XVI в. на Житном раскопе.

Декоративный надрез со швом. Такой декор проходил параллельно верхней части голенища (рис. 32, 10; 40, 5). Тачной шов, выполненный по краю неглубокого надреза, являлся самостоятельным орнаментом. Прослеживается работа мастеров разного профессионального уровня, на что указывают как очень аккуратные ровные надрезы, так и весьма небрежные. Зафиксирован случай чрезмерного нажатия на инструмент, приведший к полному разрезу кожи на отдельных участках голенища (разрыв возник, скорее всего, при эксплуатации). С внутренней стороны этого образца есть шесть прямых неглубоких насечек разной длины, выполненных тем же инструментом, что и сам надрез. Это может быть интерпретировано как проверка мастером рабочего инструмента перед непосредственным началом работ.

Вместе с тем, этот прием использовался и для крепления широкой обшивки верха голенища (рис. 50, 10). Один край обшивки крепился к надрезу, а второй к верху детали.

Изделия с таким оформлением, в том числе голенища сапог, обнаружены в Москве в культурных напластованиях XV–XVI вв. (Осипов, 2014а. С. 78), Новгороде (Матехина, 2019. С. 268), Казани (Валиев, 2009б. С. 116. Рис. 3, 1) и других городах. По мнению Т.С. Матехиной, подобный шов на надрезе может относиться к изделиям восточного облика (Матехина, 2019. С. 268).

Зубчатый край. В переяславль-рязанских материалах представлены три голенища, нижний край передней части которых завершается зубцами, имеющими на оконечности и по обе стороны заметные отверстия от шва. Обнаружены при раскопках Н.П. Милонова в архиерейском саду и на Житном раскопе (рис. 14, 10; 40, 13). Около десяти обрезков с таким украшением выявлены на Житном и Введенском раскопах в слоях второй

половины XV – XVI в. (рис. 40, 12; 49, 9–10). Аналогии голенищам с подобным декором есть в Ивангороде в слое конца XV – первой половины XVI в. (Курбатов, 2012а. С. 505, рис. 205, 1.1, 2.1). Похожее оформление края зафиксировано на голенищах, обнаруженных в Казани, датируемых серединой – первой половиной XVI в. (Валиев, 2009б. С. 120, рис. 6, 1, б), и Пскове (Курбатов, 2010а. С. 427, рис. 9, 5).

Кроме того, выявлены три обрезка, которые могли относиться к деталям сапог. Обрезки стыкуются: линия шва соединяет встык края деталей, образуя волнистую линию, длиной около 160 мм (рис. 40, 11). Прослеживаются следы тачных швов по двум краям. Вероятно, это стык края нижней части голенища и головки. Они датируются первой половиной XVI в. Похожее оформление верха головки прослеживается в материалах Новгорода (Матехина, 2019. С. 283, рис. 4, 7–8; 284, рис. 5, 8), Казани (Валиев, 2009б. С. 120, рис. 6, 13).

Детали, фигурные края которых соединяются встык, имеют зубчатый край, находят аналогии в позднем татарском декоре кожаной мозаики. По новгородским материалам такой стиль орнаментации прослеживается в XI–XIII вв. (Матехина, 2018. С. 135–140).

Декоративные округлые вырезы. Парные вырезы со следами тачного шва в верхней части голенищ – нередкое явление на сапожных образцах XVI в. (рис. 40, 5–6). Ю.П. Зыбин предполагал, что в отверстия вшивалась цветная ткань или кожа как способ украшения (Зыбин и др., 1952. С. 8). Но на настоящий момент функция вырезов является дискуссионной. По мнению А.В. Курбатова, назначение отверстий было сугубо прагматичным: для более удобного натяжения сапог (Курбатов, 2008в. С. 230–231). В качестве подтверждения А.В. Курбатов указывает на сохранившиеся вшитые кольца в вырезах (Курбатов, 2012в. С. 164–165). Д.О. Осипов аргументированно оспаривает это предположение и выдвигает версию о креплении в вырезах тканевых вставок, ссылаясь на моду на разрезные одежды с вставляемой в

прорези цветной тканью швейцарскими и немецкими ландскнехтами (Осипов, 2014а. С. 80).

Крепление материи к коже вызывает вопрос. И связано это не только с отсутствием тканей в голенищах, на что указывает А.В. Курбатов (Курбатов, 2016а. С. 217). Ткань должна бы была крепиться потайным швом к бахтарме или сквозным швом с отступом от края выреза голенища. Такие швы не позволили бы ткани «расползтись», что было бы неизбежно, судя по частым стежками тачного шва, какие видны по краю отверстия голенища.

При работе с переяславль-рязанскими материалами были зафиксированы кожаные кольца в голенищах (рис. 50, 12), аналогичные выявленным в Пскове и Ивангороде (Курбатов, 2012в. С. 164–165). Однако следов растяжения вокруг вырезов на голенищах, на обрезках с такими вырезами и на самих кольцах не наблюдается.

Можно предположить, что в отверстия могли вшиваться и обнаруженные на Житном раскопе кружки с тачным швом по краю (рис. 78, 12–14). Кружки имеют размер от 15 до 25 мм, есть круглые, а есть слегка продолговатые, что соответствует формам вырезанных отверстий в голенищах. Одно из изделий немного больше по размеру – 35 x 37 мм. В таком случае, это соединение тачным швом двух, скорее всего, разноцветных кож, что также напоминает татарскую технику кожаной мозаики (Саттарова, 2004; Кийк, 2014. С. 86).

Помимо вышеуказанных городов сапоги с круглыми вырезами были найдены в Казани (Валиев, 2009б. С. 116, рис. 3, 1, 4–5), Свияжске (Шакиров, Валиев, Ситдииков, 2012. С. 200; Ситдииков, Старков, 2022. С. 315).

Как указывает Д.О. Осипов, голенища с отверстиями соответствуют конкретной модели сапог, распространенных на протяжении XVI в., и исчезают вместе с ними (Осипов, 2014а. С. 79). То, что в XVI в. для сапог из Переяславля Рязанского типичен заостренный и загнутый вверх носок подошвы, вшиваемый в специальный вырез головки, согласуется с наблюдениями Д.О. Осипова по обувной моде в Москве (Осипов, 2014а. С.

65) и Новгороде (Осипов, 2012. С. 200). Такая обувь характерна для стран Востока (Осипов, 2014а. С. 66). Возможно, распространение способа украшения голенищ вырезами – следствие восточного влияния.

Отпечаток штампом. Единичен и встречен на обрезке голенища из слоя первой половины XV в. на Житном раскопе. Прослеживаются следы зубчато-треугольного штампа, проходящего около прямой линии, оставшейся от вдавления тупым предметом (рис. 40, 14).

Стоит отметить и такую редкую находку. Передняя часть кососрезанного голенища, обнаруженная на Введенском раскопе в слое второй половины XV в., оформлена бахтармой наружу, о чем свидетельствует обшивка верхнего края, которая обычно крепится снаружи, и аккуратное оформление обшивкой декоративных круглых вырезов со стороны бахтармы. Причиной использования нетипичной стороны кожи для лицевой стороны сапога могут быть дефекты на мерее (рис. 50, 10). По новгородским находкам, выполненным бахтармой наружу, предположено, что это могла быть замша или подражание ей (Матехина, 2019. С. 264–265).

Задник. Выделены детали мягкой конструкции (однослойные), «переходного» типа (с внутренней усилительной пластиной) и жесткой конструкции, состоящей из внутренней кожаной вставки, бересты по ее форме, нескольких кожаных или кожаных и берестяных прокладок (рис. 42, 1–12).

Сразу после извлечения из слоя возможно уточнить конструктивные особенности задников. Прослеживается различное количество берестяных вставок (рис. 43, 1–2), вариации чередования берестяных и кожаных вставок (рис. 43, 3–5). Задники с берестяными вставками фиксируются в культурных напластованиях XV–XVI вв.

Удалось также проследить наличие деревянных вставок в задниках сапог, датируемых второй половиной XV в. (рис. 44, 1–3). По определению н.с. ИА РАН Л.Н. Соловьевой, образец был выполнен из коры, более точную информацию получить не удалось ввиду плохой сохранности артефакта.

Для орнаментации задников использовались металлические гвоздики (рис. 42, 4–7) и тиснение. Помимо чисто практической необходимости скреплять многослойную конструкцию, железные гвоздики несли и декоративную функцию: их шляпки образовывали геометрические фигуры. Среди материалов из Переяславля Рязанского наблюдаются два вида – треугольник и ромб, завершающиеся расположением гвоздиков по прямой линии. Такие задники происходят из слоя XVI в.

Еще одним способом декора являются двойные линии, выполненные тиснением, расходятся по обе стороны от центра, параллельно нижнему краю задника (рис. 42, 6–7).

II. Детали низа.

Подошва. Для деталей второй половины XIV – XV в. характерен заостренный носок (рис. 47, 1), а начиная со второй половины XV в. и в XVI в. он загибался на головку (рис. 45, 15–16; 46, 4в; 47, 3–4). Нередко такой носок украшался гвоздиками, расположение которых вариативно. Удлиненный заостренный конец пяточной части подошвы загибался на задник, иногда также декорировался гвоздиками (рис. 42, 11). Такие способы декора подошв характерны для XVI в. на фасонах с вогнутым носком головки и полным поднарядом, с орнаментом в виде тиснения.

Для износоустойчивости пяточная часть подошвы подбивалась железными гвоздями с округлой шляпкой (рис. 35, 9; 35, 7; 45, 5–10). Гвозди размещены в ряд по периметру или же в 3–4 ряда, в отдельных случаях прослеживается применение гвоздей со шляпками разного размера. Такие подошвы зафиксированы в единичных экземплярах в культурных напластованиях конца XIV – начала XV в. на Житном раскопе, с резким увеличением их количества с середины – второй половины XV в. и активным использованием на протяжении XVI в.

Клеймение обуви

Клейма на плантарной стороне подошвы обуви обнаружены в Пскове, Старой Ладого, Выборге, Твери (*Курбатов*, 2012а. С. 175), Смоленске

(Осипов, 2014а. С. 353–355), Ивангороде (Боковенко, Курбатов, 2022. С. 198), Томске (Осипов, Чёрная, 2016. С. 144, 146–147), Таре (Осипов и др., 2017. С. 116), Берёзове (Курбатов, Визгалов, 2019. С. 396), Вологде (Андреанова, Фёдоров, 2023. С. 103–104). Многочисленная коллекция собрана в Мангазее (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 52).

По московским и новгородским материалам обувь с клеймами известна со второй половины XVII в. (Осипов, 2014а. С. 48; 2012. С. 192) и была довольно распространена в XVIII–XIX вв. А.В. Курбатов отмечает знаки на подошве и в более раннее время, в XVI в. (Курбатов, 2003в. С. 124), в Вологде так же выявлены клейма на обуви XVI в. (Андреанова, Фёдоров, 2023. С. 103).

Малочисленные клейма Переяславля Рязанского вызывают определенный интерес, так как фасоны обуви, на которых они представлены, имеют более раннее время бытования. Соприкасающиеся с поверхностью в процессе эксплуатации части практически всех подошв крайне сильно сношены. В выявленных же на Житном раскопе трех случаях нанесенная тиснением метка сохранилась благодаря расположению на загибающейся на головку носочной части подошвы. Первый образец, зафиксированный в слое последней трети XV в., имеет клеймение в виде одиночной прямой линии (рис. 45, 11). На носочной части детали из этого же слоя прослеживается четкая линия с ответвлением и едва видимое продолжение линии, расходящейся тремя линиями на плантарной части подошвы (рис. 45, 12). Заостренные, загибавшиеся на головку носки подошвы характерны для головок с зауженным и вытянутым носком, загибающимся наверх, либо для вогнутого носка. Оба фасона бытовали во второй половине XV – первой половине XVI в. (Осипов, 2014а. С. 41).

Дополнительным подтверждением клеймения переяславль-рязанской обуви в конце XV – начале XVI в. является сапог, сохранившийся в полной форме (рис. 45, 15). Носок головки вогнут, деталь орнаментирована

линованием, имеет неполный двухчастный поднаряд. Носок подошвы заострен, загнут на головку. Клеймо выполнено в виде прямой линии.

Каблук. Выделены два типа: внутренний (характерный для начала XV – XVI в.) из нескольких кососрезанных подкладок высотой около 15 мм (рис. 46, 1в, 3д–е) и наборный из полукруглых фликов, прошитых по периметру, высотой 30–50 мм, получивший распространение со второй половины XVI в. (Осипов, 2014а. С. 49).

Интересны две подпяточные подкладки (середина – вторая половина XV в.), соединенные между собой тонкими кожаными ремешками. Вероятно, это домашний, непрофессиональный ремонт, поскольку ремешки проходят не через каждое отверстие (рис. 54, 25).

Обувные подковки

Для защиты от быстрого стирания пяточной части подошвы применялись железные подковки. Их появление специалисты относят ко второй половине XVI в., что связано с развитием наборного каблука (Курбатов, 1995. С. 203а). Отмечены в материалах Москвы (Векслер, Лихтер, Осипов, 1997. С. 114–119), Мангазеи (Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 55–58), Томска (Осипов, Чёрная, 2016. С. 144), Костромы (Лазарев, Осипов, 2020. С. 319).

В Переяславле Рязанском на одном только Житном раскопе выявлено 67 подковок, а на Введенском 18 единиц. Подковки зафиксированы практически на всех раскопанных объектах в городе, однако сохранность формы изделия и металла такова, что не всегда возможно достоверно определить тип и его вариант.

Подковки классифицируются по пропорциям пластины (низкая/высокая, узкая/широкая) и наличию/отсутствию у нее заостренного выступа, а также способом ее крепления к каблуку (на шипах, на гвоздях, комбинированный) (Осипов, Коваль, Смирнов, 2022. С. 261).

По материалам московского Кремля установлено, что врезные подковки, крепившиеся на шипах (рис. 52, 1–7), использовались с середины XVI в.

(Осипов, Коваль, Смирнов, 2022. С. 265). Комбинированные подковки (рис. 52, 12–13) начинают применяться не ранее конца XVI в. (Там же, 2022. С. 266). Врезные подковки с заостренным выступом на задней кромке (рис. 52, 8–10) бытовали до начала XVII в. Последними, не ранее середины XVIII в., появляются набивные подковки (Там же, 2022. С. 267), однако многие переяславль-рязанские подковки обломаны на оконечностях, что затрудняет выделение данного типа.

III. Дополнительные детали.

Поднаряд. Являлся подкладкой, частично или полностью копирующей край головки (рис. 38).

Фрагменты неполного одночастного поднаряда, располагавшегося в носочной части сапога (рис. 38, 3, 6; 46, 1а; 50, 1), представлены единичными экземплярами. В основном поднаряды двухчастные. Для головок с зауженным и вытянутым носком и слабо заостренным краем верха характерен тонкий поднаряд, усиливающий лишь швы головки (рис. 38, 1–2). Головки с вогнутым носком и прямым или слабо заостренным верхом в первой половине XV в. имеют уже неполный двухчастный поднаряд (рис. 38, 4, 7), а во второй половине XV в. начинает фиксироваться полный двухчастный поднаряд, особо распространенный в XVI в. (рис. 38, 5, 7).

К дополнительным деталям можно отнести **обшивку края голенищ** (рис. 41). На верхнем крае некоторых голенищ сохранились следы переметочного шва, деформировавшего этот край (рис. 40, 4, 8–9). Как считают специалисты, туда могла крепиться меховая оторочка или цветная кожа (ткань), которой обшивался верхний край (Осипов, 2017. С. 206).

В Переяславле Рязанском зафиксированы полоски кожи, которыми обшивались края голенищ (рис. 41). Сложенные вдвое, они повторяют размеры их верхнего края. Применялись как одна длинная полоска кожи, так и две, соединявшиеся по бокам, в месте сшивания двух частей голенища. Сохраняются в полной форме и в обрывках. Выделяются узкие полоски (рис.

41, 1–2) и экземпляры, один край которых крепился к верху голенища, а второй вшивался в несквозной надрез на голенище (рис. 41, 3).

Интересен фрагмент обшивки края со следами сквозного орнамента (рис. 41, 5).

Стоит обратить внимание на **обувь, утепленную войлоком**. Войлочные стельки обнаружены на Житном и Введенском раскопах в слоях XV–XVI вв. как в детской, так и во взрослой обуви (рис. 46, 2в; 51, 1–2). Эти дополнительные детали обуви найдены также в Твери (*Курбатов*, 2004а. С. 68), Коломне (*Осипов*, 2005а. С. 52), Владимире (*Осипов*, 2007. С. 140), Москве (*Осипов*, 2014а. С. 139), Мангазее (*Визгалов и др.*, 2011. С. 63) и ряде других городов.

Иногда в шовных отверстиях пяточной части сапог, в месте стыка подпяточных подкладок и внутренней кожаной вставки задника, встречаются остатки шерсти (рис. 51, 3а–б, 4а). Это свидетельство имевшейся войлочной стельки, но извлеченной по какой-то причине, например: вторичное использование в другой паре обуви или удаление на теплое время года. В данном случае можно говорить о наличии «теплой» обуви, даже если она представлена только частью подошвы или задником сапога.

Не менее интересна находка сапога с помещенным в головку войлочным утеплителем (рис. 51, 5). Слой шерсти (овчина?) был расположен между головкой и неполным двухчастным поднарядом. Выявлена деталь на Введенском раскопе в слое второй половины XV в.

Полная форма обуви встречается нечасто (рис. 46, 1–3; 47, 1–8; 48, 1–2), что объясняется вторичным раскроем деталей. Тем не менее, по редким таким находкам можно убедиться, что детская обувь состоит из тех же деталей и имеет такие же виды декора, как и взрослая, отличается лишь размером (рис. 46, 2; 48, 1).

Нельзя не отметить детский сапожок хорошей сохранности (рис. 48, 1). Обувь не подходила ребенку по размеру, была ему велика, что

прослеживается по вдавливаниям на подошве и местах ее износа. Причиной выброса пригодной к ношению обуви стал разрыв на головке.

5.1.3. Лапти

Вопрос о времени возникновения плетеной обуви является дискуссионным. По мнению А.В. Курбатова, берестяная обувь стала обыденной не ранее XVI в. (Курбатов, 2015а. С. 32). Д.О. Осипов же уверен в более раннем бытовании лаптей (Осипов, 2010а. С. 303–308). В Переяславле Рязанском лыковые лапти обнаруживаются на Введенском раскопе в культурных напластованиях середины XV в. (рис. 53, 9–12).

Кроме того, плетеная обувь изготавливалась из комбинированных материалов: из лыка и кожаных ремешков, которые шли поверху (прил. 2, табл. II; рис. 53, 1–8). На Житном раскопе зафиксированы 16 разноразмерных фрагментов лаптей из комбинированных материалов (рис. 53, 1–5), на Введенском – шесть (рис. 53, 6–8). Примечательно, что на изготовление такой обуви шла кожа, уже бывшая в употреблении, о чем свидетельствуют следы шовных отверстий. Преимущественно это вторично раскроенные голенища, иногда головки сапог.

В Переяславле Рязанском обувь из комбинированных материалов встречена в культурных напластованиях второй половины XV – XVI вв., что согласуется с датировкой московских находок (Осипов, 2014а. С. 59). По мнению Д.О. Осипова, назначение этого вида обуви – использование при хозяйственных работах или для ношения в жаркую погоду (Там же. С. 59). Считается, что такая обувь не получила широкого распространения в городах (Там же. С. 58).

Подводя итоги, стоит отметить, что обувь Переяславля Рязанского сравнительно однородна, без существенных морфологических и технологических различий. Виды обуви типичны и синхронны по времени бытования моделям в других русских городах, что говорит о том, что ремесленники Переяславля Рязанского работали в единых традициях с

мастерами других русских городов и о единой моде. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на обувные детали с расшивкой растительными мотивами, находки которых в Переяславле Рязанском коллекции более многочисленны, чем в других городах.

Изучение обувных деталей позволило проследить характерные фасоны на протяжении второй половины XIV – XVI вв. За рамками подробного исследования осталась обувь позднее XVI в. ввиду того, что территория Кремля с середины XVII в. застраивалась зданиями для нужд архиереев, то есть жилая застройка уступила место административному комплексу, в связи с чем резко сокращается выпадение бытовых находок в культурный слой. В других же частях города культурные напластования преимущественно сухие, что, как уже отмечалось, не способствует сохранению артефактов из органических материалов.

5.2. Виды ремонта обуви

Очень часто пришедшая в негодность кожаная обувь не выбрасывалась, а ремонтировалась с целью продления срока ее службы. Кроме того, большая часть найденной обуви имеет следы перекраивания для вторичного использования кожи.

Мелкому сапожному ремонту подвергались практически все износившиеся детали сапога. Выделены следующие виды ремонта:

1. Крепление накладной заплаты в местах утраты куска кожи и сильного износа до дыр головки, голенища, каблучных фликов (рис. 46, 1г; 49, 1–2; 54, 1–3, 11, 17). Обнаруживаются и сами заплаты (рис. 54, 13–16, 18–19), на некоторые из них шли уже бывшие в употреблении куски кожи (рис. 54, 13, 15–16). После ремонта обувь какое-то время еще служила, а затем ее пускали во вторичное использование, о чем свидетельствуют обрезки деталей с отремонтированными участками (рис. 54, 4, 7, 8–9, 11). Интересен сапог из Введенского раскопа: изношенный участок головки с линованием отремонтировали, наложив заплатку из головки с тиснением (рис. 49, 1).

2. Сшивание места разрыва на поднаряде, заднике, голенище, пяточной части подошвы (рис. 54, 7–10, 20, 22, 23–24).

3. Замена сильно изношенных подметок и каблучков на новые. Об этом свидетельствуют эти выброшенные детали обуви. Сильно износившуюся половину подпяточной подкладки отрезали и к ней подшивали новую (рис. 54, 21). Отремонтированные подобным образом детали выявлены в материалах раскопок Н.П. Милонова.

Помимо ремонта, об экономном расходовании материалов свидетельствуют и многочисленные обувные обрезки от вторичного раскроя. Они делятся на 3 группы:

1) непригодные к какому-либо использованию: обрезки шовных отверстий, декора, участков сильного износа (рис. 54, 6–9);

2) обувные детали (головки, голенища) с вырезанными хорошими частями, как правило центральными, для вторичного применения (рис. 50, 6–8; 54, 2, 5);

3) большие куски кожи, уже подготовленные к повторной эксплуатации (рис. 17, 1–3).

Следы вторичного раскроя на отдельных деталях свидетельствуют, что мастер сразу вырезал нужную ему деталь, а не просто вырезал хороший, пригодный к дальнейшему применению участок кожи. Вместе с тем есть детали, которые мастер вторично резал с многократными действиями ножа: несколько разрезов, хаотичные прорезы.

Детали и заплаты, используемые для ремонта изношенных участков обуви, довольно часто сохраняют черты других обувных компонентов, из которых они были вырезаны. Процесс многократного ремонта хорошо прослеживается.

Кожа, бывшая в использовании, шла не только на изготовление заплат, но и на подготовку новых деталей обуви (обычно поднарядов, каблучных фликов) (рис. 17, 11, 13, 19), а также могла являться дотачкой к деталям в случае недостаточного размера кожаного листа. Применение дотачки

встречается не только со внутренними деталями, но и с основными (рис. 17, 17–18, 22). На вторичное использование шли и декоративные железные гвоздики: выделены задники с вырезанной центральной частью, где они крепились (рис. 42, 9–10).

Ввиду того, что обнаруживаются разрозненные отремонтированные компоненты сапог, детали разной степени сохранности, детали с неоднократным ремонтом, а также обрезки со следами починки, проследить процентное соотношение такой обуви по отношению к обуви без ремонта довольно проблематично.

Подводя итоги, стоит отметить, что все пришедшие в негодность детали сапога могли быть подвергнуты мелкому ремонту, качество выполнения которого позволяет выявить как домашний (преимущественно), так и профессиональный ремонт.

ГЛАВА 6. Кожаные изделия Переяславля Рязанского.

6.1. Вместилища.

6.1.1. Кошельки, сумки

Находки вместилищ, по терминологии Т.С. Матехиной (*Матехина, 2009. С. 5*), предназначавшиеся для хранения и ношения предметов, а также для предохранения от них, если содержимое было опасным (колющее, рубящее, режущее), были выявлены на Житном и Введенском раскопах (прил. 2, табл. III). Это шесть кошельков и их фрагментов, а также пять сумочек разной степени сохранности.

Самое раннее вместилище зафиксировано на Житном раскопе в слое рубежа XII–XIII вв. Оно универсально по назначению (рис. 55, 1), имеет вид цельного объемного мешочка высотой от 75 до 86 мм и относится к группе простых стяжных вместилищ по классификации, предложенной Т.С. Матехиной (*Матехина, 2009. С. 106, 199*). Край предмета обрезан довольно неровно. На устье имеются продольные, несколько небрежные, сквозные отверстия, через которые проходил ремешок или шнурок. Аналоги есть среди новгородских изделий XII–XIV вв. (*Археология, 1997. С. 46; 382, табл. 36, 7; Матехина, 2009. С. 175, 199*).

Второе вместилище прямоугольной формы, состоит из двух частей размером 80 x 100 мм, происходит из того же раскопа и датируется по слою серединой – второй половиной XV в., (рис. 55, 2). Задняя часть сохранилась фрагментарно. В верхней части имеются отверстия для стягивания шнурком, что позволяет отнести его к группе стяжных. Изделие по низу, боковым сторонам и в центральной части декорировано прорезями. Близких аналогов найти не удалось.

Два кошелька стяжной конструкции обнаружены и на Введенском раскопе. Первый найден в слое середины XV в. Он сшит из двух кусочков кожи, верхние края загнуты внутрь, под швами по четыре отверстия для шнурка (рис. 55, 3). Кошелек сильно затерт, имеются четыре разрыва, но,

вероятно, лишь из-за разрыва в нижней части, не имеющей следов ремонта, он был выброшен за ненадобностью. Похожий кошелек, происходящий из слоя второй половины XV в., выполнен из одного куска кожи (рис. 55, 4), сложенной так, что линия сгиба является низом кошелька. Низ округлый, в верхней части расположены по четыре отверстия на каждой стороне. Через отверстия проходил шнурок, которым верх кошелька стягивался большими складками, по две на обеих сторонах. В отверстиях прослеживаются остатки этого шнурка, выполненного из растительных волокон. По своей форме кошельки похожи на обнаруженный в слоях XII–XV вв. в Новгороде (*Изюмова*, 1959. С. 218. Рис. 11, 10), а также на артефакт из Берестья (*Лысенко*, 1985. С. 300. Рис. 207, б).

Обрезок изделия длиной 82 мм, сложенный вдвое и скрепленный своеобразной кожаной застежкой, отнесен к рассматриваемой категории находок предположительно (рис. 55, 5). Выявлен он на Житном раскопе в слое первой половины XIV в.

Еще одно вместилище было обнаружено в шурфе при проведении И.В. Ильенко архитектурно-реставрационных работ по Солодовенным палатам (рис. 56, 1). Представляет собой плоский футляр размером 88 x 135 мм, верхний край срезан.

Хорошо сохранившаяся сумка обнаружена на Введенском раскопе в слое середины XV в. Сумка прямоугольной формы, задняя часть образует перекидной клапан с фигурно оформленным краем (рис. 56, 2а). Ее размер по извлечению из слоя составлял 235 x 185 мм. Внутри сумки дополнительный карман из двух деталей (одна из них с клапаном) (рис. 56, 2б), разделяющий пространство на два отделения. Имеет сходство с новгородской находкой конца XV – XVI вв. (*Матехина*, 2009. С. 114; 196, табл. XXVI).

В этом же слое найден похожий по форме клапан сумки с орнаментом (рис. 56, 3). Такие клапаны с трехлопастным нижним контуром рассматриваются специалистами как характерный признак монгольской сумки (*Горелик*, 2008. С. 121–123). Прослеживается стилизованный

растительный орнамент, представленный расходящимися в разные стороны выющимися побегами с листьями. В Новгороде подобные фрагменты восточного облика датируются второй третью XIII – первой половиной XV в. (*Матехина, 2019. С. 259; 286, рис. 7, 12*).

Верхняя часть сумки обнаружена на Введенском раскопе, датируется второй половиной XV в. (рис. 56, 4). Вдоль верхнего и бокового краев этого фрагмента изделия прослеживаются следы шва, с других сторон края довольно ровно обрезаны. Сумочка была выполнена из двух слоев кожи. Она подвешивалась: в ушке железной застежки-зажима помещено подвижное колечко. Под застежкой – следы сквозного шва. Сумка с несколько схожим креплением для подвешивания есть в новгородских материалах первой трети XV в. (*Матехина, 2009. С. 121; 201, табл. XXXI, 3*).

Детали еще одной сумочки из слоев второй половины XV в. на Введенском раскопе представлены фрагментарно (рис. 57, 1). По классификации Т.С. Матехиной (*Матехина, 2009. С. 106*), она может быть отнесена к вместилищам универсального назначения – поясным сумкам с клапаном. Сохранились два слоя кожи клапана, один его край обрезан, а другой оборван. Вдоль края изделия проходит линия шва с нитями. Этот двухслойный фрагмент скреплен застежкой из цветного металла, представляющей собой скобу. На двух других обрывках, помимо шва с нитями, прослеживается орнамент в виде двух линий, выполненных в технике тиснения. Пятый и шестой фрагменты являются обшивкой края сумочки. В качестве аналогий можно указать датируемую XV–XVI вв. сумочку из Пскова (*Васильев, 2014. С. 75–81*), а также из раскопок 2008 г. в кремле Дмитрова (Сообщение С.В. Шполянского на семинаре «Археология Подмосковья» в 2022 г.) и случайную находку из Новгорода (*Матехина, 2009. С. 198*).

На Житном раскопе в слое второй половины XVI – начала XVII в. найден двухдетальный клапан сумки, орнаментированный тиснением в виде завитков с растительными мотивами (рис. 57, 2). На подкладке местами

пропечаталось тиснение, в верхней части – отверстия просечкой, как и на внешней детали. На подкладку пошла кожа с продольными отверстиями. В верхней части клапана сумки остались следы от заклепок. Артефакт имеет аналогии в материалах Новгорода (*Гайдуков*, 1992. С. 181, рис. 90, 1–3) и Мангазеи (*Визгалов, Пархимович, Курбатов*, 2011. С. 194, рис. 87).

Декорированными частями вместилищ могли выступать артефакты, выполненные в технике кожаной мозаики (прил. 2, табл. IV). Т.С. Матехина опубликовала новгородские орнаментированные мозаичные изделия, преимущественно относящиеся к XI–XII вв., и обобщила все имеющиеся находки из разных памятников (*Матехина*, 2018. С. 135–140). Среди переяславль-рязанских материалов на Житном раскопе выявлен предмет с орнаментом в виде трехлепесткового побега, с тачным швом по краю (рис. 57, 4). Он имеет размер 20 x 35 мм, происходит из слоя конца XIV – первой половины XV в. Мозаичный декор кожаных изделий развит у тюркоязычных народов, особенно у татар (*Матехина*, 2019. С. 267).

Стоит отметить и накладку размером 155 x 40 мм с прорезным растительным орнаментом (рис. 57, 3), опубликованную еще А.Л. Монгайтом (*Монгайт*, 1961. С. 177; рис. 14, 5). Аналоги есть в Берестье, датируются XIII в. (*Лысенко*, 1985. С. 303, рис. 210), в Новгороде прорезные кожаные изделия встречаются во всей толще культурного слоя (*Матехина*, 2019. С. 265; 288, рис. 9, 14). Кроме того, в коллекции из раскопок А.Л. Монгайта представлены два фигурных обрезка (рис. 57, 5–6), которые могли быть заготовкой для аппликации вместилища (*Монгайт*, 1961. С. 177).

6.1.2. Ножны

Коллекция футляров для ножей в Переяславле Рязанском довольно многочисленна (прил. 2, табл. V), она представлена 68 экземплярами, что связано со значимостью ножа в повседневной жизни и большим количеством ножей, находимых при раскопках. Ножны предназначались для предохранения лезвия от физических и химических повреждений, для

защиты от него человека, для переноса ножа. Кожа как материал позволяла изготовить чехол необходимой формы и размера для надежного удерживания ножа, а продуманная конструкция его подвешивания делала возможным легкое и быстрое извлечение.

По одному футляру выявлено в материалах из раскопок Н.П. Милонова 1929 г. (рис. 58, 1), А.Л. Монгайта 1956–1957 гг. (рис. 58, 2), из шурфа при проведении архитектурно-археологических исследований Солодовенных палат в 1982 г. (рис. 58, 3), 28 экземпляров конца XIV – XVI вв. обнаружены на Житном раскопе, 37 единиц середины XV – XVI вв. – на Введенском раскопе.

По классификации Т.С. Матехиной (Варфоломеевой), ножны отличаются по форме кроя и месту расположения шва (*Варфоломеева*, 1993. С. 165). Последних выделено два вида: асимметричные – со швом со стороны лезвия ножа, и симметричные – со швом, расположенным на тыльной стороне изделия. По наблюдениям специалиста, ножны обоих видов сосуществовали, но ассиметричные были основными до середины XIV в., а начиная со второй половины XIV в. преобладали симметричные (*Варфоломеева*, 1993. С. 163). Такая же ситуация прослежена и в Европе: первоначально ножны имели шов по лезвию, а затем их сменили ножны со швом по центру оборотной стороны (*Harjula*, 2005. P. 56).

Ножны из Переяславля Рязанского сложены из одного куска кожи, шов проходит со стороны лезвия, либо по центру тыльной стороны (прил. 2, табл. 23). Самые ранние ножны со швом со стороны лезвия происходят из слоя рубежа XII–XIII вв. Житного раскопа (рис. 58, 4). С внутренней стороны заметны хаотично процарапанные линии. Отсутствие ножен в слоях XIII–XIV вв. связано с сухим культурным слоем Житного раскопа на этой глубине, что не способствовало сохранности находок из органических материалов. Количество ножен со швом, проходящим с тыльной стороны, резко увеличивается с середины XV в.

Декор мог отсутствовать как на тех (рис. 58, 13, 15; 62, 5), так и на других (рис. 58, 3; 60, 1; 62, 6). Ассиметричные ножны Переяславля Рязанского (рис. 58, 13, 15; 59, 4) похожи на находки из Твери (*Курбатов*, 2012а. С. 199, рис. 120, 7), Москвы (*Осипов*, 2014а. С. 227, илл. 50, 2), ассиметричные с уступом (рис. 59, 4) схожи с финскими (*Harjula*, 2005. Р. 117, fig. 48). Аналоги симметричным ножнам (рис. 58, 14) есть в материалах Старой Ладogi (*Курбатов*, 2012а. С. 307, рис. 9).

В исследованных материалах есть недекорированные ножны середины XV в. с краем устья, отогнутым наружу (рис. 61, 6).

Орнаментация переяславль-рязанских ножен довольно разнообразна.

На фрагменте ножен конца XIV – первой половины XV в. прослеживается рисунок в виде пересекающихся двойных линий, распложенных в ряд, на оборотной – крупная ромбическая сетка (рис. 58, 8).

Двое ножен второй половины XV в. имеют устье со следами обшивки (рис. 62, 5, 8). У первых едва заметная орнаментация мелкой ромбической сеткой, а у вторых слабо прослеживаются поперечные линии.

Уникальнейшей находкой являются остатки ножен с ножом (рис. 61, 2). Обнаружены на Введенском раскопе в слое середины XV в. Орнаментированы тисненными поперечными линиями.

Следует отметить ножны, обнаруженные в слое середины XV в., лицевая сторона которых оформлена тиснением в виде плетенки с кружками и линий по месту лезвия, а по месту рукояти – горизонтальной елочкой, рядом кружков и продольных линий у устья; на обороте орнамент из наклонных линий по обе стороны от шва (рис. 61, 4). Еще одни ножны, датируемые второй половиной XV в., на лицевой стороне имеют тиснение в виде слабо прослеживаемых параллельных линий, а на оборотной – по одной с каждой стороны от шва (рис. 62, 1).

Нельзя не обратить внимания на шесть декорированных ножен из слоя конца XV – начала XVI в. Житного и Введенского раскопов (рис. 59, 1–2, 7; 64, 6–8). Часто место ручки и лезвия выделены композиционным делением с

применением разной орнаментации: параллельные и продольные линии, кружки на месте рукояти и мелкая ромбическая сетка на месте лезвия. Такие же ножны отмечены в материалах московского Зарядья и Кремля (*Осипов*, 2014а. С. 84; 227, илл. 50, 7). Исследователи относят их к предметам западноевропейского импорта (*Варфоломеева*, 1993. С. 165). В частности, элемент декора в виде парных кружков есть в финских материалах (*Harjula*, 2005. P. 107, fig. 17). Обращают на себя внимание бытовавшие в то же время еще двое переяславль-рязанских ножен с подобным орнаментом. Но декор на них не точен, линии кривые и едва заметны, что позволяет отнести их к довольно грубому подражанию (рис. 59, 3; 64, 7).

На двух ножнах представлен другой вид композиционного орнамента по месту рукояти и лезвия. Место лезвия у обоих покрыто горизонтальной елочкой, а рукояти, в первом случае – пересекающимися крест на крест линиями в прямоугольниках, дополненными продольными линиями (рис. 64, 4), а во втором – продольными линиями, пересекаемыми двумя поперечными (рис. 64, 9). Первые ножны датируются второй половиной XV в., а вторые происходят из слоя конца XV – начала XVI в.

Интересны ножны второй половины XVI в., которые от оконечности до устья покрыты орнаментом ромбической сеткой, а в верхней части нанесены продольные линии (рис. 60, 4). Сетчатый орнамент прослеживается в новгородских материалах (*Варфоломеева*, 1993. С. 165).

Заслуживают внимания единственные в своем роде ножны с пересекающимися прямыми линиями (рис. 58, 1). Стоит отметить, что различное пересечение линий специалисты интерпретируют как знаки изготовителя или, что более вероятно, метки владельца (*Harjula*, 2005. P. 46; 47, fig. 33).

Нельзя не упомянуть фрагмент ножен с краем, нарезанным бахромой (рис. 63, 2). Происходят из слоя второй половины XV в. на Введенском раскопе. Подобные находки есть в Новгороде, где бахромой оформлялись накладные детали ножен (*Матехина*, 2019. С. 265; 282, рис. 3, 12).

Ножны с прорезным орнаментом, скорее всего, являются предметами импорта (рис. 58, 10; 62, 2–3, 7; 63, 4; 64, 2). Экземпляр на Житном раскопе обнаружен в слое середины – второй половины XV в., а пять изделий на Введенском раскопе в слое второй половины XV в. Известно, что ножны с подобным украшением бытовали в Европе со второй половины XV в. и позже (*Harjula*, 2005. Р. 40). В Новгороде находка с таким декором единична (*Матехина*, 2009. С. 77, 83).

О профессиональном изготовлении ножен свидетельствует аккуратность их формы, равный размер стежков, четкий и ровный орнамент, тогда как небрежные край и шов, полное отсутствие декора или же его неровное нанесение, использование бывшей в употреблении кожи свидетельствуют о домашнем их производстве. О похожих критериях говорит и Я. Харьюла, но считает, что невозможно доподлинно отличить работу опытного любителя от посредственного ремесленника (*Harjula*, 2005. Р. 53–54). Уже отмечались довольно качественно выполненные ножны, но орнамент небрежен, является грубым подражанием (рис. 59, 3). Подобные неаккуратные орнаменты на хороших ножнах обнаруживаются в финских материалах (*Harjula*, 2005. Р. 47). Явно домашнего производства ножны, сшитые перемоточным швом (рис. 61, 10) и имеющие небрежные отверстия для подвеса (рис. 61, 7).

Порядка 15% переяславль-рязанских ножен выполнены из кожи, уже бывшей в употреблении. Выявлен экземпляр со следами крепления заплаты (рис. 64, 3), а также сделанные из обувных деталей (рис. 58, 12, 16; 59, 4, 8; 61, 3; 62, 5, 8; 63, 1). Обнаружены в слоях второй половины XV в. Практика изготовления ножен из вторично раскроенной кожи известна в Новгороде (*Матехина*, 2009. С. 72), Твери (*Курбатов*, 2004а. С. 52).

Большинство ножен предназначались, вероятно, для ножей универсального хозяйственного назначения.

Несколько ножен имеют очень сильно изогнутую форму, они явно изготовлены не для ножа с прямой спинкой, а для инструмента с серповидным лезвием, может быть для узкоспециализированных ножей (рис.

58, 9, 12, 14; 59, 6; 63, 10). Встречены в культурных напластованиях конца XIV – начала XVI в. Похожей формы ножны обнаружены в Москве в слоях XV–XVI вв. (Осипов, 2014а. С. 227, илл. 50, 1). На ножны подобного назначения указывает Я. Харьюла (Harjula, 2005. P. 54).

Выделяется своим размером, 270 мм, лишь один экземпляр, происходящий из культурных напластований второй половины XV в. Введенского раскопа (рис. 63, 9). Ножны аккуратно декорированы двойной продольной линией и двойными поперечными линиями. Можно предположить, что предназначались для боевого ножа или другого клинкового оружия.

Часть ножен подвешивались на ремешке, который проходил через поперечные прорезы, расположенные в верхней части тыльной стороны по обе стороны от шва (рис. 59, 6–7; 60, 5; 63, 9; 64, 6). Иногда для подвеса делали довольно небрежные отверстия, особенно на ножнах из вторично раскроенной кожи (рис. 58, 16).

Выявлены и железные оковки для ножей, которые крепились к поясу кожаным ремешком или подвешивались за железное подвижное колечко (прил. 2, табл. VI) (рис. 65, 1–18). Оковки представляют собой каркас в виде тонкого плоского стержня, вокруг которого расположены два-три кольца, вмещавшие изделие. Четыре подобных оковки были обнаружены и опубликованы А.Л. Монгайтом (Монгайт, 1961. С. 181, рис. 70, 9–10; 297, рис. 134, 2–3; 298). Одна оковка происходит с территории Нижнего посада (рис. 65, 16). На Житном и Введенском раскопах найдено 16 экземпляров. Их бытование приходится на XIV–XVI вв. (прил. 1, табл. 24).

Аналогичные артефакты есть в Новгороде (Матехина, 2009. С. 70), в московском Кремле (Курмановский, Панова, 2018. С. 206–207, 219, рис. 4), Нижнем Новгороде (Лапшин, 2022. С. 156, рис. 27, 16–21), Костроме (Лазарев, 2023. С. 176, рис. 6, 2), Плесе (Шполянский, Несмиян, Несмиян, 2023. С. 137, рис. 5, 4, 6–8; 138).

Судя по небольшим размерам переяславль-рязанских оковок, они могут быть отнесены к универсальным бытовым ножам.

Подводя итоги, стоит отметить, что кожаные ножны конца XIV – XVI вв., обнаруженные в Переяславле Рязанском, отличаются разнообразием своих форм и декора. Ранние экземпляры отсутствуют ввиду смены характера культурных напластований в ранних слоях на Житном раскопе (сухой слой не способствует сохранности кожи) и потому, что ранние слои на Введенском раскопе еще не изучены. Рассмотренные ножны предназначались преимущественно для ножей универсального хозяйственного назначения, ножны для боевого ножа или другого клинкового оружия единичны. На ножнах выявлены метки владельца, обнаружены как профессионально выполненные изделия, так и домашнего производства, определены предметы импорта и грубые им подражания. Стоит обратить внимание, что ножны западноевропейского производства найдены как в административной части Кремля – на Житном раскопе, так и в торгово-жилой зоне – на Введенском раскопе.

6.1.3. Футляры для ложек

На Введенском раскопе в слое второй половины XV в. найдены три футляра для ложек (прил. 2, табл. VII), могли предназначаться для хранения и крепления на поясе при отправке в дорогу (рис. 66, 1–3).

Категория была выделена еще в начале 1970-х гг. по новгородским материалам (Колчин, Рыбина, 1982. С. 218. Рис. 30, 4). Известны такие находки и в Вологде (Андреанова, Фёдоров, 2012. С. 82), Свияжске (Шакиров, Валиев, Ситдилов, 2012. С. 200. Рис. 10, 9). На 2016 г. Т.С. Матехина в обобщающей публикации отметила наличие чехлов, помимо Новгорода, в Пскове, Москве, Твери в слоях второй трети XIII – начала XVI в. общим количеством более 20 единиц (Матехина, 2016. С. 213). Позднее Д.О. Осипов указал на чехол из московского Зарядья (Осипов, 2017. С. 211–212).

Наиболее полно сохранившийся чехол имеет многочастную конструкцию: он сложен с двух сторон, шов проходит по центру тыльной стороны (рис. 66, 1). Присутствует небольшая дотачка одного края. С обеих сторон, в верхней части по линии сгиба, при помощи тонких ремешков крепились по две детали, которые сшивались с основной деталью и между собой. Такая конструкция придавала футляру необходимый для размещения черпака ложки объем. Ремешок продергивался в центре пришивных деталей и выходил на их оконечностях. После того как ложка вставлялась сверху, рукоятью вниз, пришивные детали стягивались при помощи ремешков, тем самым закрывая футляр. По нижнему краю проходит обшивка, орнаментированная двумя тиснеными линиями. Длина футляра составляет 198 мм. На некоторых участках в шовных отверстиях прослеживаются остатки нити красного цвета.

Похожая многочастная конструкция и у второго футляра (рис. 66, 2). Присутствует дотачка для придания объема под чашу и тонкие дотачки краев. Нижний край обшивался. Местами сохранилась нить красного цвета, на значительном участке основного шва фиксируются нити коричневого цвета.

Третий футляр цельнокроенный, с обшивкой нижнего края (рис. 66, 3). Сужающаяся и заостряющаяся часть верха имеет следы шовных отверстий. Вероятно, были дополнительные детали верха, но наличие небрежных, преднамеренно нанесенных, отверстий на оборотной стороне позволяет предположить более простое крепление для переноса ложки с помощью тонкого ремешка. Это подтверждает и деформационный залом уголка на внешней стороне чехла.

Завершая рассмотрение вместилищ, обнаруженных в Переяславле Рязанском, можно обобщить, что их набор характерен для русских городов. Вместе с тем, выделяются вещи так называемого восточного облика, которые могут являться подражательными. Это сумки с трехлопастным оформлением края клапана и стилизованными растительными мотивами, элемент кожаной

мозаики в виде трилистника, прорезная аппликация, нарезка бахромой края ножен.

6.2. Рукавицы

Находки такого предмета одежды, как кожаные рукавицы, среди материалов Переяславля Рязанского единичны (прил. 2, табл. VIII).

Палец рукавицы найден на Введенском раскопе в слое середины XV в. (рис. 67, 1). Такая же деталь, обнаруженная в культурных напластованиях второй половины XV в. на Житном раскопе, имеет следы эксплуатационного износа (рис. 67, 2). Еще одна заготовка или обрезок пальца рукавицы, выполненный из кожи вторичного раскроя, была зафиксирована там же, но в слое второй половины XVI в. (рис. 67, 3).

Половина основы рукавицы с подтреугольным подпалком (рис. 67, 4) происходит из раскопок И.Ю. Стрикалова на Нижнем посаде (ул. Затинная). Несмотря на ее сильный износ и плохую сохранность по виду края ее можно отнести к типу 2Б, по классификации Е.Е. и П.П. Колосницыных, начинают встречаться с XIV–XV вв. и бытуют вплоть до конца XVIII – XIX вв. (*Колосницына, Колосницын, 2019. С. 2–6*). Этому типу соответствуют упомянутые выше напалки (рис. 67, 1–2).

Аналоги обнаруженным деталям имеются в материалах Пскова (*Оятева, 1962. С. 91–92, рис. 10, 1; Курбатов, 2013б. С. 484, рис. 3*), Твери (*Курбатов, 2004а. С. 52*), Москвы (*Осипов, 2014а. С. 236, илл. № 59, 3, 5*), Смоленска (*Осипов, 2014а. С. 357, рис. 12, 2–3; 359*), Старой Руссы (*Колосницына, Колосницын, 2019. С. 4, рис. 5, 2*), Мангазеи (*Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 59; рис. 68, 1; 70, 1.1*), Ивангорода (*Боковенко, Курбатов, 2022. С. 203*).

Крайняя малочисленность выявленных рукавиц и их деталей в Переяславле Рязанском по сравнению с другими городами может быть объяснена значительной их фрагментарностью и сильным износом,

представляющими сложность для атрибуции, или, как вариант, были более распространены вязаные или суконные рукавицы.

6.3. Фартук

На Введенском раскопе в слое второй половины XV в. был обнаружен очень крупный фрагмент изделия, выполненного из кожи козы. Это единственная подобного рода находка в Переяславле Рязанском.

Размер артефакта составляет 525 x 420 мм (рис. 68). Кроме того, выявлены еще два небольших фрагмента от данного изделия (57 x 47 мм; 112 x 102 мм). На одном из краев крупного фрагмента сохранились следы линии тачного шва (рис. 68, *а*). По выработанной методике осмотра поверхности кожаных изделий непосредственно по извлечению из культурного слоя с целью фиксации всевозможных отпечатков удалось выявить следующее.

Несмотря на очень плохую сохранность поверхности кожи (трещины, расслоения, потертости, надрезы, прорезы, разрывы, утраты), на обоих краях этого фрагмента прослеживается орнамент из двух полос прорезей в виде коротких линий (рис. 68, *б*), рядом с некоторыми из них – точечные отверстия, которые отчетливее видны с изнаночной стороны (рис. 68, *в*). На внешней поверхности заметны хаотичные надрезы острым инструментом, может быть ножом (рис. 68, *г*). Надрезы присутствуют и с изнаночной стороны, но они могут быть связаны с использованием инструмента для удаления мездры при выделке кожи. Имеется своеобразный крепеж/застежка, представляющий собой короткий тоненький ремешок, образующий стежок на лицевой стороне, а с изнаночной стороны зафиксированный узелками (рис. 68, *д*). Один из маленьких фрагментов изделия имеет плавно закругляющуюся сторону со следами тачного шва (рис. 68, *е*). Шов есть и на перпендикулярной ему стороне (рис. 68, *ж*). Параллельно линии шва, до его закругляющейся части, идет орнамент в виде косых прорезей (рис. 68, *з*). На втором фрагменте вдоль одной из сторон такие же линии прорезей (рис. 68, *и*, *к*), рядом с одной из них – ряд точечных отверстий (рис. 68, *л*).

Стоит подчеркнуть, что кожа столь крупных размеров в культурном слое встречается крайне редко. Можно отметить изделие, обнаруженное в Твери, сохранившееся в нескольких фрагментах, которое, по мнению А.В. Курбатова, могло быть одеждой, кожаной обтяжкой сундуков или ларей (Курбатов, 2002. С. 165, рис. 16, 1; 169, рис. 17). Еще одну внушительную по размеру находку, сделанную на территории Рюрикова городища, он предположительно атрибутировал как попону (Курбатов, 2020г. С. 115, 117).

Отсутствие на переяславль-рязанском изделии следов крепежных приспособлений (гвозди и проч.) исключает возможность его применения в качестве обивки. А принимая во внимание сильно затертый вид поверхности, наличие множества эксплуатационных повреждений, хаотичные надрезы острым инструментом, что соответствует отмеченным специалистами приметам фартука (Курбатов, 2010д. С. 246; Осипов, 2011а. С. 185–186), его можно чисто гипотетически отнести к этой категории.

6.4. Пуговицы, застежки, завязки, петли

Кожаные ремешки с узелками и изделия с прорезями (прил. 2, табл. IX) могли быть важной частью костюма, выполнявшей декоративную и практическую функцию, поддерживая и скрепляя детали одежды. Вероятно, с помощью некоторых из них могли застегиваться и вместилища. Различные завязки и петли, возможно, тоже использовались как застежки.

Вероятно, кожаными **пуговицами** или **завязками** можно считать найденные на Житном раскопе в слое второй половины XIV – первой половины XV в. (рис. 69, 1) и на Введенском раскопе в слое второй половины XV в. (рис. 69, 2) изделия. Аналогичны находкам, выявленным в Твери (Курбатов, 2004а. С. 196, рис. 117, 2, 4, 6, 10), Старой Ладого (Курбатов, 2018в. С. 301, рис. 7.23, 15). Возможно, и еще три находки, с узелком на оконечности и следами нашивания на основу, могут быть отнесены к этой группе изделий (рис. 69, 3–5).

Завязками, скорее всего, можно считать изделия с узелком и со следами шовных отверстий на одной оконечности (рис. 75, 9, 18).

Застежка, которая могла скреплять полы одежды выявлена в слое второй половины XV в. на Введенском раскопе (рис. 69, 6). Через прорезь продергивалась полоска кожи, сложенная таким образом, что, будучи просунутой в прорезь, она надежно сцеплялась с ней. Такая находка, сохранившаяся в полной форме, единична. Можно предположить, что достаточно часто встречающиеся среди материалов Житного и Введенского раскопов изделия с прорезью являются составной частью подобного вида застежек (рис. 69, 7–10). На некоторых образцах можно проследить следы шовных отверстий от крепления на основу (рис. 69, 7, 9), изделия аналогичны находкам в Твери (*Курбатов*, 2004а. С. 196, рис. 117, 27; *Курбатов*, 2017а. С. 105, рис. 2, 8–9). Несколько таких застежек с неровными краями и технологическими отверстиями, происходящих из ремесленных отходов на Введенском раскопе (рис. 28, 13–16), отнесены к тренировочным материалам (см. Главу 4.5). Несколько иного вида удлиненные застежки с прорезью, но, видимо, выполняли те же функции (рис. 69, 11–12).

С крепежными целями, возможно, использовались **петли** – согнутые тонкие полоски, на их оконечностях прослеживаются следы крепления (рис. 69, 14–15). Подобные были выявлены в Твери (*Курбатов*, 2004а. С. 196, рис. 117, 8; 197, рис. 118, 14), Ивангороде (*Курбатов*, 2004а. С. 537, рис. 237, 5).

6.5. Конская упряжь

В публикациях можно встретить немногочисленные сведения об обнаружении в русских средневековых городах кожаных деталей конской упряжи. По материалам Пскова отмечены фрагменты ремней, плетки, но, к сожалению, в статье иллюстрации не приведены (*Оятева*, 1962. С. 94). Кроме того, в Твери были выделены части сбруи и шоры (*Курбатов*, 2004а. С. 58), а в Москве выявлен конский башмак, который могли использовать

ветеринары для лечения или вору для кражи животного (Осипов, 2016б. С. 158–161).

В Переяславле Рязанском эта категория находок также крайне редка (прил. 2, табл. X). К конской сбруе, шлее, А.Л. Монгайт отнес фрагмент одного из обнаруженных в слое XII в. изделий. Это две части, скрепленные тонким ремешком (рис. 72, 5).

Фрагмент узкого ремешка со следами крепления по обоим краям был обнаружен на Житном раскопе в слое последней трети XV в. (рис. 72, 3). По имеющимся аналогиям его предположительно можно атрибутировать как уздечку (Mould *et al.*, 2003. P. 3396).

Вероятно, к находкам, связанным с конской упряжью, можно отнести ремень с декоративным креплением из материалов Житного раскопа (рис. 72, 1). Длина сохранившегося участка составляет 95 мм, его верхний и нижний край довольно ровно обрезаны. Заметен гвоздик, длина которого выходит за толщину кожи: видимо, данное изделие углублялось еще во что-то. Имеются две группы из трех гвоздиков, расположенных в виде треугольника. Группы равноудалены на расстояние 20 мм. Гвоздики держали декоративный металлический крепеж, один из которых сохранился на изделии. находка зафиксирована в слое конца XV – начала XVI в. Она похожа на артефакты, обнаруженные в английском Йорке и происходящие из слоев XIV–XV вв. Там они атрибутируются как ремень для оружия, деталь упряжи (уздечка), пояс (Mould *et al.*, 2003. P. 3393–3395). Фрагмент еще одного ремня так же имеет следы крепления накладок (рис. 72, 2).

Декором упряжи может являться *подвеска* (рис. 72, 4), происходящая из культурных напластований конца XV – начала XVI в. Житного раскопа. Кожа порезана на тонкие полосы длиной 65–75 мм, диаметром менее 1 мм, сплетенные по две. Верх скручен по оси.

В ходе работ И.Ю. Стрикалова в 2015 г. на Остроге, в раскопе № 2 был найден фрагмент плетки, сплетенный «косичкой» из трех ремешков и имеющий железное кольцо на оконечности (рис. 72, 7). Похожее плетение

было обнаружено А.Л. Монгайтом (рис. 72, б), аналоги есть в Пскове (Оятева, 1962. С. 94).

6.6. Ремни и ремешки

Кожаные ремни и ремешки (прил. 2, табл. XI) имели широкое применение в средневековье. Поясные ремни являлись важной частью костюма, выполняя как практическую функцию поддержки деталей одежды, так и декоративную. Наличие поясных ремней отмечено в Твери (Курбатов, 2004а. С. 51).

Некоторые переяславль-рязанские ремешки могли быть деталями конской упряжи, иные же использоваться в различных целях. Ввиду их фрагментарной сохранности, оборванности края, определить назначение вещи довольно затруднительно.

Длинный тонкий ремешок происходит из раскопок А.Л. Монгайта (рис. 70, 1). С ним несколько схожи находки тонких ремешков с орнаментом тисненными линиями на Житном раскопе. Первый из них происходит из слоя середины – второй половины XV в., сохранился в нескольких частях, орнамент нанесен в центральной части по всей длине (рис. 70, 2). На оконечности есть прорезь, на другой оконечности через прорезь продернут кончик, образуя узел. Другой ремешок датируется первой половиной XVI в., на его оконечности также есть прорезь, через которую он продернут (рис. 70, 3). Декор в виде двух тисненых линий проходит вдоль краев.

Еще один ремешок имеет прорезь на оконечности (рис. 70, 4), а другой обхвачен проволокой (рис. 70, 5).

Ремень конца XIV – первой половины XV в. с парными продольными прорезями на концах (рис. 71, 1) схож с обнаруженным в Твери и предположительно определенным как часть конского убора или снаряжения коня (гуж) (Курбатов, 2004а. С. 60; 197, рис. 118, 10).

Интересен тонкий ремешок из того же слоя Житного раскопа (рис. 71, 2). На нем два отверстия на равном расстоянии от краев и друг от друга. Оба

конца изделия были несколько раз продернуты через отверстия, в результате чего получилась «косичка» вокруг отверстий.

Более массивный ремень из слоя первой половины XVI в. Житного раскопа имеет следы крепления накладок и украшен двумя тисненными линиями, проходящими в центре по всей длине изделия (рис. 71, 4).

На Житном и Введенском раскопах есть обрывки ремешков с прорезями (рис. 71, 3, 5, 11), а также с прорезями и узлом (рис. 71, 7, 15).

Два ремешка конца XV – первой половины XVI в. на оконечности имеют железную пряжку (рис. 71, 8, 10).

В виду малочисленности и фрагментарности представленных изделий аналоги им найти сложно.

6.7. Ручки

Стоит обратить внимание на единичные изделия, выполненные из куска довольно толстой кожи, сложенной жгутом (прил. 2, табл. XII) (рис. 73). Они могут быть атрибутированы как кожаные ручки для чего-либо. На Житном раскопе подобный артефакт, состоящий из двух частей, найден в срубке, в слое второй половины XVI в. (рис. 73, 1). Изделие уплощенное, шов проходит по центру тыльной стороны, на поверхности потертости и разрывы.

На Введенском раскопе фрагмент происходит из слоя середины XV в. и еще один – из слоя второй половины XV в. Первый с обеих сторон декорирован прорезями, расположенными в ряд вдоль обеих сторон изделия (рис. 73, 2). С внутренней стороны на оконечность вбивались гвоздики.

Для придания округлой в сечении формы второму жгуту он был плотно набит нитевидными обрезками первичного раскроя толстой кожи (рис. 73, 3). Края жгута сшиты тачным швом. Один конец уплощен и по обоим краям внутренней стороны орнаментирован короткими наклонными надрезами, такие же декоративные надрезы есть и с внешней стороны оконечности. Второй конец был оформлен симметрично, но оборвался в месте начала уплощения. Обрыв краев детали, возможно, произошел в процессе ее

эксплуатации. Сильный износ виден и по многочисленным потертостям, трещинам на поверхности и разрыву, приходящему по центральной части ручки.

6.8. Узлы и петли

Встречающиеся среди археологических материалов переплетения узелков многочисленны и довольно разнообразны (*Савенкова*, 2011. С. 210–215), что было вызвано бытовой, хозяйственной, ремесленной необходимостью их применения (*Курбатов*, 2004а. С. 56–57; *Осинов*, 2014а. С. 102–106).

Переяславль-рязанская коллекция содержит около 130 кожаных обрезков со всевозможными узелками, обнаруженных на Житном и Введенском раскопах (прил. 2, табл. XIII). Они происходят как с территории усадеб (рис. 75–77), так и из скопления ремесленных отходов (рис. 74). Преимущественно выполнены на обрезках от раскроя, о чем свидетельствует неравномерная ширина кожаной полоски (рис. 76, 9, 13).

Необычайно ценны кожаные изделия с узелками, сохраняющимися непосредственно на предмете, т.к. это позволяет узнать о его применении. Здесь стоит обратить внимание на ключ, подвешенный на кожаный шнурок, найденный на Введенском раскопе в слое второй половины XV в. (рис. 76, 1). Шнурок имеет неравномерную ширину, вероятно, использован обрезок от раскроя. Узел сложной завязки: одна оконечность имеет отверстие, через которое продернут и обвязан другой конец. По классификации Б.А. Колчина, ключ относится к типу В, датируемому по новгородским материалам второй половиной XII – началом XV в. (*Археология. Древняя Русь...*, 1997. С. 252, рис. 6, 1).

Интересен тонкий кожаный шнурок, обмотанный вокруг деревянной палочки и завязанный простым двойным узлом (рис. 74, 14). Зафиксирован в отходах сапожной мастерской на Введенском раскопе.

Есть узелки на оконечностях обрезков (рис. 75, 15) и узлы, завязанные в центральной части (рис. 75, 3; 77, 3).

Узлы использовались для наращивания длины шнурка (рис. 76, 4; 77, 5). Некоторые шнурки связаны оконечностями (рис. 76, 8, 16).

Среди изделий есть обрезки с простым узлом, когда оконечность обносится вокруг коренной части и пропускается в образовавшуюся петлю (рис. 75, 3–4; 76, 18; 77, 5).

Прослеживаются узелки сложной завязки: один из двух обрезков несколько раз обмотан вокруг другого (рис. 75, 11), несколько тонких обрезков связаны на оконечности узлом, к оконечности одного из них привязан еще обрезок (рис. 75, 2).

Нередки изделия с узелками, образующими петли (рис. 75, 12, 16; 76, 11).

Встречаются фиксирующие узлы (рис. 75, 17). На шнурок нанизаны многочисленные обрезки первичного раскроя, закрепленные узлами (рис. 77, 8). Эти обрезки небольшого размера и разной формы (геометрические, нитевидные), на некоторых из них видны технологические отверстия и отпечатки зубов человека. Изделие несколько схоже со связками обрезков, найденными в Твери, Новгороде (*Курбатов*, 2003а. С. 177, рис. 6, 9.7; *Торопова и др.*, 2023. С. 119, рис. 7, 3–4).

Интересна железная накладка, к которой прикреплен кожаный ремешок, связанный узлом, образующим «косичку» (рис. 77, 6).

Обрезок вторичного раскроя на оконечности небрежно нарезан на полоски, затянутые узлом у основания (рис. 77, 7).

Узлы завязывались с самыми различными целями, часто для решения текущей задачи, после выполнения которой, они выбрасывались. Этим и может быть объяснено их большое количество и вариативность исполнения.

6.9. Прокладки и шайбы

Категория «прокладки–шайбы» была выделена по материалам Твери, и подобные изделия обнаружены еще в ряде городов (*Курбатов*, 2004а. С. 55–56), в том числе в Москве (*Осинов*, 2014а. С. 94; 241, илл. № 63), Липецке (*Осинов и др.*, 2018. С. 234). Ссылаясь на этнографические материалы, исследователи указывают, что шайбы использовались в качестве «гонка» к веретену, а прокладки как гибкий предмет, одеваемый на прикрепы, оболочки, затычки и пр. (*Курбатов*, 2012а. С. 205–206).

В Переяславле Рязанском прокладки круглой формы, диаметром около 22–28 мм, были обнаружены при раскопках Н.П. Милонова, а также на Житном и Введенском раскопах (прил. 2, табл. XIV). В подавляющем большинстве они имеют отверстие в центральной части, выполненное как тонким круглым в сечении инструментом (игла, шильце) диаметром 1 мм (рис. 78, 3), так и способом прорезания острым орудием на 2 мм (рис. 73, 2), в единичных случаях отверстие отсутствует (рис. 78, 1). Происходят из слоя конца XIV – начала XVII в.

Можно предположить, что некоторые из этих кружков вырезались из верхней части голенищ. Это подтверждается тем, что декоративные круглые отверстия на голенищах соответствуют по размеру кружкам. Маленькие сквозные отверстия могли наноситься на две части голенища с целью обозначения мест выреза, которые должны были быть симметричны.

Первой половиной XVI в. датируются две круглые прокладки диаметром 50 мм с шовными отверстиями по краю и в центральной части (рис. 78, 11). Местами в отверстиях сохранилась шерстяная нить. Подобное изделие встречено при раскопках в Зарядье (*Осинов*, 2014а. Илл. № 63, 7), Твери (*Курбатов*, 2011б. С. 207, рис. 3, 29).

Шайбы, обнаруженные на Житном раскопе, имеют крупное отверстие в центральной части (рис. 78, 6–7, 9–10). Они аналогичны тверским находкам (*Курбатов*, 2004а. С. 209, рис. 129, 11–12, 16–18). Одна выполнена из

головки сапога, на что указывает тиснение, следы крепления полного двухчастного поднаряда (рис. 78, 10).

На Житном и на Введенском раскопах имеются артефакты округлой формы, со срезанными углами и крупным отверстием в центре, вероятно, их также можно отнести к шайбам (рис. 78, 4–5, 8).

6.10. Наперстки

Кожаные наперстки, предназначенные для защиты пальцев ремесленника или рукодельницы от наколов иглой, были выявлены и на Житном, и на Введенском раскопах (прил. 2, табл. XV). Общее их количество составляет 47 экземпляров (рис. 79, 1–18).

Эта категория находок впервые была выделена А.В. Курбатовым по материалам Твери (Курбатов, 2004а. С. 55). Они зафиксированы также в Старой Руссе, Торжке (Курбатов, 2012а. С. 113), Москве (Осинов, 2014а. С. 91), Мангазее (Визгалов и др., 2011. С. 69–70), Ивангороде (Боковенко, Курбатов, 2022. С. 204).

Все наперстки в Переяславле Рязанском преимущественно обнаружены в слоях XV–XVI вв.: в заполнении дома, на территории усадеб, а также в массовых отходах сапожного производства.

Они изготовлены из трапециевидных кусочков кожи, сложенных мереей как наружу (в основном), так и внутрь. Оконечности наперстка сшивались сбоку изделия, чаще всего переметочным швом, редко – тачным. В единичных случаях шов располагался по центру тыльной стороны. Размер наперстков варьируется: 22–26 x 15–27 мм.

Наперстки выполнялись как из обрезков первичного раскроя кожи, о чем свидетельствует процарапанная раскроечная разметка и технологические отверстия, оставшиеся в процессе выделки шкуры (рис. 79, 8, 10), так и из кожи вторичного использования, сохранившей следы эксплуатационного износа (рис. 79, 15). Преобладают наперстки, изготовленные из обрезков

первичного раскроя, тогда как из вторично раскроенной кожи выполнено три экземпляра.

На поверхности наперстков заметны единичные или многочисленные следы наколов иглой, с одной или двух сторон (рис. 79, 17а, 17б).

На одном наперстке прослеживаются отпечатки зубных вдавливания человека (рис. 79, 18).

6.11. Атрибуты верований

Изучение небольшой коллекции предметов, происходящих из раскопок А.А. Коновалова в 1980 г. на территории архиерейского сада, позволило определить довольно редкую категорию находок. Так, фрагменты кожаных изделий из захоронения № 41 были атрибутированы как **монашеский пояс** и плетеный **крест**, а из захоронения № 47 – как **монашеский пояс** и **параман**, пластина-нагрудник, крепившаяся на шнурах и являвшаяся принадлежностью облачения монаха малой схимы. Среди материалов Переяславля Рязанского подобные изделия выявлены впервые.

Монашеские пояса и параманы с отрисками двенадцатых праздников, крестов, архангелов и херувимов хорошо известны. Такие предметы с качественными рельефными отрисками миниатюрных и сложных сюжетных композиций, выполненных в технике горячего тиснения с помощью матриц, найдены в Киеве, Смоленске, Новгороде, Москве, Твери (*Курбатов*, 2017б. С. 265–282), встречаются с XII в. и прослеживаются до рубежа XVI–XVII вв. (*Энговатова и др.*, 2023. С. 364).

В захоронении № 41 пояс сохранился в пяти фрагментах (рис. 80, 2). На трех стыкующихся частях прослеживаются прямоугольные клейма со сценами двенадцатых праздников, чередующиеся с сопроводительными надписями. Первый праздник Благовещение (изображение), второй Рождество Христово (изображение, надпись), третий Сретение (изображение, надпись), затем Крещение (изображение, надпись). Клеймо с сюжетом Воскрешения Лазаря обрезано. Кроме того, еще два фрагмента стыкуются, на

них после отступа улавливаются два клейма с изображениями (или надпись и изображение), их прочтение затрудняют сломы в верхней части. Во втором клейме, возможно, сцена Преображения.

Сохранившийся в нескольких фрагментах крест был сплетен из тонких ремешков (рис. 80, 1). Такие находки известны как в группах погребений только с одним крестом, например, на территории первой столицы бывшего Рязанского княжества, Старой Рязани (Панова, 2004. С. 165), так и в группах погребений, в которых наряду с плетеными крестами зафиксированы также и кожаные пояса (Панова, 2004. С. 164–165; Панченко, 2022. С. 180–189).

В захоронении № 47 выявлены два фрагмента пояса, о чем свидетельствуют их ровные края, с помещенными в прямоугольные клейма надписью и изображением Воскресения Христова (рис. 80, 3).

Другие пять фрагментов отнесены к остаткам парамана (рис. 80, 4). Известно, что ширина монашеских поясов не превышает 20–30 мм (Курбатов, 2017б. С. 268; Панченко, 2022. С. 183), максимальная ширина переяславль-рязанского пояса из погребения № 41 составляет 20 мм. Фрагменты рассматриваемого изделия достигают 42 мм, с учетом того, что края обломаны, размер изделия явно был больше. На сохранившихся частях парамана в прямоугольных клеймах есть изображения Входа в Иерусалим с соответствующей надписью, Распятия с надписью. Оттиск еще на одном клейме не распознается.

Клейма на поясах расположены очень плотно, без отступов. Насколько это возможно судить по фрагментам и не вполне четким оттискам на них, стилистически они схожи с представленными на находке, датируемой второй половиной XV в., из погребения в церкви Спаса на Бору в Московском Кремле (Курбатов, 2017б. С. 271–272).

Переяславль-рязанские захоронения сделаны у Спасского монастыря – самого раннего из известных в городе. Его первое упоминание встречается под 1467 г. (Кусова, 2023. С. 42).

Подобные вещи из монашеского облачения в захоронениях являются очень редкими и, скорее всего, их изготавливали по индивидуальным заказам для монахов, имевших высокий церковный статус (Панченко, 2022. С. 183).

В завершение темы стоит отметить, что находки матриц для таких оттисков довольно малочисленны, они обнаружены в Вышгороде, Полоцке, Минске, Москве, Новгороде (Курбатов, 2017б. С. 273–275), а также в Сергиевом Посаде (Энговатова и др., 2023. С. 361–372). В 2022 г. была обнаружена металлическая матрица в Старой Рязани.

Рассмотренные выше предметы свидетельствуют о христианской вере, вместе с тем в средневековых мировоззренческих представлениях значительная роль отводилась и всевозможным магическим ритуалам. Атрибутами таких действий нередко также выступали кожаные изделия. Хорошо известны, например, находки кожаной обуви, использовавшейся в качестве строительной жертвы в первой половине XVII в. (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 50, 126; *Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. С. 88–90*). Кроме того, обнаруженные в Новгороде узелковые переплетения были атрибутированы как **наузы** (Савенкова, 2011. С. 210–211). К такой узелковой магии отнесены и находки из Москвы – кожаные обрезки с несколькими узелками, выполненными в разных техниках завязывания (Осинов, 2021б. С. 60–63).

Вероятно, отдельные узелки в Переяславле Рязанском вязались с похожими целями. К такой категории находок может быть отнесены следующие изделия с узелками: нитевидный обрезок с узлом на оконечности и еще одним узлом на расстоянии (рис. 80, 9), два обрезка, связанные узлом, к одному из которых привязан третий (рис. 80, 6–7). На обрезке три различных узла, один из них образует петлю (рис. 80, 8). Происходят из различных мест, в том числе из скопления отходов из сапожной мастерской (рис. 74, 9).

Особо стоит отметить находку из раскопок А.Л. Монгайта (рис. 80, 5). Это тонкий кожаный ремешок с отверстием, через которое протянут тонкий шнурок, завязанный узлами.

Еще одно обнаруженное на Введенском раскопе в слое середины XV в. изделие пополняет ряд категорий кожаных предметов, применявшихся в средневековых обрядовых действиях. Это **ладанка** (рис. 81, 1), мешочек, сшитый из сложенного вдвое треугольного кусочка коровьей кожи⁵, скорее всего теленка. Размер артефакта по извлечении из культурного слоя составлял по высоте 37 мм, по ширине устья 26 мм и по оконечности 3 мм. Изделие происходит с территории усадьбы Г (пл. 10, кв. 19, -241 см, № 298).

Верхний и боковой края мешочка довольно аккуратно сшиты наружным переметочным швом. В верхнем углу прослеживается отверстие, которое могло предназначаться для крепления/подвешивания. Кожа довольно потертая, заметны отверстия от иглы на одной стороне, на другой имеется разрыв. Внутри мешочка все пространство было полностью заполнено органическими материалами. Извлечение содержимого позволило выявить кожу, покрытую чешуйками (рис. 81, 2). По ребристости и форме чешуи кожа была определена как змеиная⁶ (рис. 81, 3). Скорее всего, это кожа водяного ужа (лат. *Natrix tessellata*)⁷, характерного представителя фауны Рязанской области (Бабушкин, Бабушкина, 2004. С. 137).

Стоит обратить внимание на то, что в мешочке присутствовали и другие органические компоненты, однако ввиду плохой сохранности и крайне незначительных размеров их изучение не представлялось возможным.

Определение наполнения и позволяет атрибутировать находку как ладанку – сумочку с ладаном или какой-либо святыней, носимой вместе с крестом на шее (Даль, 1863. С. 236), «амулет», под которым принято

⁵ Автор признателен специалисту АО «Русская кожа» С.С. Жильцову за определение вида животного.

⁶ Автор выражает благодарность к.б.н., доц. Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина Н.В. Чельцову за консультацию по атрибуции.

⁷ Автор выражает огромную благодарность сотрудникам Зоологического музея РАН, и особенно Ю.В. Старикову, за определение вида.

понимать привеску, охраняющую от порчи, заговорное, наговорное зелье, корень и прочее (*Даль*, 1880. С. 15), «талисман» – вещь, в которой, по поверью, заключена спасительная волшебная сила (*Даль*, 1882. С. 399). Стоит упомянуть, что в материалах Свияжска найден мешочек стяжного типа, отличный от переяславль-рязанской ладанки, названный «амулетница» (*Ситдииков, Старков*, 2022. С. 335).

Возвращаясь к органическому наполнению переяславль-рязанской ладанки, можно отметить, что обнаружение кожи змеи в слоях средневекового поселения подтверждает тот факт, что культ змеи, зародившийся в палеолите, продолжал и в позднее время играть важную роль в мировоззренческих представлениях, а следы ее почитания прослеживаются до наших дней едва ли не у всех народов (*Кастанье*, 1913. С. 17–28; *Рыбаков*, 2013. С. 178–180).

Из письменных источников известно о наузах, состоявших из различного рода привязок, надеваемых на шею. Обычно это был маленький мешочек, в который могла помещаться трава, коренья, уголь, соль, сера, засушенное крыло летучей мыши, змеиная головка, кожа ужа, жабы кости, ладан (*Гальковский*, 1913. С. 287). В 1677 г. у бобыля Олонецкого уезда Калина Ортемьева из узлов «были вынуты травы, коренье, табак, кости жженые с воском, змея и летучая мышь» (*Гальковский*, 1913. С. 289). Об использовании змей в магических целях свидетельствуют документы 1700–1740 гг.: «...ужовая кожа, которая была у отставного матроса Василия Седого и якобы помогала при привороте, чуть не обошлась дворовому Ивану Прокофьеву... в рубль» (*Лавров*, 2000. С. 102).

Этнографические материалы свидетельствуют, что змею и ее части использовали в магических действиях чаще всего как potenziрующее или апотропейное средство (*Гура*, 1997. С. 328): характер опасности потенциален, а средство направлено на то, чтобы нежелательное опасное событие не произошло. В христианскую эпоху привязки стали называться «ладанками», поскольку в наузы могли добавлять ладан. Ношение на себе снадобий

являлось предохранительным талисманом против сглаза, порчи и влияния демонов и тем самым притягивалось к себе здоровье (*Афанасьев, 2009. С. 175*). Змеиная шкурка, высушенная змея применялись знахарями для лечения разных болезней (*Токарев, 2012. С. 81*) не только у восточных славян, но и многих других народов (*Токарев, 2012. С. 52*). Например, изучение воззрений, обычаев и ритуалов цыган-кэлдэраров группы молдовая в таборах Перми, Ленинградской и Новгородской областей и в Рязани позволило исследователям заключить, что талисманы, изготовленные из летучей мыши, лягушки, кожи змеи, являлись отражением представлений о способности этих существ обеспечить человеку благополучие и привлекать удачу (*Кожанов, Черных, 2018. С. 115–126*).

Церковь вела борьбу с проявлениями всякого рода волшебства, что выражалось в соответствующих постановлениях соборных правил епископов и их представителей. Подробному изучению церковных предписаний по отношению к талисманам и амулетам, их толкованию богословами посвящены специальные публикации (*Барабанов, 2007. С. 102–105*). Стоит отметить, что изготовители талисманов подвергались шестилетней епитимии по 61 правилу Трулльского собора (*Правила..., 2001. С. 548–549*), а пространное его толкование в 20-м правиле Номоканона содержит запрет на ношение талисманов.

Таким образом, несмотря на регулярные религиозные запреты, традиция ношения на себе вместилищ со змеями и завязывания узлов в магических целях продолжала бытовать. Обнаружение изделий с узелками, и, особенно ладанки со змеей, в материалах Переяславля Рязанского позволяет уточнить отдельные аспекты русских средневековых верований.

6.12. Образцы с буквами и метками

Кожа с литерами

В Переяславле Рязанском находки кожи с нанесенными буквами довольно редки (прил. 2, табл. XVI).

Как отмечает А.В. Курбатов, в единичных экземплярах они обнаружены в Старой Руссе в слое XII–XIII вв., в Новгороде в напластованиях конца XIV – первой половины XV в. Кроме того, зафиксированы в Чебоксарах, где датированы XVI–XVII вв., а также в Мангазее в слое XVII в. (*Курбатов, 2015в. С. 158–161*). Изучение находок позволило А.В. Курбатову заключить, что использование кожи для письма имело прагматическое значение: путем надрезания кожи ножом наносились знаки на товарных бирках и указания принадлежности вещей владельцам (*Курбатов, 2015в. С. 162*).

По материалам раскопок в Москве была выявлена надпись, представляющая собой начало кириллического алфавита, сделанная мастером-сапожником в конце XVI – начале XVII в. и свидетельствующая о его грамотности (*Воронин, Медынцева, Осипов, 2019. С. 276–279*).

Переяславль-рязанский обрезок кожи с начертанной надписью обнаружен в слое первой половины XVI в. (рис. 82, 1). Обрезок подпрямоугольной формы, размером 63 x 40 мм, его правый нижний угол слегка закруглен. В верхней части два технологических отверстия, появившиеся в процессе выделки кожи. На лицевой стороне обреза вырезаны, скорее всего ножом, буквы «ППР». Правая мачта правой буквы «П» является левой мачтой буквы «Р». По мнению к.и.н. Е.В. Шапиловой, надпись сделана человеком, хорошо знакомым с письмом вязью. По-видимому, данный предмет служил своеобразной биркой, крепившейся к товару с целью его идентификации, принадлежности владельцу или являвшейся знаком качества.

Кожа с метками

В этом же слое Житного раскопа найден обрезок кожи с прорезанными изображениями, выполненными в виде хаотично пересекающихся линий (рис. 82, 2). В верхней части также присутствуют технологические отверстия.

Процарапанные пересекающиеся линии выявлены и на обрезке, обнаруженном на Введенском раскопе в культурных напластованиях второй половины XV в. (рис. 82, 3). Примечательно, что это обрезок вторичного

раскроя голенища сапога, о чем свидетельствуют характерные отверстия от бокового шва. Метки нанесены на внешнюю поверхность детали. Линии очерчены по периметру, рядом с ними сетка обведенных в круг квадратов (3 x 3 квадрата) с точечными вдавлениями в них.

Еще один обрезок задника сапога с процарапанными заостренным инструментом пересекающимися линиями обнаружен на Введенском раскопе в слое конца XV – начала XVI в. (рис. 82, 4).

6.13. Атрибуты игр и развлечений

Обнаруженные при раскопках Переяславля Рязанского кожаные атрибуты игр и развлечений (прил. 2, табл. XVII) представлены тремя категориями.

Мячи

К игрушкам относятся мячи, представляющие собой сшитые друг с другом кожаные лоскутки. Еще в 1956 г. А.В. Арциховский указывал, что на Неревском раскопе их найдено несколько десятков (*Арциховский*, 1956. С. 36, 39). В Новгороде они были широко распространены в X–XVI в., известны они в Пскове (*Исюмова*, 1959. С. 216), Полоцке (*Штыхов*, 1975. С. 78, рис. 38, 9), Твери (*Курбатов*, 2004. С. 57), Москве (*Осипов*, 2014а. С. 91), Владимире (*Кокорина*, 2020. С. 192), Ивангороде (*Боковенко*, *Курбатов*, 2022. С. 203), Вологде (*Андреанова*, *Фёдоров*, 2023. С. 103), в Свияжске (*Ситдииков*, *Старков*, 2022. С. 256), в Мангазее (*Визгалов*, *Пархимович*, *Курбатов*, 2011. С. 74).

Переяславль-рязанские мячики сохранились в виде отдельных фрагментов, позволяющих сказать, что они были небольшого размера и округлой формы. На Житном раскопе деталь мяча зафиксирована в слое первой половины XIV в. (рис. 83, 1). Еще один мяч, обнаруженный там же, диаметром около 60 мм происходит из слоя конца XIV – первой половины XV в. (рис. 83, 2). На Введенском раскопе деталь мяча диаметром 42 мм найдена в слое середины XV в. (рис. 83, 3).

Маска

К атрибутам святочных игр может быть отнесена антропоморфная маска, обнаруженная на Житном раскопе в слое первой половины XVI в. (рис. 83, 4).

Маска изготовлена из головки кожного сапога. Головка имела вогнутый носок и чуть выступающий верх, орнаментирована тиснением, на оборотной стороне прослеживаются следы крепления полного двухчастного поднаряда. Прорези для глаз и рта сделаны довольно небрежно. «Нос» выполнен в форме клапана, причем, видимо, изначально сделанное отверстие было слишком маленьким и прорезь увеличили, отчего расположение «носа» стало несимметричным. Устрашающей маску делает искривленный рот. Над ним находятся четыре сквозных отверстия, куда могли крепиться «усы». Под ними – прорези для «бороды». Очень близкое расположение глазниц, носа и рта может говорить о принадлежности маски подростку. Маска крепилась веревочками или кожаными ремешками, о чем свидетельствует отверстие в ее верхней части с немного загнутым углом (вторая сторона оборвана). Предмет напоминает новгородскую маску, форма которой и следы швов по краям также указывают на изготовление маски из сапожной головки (Овчинникова, 2011. С. 282, рис. 1, № 4).

Судя по изображениям и описаниям новгородских материалов, некоторые из масок могли быть изготовлены и из голенищ (Овчинникова, Копнина, 2000. С. 121, № 1, прил. 1, № 1; 127, № 10, прил. 1, № 10). Гипотетически в роли маски мог выступать фрагмент сапожного голенища со следами расшивки (рис. 84, 5) из слоя первой половины XVI в. Житного раскопа. Одно отверстие – декоративный вырез, три других похожи на следы эксплуатационного износа. Маленькое расстояние между отверстиями для глаз и их смещенность относительно центральной оси позволяет предположить, что маску изготовил ребенок.

Помимо Новгорода (*Арциховский*, 1956. С. 36, 39; *Изюмова*, 1959. С. 221), эта категория находок известна по материалам Твери (*Курбатов*, 2004. С. 57–58), Владимира (*Кокорина*, 2012. С. 135; 2020. С. 192).

Путцы

Аристократический вид развлечений представляют находки элементов снаряжения для охоты с ловчими птицами.

Из письменных источников известно о расположении соколиного дома рязанских князей за городом у Троицкого монастыря (*Иероним*, 1889. С. 47). Кроме того, дворы двух *соколых помытчиков*, состоявших в Иерусалимском приходе, упомянуты в Окладной книге церквям, монастырям Рязанской и Муромской митрополии 1676 г.⁸ Позднее, в Писцовой книге 1696 г., *соколы помытчик* отмечен в Выползовой слободке (Рязань... 1884. С. 73).

В Переяславле Рязанском найдены кожаные путцы, применявшиеся для привязывания птицы к присаду или краге, и вертлюги – приспособления, препятствующие закручиванию пут вокруг цевки птицы.

Двое путц и железный вертлюг обнаружены на Житном раскопе в слое второй половины XVI в. (рис. 83, 6–8). Результаты изучения кожаных элементов опубликованы в статье В.М. Фёдорова (*Фёдоров*, 2011. С. 231–233). Кроме того, установлено, что путцы сохранились непосредственно на цевках птиц из местной орнитофауны – ястребе-перепелятнике и ястребе-тетеревятнике (*Антипина*, 2019. С. 250–251).

Путцы также были обнаружены в Твери в слое конца XIII в. (*Курбатов*, 2004а. С. 59), в Новгороде в слое второй половины XIV в. (*Осипов*, *Фёдоров*, 2010. С. 27).

Переяславль-рязанский вертлюг похож на новгородский (рис. 83, 8) (*Осипов*, 2013а. С. 143). Иной вид вертлюга, обнаруженный на территории Кремля, выполнен из кости (рис. 83, 9) и несколько схож с московским (*Осипов*, 2014а. С. 102).

⁸ Автор выражает благодарность к.и.н. И.Г. Кусовой за информацию.

Находки свидетельствуют о благосостоянии отдельных горожан и позволяют говорить о существовании двора с ловчими птицами на территории одной из усадеб в северо-западном районе Кремля, являвшемся административным центром Переяславля Рязанского.

6.14. Другие изделия

Использование кожи как материала в средневековой повседневной жизни горожан не ограничивалось категориями рассмотренными выше. Ее применение было гораздо шире (прил. 2, табл. XVIII).

Кожа шла на обшивку, обивку и обкладку изделий. Например, в материалах раскопок 1929 г., проведенных Н.П. Милоновым, есть крупный фрагмент с рядами отверстий от крепежа и сохранившейся полоской кожи, прибитой гвоздями (рис. 84, 1).

На Житном раскопе обнаружено изделие подпрямоугольной формы размером 340 x 55–95 мм. По краям прослеживаются следы достаточно кривого шва (рис. 84, 2).

На Введенском раскопе найдены фрагменты **войлочных изделий с кожаной обшивкой края** (рис. 85, 1–2). Определить назначение этих вещей затруднительно. По результатам анализа н.с. ИА РАН, к.и.н. И.И. Ёлкиной (Ёлкина, 2020), установлено, что вещь была стеганой. Лицевая и изнаночная поверхности изделия, скорее всего, были покрыты тканью, которая ввиду долгого пребывания в грунте истлела, а войлок использовался в качестве прокладки – утеплителя, а также удерживал форму изделия. Кожаная окантовка была пришита к краю изделия. В некоторых отверстиях от швов сохранились сильно разрушенные проволочные нити растительного происхождения.

Обшивка двух других войлочных изделий, выполнена, возможно, из кожи вторичного использования: нижний край обрезан неровно и у одного края нехватка кожаного листа, из-за чего, шов пошел под другим углом – ближе к верхнему краю (рис. 85, 2). А.В. Курбатов по материалам Твери

выделял такие обшивки и указывал, что они могли использоваться на войлочных пополах (Курбатов, 2004а. С. 61).

Выявлен фрагмент крупного **берестяного изделия, вложенного в кожу** (рис. 85, 3), аналогов которому выявить не удалось.

Любопытны **плетения** из кожи. Два тонких ремешка из слоя конца XIV – первой половины XV в. Житного раскопа, соединенные за оконечности третьим ремешком. Их оконечности и центральная часть оформлены плетением в виде «косички» (рис. 84, 3).

Единичен кожаный шнурок, переплетенный из четырех обрезков (рис. 85, 8). Еще один фрагмент плетения имеет в центре завязанный узелок, а кончики переплетены «косичкой» (рис. 85, 7).

Возможно, своеобразным креплением являлись полоски кожи с отверстиями на концах (рис. 85, 5–6).

Стоит обратить внимание на кожаный шнурок, раздвоенный с одной стороны, а с другой, отверстие, в которое вставлен деревянный предмет (рис. 84, 6). Обнаружен на Житном раскопе в слое второй половины XVI в.

Не атрибутирован артефакт с обрезанным краем, найденный на Введенском раскопе в слое середины XV в. (рис. 85, 4). Это две детали, сшитые по одной стороне кожаным шнурком, две другие имеют следы тачного шва. Из того же слоя происходит обрезок с переплетением тонким шнурком (рис. 85, 9).

Не ясно пока и назначение **изделия/изделий из рыбьей кожи**. На внутренней стороне всех трех фрагментов прослеживаются отчетливые следы текстиля. По определению н.с. ИА РАН, к.и.н. И.И. Ёлкиной, ткань на них отпечаталась немного по-разному, но характеристики схожие: ткань льняная (?), полотняного переплетения плотностью 14–16 н/см x 20–22 см, толщина нитей 0,3–0,4 см. Крутку нитей определить не удалось.

Первый фрагмент – мелкий обрезок изделия, о чем говорят ровно срезанные его края (рис. 86, 1).

Другой фрагмент изделия представляет собой кожу, сложенную вдвое (рис. 86, 2). Нижняя часть изделия обрезана. Вдоль линии сгиба с обеих сторон нанесена декоративная линия тиснения (рис. 86, 2а). Ближе к нижнему краю от центральной части прослеживается линия шовных отверстий, в некоторых сохранились остатки нитей растительного происхождения. Швы довольно небрежны: не выдержано расстояние между стежками, линия шва не параллельна линии сгиба. Прослеживаются отверстия двух видов, проколотых двумя различными инструментами. Крупные округло-вытянутые, вероятно, остались от ромбического в сечении шильца (рис. 86, 2б), а мелкие, скорее всего, от иглы (рис. 86, 1в). Фрагмент имеет следы вторичного раскроя – надрез сбоку, след от режущего инструмента в нижней части (рис. 86, 1г). Внутри сложенного вдвое фрагмента удалось выявить что-то типа усилительной вставки под линию шва из тонкой кожи, которая также имеет шовные отверстия (рис. 86, 2д). По-видимому, это не отслоение кожи, а дополнительная кожаная прокладка. Ее края ровно обрезаны. Возможно, было еще усиление шва при помощи тонкой берестяной вставки (рис. 86, 2е), но сохранившийся фрагмент слишком мал, чтобы это можно было утверждать наверняка.

Еще одна находка – обресток изделия (рис. 86, 3). На внутренней и внешней поверхности кожи отчетливо прослеживаются деформационные вмятины и коррозия от гвоздей со шляпками диаметром около 16–18 мм (рис. 86, 3а). На внутренней поверхности кожи хорошо видны следы текстильного полотна (рис. 86, 3б). На этой же стороне при изучении под увеличением замечены продольные отпечатки древесных волокон (доски) (рис. 86, 3в). Судя по взаиморасположению отпечатков, можно утверждать, что в деревянную основу изделия были вбиты гвозди, после чего она была обтянута тканью, а поверх нее – кожей.

Кожа довольно тонкая – менее 0,7 мм, и лишь третий фрагмент имеет толщину 1–1,2 мм. Наличие ровных краев на всех находках говорит о вторичном раскрое изделия/изделий из рыбьей кожи. Безусловно, плохая

сохранность не позволяет определить их функциональное назначение. Учитывая характер отпечатков на внутренней поверхности всех фрагментов, можно лишь предположить, что эти изделия могли быть обивкой деревянного предмета (например, сундучка или ларца, какого-либо футляра). Кожа на предметах декоративно-прикладного искусства часто являлась украшающим покрытием деревянной основы (*Глинка и др.*, 2019. С. 46, 56). Иное возможное назначение охарактеризованных кожаных фрагментов – переплет книги. Так, немецкий богослов Иоганн Готфрид Цейдлер в работе 1708 г. «Философия переплетчика или введение в искусство переплетного дела» упомянул среди прочих материалов для покрытия обложки книги кожу угря и морского зверя (*Zeidler*, 1708. P. 122). Использование кожи в каждом из предложенных вариантов хорошо известно (*Некрасова-Щедринская*, 2019. С. 7).

В завершение стоит отметить, что большинство охарактеризованных категорий изделий представлены в материалах других русских городов. Однако именно на материалах Переяславля Рязанского впервые удалось выявить и атрибутировать кожаную ладанку с частицей змеи внутри и определить наличие изделий из рыбьей кожи, обнаруженных в процессе археологических исследований средневекового города.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование кожаных изделий и сопутствующих кожевенно-сапожному производству материалов из всех раскопов в различных частях города с применением естественнонаучных методов позволило проследить развитие кожевенно-сапожного ремесла в Переяславле Рязанском и выявить его характерные черты во второй половине XIV – XVI вв.

Определены основные фасоны обуви на протяжении указанного периода. Несмотря на редкость в Переяславле Рязанском находок XII–XIII вв., установлено, что для этого времени были характерны туфли, поршни, полусапожки. Детали сапог древнерусского периода так же, как и в других городах, малочисленны, что может быть связано с их дороговизной и принадлежностью людям с высоким социальным статусом. Коллекция сапог второй половины XIV – XVI вв. более представительна, что объясняется широким распространением этого вида обуви с начала XIV в., тогда как туфли единичны, а поршни практически отсутствуют. Прослежена смена фасонов сапог и установлено, что во второй половине XV в. отдельные фасоны сосуществовали, что отнесено к региональным особенностям.

Мозаичный и зубчатый декоры, известные по новгородским материалам XI–XIII вв., в Переяславле Рязанском зафиксированы в слоях второй половины XIV – XVI вв., что свидетельствует о длительной традиции такого рода украшений. Наличие сапожных голенищ с зубчатым краем, образцов мозаичной техники декорирования, а также довольно многочисленной, по сравнению с другими русскими городами, коллекции обувных деталей с расшивкой растительными мотивами, может быть связано с восточным влиянием. Выделены и сами вещи так называемого восточного облика, которые могут оказаться подражательными.

Исследование деталей сапог с привлечением естественнонаучных методов позволило выявить наличие цветной обуви и нитей. Утепленная

обувь имеет как войлочные стельки, так и войлочные наполнители в головках сапог.

Помимо сапог, зафиксирована плетеная обувь: лыковые и лапти из комбинированных материалов, на изготовление которых шло лыко, а поверх – полосы кожи вторичного раскроя.

Выявлены зоны концентрации ремесленных отходов, установлено, что скопления залегают на открытом участке усадьбы, что согласуется с наблюдениями о выносе отходов ремесла на свободные от застройки окраины усадеб.

Определено, что на изготовление кож или шкуры крупного и мелкого рогатого скота. По обрезкам от раскроя удалось выяснить, как мастер намечал детали и располагал их на кожевенном листе. Прослежена как грубая разметка листа для обозначения подходящих для работы участков кожи, так и более аккуратная для контуров выкраиваемой детали. Линия разметки процарапывалась заостренным предметом или вдавливалась тупым инструментом. При выравнивании кромок кожного листа и при раскрое деталей требовалось использование ножа, а при вырезании мелких деталей – ножниц. Выявлены образцы с учебным выполнением разнообразных прорезей и разрезов, сделанных как ножом, так и ножницами.

Стандартизированная форма кроя как первичных, так и вторичных обрезков, небольшой их размер указывают на стремление к экономии нового сырья, что характеризует профессионализм мастера. Вместе с тем обнаружение подготовленных ко вторичному применению, но не использованных голенищ сапог свидетельствует, что нехватки материала для изготовления новой обуви не было.

На обрезках первичного раскроя отмечены округлые и продолговатые технологические отверстия, оставшиеся от крепления шкуры шпеньками с целью ее фиксации во время снятия мездры или удаления волоса и растягивания для сушки на заключительном этапе кожевенного процесса. По

результатам изучения кожаных обрезков сделано предположение, что крепление к деревянной раме могло выполняться и кожаными шнурками.

Впервые исследованы и классифицированы берестяные обрезки, оставшиеся после вырезания ножом берестяных вставок в задники сапог. На их поверхности так же, как и на кожаной, прослежена разметка контура детали, нанесенная острым тонким инструментом.

Классифицирован инструментарий ремесленников, связанный с коженно-сапожным производством, а отпечатки рабочей поверхности инструментов на крупных обрезках подтвердили использование в Переяславле Рязанском их видов, известных по вещественным, письменным, этнографическим источникам. Применялись такие инструменты, как резец, тупик, нож, ножницы, ромбическое в сечении шило, наперсток из кожи и цветного металла, молоток-гвоздодер.

Разработана методика полевой фиксации следов, оставленных на кожаном материале в процессе технологической выделки кожи кожевниками и последующей с ней работы мастерами других специальностей. В результате систематизации этих следов были выявлены отпечатки зубов человека и проведено их изучение. Прослежено несколько видов зубных вдавливания в соответствии с целевым назначением применения зубов: технологическое, придавливание для сложения вдвое, функциональное, эксплуатационное. Определено, что ремесленник использовал зубы преимущественно во время технологических процессов, когда с их помощью он удерживал, скоблил, растягивал и жевал кожу.

Для изучения зубных вдавливания на археологической коже впервые был применен метод стоматологической диагностики. Установлено, что отпечатки оставлены людьми разных возрастов, а в пределах конкретного образца отпечатки идентичны. Характер закусов свидетельствует об отсутствии выраженной патологии прикуса, лишь на четырех отпечатках видны нарушения легкой степени. Особенности отпечатков на одном из образцов позволили предположить функциональную перегрузку конкретных

отделов зубного ряда. В другом случае нарушения связаны с возможным наличием травмы.

Атрибуция кожаных изделий вне зависимости от степени их сохранности из раскопок в Переяславле Рязанском позволила обнаружить такие редкие артефакты, как фрагменты кожаного креста, монашеских поясов и парамана. Впервые была найдена и атрибутирована уникальная кожаная ладанка с частицей змеи, что говорит о вере в защитные свойства талисманов в средневековье. Ранее подобная категория амулетов была известна лишь по письменным и этнографическим материалам. Впервые в средневековых культурных напластованиях Центральной России выделены фрагменты изделий из рыбьей кожи, находки которой весьма малочисленны в мировой археологии. На основании изучения эксплуатационных и крепежных отпечатков как на мерее, так и на бахтарме изделий из рыбьей кожи высказано предположение о их функциональном назначении: обивка деревянного предмета (например, сундучка или ларца, какого-либо футляра) или переплет книги.

Высокий статус отдельных горожан Переяславля Рязанского подтверждается находками изделий импортного производства и атрибутов охоты с ловчими птицами.

Подготовленные данные о находках, связанных с кожевенно-сапожным производством в Переяславле Рязанском, и их иллюстрации, частично представленные в диссертационном исследовании, являются основой для дальнейших уточнений и дополнений благодаря постоянно пополняющимся вещественным источникам, обнаруживаемым на территории города.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что город Переяславль Рязанский в плане возможностей изучения кожевенно-сапожной проблематики занимает исключительное место среди других населенных пунктов Рязанской земли. Эталонные коллекции, позволившие выяснить отдельные моменты работы с кожей, выявить следы применяемого инструментария, изучить смену форм кроя обувных деталей и их орнаментации, атрибутировать новые категории

изделий, показывают, что кожевенно-сапожное ремесло Переяславля Рязанского не уступало по своим качественным показателям ремеслу в таких крупных городах как Новгород, Москва, Тверь.

Письменные источники

1. *Антилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М.: Изд-во МГУ, 1982. 272 с.
2. *Иероним (Алякринский И.С.)*, архимандрит, 1889. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом / Ред. И.В. Добролюбов. Рязань. 129 с.
3. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 6. 1242–1289 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 490 с.
4. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 7. 1290–1342 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 504 с.
5. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 12. 1403–1424 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 490 с.
6. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 14. 1444–1459 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 550 с.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 15. 1460–1474 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 494 с.
8. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 16. 1475–1482 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 534 с.
9. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 17. 1483–1502 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 506 с.
10. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 18. 1503–1527 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 514 с.
11. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Кн. 19. 1528–1541 гг. М.: ООО «Фирма «АКТЕОН», 2014. 670 с.
12. Писцовыя книги Рязанскаго края. XVI вѣкъ // Под редакціей члена Комиссіи В.Н. Сторожева. Рязань, 1898. Том I. Выпускъ первый. 416 с.
13. Писцовыя книги Рязанскаго края. XVI и XVII в.в. // Под редакціей члена Комиссіи В.Н. Сторожева. Рязань, 1900. Том I. Выпускъ второй. 343 (755) с.

14. *Цепков А.И.*, 1996. Экономика Рязанского края конца XIV в. Писцовые книги Рязанского края XVI в. Т. 1. Вып. 1. Рязань: Изд-во «Русское слово». 664 с.
15. Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий / Н.А. Найденов. М., 1884.
16. *Теофил.* Записка о разных искусствах // Сообщения ВЦНИЛКР, № 7. М., 1963.
17. *Тифлиси.* Описание ремесел // Перевод с персидского, введение и комментарий Г.П. Михалевич. М., 1976.
18. Hausbuch der Mendelschen Zwölfbrüderstiftung: коллекция Нюрнбергской городской библиотеки // <http://www.nuernberger-hausbuecher.de/> Дата обращения: 01.12.2023
19. *Zeidler I.G.*, 1708. Buchbinder-Philosophie oder Einleitung in die Buchbinderkunst...: Mit sonderbahren Anmerckungen zweyer wohlerfahrner Buchbinder. Hal im Magdeburgschen. 284 p.

Архивные материалы

1. *Антипина Е.Е., Кириллова И.В., 2007.* Результаты исследования остеологической коллекции из раскопок Переяславля Рязанского 2005 г. / Завьялов В.И. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского в 2006 г. // НА РИАМЗ, № 3858. С. 88–97.
2. *Буланкин В.М., 1992.* Отчет о раскопках в исторической части г. Рязани в 1992 г. // НА РИАМЗ, № 4062.
3. *Буланкин В.М., 1992.* Альбом к отчету о раскопках в исторической части г. Рязани в 1992 г. // НА РИАМЗ, № 4062/1, 4062/2, 4063/3, 4064.
4. *Буланкин В.М., 2002.* Отчет о производстве охранно-археологических работ (наблюдений) при реконструкции здания по адресу: г. Рязань, площадь Свободы, д. 4 (крытый рынок) // НА РИАМЗ, № 4239.
5. *Буланкин В.М., 2007.* Отчет о выполнении научно-исследовательских археологических работ в охранной зоне исторической части г. Рязани во время проведения земляных работ при строительстве многоэтажного жилого дома с нежилыми помещениями по адресу: г. Рязань, ул. Лесопарковская, д. 18 (29 квартал) // НА РИАМЗ, № 4241.
6. *Буланкин В.М., 2010.* Верхний Посад (Новослободская, 8) раскопки наблюдения // НА РИАМЗ, № 4242.
7. *Вячин А.А., 2007.* Отчет об охранных археологических раскопках на Нижнем Посаде Переяславля Рязанского (г. Рязань) ул. Скоморошинская, д. 5 в 2006 г. // НА РИАМЗ, № 3911.
8. *Вячин А.А., 2008.* Отчет об охранных археологических раскопках на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ, № 3980/1.
9. *Ёлкина И.И.* Отчет по результатам анализа образцов из шерсти и растительных волокон, обнаруженных в ходе работ Переяславль-Рязанской археологической экспедиции. Введенский раскоп. 2020 г. // НА РИАМЗ, № 4199.

10. *Завьялов В.И.*, 2007. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. // НА РИАМЗ, № 3899.
11. *Завьялов В.И.*, 2008. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2007 г. // НА РИАМЗ, № 3955.
12. *Завьялов В.И.*, 2009. Отчет об археологических исследованиях кремля Переяславля Рязанского в 2008 г. // НА РИАМЗ, № 3992.
13. *Завьялов В.И.*, 2010. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2009 г. // НА РИАМЗ, № 4004/1.
14. *Завьялов В.И.*, 2011. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2010 г. // НА РИАМЗ, № 4024/1.
15. *Завьялов В.И.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 34548–34550.
16. *Завьялов В.И.*, 2013. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 39846–39248.
17. *Завьялов В.И.*, 2014. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
18. *Завьялов В.И.*, 2015. Археологические исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 49721–49723.
19. *Завьялов В.И.*, 2016. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 51791–51793.
20. *Завьялов В.И.*, 2017. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 58276–58278.

21. *Завьялов В.И.*, 2018. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 60309–60311.
22. *Завьялов В.И.*, 2019. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 65514–65516.
23. *Завьялов В.И.*, 2021. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2019 // Архив ИА РАН. Р-1. № 70421–70424.
24. *Завьялов В.И.*, 2022. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2021 г. (по Открытому листу № 0188-2021). Т. 1. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 74561–74563.
25. *Карпова Е.В.*, 2019. Анализ образцов кожаной обуви из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника // НА РИАМЗ, № 4159.
26. *Коновалов А.А.*, 1979. Полевая опись находок РАЭ-1979 // НА РИАМЗ, № 4233.
27. *Макаров М.М.*, 1974. Отчет об археологическом наблюдении за земляными работами в Кремле Переяславля Рязанского летом 1973 г. // НА РИАМЗ, № 2873.
28. *Макаров Г.А., Белов Г.П., Ильенко И.В., Хворостова Е.Л.*, 1982. Отчет об археологических исследованиях на территории Рязанского кремля. Предварительные исследования на Солодовенных палатах // НА РИАМЗ, № 3229.
29. *Макаров М.М.*, 1984. Отчет об археологических наблюдениях за земляными работами в Кремле Переяславля Рязанского в 1981 г. // НА РИАМЗ, № 3311.
30. *Макаров М.М.*, 1985. Отчет об охранных раскопках в кремле г. Рязани в 1983 г. // НА РИАМЗ, № 4238.

31. *Макаров М.М.*, 1989. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // НА РИАМЗ, № 4237.
32. *Милонов Н.П.*, 1929. Отчет о палеоэтнологических исследованиях на месте кремля Переяславля Рязанского летом 1929 г. // НА РИАМЗ, III/307.
33. *Милонов Н.П.*, 1930. Отчет о палеоэтнологических исследованиях на месте кремля Переяславля Рязанского летом 1929 г. // Этнологический архив Общества исследователей Рязанского края. Книга 15. № 351–375 // НА РИАМЗ, III/559. С. 1–18 (147–156).
34. *Милонов Н.П.*, 1931. О результатах археологических раскопок в б. Кремле Переяславля Рязанского в июле 1931 г. // НА РИАМЗ, № 560.
35. *Милонов Н.П., А.А. Мансуров, Н.В. Говоров, И.И. Проходцов.* Коллекционная опись раскопок кремля Переяславля Рязанского в сентябре 1929 г. // НА РИАМЗ, КП-3266.
36. *Милонов Н.П.*, 1945. Археологические раскопки на территории кремля Переяславля Рязанского летом 1945 г. // НА РИАМЗ, № 1300.
37. *Монгайт А.Л.*, 1957. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. Коллекционная опись индивидуальных находок // Архив ИА РАН. Р-1. № 1354.
38. *Монгайт А.Л.*, 1958. Отчет о раскопках в 1957 г. в Кремле Переяславля Рязанского. Коллекционная опись индивидуальных находок // Архив ИА РАН. Р-1. № 1621, 1622.
39. *Пендин В.В., Заботкина Л.В.*, 2007. Отчет о научно-исследовательской работе «Составление карты культурного слоя территории Рязанского кремля» // НА РИАМЗ, № 3924.
40. *Судаков В.В.*, 1988. Отчет об охранных раскопках в Кремле в г. Рязани в 1986 г. // НА РИАМЗ, № 3445.
41. *Судаков В.В.*, 1993. Отчет об охранных раскопках на территории Кремля и Верхнего Посада Переяславля Рязанского / современная Рязань в 1990 г. // НА РИАМЗ, № 3524.

42. *Судаков В.В.*, 2001. Отчет о раскопках на территории Верхнего Посада г. Переяславля Рязанского (совр. Рязань) в 2000 г. // НА РИАМЗ, № 4231.
43. *Судаков В.В.*, 2003. Отчет о раскопках на территории Рыбацкой слободы г. Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) по ул. Затинной, д. 88 в 2002 г. Коллекционная опись // НА РИАМЗ, № 3959.
44. *Фатюнина О.А.*, 2008. Кожаная обувь г. Переяславля Рязанского (по материалам раскопок в Кремле в 2007 г.) // НА РИАМЗ, № 3966.
45. *Фатюнина О.А.*, 2021. Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2020 г. Т. 1, 2 // НА РИАМЗ, № 4208/1, 4208/2.
46. *Челяпов В.П.*, 1982. Отчет о раскопках и разведках на территории Спасского и Рязанского районов Рязанской области в 1981 г. // НА РИАМЗ, № 3244.
47. *Челяпов В.П.*, 1995. Отчет об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 г. Альбом к отчету об охранных раскопках на территории Острога г. Рязани в 1994 г. // НА РИАМЗ, № 4240.
48. *Челяпов В.П.*, 2005. Отчет об охранных раскопках в Гончарной слободе Переяславля Рязанского в 2004 г. Рязань, 2005 // НА РИАМЗ, № 4232.
49. *Челяпов В.П.*, 2008. Отчет об охранных раскопках на Нижнем Посаде г. Переяславля Рязанского (совр. г. Рязань) в 2007 г. // НА РИАМЗ, № 3972.
50. *Яниш Е.Ю.*, 2014. Результаты определения таксономической принадлежности остатков рыб из раскопок Переяславля Рязанского (2010–2012 г.) / Завьялов В.И. Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2013 г. Т. 1. М. // ИА РАН Р-1, № 39846. С. 183–196.

Археологические коллекции РИАМЗ

- A323. КП-1504. С.Д. Яхонтов, 1929.
- A340. КП-1521. С.Д. Яхонтов, 1929.
- A416. КП-1595. Н.П. Милонов, 1929.
- A491. КП-1668. Н.П. Милонов, 1931.
- A536. КП-1712. 1931.
- A520. КП-1696. 1936.
- A553. КП-1723. Н.П. Милонов, 1945.
- A638. КП-6137. А.Л. Монгайт, 1956.
- A664а. КП-7357. А.Л. Монгайт, 1957–1959.
- A946. КП-29149, НВ-5674. А.А. Коновалов, 1979–1980.
- A750. КП-10138. В.П. Челябинов, 1981.
- A984 Е.А. Толмачев, И.В. Ильенко, 1982.
- A756. КП-11423, КП-11483. М.М. Макаров, 1983.
- A944. НВ-5499. М.М. Макаров, 1987.
- A809. КП-16498. В.В. Судаков, 1990.
- A838. В.М. Буланкин, 1992.
- A851. КП-18107. В.В. Судаков, 1993.
- A852. НВ-3916. В.П. Челябинов, 1994.
- A943. КП-28671. В.В. Судаков, 2000.
- A880. КП-27943. В.В. Судаков, 2002.
- A902. НВ-4836. В.И. Завьялов, 2005.
- A902. КП-28300, НВ-4975-4979. В.И. Завьялов, 2006.
- A902. КП-28310, НВ-5008, НВ-5330. В.И. Завьялов, 2007.
- A974. В.И. Завьялов, 2007.
- A979. А.А. Вячин, 2007.
- A902. КП-28523, НВ-5284. В.И. Завьялов, 2008.
- A902. КП-28824, НВ-5617. В.И. Завьялов, 2009.
- A902. КП-28825, НВ-5619. В.И. Завьялов, 2010.
- A945. КП-28957. В.М. Буланкин, 2010.

А902. КП-29086, НВ-5654. В.И. Завьялов, 2011.
А902. КП-29301, НВ-5709. В.И. Завьялов, 2012.
А902. КП-29559, НВ-5799. В.И. Завьялов, 2013.
А902. КП-29696, НВ-5823. В.И. Завьялов, 2014.
А902. КП-29844-30844, НВ-5863. В.И. Завьялов, 2015.
А902. НВ-5848. И.Ю. Стрикалов, 2015.
А966. КП-30206, КП-30175, НВ-5938. В.И. Завьялов, 2016.
А966. КП-30380, КП-30600, НВ-5993. В.И. Завьялов, 2017.
А966. КП-30574, НВ-6073. В.И. Завьялов, 2018.
А966. КП-30893. В.И. Завьялов, 2019.
А966. КП-30754. О.А. Фатюнина, 2020.
А982. КП-30938. И.Ю. Стрикалов, 2020.
А966. КП-30960. В.И. Завьялов, 2021.
А966. КП-31062. В.И. Завьялов, 2022.
А966. В.И. Завьялов, О.А. Фатюнина, 2023.

Литература

1. *Абдуллин Х.М., Визгалова М.Ю., Ситдииков А.Г., Старков А.С., Федотова Ю.В., Храмченкова Р.Х.*, 2014. Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свяжска и Казани) // ПА. № 3 (9). С. 277–292.
2. *Амундсен Р.*, 1935. Плавание северо-западным проходом на судне Йоа / Под ред. М.А. Дьяконова. Л.: Издательство Главного управления Северного морского пути. 492 с.
3. *Андрианова Л.С., Федоров А.С.*, 2012. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера: материалы IV археологических чтений памяти С.Т. Еремеева. Вып. 4. Череповец. С. 82–91.
4. *Андрианова Л.С., Федоров А.С.*, 2023. Вологда в XV–XVI вв. в границах крепости Ивана Грозного // АВСЗ. Материалы научного семинара. Вып. 13 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 96–108.
5. *Антипина Е.Е.*, 2019. Остеологическая коллекция из Житного раскопа: некоторые аспекты системы жизнеобеспечения Переяславля Рязанского // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В.И. Завьялов. Вып. 3. М.: Таус. С. 240–270.
6. *Антропова Я.В., Торопова Е.В.*, 2001. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 15. Великий Новгород: НГОМЗ, 2001. Вып. 15. С. 245–257.
7. *Антонович В.Б.*, 1893. Древности юго-западного края. Раскопки в стране древлян // Материалы по археологии России, изданные Императорскою Археологическою комиссиею. № 11. СПб. 78 с.
8. *Аристов Н.Я.*, 1866. Промышленность Древней Руси. СПб. 333 с.
9. *Археология. Древняя Русь. Быт и культура.* М.: Наука. 1997. 368 с.

10. *Арциховский А.В.*, 1930. Курганы вятичей. М. 221 с.
11. *Арциховский А.В.*, 1939. Новгородские ремесла // НИС. Вып. 6. Новгород. С. 3–15.
12. *Арциховский А.В.*, 1956. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. М.
13. *Бабушкин Г.М., Бабушкина Т.Г.*, 2004. Животный мир Рязанской области: Позвоночные животные. Рязань. 288 с.
14. *Бадеев, Д.Ю., Валиев Р.Р.*, 2023. Кожевенно-пошивочные мастерские на территории торгово-ремесленного района средневекового Болгара // Археология евразийских степей, № 3. С. 282–292.
15. *Балюнов И.В.*, 2012. Обувь жестких форм из культурного слоя города Тобольска XVII в. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 11. Вып. 7. С. 179–186.
16. *Барабанов Н.Д.* Византийская церковь в борьбе с употреблением амулетов // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 30. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 100–110.
17. *Баранов М.Ю., Осипов Д.О.*, 2017. Коллекция кожаной обуви из раскопок поселения «Урочище Бала I» (по материалам 2013–2015 годов) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука». С. 511–517.
18. *Баранов М.Ю., Осипов Д.О.*, 2021. Коллекция обуви и хозяйственного инвентаря из раскопок поселения Чебыково 1 XVII–XX веков // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей. В 2 т. Том 1 / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск-Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера». С. 149–158.
19. *Бебре В.В.*, 1987. Типы кожаной обуви Риги XII–XIV вв. и их ареалы // КСИА. Вып. 190. С. 25–31.
20. *Берг Л.С.*, 1948. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1. М-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. 467 с.

21. *Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С., 2016.* Кожаная обувь свияжского посада: опыт реконструкции простых поршней // ПА. № 4 (18). С. 248–265.
22. *Боковенко Н.А., Курбатов А.В., 2022.* Кожаные предметы из раскопок 2020 г. в Ивангородской крепости // Бюллетень ИИМК РАН. Сборник статей. Т. 12 / Науч. ред. Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев. СПб. С. 190–210.
23. *Бочаров С.Г., Яворская Л.В., 2019.* К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 г. // ПА. № 4 (30). С. 184–199.
24. *Буланкин В.М., 2000.* Работы на Верхнем Посаде Переяславля Рязанского в 2000 году // Первые Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 64–69.
25. *Буланкин В.М., 2005.* Исследование культурного слоя исторической части города Рязани в 1991–2004 годах. С. 360–378.
26. *Буланкин В.М., Завьялов В.И, Судаков В.В., 2010.* Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского // РА. № 1. С. 116–124.
27. *Бусова В.С., Хоммель П., Браун С., 2020.* Изучение изделий из кожи Саяно-Алтайского нагорья VIII–II вв. до н. э. Предварительные итоги // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х томах. Том II. Самара. С. 36–38.
28. *Валиев Р.Р., 2009а.* Кожевенно-сапожное дело ханской Казани / Отв. ред. проф. Ф.Ш. Хузин // Проблемы археологии и истории Татарстана: сборник статей. Вып. 1. Казань: РИЦ «Школа». С. 33–58.
29. *Валиев Р.Р., 2009б.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. № 1. С. 112–124.
30. *Валиев Р.Р., 2010.* Кожевенно-сапожное производство ханской Казани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань.

31. *Варфоломеева Т.С.*, 1993. Кожаные ножны XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // ННЗИА. Вып. 7. Новгород. С. 162–169.
32. *Варфоломеева Т.С.*, 1994. Металлические детали кожаных футляров из раскопок в Новгороде // ННЗИА. Вып. 8. Новгород. С. 166–182.
33. *Варфоломеева Т.С.*, 1995. Кожаные футляры в виде коробочек // ННЗИА. Вып. 9. Новгород. С. 192–202.
34. *Варфоломеева Т.С.*, 1997. Средневековые кожаные кошельки // ННЗИА. Вып. 11. Новгород. С. 105–114.
35. *Варфоломеева Т.С.*, 1999. Средневековые кожаные футляры для ложек // Тезисы докладов и сообщений итоговой научной конференции 17–18 декабря 1998 г. Новгород. С. 3–5.
36. *Василевич Г.М.*, 1963. Типы обуви народов Сибири / Сборник Музея антропологии и этнографии. 21 / Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 64 с.
37. *Васильев М.А.*, 2014. Кожаная сумка из Петровского XI раскопа в Пскове // АИППЗ. Вып. 29. М.-СПб. С. 75–81.
38. *Введенский В.П.*, 1907. Выделка кож на подошву, мягкий товар и сыромять. Вологда. 33 с.
39. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.*, 1997. Кожаная обувь из раскопок на Манежной площади в Москве (по материалам 1994 г.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь. С. 291–296.
40. *Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О.*, 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в г. Москве) // РА. № 3. С. 114–119.
41. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.*, 1999. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве // РА. № 1. С. 142–151.
42. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.*, 2000. Кожаные сапоги из раскопок в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 10. Ч. 3. М. С. 160–165.

43. *Векслер А.Г., Осипов Д.О.*, 2004. Кожаная обувь из раскопок в историческом центре Москвы // АП. М.: ИА РАН. С. 333–342.
44. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.*, 2008. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург-Нефтеюганск: изд-во «Магеллан», 2008. 296 с.
45. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В.*, 2011. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: АМБ. 216 с.
46. *Воронин Н.Н.*, 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) // МИА. Вып. 41. М.: Изд-во АН СССР. 240 с.
47. *Воронин К.В., Медынцева А.А., Осипов Д.О.*, 2019. Памятники письменной культуры из раскопок 2017 года на Биржевой площади в Москве // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 275–282.
48. *Воронков И.А., Степанов А.М.*, 2023. Мяска XI в. с Троицкого XV раскопа // МНИНЗИИА. Материалы XXXVI научной конференции Великий Новгород, 25–27 января 2022 г. Вып. 36. С. 159–167.
49. *Гайдуков П.Г.*, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН; НГОМЗ. 197 с.
50. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913. 308 с.
51. *Ганина Ю.В.*, 2000. Обувь жителей древней Вологды // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 78–92.
52. *Гданский Л.*, 1917. Сапожник-практик. П.; М. 56 с.
53. *Георги И.Г.*, 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб. 4 т.
54. *Глебова Е.В.*, 2017. Традиционная технология обработки рыбьей кожи коренными народами Нижнего Амура и ее трансформации в конце XX – начале XXI века // Культура и наука Дальнего Востока. № 2 (22). С. 99–108.

55. *Глебова Е.В.*, 2019. Изделия из рыбьей кожи как визуальный маркер этнической культуры коренных народов Нижнего Амура // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 15. № 1. Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического ун-та. С. 94–112.
56. *Глинка Е.А., Манькова Е.Г., Мирчи М.В., Чехова Е.А., Столярова Т.С., Козлова Е.В., Мотолянец Я.П.*, 2019. Изделия из кожи: проблемы консервации и реставрации // Кожа. Художественные изделия старой Европы: каталог выставки. СПб. Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 45–61.
57. *Горелик М.В.*, 2008. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА. Вып. 222. С. 117–125.
58. *Грач А.Д.*, 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.-Л.: Изд. АН СССР. 29 с.
59. *Григорьев М.Г.*, 1953. Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М.: «Госкультпросветиздат». С. 321–359.
60. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 1: А–З. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 808 с.
61. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 2: И–О. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.-М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. 807 с.
62. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. Т. 4: Р–У. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. СПб.-М., Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 704 с.
63. Древнерусские кожаные изделия и обувь из коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / Сост. Н.А. Кокорина. Владимир, 2012. 40 с.

64. *Журин П.*, 1915. Сапожное ремесло. Практическое руководство для изучения кройки и шитья разного рода обуви. М. 48 с.
65. *Забелин И.Е.*, 1853. О металлическом производстве в России до конца XVII в. // ЗРАО. Т. V. СПб. 136 с.
66. *Забелин И.Е.*, 1869. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. Типография Грачева. 863 с.
67. *Забелин И.Е.*, 1915. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Т. 1. Ч. II. М.: Синодальная типография. 900 с.
68. *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.*, 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.
69. *Зеленин Д.К.*, 1991. Восточнославянская этнография. М.: Наука. 512 с.
70. *Завьялов В.И., Судаков В.В.*, 2017. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // АП. Материалы научного семинара. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 69–87.
71. *Зубкова Е.С., Курбатов А.В.*, 1992. Некоторые вопросы сложения традиций средневекового русского кожевенного производства (по материалам Пскова) // АИППЗ 1991. Материалы симпозиума / Отв. ред. В.В. Седов. Псков: ИА РАН, ПГНИАЦ. С. 39–42.
72. *Зубкова Е.С.*, 2011. Следы кожевенного ремесла в Старом Застенье средневекового Пскова по материалам раскопок на ул. Ленина // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2. С. 92–110.
73. *Зубкова Е.С.*, 2013. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы // Археология и история Пскова и псковской земли. Вып. 58. М., Псков. С. 38–47.
74. *Зыбин Ю.П.*, 1958а. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 1 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. № 4. Киев. С. 36–44.

75. *Зыбин Ю.П.*, 1958б. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 2 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. № 6. Киев. С. 33–40.
76. *Зыбин Ю.П.*, 1960. Древнерусская обувь XII–XVI вв. Сообщение 3 // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. № 5. Киев. С. 84–85.
77. *Зыбин Ю.П.*, 1961. Об одной исторической эпохе в развитии конструкции русской обуви // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. № 4. Киев. С. 107–112.
78. *Иванова-Унарова З.И.*, 2005. Традиционное искусство народов Северо-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки). Якутск. С. 173–178.
79. *Исюмова С.А.*, 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М. Изд-во АН СССР. С. 192–222.
80. *Кастанье Г. [Кастанье Ж.-А.]*, 1913. Культ змей у различных народов и следы его в Туркестане. ПТКЛА. Год семнадцатый. Ташкент. С. 17–28.
81. *Кениг А.В., Зайцева Е.А., Кимпицкая А.А.*, 2017. Кожаная обувь у населения Нижнего Прииртышья по материалам раскопок могильника Горноправдинский // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука». С. 406–411.
82. *Кийк Д.А.*, 2014. Принципы художественной обработки кожи в декорировании этнической обуви казанских татар и народов Крайнего Северо-Востока // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 27 (66). № 1. С. 80–88.
83. *Коваль В.Ю.*, 2024. Вал Переяславля Рязанского – уникальный памятник древнерусской фортификации // Старая Рязань: вчера, сегодня,

завтра. Материалы межрегиональной научной конференции / Отв. ред. Е.В. Буланкина. Рязань: РИИМЗ. С. 128–137.

84. *Ковальска А.Б.*, 2016. Средневековое производство обуви в регионе Балтийского моря в IX–XV вв. // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (43). С. 44–50.

85. Кожа. Художественные изделия старой Европы: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2019. 344 с.

86. *Кожанов К.А., Черных А.В.* «Талисманы удачи» в традиционной культуре цыган-кэлдэраров // Традиционная культура. Т. 19. № 1. 2018. С. 115–126.

87. *Кокорина Н.А.*, 2012. Древнерусские кожаные изделия и обувь в коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир. 40 с.

88. *Кокорина Н.А.*, 2020. Древнерусские кожаные изделия и обувь в коллекции археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли. № 5. С. 186–194.

89. *Колединский Л.В.*, 2021. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.). Гродно, «ЮрСаПринт». 632 с.

90. *Колосницына Е.Е., Колосницын П.П.*, 2018. Сапоги мягкой конструкции в материалах Пятницкого-I раскопа в Старой Руссе // Ученые записки государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 6 (18). С. 1–8.

91. *Колосницына Е.Е., Колосницын П.П.*, 2019. Кожаные рукавицы из раскопок Старой Руссы // Ученые записки государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 6 (24). С. 1–7.

92. *Колчин Б.А.*, 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период) // МИА. № 32. М.: Изд-во АН СССР. 259 с.

93. *Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–90.

94. *Колчин Б.А., Рыбина Е.А.*, 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 178–238.
95. *Кочкина А.Ф., Левыкина Т.А.*, 2015. Погребальные калиги из Малорязанского могильника золотоордынского времени на Самарской Луке: проблемы реставрации и атрибуции // ПА. № 4 (14). С. 311–323.
96. *Кривцов И.*, 1912. Кожевенное производство. Выделка и отделка кож для обуви. СПб. 124 с.
97. *Курбатов А.В.*, 1991а. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. Вып. 205. С. 71–77.
98. *Курбатов А.В.*, 1991б. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства. Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. Вып. 3. Л.: Изд. ЛОИА АН СССР. С. 130–140.
99. *Курбатов А.В.*, 1992. Рец.: F.Grew & de Neergaard, 1988. Shoes and pattens // Medieval finds from excavations in London: 2. London // РА. № 4. С. 220–224.
100. *Курбатов А.В.*, 1994а. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1985 г. в Тверском Кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // ТАС. Вып. 1. С. 189–195.
101. *Курбатов А.В.*, 1994б. Рец.: Medemblik and Monnikendam: Aspects of medieval urbanization in Northern Holland // Cingula, 11. Amsterdam. 1989 // РА. № 1. С. 225–230.
102. *Курбатов А.В.*, 1995а. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2. С. 198–208.
103. *Курбатов А.В.*, 1995б. Раннесредневековая обувь на Северо-Западе России и вопросы сложения ремесла // Древности Северо-Западной России: Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова / ГЭ; Редкол. О.И. Давидан, А.Н. Мазуркевич. СПб. С. 64–67.

104. *Курбатов А.В.*, 1996. Раннесредневековая обувь Старой Ладogi и вопросы сложения городского ремесла // ТТЗ. Вып. 1. Тверь. С. 105–113.
105. *Курбатов А.В.*, 1997а. Кожевенно-обувная мастерская в контексте культурного слоя // ТТЗ. Вып. 2. С. 277–290.
106. *Курбатов А.В.*, 1997б. Раннесредневековая обувь Поволховья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволховья. СПб.: ИИМК РАН. С. 117–128.
107. *Курбатов А.В.*, 1997в. Отражение межрегиональных контактов по материалам кожевенного производства Твери XIII–XIV вв. // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб. С. 75–78.
108. *Курбатов А.В.*, 1997г. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // ПСКОВ. Т. 1. СПб.-Псков. С. 367–373.
109. *Курбатов А.В.*, 1997д. Формирование музейных фондов массового археологического материала (теория и практика) // Музей в современной культуре. Научные труды СПб ГАК. Т. 147. СПб. 51–68.
110. *Курбатов А.В.* 1997е. Кожевенное производство в городах северо-запада России в XV–XVII вв. Дисс. ... к.и.н. СПб.
111. *Курбатов А.В.*, 1999а. Наследие М.К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб.: ИИМК РАН. С. 100–117.
112. *Курбатов А.В., Овсянников О.В.*, 1999б. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. № 6. С. 245–271.
113. *Курбатов А.В.*, 2000. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Тезисы докладов III международной археологической конференции. Самара. С. 82–86.

114. *Курбатов А.В.*, 2001а. Кожевенная терминология и материальная культура // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. С. 399–416.
115. *Курбатов А.В.*, 2001б. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. С. 225–233.
116. *Курбатов А.В.*, 2002. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. № 9. С. 155–172.
117. *Курбатов А.В.*, 2003а. «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // АВ. № 10. С. 169–182.
118. *Курбатов А.В.*, 2003б. Коллекция кожи из раскопок г. Торжка в 1994 г. (Климентовский-1 раскоп) // ТТЗ. Вып. 5. С. 148–158.
119. *Курбатов А.В.*, 2003в. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 // Староладожский сборник. СПб.: Старая Ладога. Вып. 6. С. 122–158.
120. *Курбатов А.В.*, 2004а. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб.: Петербургское Востоковедение. 312 с., 153 илл.
121. *Курбатов А.В.*, 2004б. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом Городище в 2001–2002 гг. // АВ. № 11. С. 218–225.
122. *Курбатов А.В.*, 2005а. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443 // АВ. № 12. С. 231–244.
123. *Курбатов А.В.* 2005б. О времени появления валяной обуви в России // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. Материалы 8-й МНК, СПб, 4–7 июля 2005г. СПб. С. 43–48.
124. *Курбатов А.В.*, 2006а. Региональные черты в бытовой материальной культуре (на примере кожаных находок из раскопок в Таллине) // АВ. № 13. С. 264–272.
125. *Курбатов А.В.*, 2006б. История войлока и валяной обуви на Руси // ЖС. № 3(51). С. 31–33.

126. Курбатов А.В., 2006в. Археология и палеоэтнография средневековой Твери (по материалам кожевенного ремесла) // Древняя Тверь. Материалы научной конференции. Тверь. С. 42–72.
127. Курбатов А.В., 2007а. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. № 14. М.: Наука. С. 157–165.
128. Курбатов А.В., 2007б. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4–7 октября 2005 г., Вел. Новгород, Россия. 2007. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 89–133.
129. Курбатов А.В., 2007в. Современная проблематика в изучении русского средневекового кожевенного ремесла // ТАС. Вып. 6, т. II. Тверь: ООО «Изд-во «Триада». С. 306–319.
130. Курбатов А.В., 2008а. Музееведение и археология – две составляющих в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла. Рец.: Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // АВ. № 15. М.: Наука. С. 246–254.
131. Курбатов А.В., 2008б. Этапы технического совершенствования в кожевенном деле средневековой России // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. Т. II. М.: ИА РАН. С. 472–476.
132. Курбатов А.В., 2008в. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. № 3. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 210–233.
133. Курбатов А.В., 2009а. «Монашеские пояса» и параманды в связи с техническими традициями древнерусского кожевенного ремесла // Записки ИИМК РАН. № 4. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 195–211.

134. *Курбатов А.В.*, 2009б. Кожаная обувь раннесредневековой Ладogi. Обувь Рюрика и «его рода»? // Международная научная конференция «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света»: СПб., ГЭ, 14–18 мая 2007 г. // Труды ГЭ. Вып. XLVIII. СПб. С. 189–202.
135. *Курбатов А.В.*, 2010а. О специальной воинской обуви в средневековой России // «Краеугольный камень». Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А.Н. Кирпичникова посвящается. Т. 1. СПб.: Ломоносов. С. 416–431.
136. *Курбатов А.В.*, 2010б. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*, № 5, 2010. СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест. С. 169–218.
137. *Курбатов А.В.*, 2010в. Кожаные изделия Мангазеи как источник реконструкции особенностей культуры и ремесла русского заполярного города (по раскопкам 2001–2007 гг.) // Записки ИИМК РАН. № 5. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 211–230.
138. *Курбатов А.В.*, 2010г. Кожаные предметы личного обихода в позднесредневековом Турку: Рец.: Janne Harjula. Sheaths, scabbards and grip covering. The use of leather for portable personal objects in the 14th–16th century Turku// *Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*, X. 2005. 163 с., 208 илл. // АВ. № 16. СПб.: Дм. Буланин. С. 212–223.
139. *Курбатов А.В.*, 2010д. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // АИППЗ. Заседание 55. Псков: ИА РАН. С. 232–248.
140. *Курбатов А.В.*, 2011а. Программа изучения средневекового русского кожевенного ремесла // Материалы III (XIX) ВАС, Великий Новгород-Старая Русса, 2011 г. / Отв. ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Т. II. СПб.-М.-Великий Новгород. С. 157–158.
141. *Курбатов А.В.*, 2011б. Рабочая одежда и обувь средневековых горожан // АВ. № 17. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 203–215.

142. Курбатов А.В., 2011в. Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность // Бюллетень ИИМК РАН. № 2. СПб. С. 241–250.
143. Курбатов А.В., 2011г. Инородные кожаные изделия в русских и западных городах // АИППЗ. Заседание 56. М.-Псков. С. 183–196.
144. Курбатов А.В., Мирецкий А.В., 2011. Мастерская рукавичника XVIII века на б. Затьмацком посаде г. Твери (по раскопкам 2000 г. на ул. Революционной, 15) // ТАС. Вып. 8. Т. II. Тверь. С. 273–282.
145. Курбатов А.В., 2012а. Кожевенное ремесло в средневековой России. Дис. ... докт. ист. наук. СПб. 622 с.
146. Курбатов А.В., 2012б. Древнерусская животноводческая практика и проблема сбора кожевенного сырья // Записки ИИМК. № 7. С. 103–115.
147. Курбатов А.В., 2012в. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // АВ. № 18. С. 162–173.
148. Курбатов А.В., Минченко Н.Л., 2013. Болезни средневековых горожан (анализ археологической кожаной обуви) // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии. Материалы 16-й международной научной конференции. СПб., 28–31 мая 2013 г. СПб. С. 32–36.
149. Курбатов А.В., 2013а. Кожаные предметы из Новогрудка (по раскопкам 1985 г.) // Записки ИИМК. № 8. С. 168–175.
150. Курбатов А.В., 2013б. Псковская школа кожевенного ремесла в средневековой Руси // РАЕ. № 3. С. 478–500.
151. Курбатов А.В., 2013в. Изучение древнего кожевенного ремесла сегодня: опыт консолидации специалистов. Рец. на: IN GREMIO–IN PRAXI. Studia nad średniowiecznym skórnictwem. Szczecin. 2009 // АВ. № 19. С. 246–254.
152. Курбатов А.В., Бельский С.В., 2014а. Изделия из кожи в погребениях грунтового могильника Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье // Записки ИИМК РАН. № 9. С. 161–168.

153. *Курбатов А.В.*, 2014б. Культура Северной Европы: традиции и приобретения. Рец.: Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeol. Seura, 2008. (AMAF, XV) // АВ. № 20. С. 350–360.
154. *Курбатов А.В.*, 2014в. Ольстра по письменным и археологическим данным // *Stratum plus*. № 6. С. 99–102.
155. *Курбатов А.В.*, 2015а. Плетеная и вязаная обувь в древности и средневековье // *Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии*. Материалы XVIII МНК, СПб, 26–29 мая 2015 г. СПб. С. 28–33.
156. *Курбатов А.В.*, 2015б. Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // *Бюллетень ИИМК РАН*, № 5. С. 225–238.
157. *Курбатов А.В.*, 2015в. Исторические традиции в использовании кожи для письма // *Записки ИИМК*. № 11. С. 154–167.
158. *Курбатов А.В.*, 2015г. Булгаро-татарские кожаные изделия в русских городах // *АрхЛаб*. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Вып. 1 / Отв. ред. Султанова А.Н. / Уфа: РИЦ БашГУ. С. 62–69.
159. *Курбатов А.В.*, 2015д. Обувная мода в средневековой Руси // *ТАС*. Вып. 10. Т. II. С. 467–495.
160. *Курбатов А.В.*, 2016а. Кожевенное ремесло в средневековой Москве. Рецензия на кн.: Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН». 2014 // АВ. № 22. С. 213–221.
161. *Курбатов А.В.*, 2016б. Коллекции раннесредневековых кожаных предметов Хедэбю и Ладоги // *Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии*. Сборник статей. По материалам XIX и XX чтений Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. СПб.: Нестор-История. С. 49–71.

162. *Курбатов А.В.*, 2017а. Влияние культур среднего Поволжья (Булгария и Золотая Орда) на кожевенное дело средневековой Руси // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XII. Пермь. С. 90–113.
163. *Курбатов А.В.*, 2017б. Монашеские пояса с клеймами и матрицы для их тиснения в средневековой Руси // В камне и в бронзе. Сборник статей в честь Анны Песковой. Труды ИИМК РАН. Т. XLVIII. СПб.: ИИМК РАН, ООО «Невская Книжная Типография». С. 265–282.
164. *Курбатов А.В.*, 2017в. Кожевенные мастерские в средневековой России // БИИМК / Науч. ред. Н.Ф. Соловьев. СПб.: ООО «Периферия». С. 231–256.
165. *Курбатов А.В.*, 2018а. Традиции кожаных изделий среднего Поволжья и Северного Кавказа в материальной культуре Руси // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели культуры и искусства, писатели, коллекционеры об историческом и культурном достоянии. Вып. VII. СПб. С. 377–391.
166. *Курбатов А.В.*, 2018б. Деревянные обувные колодки // БИИМК / Науч. ред. Н.Ф. Соловьев. СПб., ФГБУК ИИМК РАН. С. 219–236.
167. *Курбатов А.В.*, 2018в. Кожевенное дело в раннесредневековой Ладоге // Новое в археологии Старой Ладоги / Отв. ред. Платова Н.И., Лапшин В.А. Материалы и исследования. Сер. "Труды ИИМК РАН". СПб. Издательство: Невская Книжная Типография. С. 283–334.
168. *Курбатов А.В.*, 2018г. Кожевенное ремесло и обувь средневекового населения Пермского Прикамья в I – нач. II тыс. н.э. // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Пермь. Издательство ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». С. 220–238.
169. *Курбатов А.В.*, 2018д. История изучения кожевенного дела средневековой Руси // АВ. № 24. СПб. С. 349–357.
170. *Курбатов А.В.*, 2018е. Коллекции кожаных изделий Хедебю и Ладоги: сравнительная оценка жизнедеятельности раннесредневековых поселений // Stratum plus. № 5. С. 1–9.

171. Курбатов А.В., 2019а. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным // Земля наша велика и обильна... Сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография. С. 245–257.

172. Курбатов А.В., 2019б. Кожаные изделия и сопутствующие им предметы из раскопок Кемского погоста в 2017 г. // АВ. Вып. 25. СПб. С. 192–205.

173. Курбатов А.В., 2019в. Обувь поморов с Кемского погоста (по раскопкам 2017 г.) // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Матер. XXII междунар. науч. конф. / Под ред. Н.М. Калашниковой. СПб. С. 25–28.

174. Курбатов А.В., Визгалов Г.П., 2019г. Предметы кожевенно-обувного ремесла из раскопок посада г. Березова в 2008 г. // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, в 2 частях. Сер. «Материалы и исследования по истории Севера Западной Сибири» / Отв. ред. В.А. Лапшин. Издательство: Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (Нефтеюганск). С. 389–406.

175. Курбатов А.В., 2019д. Кожевенное ремесло великого Новгорода: взаимодействие традиций населения разных природно-климатических зон // Археология Севера России: Югра – Волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и Исследований сборник материалов Всероссийской научной конференции, в 2 частях. Сер. "Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири" / Отв. ред. В.А. Лапшин. Издательство: Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (Нефтеюганск). С. 240–251.

176. Курбатов А.В., 2020а. О редкой находке в Березове на севере Западной Сибири // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая» / Сост. и отв. ред. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов. Sratum Plus. С. 453–459.

177. Курбатов А.В., 2020б. Кожаные предметы морского судовождения в археологических собраниях // АВ / Гл. ред. Н.В. Хвощинская. Вып. 27. СПб. С. 203–215.
178. Курбатов А.В., 2020в. Биоресурсы в древности: о месте бобра в материальной и духовной культуре Руси // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН. № 23. С. 119–131.
179. Курбатов А.В., 2020г. Новый взгляд на старую коллекцию // АВ, ИИМК РАН. Вып. 28 / Гл. ред. Н.В. Хвощинская. СПб. С. 111–123.
180. Курбатов А.В., 2021а. Культура бобра на Руси // Культура русских в археологических исследованиях: Археология севера России: сборник научных статей. Омск, Сургут. Издательство: Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (Нефтеюганск). С. 258–264.
181. Курбатов А.В., 2021б. Кожаные изделия ганзейского города Кёнигсберга // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XXIV международной научной конференции / Под ред. Н.М. Калашниковой. Спб.: СПбГУПТД. С. 66–70.
182. Курбатов А.В., 2021в. Кожаные изделия из тверского кремля (по материалам раскопок 1979–1984 годов) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 135–148.
183. Курбатов А.В., 2022. Кожаные предметы воинского снаряжения и вооружения эпохи раннего железа и римского времени в Европе // АВ. Вып. 36. С. 35–44.
184. Курбатов А.В., 2023. Карельский след в продукции новгородских кожевников // АВ / Гл. ред. Н.В. Хвощинская. Вып. 39. СПб. С. 116–121.
185. Курмановский В.С., Панова Т.Д., 2018. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 202–232.

186. *Кусова И.Г., Филиппов*, 2011. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография // МАПР / Ред. В.И. Завьялов. Вып. 1. Рязань. С. 14–52.
187. *Кусова И.Г.*, 2023. Историческая топография кремля Переяславля Рязанского (XVI–XVII вв.) // Музейный парадиз в Рязанском кремле. К 100-летию пребывания в Кремле исторического музея (1923–2023). С. 39–59.
188. *Лавренов С.М., Розанова В.И., Жулева Н.М.*, 2003. Домашние и дикие животные Рязанской земли (XI–XII вв.) // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Сборник научных работ / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Изд-во «Поверенный». С. 199–204.
189. *Лазарев А.С., Осипов Д.О.*, 2020. Коллекция обувных деталей и других кожаных изделий из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 гг. // АП. Вып. 16 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 312–321.
190. *Лазарев А.С.*, 2023. Археологические раскопки 2020–2021 годов у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в городе Костроме // АП. Вып. 19 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 170–184.
191. *Лапшин В.А.*, 2022. Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв. (по материалам раскопок 2001–2002 гг.). СПб.: ИИМК РАН. 224 с.
192. *Лебедев В.Д., Спановская В.Д., Савваитова К.А., Соколов Л.И., Цепкин Е.А.*, 1969. Рыбы СССР. М. «Мысль». 447 с.
193. *Левашева В.П.*, 1959. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. Вып. 33. С. 38–59.
194. *Левко О.Н.*, 1984. Витебск XIV–XVIII вв. Минск: «Наука и техника». 120 с.
195. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 572 с.
196. *Левыкина Т.А.*, 2010. Консервация и реконструкция археологических памятников из кожи (на примере реставрации обуви) //

Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1 / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов (гл. ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 352–357.

197. *Лысенко П.Ф.*, 1985. Берестье. Минск: «Наука и техника». С. 287–303.

198. *Мазуров А.Б., Цепкин Е.А.*, 2003. Рыболовный промысел в XII–XVIII вв.: (по данным раскопок в Коломне) // РА. № 4. С. 129–138.

199. *Маслова Г.С.*, 1984. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Изд-во НАУКА. 212 с.

200. *Матехина (Варфоломеева) Т.С., Курбатов А.В.*, 2004. Мех и кожа в средневековой Европе. Рецензия на сб.: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology*. Edited by Esther Cameron. London. 1998 // АВ. № 11. С. 350–357.

201. *Матехина Т.С.*, 2008. Археологические находки из «необычной» кожи // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 22. С. 184–203.

202. *Матехина Т.С.*, 2009. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки. Дисс. ... канд. ист. наук. М. 204 с.

203. *Матехина Т.С.*, 2016. Кожаные чехлы для ложек из древнерусских городов // ННЗИА. Вып. 30. Новгород. С. 213–225.

204. *Матехина Т.С.*, 2018. Орнаментированные кожаные изделия с фигурным швом из раскопок в Новгороде (к вопросу о технике кожаной мозаики в средневековье) // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е.А. Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич. С. 135–140.

205. *Матехина Т.С.*, 2019. О средневековых кожаных предметах восточного облика по материалам раскопок в Великом Новгороде // Археология севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции, в 2 частях. Сер. "Материалы и исследования по

истории севера Западной Сибири" / Отв. ред. В. А. Лапшин. Издательство: Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (Нефтеюганск). С. 253–288.

206. *Миллер Г.Ф.*, 2009. Описание сибирских народов. СПб.: Памятники исторической мысли. 456 с.

207. *Милонов Н.П.*, 1935. Разведки 1929–1930 гг. в Переяславле Рязанском // Проблемы истории докапиталистических обществ // Отв. ред. Ф.В. Кипарисов. 1935. № 5–6. С. 135–138.

208. *Монгайт А.Л.*, 1961. Рязанская земля. 600 с.

209. *Нансен Ф.*, 1937. На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов // Собрание сочинений / Под ред. В.Ю. Визе. Т. 1. Л.: Издательство Главсевморпути. 401 с.

210. *Некрасова-Щедринская Е.Н.*, 2019. История художественной обработки кожи в Европе: первое приближение // Кожа. Художественные изделия старой Европы: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 7–43.

211. *Новиков А.В., Новикова О.В., Осипов Д.О.*, 2021. Коллекция кожаных изделий из раскопок Галича Мерьского // АП. Вып. 17. М.: ИА РАН. С. 209–223.

212. *Овчинникова Б.Б., Копнина Е.В.*, 2000. Маски и их роль в средневековой культуре Новгорода // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации (Проблемы истории России. Вып. 3). С. 118–134.

213. *Овчинникова Б.Б.*, 2011. Кожаные маски из раскопок в Новгороде и их интерпретация // Новгородские археологические чтения – 3. Великий Новгород. С. 281–290.

214. *Осипов Д.О.*, 2003. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // РА, 2003. № 2. С. 17–30.

215. *Осипов Д.О., Лихтер Ю.А., 2004.* Системное описание и классификация кожаной обуви. Методические рекомендации. 66 с.
216. *Осипов Д.О., 2005а.* Кожаная обувь из раскопок средневековой Коломны // АП. М. Вып. 2. С. 45–53.
217. *Осипов Д.О., 2005б.* А.В. Курбатов. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с. // РА. № 3. С. 165–169.
218. *Осипов Д.О., 2006.* Обувь Московской земли XII–XVIII вв.: Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М. 202 с.
219. *Осипов Д.О., 2007.* Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира // АВСЗ. Материалы научного семинара. Вып. 1. М. С. 134–144.
220. *Осипов Д.О., 2009.* Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) // АП. Вып. 5. М. С. 237–250.
221. *Осипов Д.О., Федоров В.М., 2010.* Соколиная охота новгородцев // Родина. № 6. С. 24–29.
222. *Осипов Д.О., 2010а.* К истории лаптя на Руси // ТТЗ. Вып. 6. Тверь. С. 303–308.
223. *Осипов Д.О., 2010б.* К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 206–217.
224. *Осипов Д.О., Петров М.И., 2011.* Коллекция кожаной обуви Ильменского раскопа Великого Новгорода // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». № 3. М. С. 111–115.
225. *Осипов Д.О., 2011а.* К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий // АВ. Вып. 17. СПб. С. 184–192.
226. *Осипов Д.О., 2011б.* К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» // Труды Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб-М-Новгород. С. 170–171.

227. *Осипов Д.О.*, 2011в. К вопросу о так называемых «комнатных туфлях» (по материалам Троицкого раскопа Великого Новгорода) // Вестник Новгородского государственного университета. № 63. СПб.: М.: Великий Новгород. С. 51–54.
228. *Осипов Д.О.*, 2012. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование). Дисс. ... докт. ист. наук. М.
229. *Осипов Д.О.*, 2012а. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода в свете письменных источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 2 (48). М. С. 96–103.
230. *Осипов Д.О.*, 2012б. Мода в обуви XV–XVI веков (по материалам археологических коллекций) // Материалы и исследования. XXI. М., 2012. С. 240–250.
231. *Осипов Д.О.*, 2013а. Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) // РА. № 1. С. 141–145.
232. *Осипов Д.О.*, 2013б. Обувь из погребений и погребальная обувь // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 140–151.
233. *Осипов Д.О.*, 2013в. Сапоги поморов Зимнего берега Белого моря // Природа. № 8. С. 68–71.
234. *Осипов Д.О.*, 2013г. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: АМБ, 2011. 215 с., ил. // РА. № 2. С. 176–179.
235. *Осипов Д.О., Соболев В.Е.*, 2014. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 345–361.
236. *Осипов Д.О.*, 2014а. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: ООО «Издательский дом «АКТЕОН»». 269 с.
237. *Осипов Д.О.*, 2014б. Этапы развития кожевенно-сапожного ремесла средневековой Руси // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда. С. 316–319.

238. *Осипов Д.О.*, 2016а. Процесс европеизации русского кожевенно-сапожного ремесла // От Смуты к империи. М.-Вологда. С. 79–84.
239. *Осипов Д.О.*, 2016б. Новая атрибуция археологической находки из коллекции ГИМ // КСИА. Вып. 243. С. 158–161.
240. *Осипов Д.О., Черная М.П.*, 2016. Коллекция кожаных изделий из раскопок Томского кремля // РА, № 4. С. 138–150.
241. *Осипов Д.О.*, 2017. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 199–226.
242. *Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Черная М.П.*, 2017. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 годов) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 1. С. 112–120.
243. *Осипов Д.О.*, 2018а. Изделия из кожи из раскопок в Московском Кремле // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 343–352.
244. *Осипов Д.О., Седов Вл.В., Вдовиченко М.В.*, 2018б. Кожаные туфли из погребений Георгиевского собора Юрьева монастыря Великого Новгорода // КСИА. Вып. 253. С. 335–347.
245. *Осипов Д.О., Смольянинов Р.В., Желудков А.С., Юркина Е.С.*, 2018в. Коллекция кожаных изделий из раскопок на ул. Скороходова в Липецке в 2017 г. // Археологическое наследие. № 1 (1). С. 227–241.
246. *Осипов Д.О.*, 2018г. Составные подошвы из раскопок в Великом Новгороде // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М.-Великий Новгород. С. 151–156.
247. *Осипов Д.О., Тропин Н.А.*, 2020. Калужская коллекция изделий из кожи XVII–XVIII веков // КСИА. Вып. 259. С. 345–356.
248. *Осипов Д.О.*, 2021а. Использование современных методик при изучении археологических коллекций изделий из кожи // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 49, № 1. С. 101–107.

249. *Осипов Д.О.*, 2021б. К вопросу о назначении узлов на кожаных шнурках // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России / Ред. Татаурова Л.В. Т. 2. Омск. С. 60–63.
250. *Осипов Д.О., Коваль В.Ю., Смирнов А.Н.*, 2022. Обувные подковки из раскопок в Московском Кремле // КСИА. Вып. 268. С. 256–272.
251. *Осипов Д.О.*, 2024. Истоки появления каблучной обуви в Московском государстве // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 203–210.
252. *Оятева Е.И.*, 1962. Обувь и другие кожаные изделия из Пскова // АСГЭ. Вып. 4. С. 77–94.
253. *Оятева Е.И.*, 1965. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 7. С. 42–59.
254. *Оятева Е.И.*, 1970. Кожаная обувь из средневековых городов Польши // АСГЭ. Вып. 12. С. 112–118.
255. *Оятева Е.И.*, 1973. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. С. 105–111.
256. *Оятева Е.И.*, 1974. Обувь из раскопок Переяславля-Рязанского // А.Л. Монгайт. Археология рязанской земли. М. С. 189–192.
257. *Оятева Е.И.*, 1978. О семантике ритуального башмака // Археологический сборник. 19. Материалы и исследования по археологии СССР. Л.: «Аврора». С. 86–92.
258. *Оятева Е.И.*, 1979. Две публикации средневековой кожаной обуви. Критические замечания // АСГЭ. Вып. 17. С. 125–129.
259. *Панова Т.Д.*, 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: «Радуница». 181 с.
260. *Панченко К.И.*, 2022. Монашеское захоронение а Тайницком саду Московского Кремля // КСИА. Вып. 269. С. 180–189.
261. *Патачков К.М.*, 1958. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVIII–XIX вв. Абакан: Хакас. Книж. Изд-во. 103 с.

262. *Поварнин Г.Г.*, 1912. Очерки мелкого кожевенного производства в России.
263. *Полонская М.Ю.*, 1991. Кожаная обувь древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово: К истории древнерусского города / Д.А. Авдусин. М.: Изд. МГУ. С. 105–124.
264. *Попова С.В.*, 1997. Обувь из погребения у церкви Алексея – Человека Божьего в Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. С. 271–276.
265. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М.: Изд-во «Отчий дом», 2001. 650 с.
266. Производство кожевенное. Термины и определения. Leather production. Terms and definitions: ГОСТ 3123-78. Введ. 1979-07-01. Издательство стандартов, 1995.
267. *Рабинович М.Г.*, 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: «Наука». 354 с.
268. *Рабинович М.Г.*, 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: «Наука». 312 с.
269. *Романова Е.И.*, 1995. Характеристика инженерно-геологических условий исторической территории Рязанского кремля. Геоморфологические условия // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань. С. 72–74.
270. *Романова Л.В., Усов А.В., Чурилова Н.А.*, 2018. Обувь жителей Кунгура второй половины XVIII–XIX в. по данным археологии // Вестник гуманитарного образования. № 2. Киров. С. 93–100.
271. *Рыбаков Б.А.*, 1948. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 792 с.
272. *Рыбаков Б.А.*, 2013. Язычество древних славян. М.: Академический Проект. 640 с.

273. *Рыбина Е.А.*, 1992. К атрибуции одной категории кожаных изделий // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец. С. 82–85.
274. *Рыбина Е.А.*, 1993. К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // ННЗИА. Материалы научной конференции / Отв. ред. В.Л. Янин. Вып. 7. С. 153–161.
275. *Рыбина Е.А.*, 1997. Изделия из кожи // Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура. С. 46–47.
276. *Савенкова М.М.*, 2011. Плетеные изделия из Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород. Вып. 25. С. 200–216.
277. *Салин И.*, 1924. Руководство к изучению сапожно-башмачного ремесла. М.
278. *Семенова В.И.*, 2017. Коллекция кожаной обуви из раскопок Тюмени (по материалам 1988 г.) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука». С. 402–406.
279. *Сингх В.К.*, 2009. Железный инструментарий средневекового Новгорода. Дисс. ... канд. ист. наук. М.
280. *Синицына Е.С.*, 2010. Проблемы консервации и реконструкции кожаных изделий, предназначенных для хранения различных предметов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут. С. 42–48.
281. *Синицына Е.С., Соломатина Н.В.*, 2010. Реставрация кожаных предметов археологического происхождения // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1 / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов (гл. ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 405–410.
282. *Ситдиков А.Г., Старков А.С.*, 2022. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф. 500 с.

283. *Скобликов М.В.*, 1852. Руководство к выделке кож, овчин и мехов. СПб. 303 с.
284. *Скобликов М.В.*, 1865. Кожевенное производство // Техническая энциклопедия. Вып. 5. СПб. 299 с.
285. *Солодовников Д.Д.*, 2016. Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины / Отв. ред. И.Г. Кусова. Рязань: Изд-во РИАМЗ. 176 с.
286. *Степанова Е.В., Браун С., Кампер Т.Э., Бусова В.С.*, 2023. Кожаные и меховые изделия из курганов пазырыкской культуры Алтая: сырье и технологии его обработки // Записки ИИМК РАН. № 29. СПб. С. 166–174.
287. *Стрикалов И.Ю.*, 2006. Керамика Рязанской земли XI–XV вв. Дисс. ... докт. ист. наук. М.
288. *Судаков В.В., Челябинов В.П., Буланкин В.М., Романова Е.И.*, 1995. Материальная и духовная культура древнего Переяславля // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля / Под ред. Е.И. Романовой, А.Г. Купцова. С. 21–58.
289. *Судаков В.В., Буланкин В.М.*, 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 241–261.
290. *Судаков В.В.*, 2011. Археологическое изучение Переяславля Рязанского // МАПР. Вып. 1. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 5–13.
291. *Судаков В.В.* Керамика Житного раскопа // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 3. Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. М.: Таус, 2019. С. 101–139.
292. *Тарасов С.В.*, 1989. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII вв.) // Памятники науки и техники 1987–1988 гг. Минск. С. 164–175.

293. *Татауров С.Ф., Татауров Ф.С.*, 2016. Пояса у жителей г. Тары в XVII–XVIII вв. (по материалам археологических исследований 2007–2015 гг.) // Научный диалог. Вып. № 12 (60). С. 336–346.
294. *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.*, 2016. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII веков (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 2. С. 109–117.
295. *Татаурова Л.В., Богомолов В.Б.*, 2018. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 107–120.
296. *Татаурова Л.В.*, 2021. Детали и части костюма из кожи (по материалам русских памятников XVII–XVIII веков Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: сборник научных статей. В 2 т. Том 1 / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск-Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера». С. 174–180.
297. *Токарев С.А.*, 2012. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / Отв. ред. С.И. Ковалев. Изд. 2-е. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 168 с.
298. *Торопова Е.В., Торопов С.Е., Самойлов К.Г., Колосницын П.П., Колосницына Е.Е., Карпова Т.В.*, 2023. Археологические исследования в Старой Руссе в 2021 г. // МНИНЗИИА. Материалы XXXVI научной конференции Великий Новгород, 25–27 января 2022 г. Вып. 36. С. 112–125.
299. *Тупицына В.А.*, 2010. Первичная консервация находок из кожи в полевых условиях археологической экспедиции // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Часть 1 / Отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов (гл. ред.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 48–49.

300. *Тылик К.В.*, 2015. Общая ихтиология: учебник. Калининград: Изд-во Аксиос. 394 с.
301. *Фатюнина О.А.*, 2010а. Изделия из кожи г. Переяславля Рязанского (по материалам археологической экспедиции 2008 г.) // Пятые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 14–17 октября 2008 г. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 52–61.
302. *Фатюнина О.А.*, 2010б. Кожаные ножны г. Переяславля Рязанского // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 130–133.
303. *Фатюнина О.А.*, 2011а. Изделия из кожи Кремля г. Переяславля Рязанского XVI – первой половины XVII в. // МАПР / Ред. В.И. Завьялов. Вып. 1. Рязань: Изд-во РИАМЗ. С. 158–167.
304. *Фатюнина О.А.*, 2011б. Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV–XVI вв. // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 217–221.
305. *Фатюнина О.А.*, 2012. Детали кожаных сапог г. Переяславля Рязанского XV – начала XVII в. // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 286–296.
306. *Фатюнина О.А.*, 2016. Кожаные изделия с Житного раскопа Переяславля Рязанского // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-летию В.В. Судакова / Сост. А.А. Гомзин, В.И. Завьялов, И.Г. Кусова. Рязань: РИКО. С. 53–60.
307. *Фатюнина О.А.*, 2018. Кожаные туфли с шерстяными чулками из Монастырского курганного могильника у Пронска // АП. Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 166–177.
308. *Фатюнина О.А.*, 2019. Изделия из кожи Переяславля Рязанского XII–XVII вв. // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В.И. Завьялов. Вып. 3. М.: Таус. С. 153–201.

309. *Фатюнина О.А., Гуськов А.В., Васильева Т.А., 2022.* Средневековые находки из кожи с отпечатками зубов человека (по материалам Переяславля Рязанского) // КСИА. Вып. 266. С. 157–167.
310. *Фатюнина О.А., 2022.* Находки средневековой рыбьей кожи в Переяславле Рязанском // КСИА. Вып. 268. С. 280–291.
311. *Фатюнина О.А., 2023.* Результаты изучения производственных отходов из средневековой сапожной мастерской (на примере Переяславля Рязанского) // КСИА. Вып. 272. С. 156–174.
312. *Федоров В.М., Матехина Т.С., Осипов Д.О., 2011.* К истории соколиной охоты в новгородской земле // Записки ИИМК. № 6. СПб., ИИМК РАН. С. 199–211.
313. *Федоров В.М., 2011.* Путцы для содержания ловчих ястребов-перепелятников из Кремля Переяславля Рязанского // МАПР / Под ред. В.И. Завьялова. Вып. 1. Рязань. С. 231–233.
314. *Фоняков Д.И., 1989.* Обувь и другие кожаные изделия из раскопок Торопца // КСИА. Вып. 195. М. С. 85–90.
315. *Фурсова Е.Ф., 2017.* Соотнесение данных археологии и этнографии при реконструкции обуви русских Сибири: проблемы и возможные пути их решения // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л.В. Татауровой. Омск: Издательский дом «Наука». С. 494–499.
316. *Хлебникова Т.А., 1988.* Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: «Наука». С. 244–253.
317. *Черепнин А.И., 1895.* Местная старина. Борковской могильник // ТРУАК. Т. X. Вып. 2. Рязань. С. 103–167.
318. *Черепнин А.И., 1898.* Дневник раскопок Пронских курганов. Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии / Под редакцией члена ком. С.Д. Яхонтова. Вып. 1. Т. XIII. С. 53–66.
319. *Чернецов В.Н., 1987.* Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том ун-та. 284 с.

320. *Чижикова Л.Н.*, 2009. Обувь // Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. Т. 1. М.: «Индрик». С. 472–475.
321. *Чурилова Н.А.*, 2021. Методика консервации археологических предметов из кожи на примере фрагментов обуви из археологических раскопок г. Перми 2020 г. // Археология евразийских степей. № 6. С. 360–368.
322. *Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г.*, 2012. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // ПА, № 2. С. 184–210.
323. *Шерышева С.А.*, 2010. Реставрация археологической кожи XII–XIII вв. // Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Материалы исследований. Сборник № 16. Владимир. С. 163–166.
324. *Шполянский С.В., Несмиян О.А., Несмиян В.Г.*, 2023. Находки предметов вооружения и всаднического снаряжения вт. п. XIV – п. п. XVI в. из раскопок Плесской крепости: обзор коллекции // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 123–149.
325. *Штыхов Г.В.*, 1963. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. № 4. С. 240–246.
326. *Штыхов Г.В.*, 1975. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск: «Наука и техника». 136 с.
327. *Энговатова А.В., Курицын М.А., Зоц Е.П., Зайцева И.Е.*, 2023. Матрица для тиснения на кожаных элементах монашеского облачения из раскопок 2022 года в Троице-Сергиевой Лавре // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева. М.: ИА РАН. С. 361–372.
328. *Яворская Л.В.* 2021. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 5 / Российская акад. наук,

Ин-т археологии; отв. ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Ин-т археологии РАН. С. 216–226.

329. Якунина Л.И., 1947. Новгородская обувь XII–XIV вв. // КСИИМК. Вып. XVII. С. 38–48.

330. Якунина Л.И., 1951. Фрагменты одежды и обуви // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.-М. С. 179–186.

331. Ярыш В., 2002. Красота создается зубами. Об одном интересном виде рисунков на бересте // ЧЕЛЮ: альманах / Учредители: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Администрация Новгородской области. № 1 (23). Великий Новгород. С. 102–107.

332. Andersen V.L., 2016. Old Shoes in a New Perspective – Fashioning Archaeology // Fashion Practice The Journal of Design, Creative Process & the Fashion Industry. P. 1–16.

333. Bartík J., 2020. Medieval Leather Artefacts from Selected Localities in Uherské Hradiště (Old Townhall, Reduta, Františkánská Street) / Středověké usňové artefakty z vybraných lokalit v Uherském Hradišti (Stará radnice, Reduta, ul. Františkánská) // Slovácko LX. P. 87–104.

334. Blusiewicz K., 2017. Wyroby Ze Skory I Wytwórczość Skórnicza W Późnośredniowiecznym Pucku // Puck. Kultura materialna małego miasta w późnym średniowieczu, red, M. Starski, Warszawa. P. 305–360.

335. Blusiewicz K., 2020. Dwa nietypowe buty z Pucka z końca XIV wieku // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej Rok. LXVIII Warszawa. P. 103–110.

336. Brandt L.Ø., 2018. High-definition urban fashion: Proteins reveal preferred resources for medieval leather shoes // Urban network evolutions. Towards a highdefinition archaeology. P. 241–247.

337. Ceynowa B., 2009. Problem importu obuwia w Gdańsku w 1 połowie XVI w. na przykładzie znalezisk części butów ze stan. // Stan badań archeologicznych miast w Polsce. P. 403–416.

338. Ceynowa B., Trawicka T., 2016. «Každy krok pozostawia ślad». Obuwie historyczne ze zbiorów Muzeum Archeologicznego w Gdańsku, Katalog /

«Every Step Leaves s Trace». Historic Footwear from the Collection of Archaeological Museum in Gdańsk, Catalogue. Gdansk.

339. *Ceynowa B.*, 2020. Lastadia – najstarsza stocznia Gdańska w świetle badań archeologicznych // *Archeologia Volume: VII*. Gdańsk. P. 424–432, 539–556, 579–591.

340. *Dejmal M., Hoch A.*, 2013. Kožené artefakty z hradu ve Veselí nad Moravou // *Archaeologia Historica*. 38-2. P. 653–671.

341. *Dragtjournalen – Tidsskrift udgivet af Den Danske Dragt- og Tekstilpulje*. Årgang 7. Nr. 9. 2013. 65 p.

342. *Everyday Products in the Middle Ages. Crafts, Consumption and the individual in Northern Europe c. AD 800–1600* / Hansen G., Ashby S.P., & Baug I. (eds). Oxford and Philadelphia. (Oxbow Books). 374 p.

343. *Harjula J.*, 2005. Sheaths, Scabbards and Grip Coverings: The use of leather for portable personal objects in the 14th-16th century Turku. Saarijärvi. 166 p.

344. *Harjula J.*, 2008. Before the Heels Footwear and Shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the Beginning of the Early Modern Period. Saarijärvi. 224 p.

345. *Harjula J.*, 2015. Tracing the nameless actors. Leatherworking and production of leather artefacts in the town of Turku and Turku Castle, SW Finland // In: Hansen G., Ashby S.P., & Baug I. (eds): *Everyday Products in the Middle Ages. Crafts, Consumption and the individual in Northern Europe c. AD 800–1600*. Oxford and Philadelphia. (Oxbow Books). P. 359–402.

346. *Hoch A., Stanek P.*, 2015. Kožené artefakty z České ulice v Brne // *Archaeologia historica*, 40. P. 131–147.

347. *Hoch A., Bartík J., Malý K., Behouňková L.*, 2017. Stredoveké kožené artefakty ze Zelného trhu v Uherském Hradišti // *Slovácko LVIII*. P. 157–173.

348. *Hoch A., Bartík J.*, 2020. Medieval Leather Artefacts from Selected Localities in Uherské Hradiště (Old Townhall, Reduta, Františkánská Street) /

Středověké usňové artefakty z vybraných lokalit v Uherském Hradišti (Stará radnice, Reduta, ul. Františkánská) // Slovácko LX. P. 87–104.

349. Hoch A., Šlězár P., 2021. Středověká kožedělná produkce z Litovle
Medieval leather production from Litovel // Přehled výzkumů 62/2. P. 109–126.

350. Goubitz O., 2007. Purses in Pieces Archaeological finds of late
medieval and 16-th century leather purses, pouches, bags and cases in the
Netherlands. SPA Uitgevers, Zwolle.

351. Grömer K., Russpopa G., Saliari K., 2017. Products of animal skin
from Antiquity to the Medieval Period // Annalen des Naturhistorischen Museums
in Wien, Serie A, 119. P. 69–93.

352. Kite M., Thomson R. Conservation of Leather and Related Materials.
Butterworth-Heinemann is an imprint of Elsevier. 2006.

353. Koochakzai A., Achachluei M.M., 2015. Red Stains On
Archaeological Leather: Degradation Characteristics Of A Shoe From The 11th–
13th Centuries (Seljuk Period, Iran) // Journal of the American Institute for
Conservation. № 1 P. 45–56.

354. Kowalska A.B., 2010. Wytwórczość skórzana we
wczesnośredniowiecznym Szczecinie. Szczecin. 310 p.

355. Kowalska A.B., 2013. Wytwórczość skórzana w późnośredniowiecznej
Dzielnicy Chyżyńskiej w Szczecinie. Leatherworking in Late Medieval Szczecin
Chyżyńska Neighbourhood. Szczecin. 276 p.

356. Kowalska A.B., 2017. Odpady produkcyjne jako źródła badań //
Archaeologia Historica Polona, tom 25. P. 181–199.

357. Moens J., 2018. Archeologie en geschiedenis van een middeleeuwse
woonwijk onder de Hopmarkt te Aalst // Relicta Monograeën 16 Archeologie,
Monumenten & Landschapsonderzoek in Vlaanderen. P. 259–284.

358. Mould Q., Carlisle I., Cameron E., 2003. The Archaeology of York.
Vol. 17: The Small Finds. Fasc. 16: Craft, Industry and Everyday Life: Leather and
Leatherworking in Anglo-Scandinavian and Medieval York. 3549 p.

359. *Mould Q.*, 2015. The home-made shoe, a glimpse of a hidden, but most 'affordable', craft // HANSEN, G., ASHBY, S.P., & BAUG, I. (eds): *Everyday Products in the Middle Ages. Crafts, Consumption and the individual in Northern Europe c. AD 800–1600*. P. 290–327.

360. *Mould Q., Cameron E.*, 2015. Fashion and necessity. Anglo-Norman leatherworkers and changing markets // HANSEN, G., ASHBY, S.P., & BAUG, I. (eds): *Everyday Products in the Middle Ages. Crafts, Consumption and the individual in Northern Europe c. AD 800–1600*. P. 328–358.

361. *Rahme L.*, 2021. Fish skin, a sustainable material used from ancient times to today's fashion // *Formacademisc*. Vol. 14. Nr. 2. P. 1–16.

362. *Vávra R.*, 2020. Fish and Chaps: Some Ethnoarchaeological Thoughts on Fish Skin Use in European Prehistory // *Open Archaeology*. 6. P. 329–347.

363. *Volken M.*, 2014. *Archaeological Footwear. Development of shoe patterns from Prehistory till the 1600's*. Assen (Stichting Promotie Archeologie). 408 p.

364. W czym chodzili dawni Gdańszczanie? Konserwacja skórzanych elementów Obuwia i odzieży z badań archeologicznych prowadzonych w kwartale ulic Szeroka, Tandeta, Grobla II, Świętojańska w Gdańsku, w latach 2006–2008 / A. Jędrzejczak-Skutnik. Gdańsk 2022. 72 p.

365. *White C.L.*, 2009. Single Shoes and Individual Lives: The Mill Creek Shoe Project // *The Materiality of Individuality: Archaeological Studies of Individual Lives*. P. 141–159.

366. *White C.L., Beaudry M.C.*, 2009. Artifacts and Personal Identity // *The Materiality of Individuality: Archaeological Studies of Individual Lives*. P. 209–225.

367. Why Leather? The material and cultural dimensions of leather // S. Harris, Veldmeijer, A.J. Leiden (Sidestone Press), 2014. 135 p.

368. *Wubs-Mrozewicz J.*, 2005. Shoes and shoemakers in late medieval Bergen and Stockholm // *Collegium Medievale*. Vol. 18. P. 7–36.

369. Wywrot-Wyszkowska B., Janowski A., 2017. MieszczaĚski pas naddługi z pÓInoĚredniowiecznego Kołobrzegu, 2017 // Kwartalnik historii kultury materialnej. 65 (2). P. 209–219.

Список сокращений

- АВ – Археологические вести
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АП – Археология Подмосковья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО – Археологические открытия
БИИМК – Бюллетень Института истории материальной культуры РАН
ВИ – Вопросы истории
ВЦНИЛКР – Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория реставрации и консервации
ГИМ – Государственный исторический музей
ЗРАО – Записки русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
КСИА – Краткие сообщения института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МАПР – Материалы по археологии Переяславля Рязанского
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ННЗИА – Новгород и новгородская земля. История и археология
ОИРК – Общество исследователей Рязанского края
ПА – Поволжская археология
ПКРК – Писцовые книги Рязанского края
РА – Российская археология
РУАК – Рязанская ученая архивная комиссия
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ФГБУК РИАМЗ – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»

Словарь

Бахтарма – нижняя поверхность выделанной кожи.

Бучение – операция, предшествующая дублению кожи, во время которой происходит разрыхление кожи.

Верх – часть обуви, закрывающая пятку, тыльную часть стопы и голень.

Выворотный шов – сложенные лицевыми сторонами детали сшивают в строку, после чего выворачивают на обратную сторону, чтобы шов остался внутри.

Голенище – деталь верха, закрывающая голень.

Головка – деталь верха, закрывающая тыльную часть стопы.

Дерма – соединительнотканная часть кожи животных и человека.

Деталь – часть обуви.

Дубление – процесс обработки дубильными веществами с целью получения выделанной кожи.

Задник – деталь низа, закрывающая пятку.

Застежка – элемент крепления.

Каблук – внутренняя или наружная деталь, служащая для подъема пяточной части стопы на определенную высоту.

Мездра – слой подкожной клетчатки на невыделанной коже.

Мерея – рисунок на верхней поверхности выделанной кожи.

Наборный каблук – каблук, состоящий из нескольких слоев (фликов).

Низ – часть обуви, находящая между стопой и опорной поверхностью (подошва, каблук).

Обувь – часть костюма; изделие для предохранения ног от внешних воздействий и несущее утилитарные и эстетические функции.

Переметочный шов – вид шва, зигзагообразный шов, скрепляющий материалы или детали обуви встык.

Поднаряд – подкладка, частично или полностью копирующая головку.

Подошва – деталь, расположенная под стопой и соприкасающаяся с поверхностью.

Потайной шов – вид шва, при котором детали скрепляются таким образом, что шов проходил в толще кожи, не выходя на лицевую поверхность.

Резец – инструмент в виде прямоугольной лопаточки с заостренным рабочим краем, применявшийся для срезания мездры.

Стелька – подстилка, прикрепляемая изнутри к подошве обуви или вкладываемая в обувь.

Струг – острый инструмент для срезания мездры.

Тачной шов – вид шва, детали складываются одинаковыми сторонами и сшивают однорядной строчкой.

необходим инструмент

Тупик – инструмент с затупленным краем, применявшийся для сбивания шерсти с кожи после золения.

Шакшевание – обработка кожи с помощью определенных ферментов.

Шов – соединение краев двух деталей.

Эпидермис – верхний наружный слой кожи.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Фатюнина Олеся Александровна

Кожевенно-сапожное ремесло

Переяславля Рязанского

второй половины XIV – XVI в.

(комплексное исследование)

Исторические науки:

5.6.3. Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Том 2

Научный руководитель
д.и.н. В.И. Завьялов

Москва

2024

Приложение 1. Статистические таблицы и диаграммы

Таблица 1.

Количество кожаных изделий
в раскопах на территории Переяславля Рязанского

Год	Автор раскопок	Часть города	Объект	Количество кожаных изделий
1929, 1931	Н.П. Милонов, А.А. Мансуров, И.И. Проходцов, Н.В. Говоров	Кремль	5 шурфов	827 1
1931	–	Кремль	случайная находка	3
1936	–	–	сборы	1
1945	Н.П. Милонов	Кремль	раскоп	1
1956– 1957	А.Л. Монгайт	Кремль	4 раскопа	136
1979– 1980	А.А. Коновалов	Кремль	раскоп	45
1981	В.П. Челябинов	Кремль	траншея	33
1982	И.В. Ильенко	Кремль	шурф	9
1987	М.М. Макаров	Кремль	раскоп	14
1997	–	Острог	наблюдения	34
2002	В.В. Судаков	Рыбацкая слобода	раскоп	8
2004– 2015	В.И. Завьялов	Кремль	Житный раскоп	24839
2006	А.А. Вячин	Нижний посад	охранные раскопки	4
2007	В.И. Завьялов	Кремль (у Духовской церкви)	наблюдения	31
2015	И.Ю. Стрикалов	Острог	охранные раскопки: раскоп № 1, раскоп № 2	643 3
2016– 2019	В.И. Завьялов	Кремль	Введенский раскоп	937
2020	О.А. Фатюнина	Кремль	Введенский раскоп	18909
2020	И.Ю. Стрикалов	Нижний посад	раскоп	87
2021– 2022	В.И. Завьялов	Кремль	Введенский раскоп	7064
2023	В.И. Завьялов, О.А. Фатюнина	Кремль	Введенский раскоп	3015
ИТОГО				56644

Таблица 2.
 Кожаные изделия
 из раскопок Н.П. Милонова в 1929 г.

Категория	Кол-во	(%)
Обрезок шкуры	11	1,3
Обрезок края листа	22	2,7
Обрезок первичного раскроя	277	33,5
Обрезок первичного раскроя с отпечатками зубов	30	3,6
Обрезок вторичного раскроя	169	20,4
Детали обуви и их фрагменты	291	35,2
Плохая сохранность	16	2
Изделие	7	0,8
Изделие с прорезанным отверстием	1	0,1
Прокладка, круг	3	0,4
Всего	827	100

Таблица 3.
Кожаные изделия из раскопок Н.П. Милонова в 1929 г.

Изделие — номер	517	504	523	506	512	520	511	519	499	500	502	501
Обрезок с тех. отверстием и волосом	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Обрезок с волосом	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок края	-	5	-	1	-	-	1	-	1	-	2	-
Обрезок края с отверстием	3	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Обрезок с тех. отверстием	-	10	-	-	-	-	1	-	3	1	1	-
Обрезок первичного раскроя (геометрический)	1	33	-	2	-	-	2	-	9	3	7	2
Обрезок первичного раскроя (нитевидный)	47	13	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок вторичного раскроя	6	14	1	-	2	1	6	-	5	7	2	-
Обрезок голенища	2	5	-	2	-	-	1	2	4	4	3	4
Обрезок головки	2	2	-	-	-	-	-	1	4	-	1	1
Обрезок поднаряда	-	2	-	1	-	1	1	-	-	1	-	-
Обрезок задника	-	3	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-
Обрезок внутреннего задника	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок подошвы	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Обрезок каблучного флика	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Обрезок изделия со следами ремонта	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Головка	-	-	1	-	-	1	-	-	-	1	-	-
Поднаряд полный, двухчастный	-	-	1	-	-	-	2	-	-	1	-	-
Поднаряд не полный, двухчастный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Голенище	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Подошва	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Каблук (внутренний наборный)	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	3
Каблучный флик	-	-	-	-	-	-	1	1	1	1	-	2
Задник	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-
Внутренний задник	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Вставка в задник (треугольная)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-
Детали обуви п/с:	-	-	1	-	-	3	-	-	1	-	1	1
Поднаряд, п/с	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
Поднаряд полный, двухчастный, п/с	-	-	-	1	-	-	1	-	-	1	1	1
Задник, п/с	-	1	-	-	-	1	-	-	-	1	-	3
Внутренний задник, п/с	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Вставка в задник, п/с	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-
Подошва, п/с	1	1	-	-	-	3	-	-	2	2	-	1
Каблучный флик, п/с	-	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	1
Головка, п/с	-	1	-	1	-	3	2	-	2	-	1	2
Голенище, п/с	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Плохая сохранность	-	-	-	1	-	2	-	-	-	-	-	1
Изделие, п/с	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Изделие (?)	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Прокладка, круг	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Всего	63	101	5	9	3	20	20	4	40	29	26	19

Таблица 4.
Кожаные изделия из раскопок Н.П. Милонова в 1929 г.

Изделие	номер	516	524	514	522	518	505	508	513	497	507	646
Обрезок с волосом		2	1	1	-	-	-	1	-	2	-	-
Обрезок края		1	-	1	1	-	-	1	-	-	-	-
Обрезок края с отверстием		-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок с тех. отверстием		7	2	2	4	4	-	2	-	-	-	-
Обрезок первичного раскроя (геометрический)		19	14	9	6	6	1	14	1	1	-	3
Обрезок вторичного раскроя		10	3	10	-	-	1	10	2	2	1	1
Обрезок голенища		6	1	-	1	2	-	9	2	1	1	-
Обрезок головки		1	3	4	1	1	-	2	3	2	1	1
Обрезок поднаряда		1	4	1	-	2	-	2	-	3	-	1
Обрезок задника		3	1	2	1	1	-	-	1	1	1	-
Обрезок внутреннего задника		-	2	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Обрезок подошвы		1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Обрезок каблучного флика		-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Обрезок изделия со следами ремонта		-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-
Головка		-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
Поднаряд полный, двухчастный		-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-
Поднаряд не полный, двухчастный		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Голенище		-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-
Подошва		-	-	-	-	-	-	-	-	4	1	-
Каблучный флик		1	1	2	-	-	3	8	-	1	1	-
Задник		-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-
Внутренний задник		-	-	-	-	1	1	-	3	-	-	-
Вставка в задник (треугольная)		1	2	1	1	-	-	-	-	-	-	1
Детали обуви п/с:		-	-	1	-	-	-	-	2	1	-	2
Поднаряд, п/с		-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Поднаряд полный, двухчастный, п/с		1	1	-	1	2	-	-	1	1	1	-
Задник, п/с		-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-
Внутренний задник, п/с		1	1	-	-	1	-	2	2	1	1	-
Вставка в задник, п/с		-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-
Подошва, п/с		1	-	1	-	1	1	1	2	1	4	1
Каблучный флик, п/с		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Головка, п/с		1	-	1	-	1	-	-	6	1	2	-
Голенище, п/с		-	1	-	1	-	-	-	1	-	1	-
Плохая сохранность		2	-	2	-	-	1	-	-	-	-	-
Изделие, п/с		-	2	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Изделие (?)		-	1	1	-	-	-	1	1	-	-	-
Изделие с прорезанным отверстием		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Прокладка, круг		1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего		60	45	46	20	22	10	57	30	29	17	12

Таблица 5.
Кожаные изделия из раскопок Н.П. Милонова в 1929 г.

Изделие \ номер	525	526	528	529	530	531	532	325
Обрезок первичного раскроя (геометрический)	-	-	-	-	-	-	1	-
Обрезок первичного раскроя (нитевидный)	-	-	-	-	-	-	2	-
Обрезок вторичного раскроя	-	-	-	-	1	-	-	-
Обрезок голенища	1	1	-	-	-	-	-	-
Обрезок головки	1	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок задника	-	-	1	-	-	-	-	-
Задник	1	-	-	-	-	-	-	-
Каблучный флик	-	-	-	-	1	-	-	-
Дотачка	-	-	-	-	-	1	-	-
Детали обуви п/с:	-	1	1	-	-	-	-	-
Головка, п/с	-	-	-	-	-	-	-	1
Подошва, п/с	1	-	-	1	-	-	-	-
Плохая сохранность	1	-	-	-	-	-	-	-
Всего	5	2	2	1	2	1	3	1

Таблица 6.
Кожаные изделия из раскопок Н.П. Милонова в 1929 г.

Изделие	номер	503	647	649	650	848	503	498	521	563
Обрезок с тех. отверстиями		-	-	-	-	-	2	-	-	-
Обрезок первичного раскроя (геометрический)		-	-	-	-	-	1	-	-	-
Обрезок первичного раскроя (нитевидный)		-	-	-	-	-	-	-	-	-
Обрезок вторичного раскроя		-	-	-	-	-	1	-	1	-
Обрезок полного двухчастного поднаряда		-	-	-	-	-	1	-	-	-
Обрезок подошвы		-	-	-	-	-	3	1	1	-
Обрезок голенища		-	-	-	-	-	1	1	-	-
Обрезок головки		-	-	-	-	-	1	2	-	-
Обрезок задника		-	-	-	-	-	-	3	-	-
Головка		1	-	-	-	-	-	2	-	-
Поднаряд, полный двухчастный		-	-	-	-	-	3	3	-	-
Задник		-	-	-	1	-	-	1	-	1
Внутренний задник		-	-	1	-	-	-	-	-	-
Вставка в задник		-	-	-	-	-	-	2	1	-
Каблук (внутренний наборный)		-	-	-	-	-	2	11	-	-
Каблучный флик		-	-	-	-	-	-	-	4	-
Дотачка		-	-	-	-	-	-	-	-	-
Детали обуви п/с:		-	1	-	-	-	1	3	-	-
Головка, п/с		-	-	-	1	-	1	-	-	-
Голенище, п/с		-	-	-	1	-	-	-	-	-
Поднаряд, полный двухчастный, п/с		-	-	-	-	-	-	1	-	-
Задник, п/с		-	-	-	-	-	-	1	1	-
Внутренний задник, п/с		-	-	-	-	-	1	2	-	-
Подошва, п/с		-	-	-	-	1	2	1 (5)	2	-
Каблучный флик, п/с		-	-	-	-	-	-	-	3	-
Плохая сохранность		-	-	-	-	-	-	1	-	-
Изделие с гвоздями		-	-	-	-	-	-	-	1	-
Всего		1	1	1	3	1	20	33	15	1

Таблица 7.

Житный раскоп.
Поквадратная статистика изделий из кожи

Кв.	Пласт		Всего
	22	23	
1	12	18	30
2	–	–	–
3	9	–	9
6	18	4	22
6, 11, яма № 1	–	5	5
7	37	34	71
8	26	–	26
9	5	–	5
10	–	–	–
11	524	28	552
11а	87	–	87
12	121	5	126
13	125	24	149
14	18	–	18
15	12	–	12
16	147	3	150
16а	–	5	5
17	150	–	150
18	263	–	263
19	8	6	14
20	106	–	106
21	110	–	110
21а	–	17	17
22	22	–	22
23	24	–	24
24	–	4	4
24 усадьба	11	–	11
24 улица	5	–	5
25	–	–	–
26	309	140	449
26а	7	4	11
27	360	111	471
28	–	4	4
29 усадьба	31	–	31
29 улица	7	–	7
30	16	–	16
31	248	37	285
32	149	148	297
32, яма № 3	–	59	59
33	137	43	180
33, яма № 3	–	63	63
34	101	1	102
35	36	40	76
36	396	–	396
36а	91	21	112
37	300	225	525
38	26	30	56
39	161	7	168
40	121	–	121
Зачистка	105	87	192
Всего	4 441	1 173	5614

Таблица 8.
Житный раскоп.
Поквадратная статистика изделий из кожи

№ кв.	пласт			всего
	19	20	21	
1	9	29	51	89
2	7	27	—	34
3	10	12	5	27
6	41	1	15	57
7	20	47	77	144
8	55	30	249	334
9	90	159	18	267
10	6	156	3	165
11	6	55	355	416
12	35	41	346	422
13	67	122	867	1056
14	132	155	260	547
15	30	95	96	221
16	59	18	1 171	1248
17	63	24	43	130
18	8	40	420	468
19	37	324	270	631
20	76	158	82	316
21	49	90	116	255
22	40	235	522	797
23	64	74	45	183
24	93	253	274	620
25	44	190	54	288
26	32	154	672	858
27	55	66	482	603
28	41	50	129	220
29	51	248	202	501
30	12	185	141	338
31	41	58	149	248
32	46	86	20	152
33	5	22	35	62
34	40	31	79	150
35	31	49	171	251
36	24	11	9	44
37	37	29	16	82
38	19	41	20	80
39	14	59	—	73
40	32	26	64	122
Траншея	70	107	122	349
Зачистка	61	132	98	241
Всего	1652	3689	7748	13089

Таблица 9.

Житный раскоп, категории кожаных изделий.
Пласт 23

Компоненты обуви				Обрезки			Другое					?
деталь	деталь плохой сохранности	дотачка	обшивка края	шкуры	первичного раскроя	деталей обуви	ремешок/лшнурок с узелком	изделие с прорезью	ножны	ремешки	изделие	плохая сохранность и фрагментарность
43	137	5	1	2	220	622	2	1	1	1	8	130
3,7	11,7	0,4	0,08	0,2	18,7	53	0,2	0,08	0,08	0,08	0,7	11,08

Таблица 10.

Житный раскоп, категории кожаных изделий.
Пласт 22

Компоненты обуви				Обрезки			Другое					?
деталь	деталь плохой сохранности	дотачка	обшивка края	шкуры	первичного раскроя	деталей обуви	ремешок/лшнурок с узелком	ножны	ремешки	заготовка детали	изделие	плохая сохранность и фрагментарность
288	568	32	9	69	515	2 540	4	1	2	2	7	404
6,5	12,8	0,7	0,2	1,55	11,6	57,2	0,1	0,02	0,04	0,04	0,15	9,1

Таблица 11.

Житный раскоп, кожаные изделия
(пл. 21, кв. 13 и пл. 21, кв. 16)

Изделие	пл. 21, кв. 13	%	пл. 21, кв. 16	%
Обрезки шкуры	17	2	23	2
Обрезки первичного раскроя	377	43,5	538	46
Обрезки вторичного раскроя, принадлежность к деталям определить не удалось	110	12,7	299	25,5
<u>Обрезки:</u> поднаряда	20	2,3	21	1,8
- подметки	14	1,6	10	0,85
- подошвы	5	0,6	—	—
- внутреннего задника	7	0,8	—	—
- голенища	54	6,2	53	4,5
- голенища (место крепления задника)	—	—	16	1,4
- головки	51	5,9	45	3,8
- задника	11	1,3	1	0,1
Изделие (составная часть детали)	1	0,1	6	0,5
Заплата (?)	1	0,1	—	—
Обшивка	1	0,1	—	—
<u>Детали обуви:</u>	25	2,9	21	1,8
- низ (подошва, каблучный флик, задник)	16	1,8	18	1,5
- подкладка (поднаряд, внутренний задник, вставка кожаная в задник)	2	0,2	—	—
- головка	2	0,2	—	—
<u>Детали обуви п/с:</u>	27	3,1	25	2,1
подкладка (поднаряд, внутренний задник)	32	3,7	18	1,5
- каблучный флик	12	1,4	—	—
- задник	24	2,8	28	2,4
- подошва	1	0,1	—	—
- головка	1	0,1	—	—
Изделие	1	0,1	1	0,1
Поршень (?)	—	—	2	0,2
Плохая сохранность	58	6,7	46	3,9
Всего	867	100	1171	100

Таблица 12.

Житный раскоп, кожаные обрезки
(пл. 21–19)

Обрезки	Количество	%
- первичного раскроя	4019	49,3
- вторичного раскроя, деталь не определена	2490	30,5
- обрезок головки	664	8,1
- обрезок голенища	564	6,9
- обрезок поднаряда	180	2,2
- обрезок задника	65	0,8
- обрезок подметки	74	0,9
- обрезок подошвы	12	0,1
- обрезок голенища, переходящего в задник	107	1,3
Всего	8157	100

Таблица 13а.
Введенский раскоп.
Обрезки первичного раскроя кожи

Пласт Квадрат Сооружение	ВСЕГО		7А 28		7Б 28	7А 29	7Б 29
	Ед.	%	в	вне			
<u>1) обрезок нитевидный</u>	7373	44,5	-	165	507	240	1328
<u>2) обрезок геометрический</u>	5564	33,6	-	226	668	137	1245
- с процарапанной разметкой	84	0,5	-	-	8	13	23
- с продавленной разметкой	145	0,9	-	-	30	3	6
- с технологическими отверстиями	683	4,1	-	36	64	15	149
- с разметкой и технологическими отверстиями	14	0,08	-	-	2	3	-
- с отпечатками зубов	928	5,6	1	49	109	54	120
- с технологическими отверстиями и отпечатками зубов	98	0,6	-	-	4	9	3
- с волосом	194	1,2	-	2	10	1	30
- с волосом и продавленной разметкой	9	0,05	-	-	2	-	-
- с волосом и отпечатками зубов	47	0,3	-	1	9	-	3
- с волосом и технологическими отверстиями	31	0,2	-	-	10	-	3
- с волосом, отпечатками зубов, технологическими отверстиями	3	0,01	-	-	-	-	-
<u>3) обрезок фигурный</u>	326	2	-	13	31	9	72
<u>4) обрезок края листа</u>	641	3,9	-	-	52	8	80
- край листа с технологическими отверстиями	173	1,04	-	-	65	4	5
- край листа с отпечатками зубов	95	0,6	-	-	31	-	18
- край листа с отпечатками зубов и технологическими отверстиями	31	0,2	-	-	31	-	-
- край листа с разметкой	4	0,02	-	-	4	-	-
<u>5) обрезок со следами инструмента</u>	50	0,3	-	-	27	-	3
<u>6) тренировочные материалы</u>	53	0,3	-	-	14	-	6
ИТОГО	16546	100	1	492	1678	496	3094

Таблица 13б.
Введенский раскоп.
Обрезки первичного раскрыя кожи

Пласт Квадрат	7А	7Б	7А	7Б	8А		8А	8А		8А
	33	33	34	34	28	29	33	34		
Сооружение					В	вне			В	вне
1) <u>обрезок нитевидный</u>	1951	150	116	2653	-	-	155	-	108	-
2) <u>обрезок геометрический</u>	1476	144	109	1306	-	2	105	2	143	1
- с процарапанной разметкой	20	3	2	15	-	-	-	-	-	-
- с продавленной разметкой	20	11	3	66	-	-	-	-	6	-
- с технологическими отверстиями	123	10	12	228	-	-	21	-	25	-
- с разметкой и технологическими отверстиями	2	2	1	4	-	-	-	-	-	-
- с отпечатками зубов	150	27	20	357	-	-	28	-	13	-
- с технологическими отверстиями и отпечатками зубов	36	10	3	23	-	-	6	-	4	-
- с волосом	42	5	3	87	-	-	14	-	-	-
- с волосом и продавленной разметкой	1	-	-	6	-	-	-	-	-	-
- с волосом и отпечатками зубов	7	4	1	17	-	1	3	-	1	-
- с волосом и технологическими отверстиями	13	1	1	3	-	-	-	-	-	-
- с волосом, отпечатками зубов, технологическими отверстиями	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-
3) <u>обрезок фигурный</u>	91	8	6	83	-	-	9	-	4	-
4) <u>обрезок края листа</u>	262	27	12	191	-	-	1	-	8	-
- край листа с технологическими отверстиями	33	40	8	18	-	-	-	-	-	-
- край листа с отпечатками зубов	16	8	-	22	-	-	-	-	-	-
- край листа с отпечатками зубов и технологическими отверстиями	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
- край листа с разметкой	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5) <u>обрезок со следами инструмента</u>	4	9	-	7	-	-	-	-	-	-
6) <u>тренировочные материалы</u>	27	-	-	6	-	-	-	-	-	-
ИТОГО	4275	459	297	5094	-	3	342	2	312	1

Таблица 14а.
Введенский раскоп.
Обрезки вторичного раскроя

Пласт			7А	7Б	7А	7Б	7А	7Б	
Квадрат			28	28	29	29	33	33	
Сооружение			в	вне					
ОБРЕЗОК	Ед.	%							
- головки	26	4,7	-	1	5	1	2	4	3
- подняда	21	3,8	-	-	4	1	7	1	-
- голенища	161	29,3	1	5	16	7	25	36	8
- задника	15	2,7	-	-	1	-	7	1	-
- внутреннего задника	3	0,5	-	-	1	-	1	-	-
- подошвы	5	0,9	-	-	-	-	-	4	-
- слоя внутреннего наборного каблука	8	1,5	-	-	1	-	-	-	2
- детали со следами ремонта	8	1,5	-	2	2	-	1	-	-
- детали со следами эксплуатации и шовными отверстиями	301	54,9	-	8	53	15	45	23	27
- ножен	1	0,2	-	-	-	-	-	-	-
ИТОГО	549	100	1	16	83	24	88	69	40

Таблица 14б.
Введенский раскоп.
Обрезки вторичного раскроя

Пласт Квадрат	7А	7Б	8А		8А	8А		8А
	34	34	28		29	33		34
Сооружение			в	вне		в	вне	
ОБРЕЗОК								
- головки	-	8	-	-	1	-	1	-
- поднаряда	1	5	-	-	-	-	2	-
- голенища	5	41	3	-	11		3	-
- задника	-	4	-	-	1	-	1	-
- внутреннего задника	-	1	-	-	-	-	-	-
- подошвы	-	-	-	-	-	-	1	-
- слоя внутреннего наборного каблука	-	1	-	-	-	-	3	1
- детали со следами ремонта	-	3	-	-	-	-	-	-
- детали со следами эксплуатации и шовными отверстиями	2	111	1	4	3	1	7	1
- ножен	-	1	-	-	-	-	-	-
ИТОГО	8	175	4	4	16	1	18	2

Таблица 15.
Житный раскоп.
Изделия из кожи

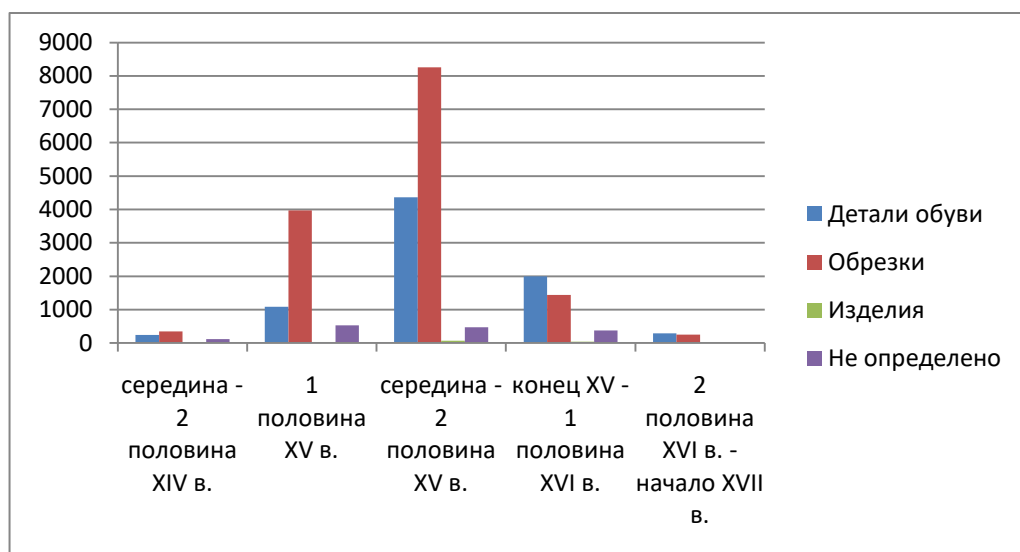

Таблица 16.
Введенский раскоп.
Изделия из кожи

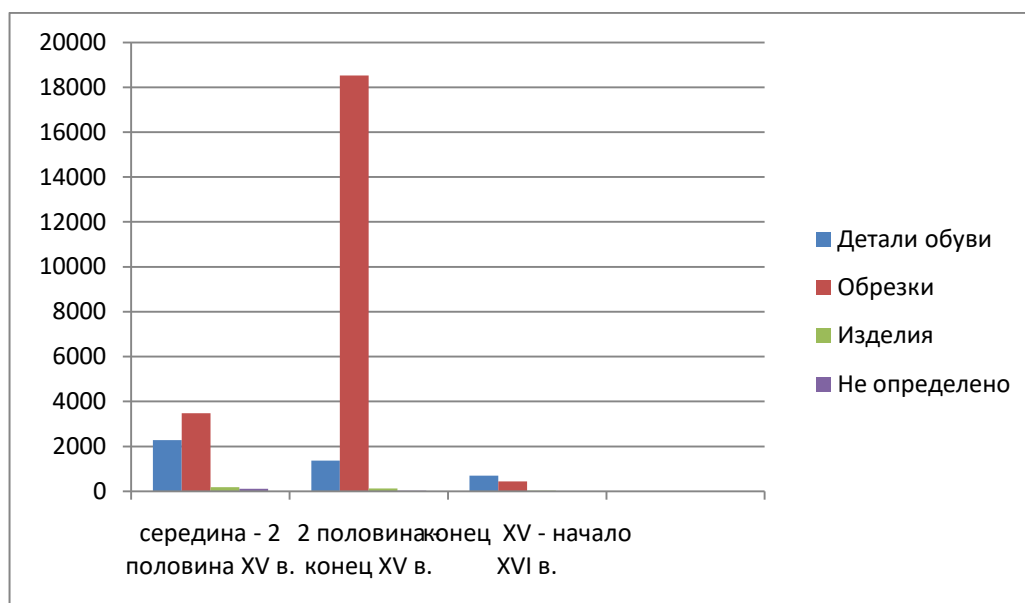

Таблица 17.

Житный раскоп.
Детали сапог

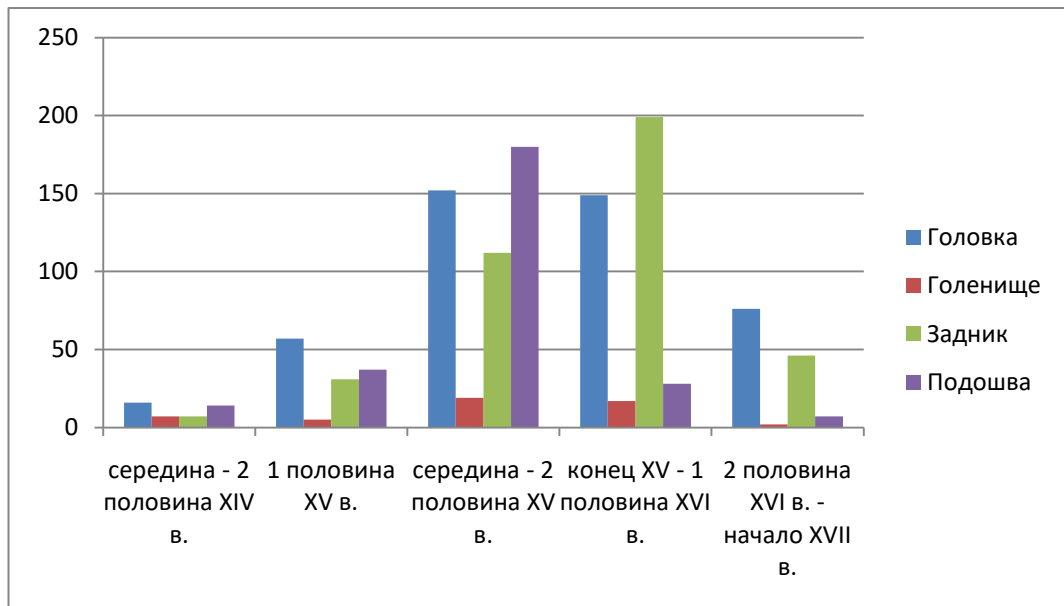

Таблица 18.

Введенский раскоп.
Детали сапог

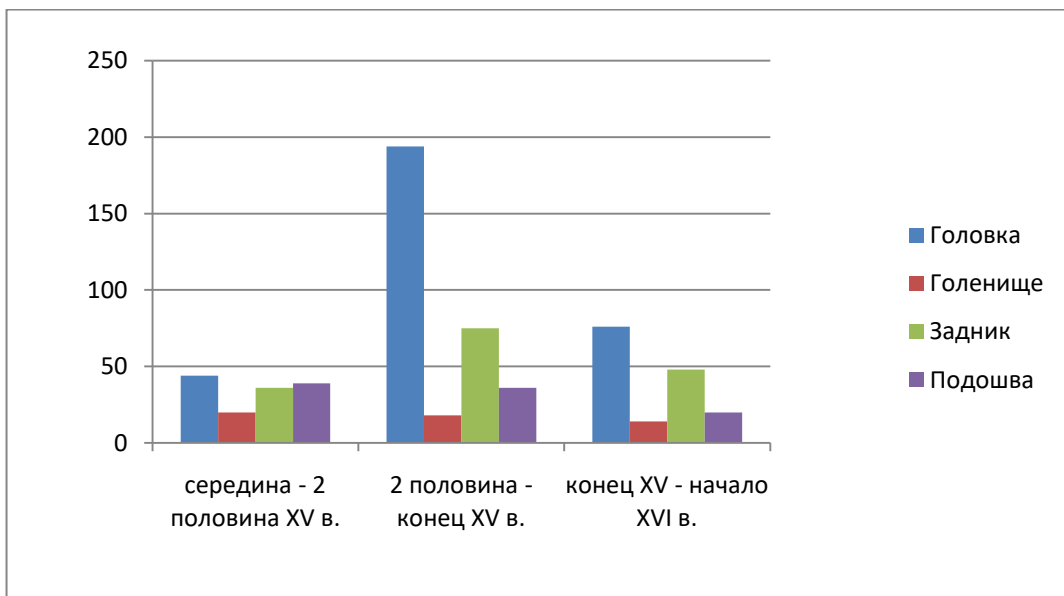

Таблица 19.
Житный раскоп.
Голеница

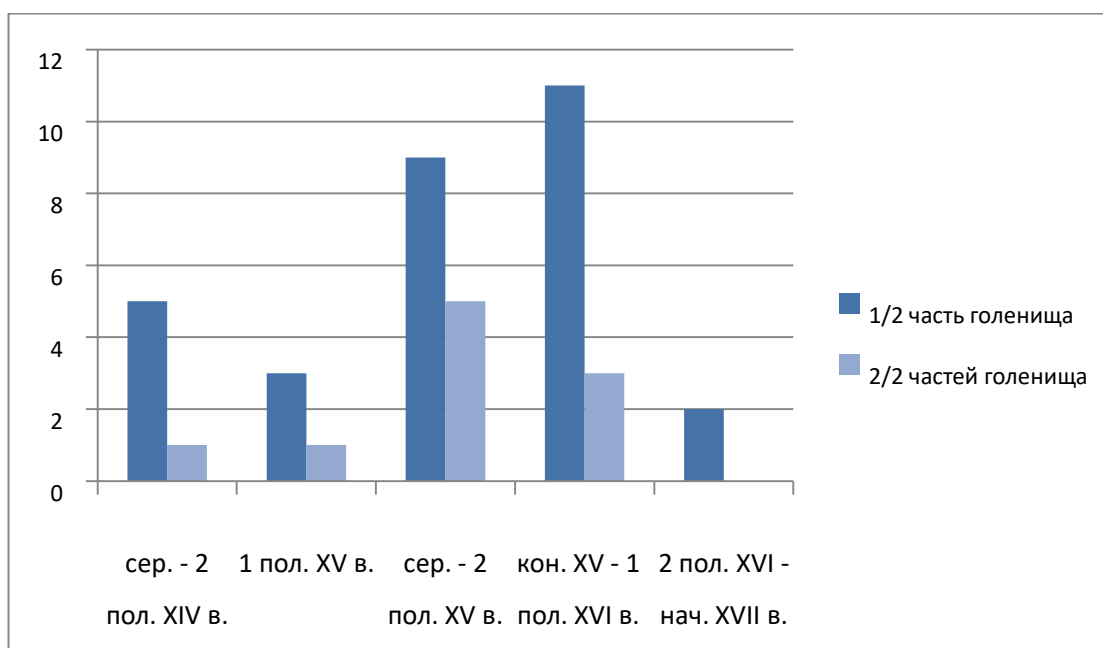

Таблица 20.
Введенский раскоп.
Голеница

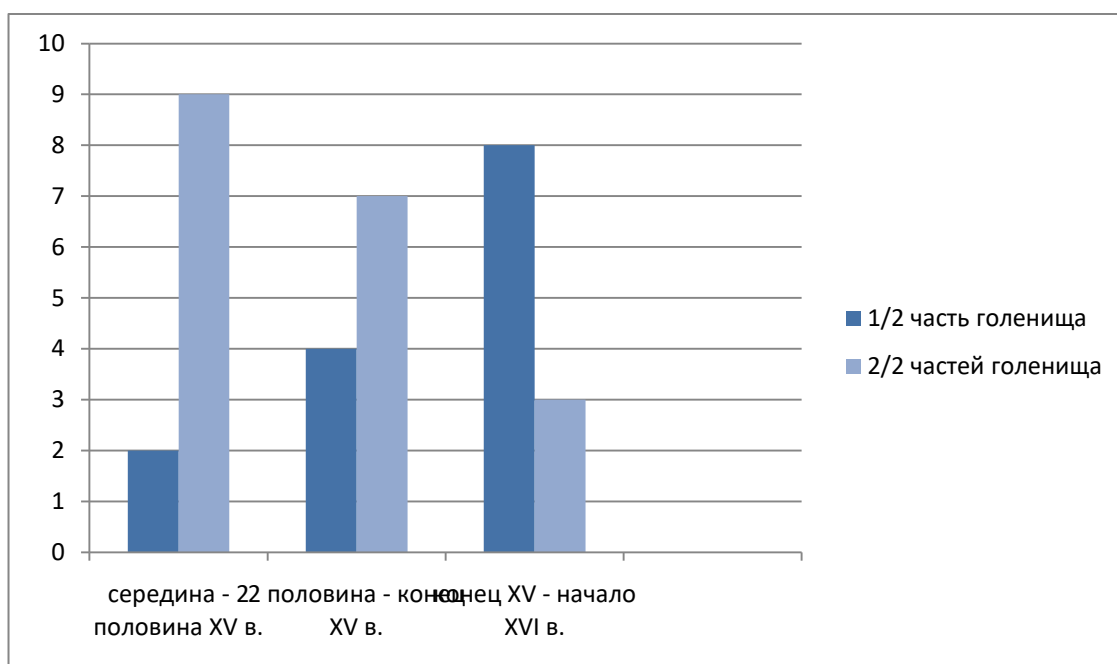

Таблица 21. Житный раскоп.
Фасоны головок середины XIV – начала XVII в. и способы их орнаментации

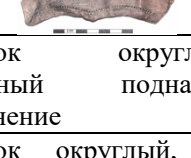
Фасон	сер. – 2 пол. XIV в.	1 пол. XV в.	сер. – 2 пол. XV в.	кон. XV – 1 пол. XVI в.	2 пол. XVI – нач. XVII в.
	7 (43,75%)	31 (54,4%)	25 (16,5%)	–	–
	–	9 (15,8%)	–	–	–
	3 (18,75%)	15 (26,3%)	39 (25,7%)	–	–
	–	1 (1,75%)	10 (6,6%)	–	–
	3 (18,75%)	–	13 (8,6%)	–	–
	3 (18,75%)	–	39 (25,6%)	43 (28,9%)	–
	–	–	4 (2,6%)	88 (59%)	69 (91%)
	–	–	–	3 (2%)	1 (1%)
носок округлый, полный поднаряд, тиснение	–	–	–	1 (0,7%)	3 (4%)
носок округлый, не полный поднаряд, без орнамента	–	–	–	1 (0,7%)	3 (4%)
носок округлый, не полный поднаряд, линование	–	–	1 (0,6%)	–	–
носок вогнут, полный поднаряд, линование	–	–	–	2 (1,3%)	–
носок вогнут, обрезок	–	1 (1,75%)	21 (13,8%)	11 (7,4%)	–
ВСЕГО	16 (100%)	57 (100%)	152 (100%)	149 (100%)	76 (100%)

Таблица 22. Введенский раскоп.
 Фасоны головок середины XV – начала XVI в. и способы их орнаментации

Фасон	сер. XV в.	2 пол. XV в.	кон. XV – нач. XVI в.
	12 (27,3%)	47 (24,3%)	3 (3,9%)
	4 (9%)	15 (7,7%)	1 (1,3%)
	8 (18,2%)	11 (5,7%)	–
	12 (27,3%)	9 (4,6%)	1 (1,3%)
	–	1 (0,5%)	–
	1 (2,3%)	34 (17,5%)	7 (9,2%)
	6 (13,6%)	51 (26,3%)	34 (44,7%)
носок заострен, полный поднаряд	–	1 (0,5%)	–
носок вогнут, полный поднаряд, линование	–	–	1 (1,3%)
носок вогнут, не полный поднаряд, тиснение	–	–	3 (3,9%)
носок вогнут, полный поднаряд, тиснение	1 (2,3%)	8 (4,1%)	17 (22,4%)
носок вогнут, обрезок	–	17 (8,8%)	6 (8%)
носок прямой (обрезок)	–	–	3 (3,9%)
ВСЕГО	44 (100%)	194 (100%)	76 (100%)

Таблица 23.

Распределение ножен по виду расположения шва в напластованиях
Житного и Введенского раскопов

Период	Житный раскоп		Введенский раскоп	
	Шов со стороны лезвия	Шов по центру тыльной стороны	Шов со стороны лезвия	Шов по центру тыльной стороны
Рубеж XII–XIII вв.	1	–	–	–
Первая половина XIV в.	–	–	–	1
Конец XIV – первая половина XV в.	4	2	–	2
Середина – вторая половина XV в.	2	3	5	24
Конец XV – начало XVI в.	1	5	–	5
Первая половина XVI в.	2	7	–	–

Таблица 24.

Распределение оковок в культурных напластованиях
Житного и Введенского раскопов

Период	Житный раскоп	Введенский раскоп
Первая половина XIV в.	1	–
Конец XIV – первая половина XV в.	5	–
Середина – вторая половина XV в.	–	2
Конец XV – начало XVI в.	3	1
Первая половина XVI в.	2	–
Вторая половина XVI в.	2	–

Приложение 2. Каталог находок

Таблица I.
Инструменты

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Колодка	Монгайт, раскоп 4, № 7	дл. 270 мм, шир. 75–95 мм	из цельного куска дерева, предмет был использован вторично: с одной стороны выступ обит кожей; край кожаной полоски чуть заходит на нижнюю часть изделия, кожа подбита тремя рядами железных гвоздиков на расстоянии 1–15 мм, с другой стороны выступа – хаотично набитые гвоздики	?	22, 14
2	Нож	Монгайт, раскоп 2, пл. 6, кв. 19, № 118	дл. 135 мм	сапожный, короткий клинок, лезвие прямое, слегка загнутое вверх на конце	?	22, 11
3	Шило, 2 фрагмента	Монгайт, раскоп 4, пл. 7, кв. 12	дл. 48 мм, 53 мм	в виде обоюдоострого стержня ромбовидного сечения	?	22, 3
4	Молоток-гвоздодер	Макаров, 1983, раскоп 1, пл. 4, кв. 4	дл. черенка 165 мм, дл. головки 55 мм	боек в сечении прямоугольный, рукоятка в сечении четырехгранная, сужается на острие, остриек оформлен в виде раздваивающейся пластины	?	22, 1
5	Молоток-гвоздодер	Житный раскоп, № –	дл. 135 мм	боек в сечении прямоугольный, слегка расплюсчен, рукоятка в сечении четырехгранная, сужается на острие	кон. XIV – 1 пол. XV в.	22, 2
6	Инструмент	Житный раскоп, пл. 24, кв. 7, № 274	дл. 103 мм	в виде круглого в сечении стержня, кончик изогнут	2 пол. XIV в.	22, 6
7	Шило	Житный раскоп, пл. 26, кв. 28, № 95	дл. 44 мм	стержень ромбовидного сечения	2 пол. XIII в.	–
8	Шило	Житный раскоп, пл. 25, кв. 23, № 443	дл. 92 мм, шир. 1–5 мм	прямоугольного сечения, приострено с одной стороны, приплюснено с противоположной	1 пол. XIV в.	–
9	Шило	Житный раскоп, пл. 25, кв. 23, № 454	дл. 51 мм, шир. 2–3 мм	стержень прямоугольного сечения	1 пол. XIV в.	–
10	Шило	Житный раскоп,	дл. 51 мм,	стержень	1 пол.	–

		пл. 25, кв. 23, № 642	шир. 2–3 мм		XIV в.	
11	Шило	Житный раскоп, пл. 23, кв. 23, № 322	дл. 55 мм, шир. 3 мм	стержень, приостренный к концам, четырехгранный в сечении	кон. XIV – 1 пол. XV в.	22, 8
12	Шило	Житный раскоп, пл. 23, кв. 34, № 355	дл. 55 мм	стержень, приостренный к одному концу, приплюснутый к другому	кон. XIV – 1 пол. XV в.	22, 9
13	Шило	Житный раскоп, пл. 11, кв. 26, № 221	дл. 140 мм	прямоугольный в сечении стержень, приостренный с одной оконечности, с деревянной рукоятью	2 пол. XVI – нач. XVII в.	22, 10
14	Гвозди	Житный раскоп, пл. 20, кв. 21, № 160	дл. 20 мм, диам. шляпки 10 мм	сапожные	сер. – 2 пол. XV в.	22, 14
15	Наперсток	Стрикалов, 2020, С. АП, кв. 46, я. 26	22 x 20–11 мм	орнаментирован бордюром по большому диаметру, лунки нанесены по косой линии сверху вниз	?	22, 13
16	Молоток-гвоздодер	Стрикалов, 2020, С. ВIV, кв. 11е, я. 70 (придонная часть), № 840	135 x 75 x 18 мм	боек в сечении прямоугольный, рукоятка в сечении четырехгранная, сужается на острие, остриек оформлен в виде раздваивающейся пластины	?	–
17	Шило	Стрикалов, 2020, С. АП, кв. 6в, № 391	дл. 102 мм, сечение 4 мм	сечение подквадратной формы, один конец заострен	?	–
18	Нож	Стрикалов, 2020, С. CV, кв. 16ж, я. 6, № 167	дл. 171 мм, шир. 24 мм	сапожный, короткий клинок, лезвие загнутое вверх на конце	?	22, 12

Таблица II.
Плетеная обувь

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, Западный участок раскопа, № 29	90 x 170 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного использования, сохранились остатки бересты, наличие чешуи	?	–
2	Лапоть, фрагменты	Житный раскоп, пл. 21, кв. 20, № 269	110 x 16, 110 x 14, 51 x 15, 160 x 18 мм	ремешки из бывшей в употреблении кожи (вторичный раскрой голенища и головки)	сер. – 2 пол. XV в.	–
3	Лапоть,	Житный раскоп,	60 x 99 мм	плетение из кожаных	сер. –	53, 4

	фрагмент	пл. 20, кв. 39 (под бревном), № 276		ремешков поверх лыка	2 пол. XV в.	
4	Лапоть, фрагменты	Житный раскоп, пл. 19, кв. 35, № 85	90 x 92, 88 x 86, 83 x 27 мм	плетение из кожаных ремешков поверх лыка	кон. XV – нач. XVI в.	53, 5
5	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 22, № 165	135 x 120 мм, шир. ремешков 13–14 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного использования поверх лыка	кон. XV – нач. XVI в.	53, 1
6	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 22, № 182	шир. ремешков 15 мм	плетение из кожаных ремешков (вторичный раскрой голенища сапога) поверх лыка	кон. XV – нач. XVI в.	53, 2
7	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 24, № 171	шир. ремешков 10 мм	плетение из кожаных ремешков	кон. XV – нач. XVI в.	53, 3
8	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 11, № 172	80 x 95 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного использования поверх лыка	кон. XV – нач. XVI в.	–
9	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 17, кв. 11, № 95	шир. ремешков около 10 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного раскроя сапожных деталей поверх лыка	1 пол. XVI в.	–
10	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 14, кв. 13, № 53	шир. ремешков 10 x 13 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного раскроя поверх лыка	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
11	Лапоть, фрагмент	Житный раскоп, пл. 14, кв. 9, № 190	110 x 90 мм	плетение из кожаных ремешков, бывших в употреблении (сапожная головка), поверх лыка	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
12	Лапоть, фрагменты	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 8, № 39	120 x 55, 120 x 60 мм	косого плетения, из кожи, бывшей в употреблении	сер. XV в.	53, 6
13	Лапоть, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 99, № 121	90 x 14 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного раскроя поверх лыка	2 пол. XV в.	53, 7
14	Лапоть, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 85, № 15	93 x 100 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного раскроя поверх лыка	2 пол. XV в.	–
15	Лапоть, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 75, № 269	70 x 65 мм	плетение, разрозненные ремешки кожи	кон. – посл. треть XV в.	–
16	Лапоть, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 67, № 369	130 x 70 мм	плетение из кожаных ремешков вторичного раскроя поверх лыка	кон. – посл. треть XV в.	53, 8
17	Лапоть, фрагменты	Введенский раскоп, пл. 6, кв.	дл. 110, 80, 65, 90, 75,	плетение из кожи вторичного раскроя	кон. – посл.	–

		71, № 316	95, 85 мм	голенища (следы шовных отверстий)	треть XV в.	
--	--	-----------	-----------	-----------------------------------	-------------	--

Таблица III.
Кошельки, сумки

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Кошелек	Ильенко, 1982, шурф	88 x 135 мм	сложено вдвое, нижние углы плавно закруглены, верх обрезан	?	56, 1
2	Кошелек	Житный раскоп, пл. 29, кв. 1а, № 200	дл. 81 мм	стяжного типа	рубеж XII–XIII вв.	55, 1
3	Кошелек, обрезок (?)	Житный раскоп, пл. 26, кв. 32, № 107	дл. 82 мм	нижняя часть срезана, верхний край сложен вдвое	1 пол. XIV в.	55, 5
4	Кошелек	Житный раскоп, пл. 20, кв. 34, № 206	выс. 97 мм, шир. 77–86 мм	по краям и в центре орнамент из тисненых полос, сверху – отверстия для стягивания ремешком	сер. – 2 пол. XV в.	55, 2
5	Кошелек	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 75, № 208	94 x 54 мм	стяжного типа	сер. XV в.	55, 3
6	Кошелек	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 91, вне сруба, № 340	83 x 38–59 мм	линия сгиба кожи является низом кошелька; низ округлый, в верхней части расположены по четыре отверстия на каждой стороне	2 пол. XV в.	55, 4
7	Сумка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 10, кв. 21, № 91	150 x 198 мм	двухдетальный клапан, орнаментирован тиснением	2 пол. XVI – нач. XVII в.	57, 2
8	Сумка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 33, № 359	235 x 185 мм	с клапаном, внутри дополнительный карман из двух деталей	сер. XV в.	56, 2
9	Сумка, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 34, № 411	202 x 96 мм	клапан, со следами расшивки нитями, верхний край окантован	сер. XV в.	56, 3
10	Сумка, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 8, в плетне завалинки, № 329	84 x 65 мм, диам. кольца 22 мм	верхняя часть, вдоль верха и боковой стороны – следы шва, с двух других сторон обрезано, железная застежка-зажим с колечком в ушке, под ней – линия следов шва	2 пол. XV в.	56, 4
11	Сумка, фрагменты	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 91, № 625	73 x 39, 50 x 22, 60 x 13, 55 x 5, 125 x 53, 97 x 105 мм	два слоя кожи клапана, один его край обрезан, а другой оборван; вдоль края проходит линия шва с нитями; скреплены	2 пол. XV в.	57, 1

				застежкой из цветного металла; на двух других обрывках орнамент в виде двух линий, выполненных тиснением; обшивка края		
--	--	--	--	--	--	--

Таблица IV.
Аппликации

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Накладка	Монгайт, раскоп 4, № 4	155 x 40 мм	с прорезным растительным орнаментом	?	57, 3
2	Обрезок	Монгайт, раскоп 4, пл. 11, кв. 16, № 202	58 x 52 мм	фигурной формы, заготовка аппликации (?)	?	57, 5
3	Обрезок	Монгайт, раскоп 4, пл. 11, № 203	87 x 55 мм	фигурной формы, заготовка аппликации (?)	?	57, 6
4	Аппликация	Житный раскоп, пл. 21, кв. 17, № 291	20 x 35 мм	в виде трилистника	кон. XIV – I пол. XV в.	57, 4

Таблица V.
Ножны

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Ножны, фрагмент	Милонов, 1929	дл. 130 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент в виде прочерченных крестов	?	58, 1
2	Ножны	Монгайт, 1957, пл. 13, кв. 19, № 200	дл. 120 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснеными линиями	?	58, 2
3	Ножны	Ильенко, 1982, № 33	дл. 144 мм	шов по центру тыльной стороны, сложены бахтармой наружу	?	58, 3
4	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 29, кв. 27, № 259	дл. 118 мм	шов со стороны лезвия, изнутри хаотично процарапанные линии	рубеж XII – XIII в.	58, 4
5	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 23, кв. 38, № 378	дл. 53 мм	шов со стороны лезвия	кон. XIV в.	58, 5
6	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 22, кв. 40, № 433	дл. 35 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснением в виде продольных и поперечных линий, нанесенных с обеих сторон	кон. XIV – I пол. XV в.	58, 6
7	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 21, кв. 15, за	дл. 63 мм	шов по центру тыльной стороны	кон. XIV –	58, 7

		забором, № 535			1 пол. XV в.	
8	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 21, кв. 14, № 578	дл. 53 мм	шов со стороны лезвия, орнамент в виде пересекающихся двойных линий, распложенных в ряд, на оборотной – крупная ромбическая сетка	кон. XIV – 1 пол. XV в.	58, 8
9	Ножны	Житный раскоп, пл. 21, кв. 28, № 401	дл. 175 мм	шов со стороны лезвия	кон. XIV – 1 пол. XV в.	58, 9
10	Ножны	Житный раскоп, пл. 21, кв. 15, № 336	дл. 128 мм	шов со стороны лезвия	кон. XIV – 1 пол. XV в.	58, 15
11	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 20, кв. 39, № 241	дл. 88 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, декорированы надрезами	сер. – 2 пол. XV в.	58, 10
12	Ножны	Житный раскоп, пл. 20, кв. 30, № 162	дл. 156 мм	небрежный шов со стороны лезвия, небрежное отверстие для подвешивания, выполнены из кожи, бывшей в использовании	сер. – 2 пол. XV в.	58, 16
13	Ножны	Житный раскоп, пл. 19, траншея, № 522	дл. 185 мм	шов со стороны лезвия	посл. треть XV в.	58, 13
14	Ножны	Житный раскоп, пл. 19, кв. 39, № 117	дл. 133 мм	шов по центру тыльной стороны	посл. треть XV в.	58, 14
15	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 19, кв. 18, разбор печи, № 260	дл. 37 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент в виде мелкой ромбической сетки	посл. треть XV в.	58, 11
16	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 19, кв. 5, № 2	дл. 110 мм	шов со стороны лезвия, выполнены из кожи, бывшей в использовании	посл. треть XV в.	58, 12
17	Ножны	Житный раскоп, пл. 18, кв. 22, № 158	дл. 191 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков и мелкой ромбической сетки	кон. XV – нач. XVI в.	59, 1
18	Ножны	Житный раскоп, пл. 18, кв. 8, № 232	дл. 165 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков и слабо прослеживающейся мелкой ромбической сеткой	кон. XV – нач. XVI в.	59, 2
19	Ножны	Житный раскоп, пл. 18, кв. 39, № 120	дл. 184 мм	шов по центру тыльной стороны, небрежный, слабо прослеживающийся	кон. XV – нач. XVI в.	59, 3

				орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков		
20	Ножны	Житный раскоп, пл. 18, кв. 34, № 167	дл. 166 мм	небрежный шов со стороны лезвия выполнены из кожи, бывшей в использовании	кон. XV – нач. XVI в.	59, 4
21	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 22, № 185	дл. 170 мм	шов по центру тыльной стороны, слабые следы орнамента в виде наклонных линий	кон. XV – нач. XVI в.	59, 5
22	Ножны	Житный раскоп, пл. 17, кв. 22, № 55	дл. 170 мм	шов по центру тыльной стороны, отверстия для подвешивания	кон. XV – нач. XVI в.	59, 6
23	Ножны	Житный раскоп, пл. 16, кв. 17, № 10	дл. 136 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков и мелкой ромбической сетки, отверстия для подвешивания	1 пол. XVI в.	59, 7
24	Ножны	Житный раскоп, пл. 16, кв. 6, № 20	дл. 107 мм	шов по центру тыльной стороны, выполнены из кожи, бывшей в использовании	1 пол. XVI в.	59, 8
25	Ножны	Житный раскоп, пл. 14, кв. 40, № 159	дл. 139 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XVI в.	60, 1
26	Ножны	Житный раскоп, пл. 14, кв. 34, № 3	дл. 205 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XVI в.	60, 2
27	Ножны	Житный раскоп, пл. 14, кв. 19, № 49	дл. 123 мм	шов со стороны лезвия	2 пол. XVI в.	60, 3
28	Ножны	Житный раскоп, пл. 14, кв. 1, № 191	дл. 171 мм	шов по центру тыльной стороны, две группы продольных линий в верхней части, вся поверхность орнаментирована мелкой ромбической сеткой	2 пол. XVI в.	60, 4
29	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 14, кв. 9, № 203	дл. 72 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, прорези для подвешивания	2 пол. XVI в.	60, 5
30	Ножны	Житный раскоп, пл. 14, кв. 10, № 541	дл. 108 мм	шов со стороны лезвия, сложены бахтармой наружу	2 пол. XVI в.	60, 6
31	Ножны, фрагмент	Житный раскоп, пл. 12, кв. 2; за забором, № 198	дл. 95 мм,	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XVI в.	60, 7
32	Ножны	Введенский	дл. 110 мм	шов по центру тыльной	2 пол.	61, 1

		раскоп, шурф, пл. 14, № 519		стороны, орнамент ромбической сеткой, отверстия для подвешивания	XIV в.	
33	Ножны (фрагмент) с ножом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 63, № 274	дл. 163 мм	нож с пластинчатой деревянной рукоятью помещен в ножны, шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснением в виде продольных линий	сер. XV в.	61, 2
34	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 15, № 38	дл. 113 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, сложены бахтармой наружу, выполнены из кожи, бывшей в использовании	сер. XV в.	61, 10
35	Ножны	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 55, № 55	дл. 210 мм	шов со стороны лезвия, небрежное отверстие для подвеса, сложены бахтармой наружу	сер. XV в.	61, 3
36	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 6, в плетне сооружения, № 68	дл. 112 мм	шов по центру тыльной стороны, по обе стороны от шва орнамент тиснением в виде наклонных линий, на лицевой стороне орнамент тиснением в виде плетенки с кружками и линий по лезвию, а на рукояти – горизонтальная елочка, ряд кружков и продольных линий у устья	сер. XV в.	61, 4
37	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 82, № 186	дл. 90 мм	шов по центру тыльной стороны, слабо прослеживающийся небрежный орнамент тиснением в виде двух поперечных линий у устья, ромбической сеткой, по обе стороны от шва орнамент наклонными линиями	сер. XV в.	61, 5
38	Ножны	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 6, № 285	дл. 195 мм	шов по центру тыльной стороны, край устья отогнут наружу	сер. XV в.	61, 6
39	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 58, № 306	дл. 130 мм	шов по центру тыльной стороны, небрежные отверстия для подвеса	сер. XV в.	61, 7
40	Ножны	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 8, № 335	дл. 163 мм	шов со стороны лезвия, бахтармой сложены наружу	сер. XV в.	61, 8
41	Ножны	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 29, № 378	дл. 152 мм	шов со стороны лезвия, мерзей сложены внутрь, отверстие для подвеса	сер. XV в.	61, 9

42	Ножны	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 13, № 206	дл. 237 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснением в виде линии по обе стороны от шва, на лицевой стороне орнамент тиснением в виде слабо прослеживаемых параллельных линий	2 пол. XV в.	62, 1
43	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 103, № 15	дл. 126 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, прорезной орнамент	2 пол. XV в.	62, 2
44	Ножны	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 94, № 109	дл. 185 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, прорезной орнамент	2 пол. XV в.	62, 3
45	Ножны	Введенский раскоп, пл. 9, зачистка Северного участка, № 397	дл. 173 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XV в.	62, 4
46	Ножны	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 102, № 25	дл. 133 мм	шов со стороны лезвия, бахтармой сложены наружу, выполнены из голенища сапога	2 пол. XV в.	62, 5
47	Ножны	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 80, № 262	дл. 142 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XV в.	62, 6
48	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 56, № 359	дл. 52 мм	шов по центру тыльной стороны, прорезной орнамент	2 пол. XV в.	62, 7
49	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 102, № 29	дл. 79 мм	небрежный шов со стороны лезвия, бахтармой сложены наружу, внутри надрезы, выполнены из голенища сапога	2 пол. XV в.	62, 8
50	Ножны	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 22, № 227	дл. 138 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, выполнены из головки сапога (тиснение)	2 пол. XV в.	63, 1
51	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, № 244	дл. 27 мм	переметочный шов по центру тыльной стороны, верхний край оформлен тонкими надрезами	2 пол. XV в.	63, 2
52	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 59, № 561	дл. 33 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XV в.	63, 3
53	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 103, № 337	дл. 150 мм	шов по центру тыльной стороны, прорезной орнамент	2 пол. XV в.	63, 4
54	Ножны	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 80, № 381	дл. 134 мм	шов по центру тыльной стороны, у устья обшит край, орнамент мелкой ромбической сеткой по лезвию, на рукояти слабо прослеживающийся орнамент тиснением в виде зигзага	2 пол. XV в.	63, 5

55	Ножны	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 64, № 486	дл. 217 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XV в.	63, 6
56	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 85, № 472	дл. 142 мм	шов по центру тыльной стороны, отверстия для подвешивания, слабо прослеживающийся небрежный орнамент тиснением в виде линий	2 пол. XV в.	63, 7
57	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 51, № 11	дл. 112 мм	шов по центру тыльной стороны, край декорирован несквозным надрезом, слабо прослеживающийся орнамент тиснением в виде поперечных линий, отверстия для подвешивания	2 пол. XV в.	63, 8
58	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 71, № 41	дл. 270 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснением в виде клетки, выполненной прямыми двойными линиями, на оборотной стороне отверстия для подвешивания	2 пол. XV в.	63, 9
59	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, зачистка сектора II СЗ участка, № 349	дл. 185 мм	шов по центру тыльной стороны	2 пол. XV в.	63, 10
60	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 27, № 62	дл. 198 мм	шов по центру тыльной стороны, бахтармой сложены наружу	2 пол. XV в.	64, 1
61	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 78	дл. 142 мм	шов по центру тыльной стороны, прорезной орнамент	2 пол. XV в.	64, 2
62	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 31, № 77	дл. 166 мм	шов по центру тыльной стороны, бахтармой сложены наружу, из кожи, бывшей в использовании (следы крепления заплата)	2 пол. XV в.	64, 3
63	Ножны	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 9, № 36	дл. 196 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент: на рукояти процарапаны пересекающиеся крест на крест линии в прямоугольниках, по лезвию орнамент горизонтальной елочкой, выполнены из головки сапога (тиснение)	2 пол. XV в.	64, 4
64	Ножны	Введенский раскоп, пл. 6, СЗ участок, I сектор, № 34	дл. 145 мм	шов по центру тыльной стороны	кон. XV – нач. XVI в.	64, 5

65	Ножны, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 59, № 435	дл. 66 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков, отверстия для подвешивания	кон. XV – нач. XVI в.	64, 6
66	Ножны	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 81, № 37	дл. 161 мм	шов по центру тыльной стороны, орнамент прямыми линиями вдоль ножен, заполненных ромбической сеткой, над ними – перпендикулярно прочерченные линии и круглые вдавления, на оборотной стороне отверстия для подвешивания	кон. XV – нач. XVI в.	64, 7
67	Ножны	Введенский раскоп, пл. 5, кв. 67, № 41	дл. 185 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением в виде параллельных и продольных линий, кружков и мелкой ромбической сетки	кон. XV – нач. XVI в.	64, 8
68	Ножны	Введенский раскоп, пл. 5, кв. 87 (бровка), № 185	дл. 235 мм	шов по центру тыльной стороны, композиционный орнамент тиснением: по рукояти продольные линии, их пересекают две поперечные, по лезвию – орнамент горизонтальной елочкой	кон. XV – нач. XVI в.	64, 9

Таблица VI.
Оковки для ножен

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Оковка	Монгайт, раскоп 2, пл. 11, кв. 4, № 257	дл. 145 мм	для кожаных ножен	XV–XVI вв.	Монгайт, 1961. С. 297, рис.134, 3
2	Оковка	Монгайт, раскоп 4, пл. 17, кв. 9, № 216	дл. 106 мм	для кожаных ножен, стержень с тремя перпендикулярными обкладками	XV–XVI вв.	65, 2
3	Оковка	Монгайт, раскоп 4, пл. 15, кв. 6, № 263	дл. 145 мм	для кожаных ножен, стержень с перпендикулярной обкладкой, подвижное кольцо в верхней части	XV–XVI вв.	65, 1
4	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 25, кв. 14, №	дл. 55 мм	для кожаных ножен	1 пол. XIV в.	65, 3

		517				
5	Оковка	Житный раскоп, пл. 23, кв. 23, № 286	дл. 100 мм (в распрямленном виде)	для кожаных ножен	кон. XIV – 1 пол. XV в.	65, 4
6	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 23, кв. 10, № 404	дл. 30 мм	для кожаных ножен, стержень с подвижным кольцом в верхней части	кон. XIV – 1 пол. XV в.	65, 5
7	Оковка	Житный раскоп, пл. 23, кв. 20, № 225	дл. 49 мм	для кожаных ножен, стержень, с одной стороны которого крючок	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
8	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 23, кв. 19, № 271	дл. 57 мм	для кожаных ножен, стержень с подвижным кольцом	кон. XIV – 1 пол. XV в.	65, 6
9	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 21, зачистка, № 441	дл. 73 мм	для кожаных ножен	кон. XIV – 1 пол. XV в.	65, 7
10	Оковка	Житный раскоп, пл. 19, кв. 21, № 56	дл. 96 мм, дл. кожаного шнура 48 мм	для кожаных ножен, стержень приострен с одного конца, на противоположном – пряжка с кольцом, к пряжке привязан кожаный шнурок	посл. треть XV в.	65, 8
11	Оковка	Житный раскоп, пл. 19, кв. 21, № 32	дл. 57 мм	для кожаных ножен, стержень с перпендикулярной обкладкой	посл. треть XV в.	65, 14
12	Оковка	Житный раскоп, пл. 18, траншея, кв. 2, № 108	дл. 112 мм (в деформированном состоянии)	для кожаных ножен, в виде прута, плоского с внутренней стороны и округлого снаружи, имеется небольшой ободок, крепящийся к пруту штифтами	кон. XV – нач. XVI в.	65, 9
13	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 15, кв. 28, № 309	дл. 96 мм (в деформированном состоянии)	для кожаных ножен, изогнута	1 пол. XVI в.	65, 10
14	Оковка, фрагмент	Житный раскоп, пл. 15, кв. 3, № 406	дл. 115 мм	для кожаных ножен, прямоугольная рамка в верхней части	1 пол. XVI в.	65, 11
15	Оковка	Житный раскоп, пл. 14, кв. 24, № 197	дл. 109 мм	для кожаных ножен	1 пол. XVI в.	65, 12
16	Оковка	Житный раскоп, пл. 14, кв. 6, № 186	дл. 270 мм	для кожаных ножен, прямоугольная рамка для подвешивания	1 пол. XVI в.	65, 13
17	Оковка	Введенский раскоп, пл. 10, СВ траншея, № 111	дл. 69 мм	для кожаных ножен, подвижное кольцо в верхней части	сер. XV в.	65, 15
18	Оковка	Введенский	дл. 67 мм	для кожаных ножен,	2 пол.	65, 16

		раскоп, пл. 8, зачистка сектора IV, № 606		подвижная прямоугольная рамка в верхней части	XV в.	
19	Оковка, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 74, № 415	дл. 65 мм	для кожаных ножен	кон. XV – нач. XVI в.	65, 17
20	Оковка, фрагмент	Нижний посад, С. CIV, кв. 12z, я. 900	62 x 27 мм	для кожаных ножен, стержень с двумя перпендикулярными обкладками, подвижное кольцо в верхней части	?	65, 18

Таблица VII.
Футляры для ложек

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Футляр	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 80, № 544	198 x 71 мм	для ложки	2 пол. XV в.	66, 1
2	Футляр	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 96, № 643	169 x 59 мм	для ложки	2 пол. XV в.	66, 2
3	Футляр	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 101, № 442	147 x 57 мм	для ложки	2 пол. XV в.	66, 3

Таблица VIII.
Рукавицы

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Рукавица	Житный раскоп, пл. 19, кв. 9, № 526	65 x 58 мм	палец	2 пол. XV в.	67, 1
2	Рукавица	Житный раскоп, пл. 14, кв. 28, № 65	21–72 x 58 мм	палец, из задника сапога (?)	2 пол. XVI в.	67, 2
3	Рукавица	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 92, № 123	60 x 32 мм	палец	сер. XV в.	67, 3
4	Рукавица	Стрикалов, 2020, АП, Я. П	140 x 180 мм	основа	?	67, 4

Таблица IX.
Пуговицы, застёжки, завязки, петли

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Пуговица	Житный раскоп,	дл. 55 мм,	оконечность туго свернута	2 пол.	69, 1

		траншея, № 21	узел – 8 x 9 мм	и кончик продернут наружу	XIV – 1 пол. XV в.	
2	Пуговица, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 81, № 302	15 x 18 мм	плотно свернутая полоска кожи, кончик убран внутрь	2 пол. XV в.	69, 2
3	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, зачистка СВ части Ц участка, № 122	88 x 43 мм	с прорезью, через которую продернут сложенный вдвое клапан	2 пол. XV в.	69, 6
4	Застежка	Житный раскоп, пл. 23, кв. 16, № 428	10 x 130 мм	полоска с группированными отверстиями, расположенными на расстоянии	кон. XIV – 1 пол. XV в.	69, 15
5	Застежка	Житный раскоп, пл. 21, кв. 17, № 119	дл. 90 мм	с прорезью в центральной части, со следами нашивания на основу	кон. XIV – 1 пол. XV в.	69, 7
6	Застежка	Житный раскоп, пл. 21, кв. 17, № 316	дл. 91 мм, шир. 9–19 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
7	Застежка	Житный раскоп, пл. 20, кв. 26а, № 211	66 x 9 мм	с прорезью, шовные отверстия у оконечности прорези	сер – 2 пол. XV в.	–
8	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 1, № 5	87 x 13 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	сер. XV в.	–
9	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 6, вне плетня сооружения, № 61	7–22 x 130 мм	с прорезью, со следами крепления на основу, оконечность удлинена	сер. XV в.	–
10	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 16, Сев. траншея Сев. участка, № 90	85 x 25 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	сер. XV в.	69, 8
11	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 11, № 367	дл. 105 мм	с прорезью, со следами крепежа на оконечности	сер. XV в.	–
12	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 13, № 287	дл. 75 мм	с узелком на оконечности, на другой оконечности следы крепежа	сер. XV в.	69, 3
13	Застежка	Введенский раскоп, пл. 10, № 435, зачистка СВ сектора Ц участка	93 x 10 мм	полоска со следами нашивания на основу	сер. XV в.	69, 14
14	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 35, № 11	53 x 26 мм (в сложенном виде)	с прорезью, образующей петельку и следами пришивания на основу	2 пол. XV в.	69, 11
15	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 98, № 133	95 x 15 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	2 пол. XV в.	–

16	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 104, № 197	85 x 24 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	2 пол. XV в.	–
17	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 18, № 207	70 x 20 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	2 пол. XV в.	69, 10
18	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 33, № 318	130 x 13 мм	удлиненная полоска с прорезью, на оконечности со следами нашивания на основу	2 пол. XV в.	69, 13
19	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 9, № 320	69 x 10 мм	с прорезью, со следами эксплуатационного износа	2 пол. XV в.	–
20	Застежка	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 19, № 474	74 x 11 мм	с прорезью, со следами нашивания на основу	2 пол. XV в.	–
21	Застежка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 18, № 223	89 x 6-19 мм	с прорезью на расширяющемся конце, на другой оконечности отверстия от крепления	2 пол. XV в.	–
22	Застежка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 33, № 457	105 x 14 мм	с прорезью по центру, с технологическим отверстием, тренировочный материал	2 пол. XV в.	–
23	Застежка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. СВ сектора Ц участка; зачистка, № 475	45 x 18 мм	с прорезью, с технологическими отверстиями	2 пол. XV в.	–
24	Застежка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 14, № 644	52 x 11 мм	с прорезью, другая оконечность со следами шва	2 пол. XV в.	69, 12
25	Застежка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 88, № 307	60 x 14 мм	одна оконечность завязана узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	69, 5
26	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 295	118 x 3–18 мм	с прорезью по центру, тренировочный материал	2 пол. XV в.	28, 15
27	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, в срубке, № 63	80 x 17 мм	с прорезью по центру, с тремя технологическими отверстиями по краю, тренировочный материал	2 пол. XV в.	28, 14
28	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 35, № 103	дл. около 73 мм, шир. 8 мм	прорезь на оконечности, через нее продернут кончик шнура	2 пол. XV в.	69, 4
29	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 296	67 x 16 мм	с прорезью по центру, с технологическими отверстиями, тренировочный материал	2 пол. XV в.	28, 13
30	Застежка	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 297	67 x 13 мм	с прорезью по центру, с технологическими отверстиями, с отпечатками зубов человека, тренировочный материал	2 пол. XV в.	28, 16
31	Застежка	Введенский	100 x 24 мм	с прорезью по центру,	посл.	–

		раскоп, пл. 6, кв. 4, № 317		отверстия от крепления на одной оконечности	треть – кон. XV в.	
32	Застежка	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 85, № 462	95 x 2–23 мм	с прорезью по центру, отверстия от крепления на оконечности, эксплуатационный разрыв	посл. треть – кон. XV в.	69, 9

Таблица X.
Снаряжение конской упряжи

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Шляя, фрагмент	Монгайт, пл. 28, кв. 9, № 195	98 x 45 мм, длина полоски 150 мм	две части, скрепленные тонким ремешком крест-накрест	XII в.	72, 5
2	Плетка	Монгайт, раскоп 4, пл. 8, кв. 8, № 323	дл. около 160 мм	сплетена «косичкой» из трех ремешков	XIV–XV в.	72, 6
3	Уздечка, фрагмент (?)	Житный раскоп, пл. 19, кв. 31а, № 110	дл. 270 мм, шир. 10–16 мм	на оконечности следы крепления накладки, на другой следы от наколов иглой (вероятно конец сшивался с чем-либо), от них к центру прослеживаются прорези	после дня треть XV в.	72, 3
4	Уздечка, фрагмент (?)	Житный раскоп, пл. 18, кв. 39, № 134	дл. 94 мм	полоска кожи, края ровно обрезаны, одна из сохранившихся декоративных металлических накладок прибита гвоздиками	кон. XV – нач. XVI в.	72, 1
5	Ремень (узdechка), фрагмент	Житный раскоп, пл. 20, кв. 36, № 537	дл. 80 мм, шир. 23 мм	следы крепления накладок в виде концентрированных групп по три отверстия, расположенные в виде треугольника (вокруг отверстий круглые вдавления)	сер. – 2 пол. XV в.	72, 2
6	Подвеска	Житный раскоп, пл. 18, кв. 19, № 213	дл. 84 мм	кисть для конской упряжи, кожа порезана на тонкие полосы, сплетенные по две, верх скручен по оси	кон. XV – нач. XVI в.	72, 4
7	Плетка	Соборная, раскоп № 2, разбор верхних слоев, № 266	дл. 240 мм	сплетена «косичкой» из трех ремешков, с железным кольцом на оконечности	?	72, 7

Таблица XI.
Ремень и ремешки

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Ремешок, фрагмент	Монгайт, 1957	около 400 мм	длинный тонкий	?	70, 1
2	Ремень	Житный раскоп, пл. 23, кв. 34, № 366	18 x 250 мм, дл. прорези 20 мм	неширокий, с обеих сторон по две удлиненных прорези	кон. XIV – 1 пол. XV в.	71, 1
3	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 22, кв. 11, № 440	165 x 8 мм	с двумя прорезями на равном расстоянии от краев и друг от друга, оба конца изделия были несколько раз продернуты через отверстия, сформировав "косичку"	кон. XIV – 1 пол. XV в.	71, 2
4	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 21, кв. 11, № 63	дл. около 260 мм	полоска кожи, на оконечности прорезь и следы шовных отверстий, прорези в центральной части	кон. XIV – 1 пол. XV в.	71, 3
5	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 20, кв. 29, № 569	95 x 12 мм	в виде тонкого ремешка с прорезью на оконечности	сер. – 2 пол. XV в.	71, 11
6	Ремень, фрагменты	Житный раскоп, пл. 19, кв. 34, № 150; пл. 19, кв. 21, № 136; пл. 19, кв. 21, в доме, № 44	дл. скрученного 92, 80, 70; 175; 170 мм	прорезь на одной оконечности, орнамент линией тиснения, на другой оконечности узел	кон. XV – нач. XVI в.	70, 2
7	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 18, кв. 22, № 156	дл. около 250 мм, шир. 8–9 мм	в виде узкой полоски, с проколами на равноудаленном расстоянии, на оконечности прорезь	кон. XV – нач. XVI в.	70, 4
8	Ремень (упряжь?)	Житный раскоп, пл. 17, кв. 11, № 101	дл. 380 мм, шир. 45 мм	сложен пополам, на внешней стороне по центру и снизу орнамент линией тиснения, с одного конца множество отверстий от крепления накладок	1 пол. XVI в.	71, 4
9	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 17, кв. 12, № 111	дл. около 192 мм, шир. 9 мм	на оконечности прорезь, через которую он продернут, орнамент двумя тисненными линиями вдоль краев	1 пол. XVI в.	70, 3
10	Ремешок (упряжь?), фрагмент	Житный раскоп, пл. 15, кв. 14, № 396	дл. 416 мм, 480 мм	узкий, с одной стороны длинная прорезь в которой закреплена прямоугольная миниатюрная пряжка с язычком	1 пол. XVI в.	71, 10

11	Ремешок, фрагмент	Житный раскоп, пл. 13, кв. 35, № 447	дл. 133 мм	с прорезью на оконечности, другая оконечность сложена вдвое и закреплена узелком	2 пол. XVI в.	71, 15
12	Ремешок, фрагменты	Житный раскоп, пл. 13, кв. 20, № 325	дл. 110 мм, 240 мм	две тонких полоски кожи, одна из них по центру имеет бронзовую проволоку	2 пол. XVI в.	70, 5
13	Ремешок	Житный раскоп, пл. 7, кв. 28, № 95	около 90 мм (в сложенном виде)	с прорезями на оконечностях	сер. XVII в.	71, 12
14	Ремешок	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 100, № 183	дл. 170 мм	с петлей, с прорезями на оконечности	сер. XV в.	71, 5
15	Ремешок(?), фрагмент	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 20, № 20	48 x 17 мм	прямоугольной формы, по краям линия тиснения, на оконечности хаотично расположенные отверстия	2 пол. XV в.	71, 9
16	Ремешок (упряжь?)	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 15, № 496	165 x 10 мм	узкая полоска, четыре группы отверстий на удаленном друг от друга расстоянии, на одной оконечности три разреза	2 пол. XV в.	71, 6
17	Ремешок, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 9, № 640	260 x 16 мм	полоска, продольные прорези, расположенные друг от друга на расстоянии, одна оконечность раздвоена и завязана сложным узлом, вдоль краев проходит линия тиснения	2 пол. XV в.	71, 7
18	Ремень, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 72 под мостовой, № 386	45 x 16, 27 x 17 мм, диам. заклепки 9 мм	оконечность перехватывает прямоугольную пряжку, закрепленную заклепкой	посл. треть – кон. XV в.	71, 8

Таблица XII.
Ручки

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Ручка, фрагменты	Житный раскоп, пл. 13, кв. 35, внутри сруба, № 497; пл. 13, кв. 36а внутри сруба, № 474	дл. около 350, шир. 12; дл. 179, шир. 12 мм	шов по центру тыльной стороны	сер. XV в.	73, 1
2	Ручка, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 9, № 37	59 x 18 мм	шов по центру тыльной стороны, по обе стороны от шва орнамент прорезями, расположенными в ряд,	2 пол. XV в.	73, 2

				такие же прорезы и на лицевой стороне, на одной оконечности четыре отверстия с железным штифтом в одном из них		
3	Ручка, фрагмент	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 19, № 309	дл. 245, шир. 13–19 мм	кусок кожи сложен жгутом, набит нитевидными обрезками для придания формы, края сшивались, оконечность уплощена и по обе стороны внутренней стороны орнаментирована короткими надрезами, такие же декоративные надрезы с внешней стороны уплощенной оконечности	2 пол. XV в.	73, 3

Таблица XIII.
Узлы и петли

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 28, кв. 40, № 78	дл. 45 мм	обрезки кожи, связанные узлами	руб. XII–XIII – 1 пол. XIII в.	75, 11
2	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 27, кв. 40, № 353	дл. 34 мм	с простым узлом	1 пол. XIII в.	–
3	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 25, кв. 27, яма 7, № 364	дл. 79 мм	с узлом	1 пол. XIV в.	75, 6
4	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 23, кв. 33, № 343	дл. 35 мм	несколько узлов, расположенных один над другим	кон. XIV в.	75, 1
5	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 23, кв. 11, № 420	дл. 100 мм, шир. 5 мм	с узлом, через прорезь	кон. XIV в.	75, 9
6	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 23, кв. 32, № 419	8 x 60 мм, диам. отв. 6 мм	с простым узелком, на одном конце отверстие, на другом мелкие разрезы	кон. XIV в.	75, 4
7	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 22, кв. 17, № 72	дл. 150 мм, шир. 3 мм	два тонких обрезка, завязанные на оконечности простым двойным узлом	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	–
8	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 22, кв. 20, № 429	дл. 130 мм	шнурок с узлом, образующим петлю и «косичку»	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	–
9	Изделие с узлом	Житный раскоп,	120 x 3–4	шнурок с узелком сложной	кон.	75, 14

	узелом	пл. 22, кв. 21, № 435	мм	завязки, образующим «косичку»	XIV в. – 1 пол. XV в.	
10	Изделие с узлом	Житный раскоп, осыпь Западной стенки, кв. 4–5, № 759	дл. 142 мм	обрезок с узлом, с технологическими отверстиями	?	75, 10
11	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 21, кв. 16, № 290	дл. 103 мм	нитевидный обрезок первичного раскроя с простым узлом в центре	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	75, 15
12	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 21, кв. 16, № 332	дл. 112 мм (в сложенном виде)	с простым узлом в центре	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	75, 3
13	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 21, кв. 35, № 357	дл. 70 мм	обрезок с сужающимися оконечностями и двойным узлом в центре	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	75, 5
14	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 21, кв. 27, № 416	дл. 83 мм	нитевидные обрезки первичного раскроя связаны на оконечности узлом, к оконечности одного из них привязан еще обрезок	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	75, 2
15	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 20, кв. 28, № 180	дл. 215 мм	шнурок с петлей на оконечности	сер. – 2 пол. XV в.	75, 16
16	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 16, кв. 32, № 508	дл. около 180 мм, шир. 3–4 мм	в центральной части плетение «косичкой», конец проходит через прорезь	1 пол. XVI в.	–
17	Изделие с узлом	Житный раскоп, траншея, № 140	шир. 9 мм	шнурок с двумя узелками сложной завязки, на лицевой стороне по краю выбиты две линии	?	–
18	Изделие с петлей	Житный раскоп, пл. 14, кв. 33, № 24	дл. 165 мм, шир. 9 мм	один край сложен вдвое, в центральной части образует плетение «косичкой»	2 пол. XVI в.	75, 12
19	Изделие с петлей	Житный раскоп, пл. 11, кв. 16, № 243	дл. 165 мм	на оконечности переплетенная петля, по центральной части ремешка прослеживаются продолговатые отверстия	2 пол. XVI в.	–
20	Наузы	Житный раскоп, пл. 21, кв. 12, № 390	дл. 115 мм	шнурок с двумя простыми узелками	кон. XIV в. – 1 пол. XV в.	80, 9
21	Наузы	Житный раскоп, пл. 20, кв. 35, №	дл. 256 мм	две короткие полоски кожи привязаны к одной	сер. – 2 пол.	80, 7

		233		длинной	XV в.	
22	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 20, кв. 18, № 263	дл. 58 мм	оконечность продернута через отверстие	сер. – 2 пол. XV в.	75, 7
23	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 19, кв. 38 № 105	дл. 115 мм	шнурок с узлом на одной оконечности	сер. – 2 пол. XV в.	75, 8
24	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 19, кв. 1, № 122	дл. 115 мм, 80 мм	два шнурка с узелками, скрепленные через прорезь	сер. – 2 пол. XV в.	–
25	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 19, кв. 39, № 126	шир. 6–7 мм	концы шнурка связаны узлом	сер. – 2 пол. XV в.	75, 13
26	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 19, кв. 21а, № 136	дл. 175 мм	шнурок с прорезью на оконечности, через которую завязан узлом, на другой оконечности следы пришивания (проколы иглой)	сер. – 2 пол. XV в.	75, 18
27	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 17, кв. 26, № 50	дл. 60 мм (в сложенном виде)	тонкий шнурок с двумя узелками	1 пол. XVI в.	–
28	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 14, кв. 33, № 24	дл. 165 мм, шир. 9 мм	один край сложен вдвое, проходит в центре через «косичку», с другого края – две продольные прорези	2 пол. XVI в.	–
29	Изделие с узлом	Житный раскоп, пл. 14, кв. 28, № 68	72 x 7–11 мм	ремешок с двумя простыми узлами, завязанными на расстоянии 32 мм друг от друга	2 пол. XVI в.	–
30	Изделие с узлами	Житный раскоп, пл. 14, кв. 36, № 122	92 x 3–9 мм	кожаная полоска, в расширении оконечности разрезана надвое, на каждом из этих концов узелок, в узел на одном упирается деревянная накладка	2 пол. XVI в.	75, 17
31	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 15, № 22	120 x 13 мм	оконечность представлена петлей, образованной узлом сложной завязки, другая имеет следы шва	сер. XV в.	76, 2
32	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 7, в плетне соор., № 34	дл. 150 мм	два нитевидных обрезка оконечностями завязаны простым двойным узлом	сер. XV в.	76, 3
33	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 57, № 47	дл. 75 мм	с узелком на оконечности	сер. XV в.	76, 5
34	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 30, № 179	дл. 200 мм	нитевидный обрезок с двойным узелком	сер. XV в.	76, 4
35	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 82, № 197	дл. 112 мм	с узелками, один образует «косичку»	сер. XV в.	76, 6
36	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв.	дл. 140 мм	с узелком	сер. XV в.	76, 7

		30, № 211				
37	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 10, № 300	67 x 44 мм (в сложенном виде)	оконечности связаны узелком	сер. XV в.	76, 8
38	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 11, № 333	210 x 33 мм	с узлом сложной завязки	сер. XV в.	76, 9
39	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 71, № 334	77 x 24 мм	через прорезь продернута оконечность, стянута узлом, на другой оконечности прорезь	сер. XV в.	–
40	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 29, № 356	290 x 22 мм	полоска кожи с узлом сложной завязки на оконечности и следами крепления на другой	сер. XV в.	–
41	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 34, № 362	дл. 220 мм	обрезок с двумя видами узлов сложной завязки на оконечностях	сер. XV в.	76, 10
42	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 10, зачистка СВ сектора Ц участка, № 420	106 x 37 мм	с узлом сложной завязки, образующим петлю	сер. XV в.	76, 11
43	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 73, № 139	дл. 200 мм	два тонких ремешка на оконечности завязаны узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	76, 12
44	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 80, № 149	дл. 68 мм (в свернутом виде)	с узелком на оконечности и простым одинарным узлом в центральной части	2 пол. XV в.	76, 13
45	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 74, № 157	дл. 235 мм	с неплотно затянутым узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	76, 14
46	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 12, № 204	дл. 70 мм	с узелком на оконечности	2 пол. XV в.	76, 15
47	Ключ на шнурке	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 19, № 219	дл. ключа 95 мм, дл. сложенного вдвое ремешка 73 мм, шир. ремешка 9–11 мм	в ушко ключа продернут кожаный шнурок из кожи вторичного раскроя, завязанный узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	76, 1
48	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 19, № 233	78 x 10 мм	с простым одинарным узлом в центральной части	2 пол. XV в.	76, 18
49	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 29, № 241	69 x 4 мм	оконечности завязаны узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	76, 16
50	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 28, № 276	39 x 12 мм	узелок в центре, кончики переплетены косичкой	2 пол. XV в.	–
51	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. I сектора СЗ	54 x 18 мм	с узлом сложной завязки в центральной части	2 пол. XV в.	76, 17

		участка, № 438				
52	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 106, № 480	41 x 16 мм	простой одинарный узел	2 пол. XV в.	–
53	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 4, № 163	дл. 110 мм	тонкий обрезок с простым одинарным узлом по центру	2 пол. XV в.	–
54	Наузы	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 13, № 186	дл. 159 мм	к тонкому ремешку простым двойным узлом привязан ремешок, на оконечности первого узел, образующий «косичку»	2 пол. XV в.	80, 6
55	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 13, № 187	общая дл. 72 мм	к накладке прикреплен кожаный ремешок, ремешок связан узлом, образующим «косичку»	2 пол. XV в.	77, 6
56	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 19, № 212	130 x 45 мм	два обрезка, на оконечности одного из них поверх бересты узел, противоположный конец поверх бересты переплетен в виде «косички» со вторым обрезком	2 пол. XV в.	77, 1
57	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 23, № 214	дл. около 175 мм	на оконечности узелок	2 пол. XV в.	–
58	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 18, № 221	дл. 210 мм	тонкий обрезок с узлом сложной завязки, образующим петлю на оконечности	2 пол. XV в.	–
59	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 24, № 231	дл. 190 мм	обрезок, на оконечности узел сложной завязки, образующий петлю	2 пол. XV в.	77, 4
60	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 89, № 255	156 x 19 мм	обрезок кожи, одна оконечность разрезана на тонкие полосы, связанные узлом	2 пол. XV в.	77, 7
61	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 32, № 266	38 x 20 мм	обрезок с простым одинарным узлом в центральной части	2 пол. XV в.	–
62	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 30, № 280	дл. 167 мм	с узелками в виде «косички»	2 пол. XV в.	77, 2
63	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 92, № 330	106 x 12 мм	с узлом сложной завязки на оконечности	2 пол. XV в.	–
64	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 29, № 334	дл. 175 мм	два шнурка связаны узлом в виде «косички»	2 пол. XV в.	77, 3
65	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 34, № 351	дл. 76 мм	два обрезка связаны в центральной части узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
66	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 54, № 379	дл. 230 мм	оконечности двух тонких обрезков связаны сложным узлом	2 пол. XV в.	–
67	Изделие с узлом	Введенский	110 x 16 мм	тонкая полоска,	2 пол.	–

	узлом	раскоп, пл. 8, кв. 83, № 569		продернутая через прорезь на оконечности петель	XV в.	
68	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 9, № 641	55 x 27 мм	обрезок первичного раскроя с узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
69	Наузы	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 98, № 642	дл. сложенного вдвое около 100 мм	обрезок первичного раскроя с тремя узлами сложной завязки	2 пол. XV в.	80, 8
70	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 35, № 654	дл. 115 мм	обрезок первичного раскроя с узелком сложной завязки на оконечности	2 пол. XV в.	–
71	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 33, № 661	дл. 275 мм	три нитевидных обрезка первичного раскроя, связанные на оконечностях узлом	2 пол. XV в.	77, 5
72	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 1, № 637	160 x 20 мм	нитевидный обрезок продернут через технологическое отверстие на обрезке первичного раскроя и затянут простым узлом	2 пол. XV в.	–
73	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, зачистка СЗ участка, III сектор № 215	дл. 167 мм	обрезок с узелком сложной завязки на одной оконечности	2 пол. XV в.	–
74	Изделие с узлом	Введенский раскоп, 2021 пл. 7, кв. 73, № 196	дл. 106 мм	два обрезка связаны оконечностями простым двойным узлом	2 пол. XV в.	–
75	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 29, № 334	дл. 175 мм	два шнурка связаны узлом в виде «косички»	2 пол. XV в.	–
76	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 34, № 351	дл. 76 мм	два обрезка связаны в центральной части узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
77	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 65, № 49	65 x 13 мм	два тонких ремешка в центральной части связаны узлом сложной завязки, образующим «косичку»	2 пол. XV в.	76, 19
78	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 65, № 52	дл. 106 мм	на одной оконечности узел сложной завязки образует петлю	2 пол. XV в.	76, 20
79	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 79, № 76	116 x 95 мм	обрезки первичного раскроя разной формы (на некоторых технологические отверстия и отпечатки зубов человека) нанизаны на нитевидный обрезок, фиксирующий их с двух краев узлом	2 пол. XV в.	77, 8
80	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 79, № 79	дл. 103 мм	обрезок концами связан узлом, образующим «косичку»	2 пол. XV в.	–
81	Наузы	Введенский	дл. около	шнурки оконечностями	2 пол.	74, 9

		раскоп, пл. 7, кв. 29, № 7	175 мм	связаны двойным узлом, образующим «косичку», оконечность изделия имеет простой одинарный узел	XV в.	
82	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, № 25	дл. 20 мм	с узелком, образующим петлю	2 пол. XV в.	–
83	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 50	дл. около 235 мм, (в распрямленном виде), дл. палочки 63 мм	шнурок обернут вокруг палочки и завязан простым двойным узлом	2 пол. XV в.	74, 14
84	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 26, № 86	дл. около 32 мм	на оконечности большое количество узлов	2 пол. XV в.	–
85	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 28, № 90	дл. 133 мм	в центральной части узел сложной завязки	2 пол. XV в.	74, 1
86	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 28, № 91	53 x 45 мм	два нитевидных шнурка на оконечности завязаны простым двойным узлом	2 пол. XV в.	74, 8
87	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 28, № 92	60 x 36 мм	на оконечности простой одинарный узел и рядом с ним еще один незатянутый узел	2 пол. XV в.	74, 6
88	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 31, № 98	дл. 37 мм	в центральной части узел сложной завязки, образующий петлю	2 пол. XV в.	–
89	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 35, № 99	дл. 110 мм	на оконечности узел, образующий петлю, на второй оконечности, возможно, был завязан узел	2 пол. XV в.	–
90	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 35, № 101	дл. 155 мм	на одной оконечности узел сложной завязки	2 пол. XV в.	–
91	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 35, № 104	дл. 123 x 4 мм	два шнурка связаны в центральной части узлом сложной завязки в центральной части	2 пол. XV в.	–
92	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 28, № 113	дл. 75 мм	оконечность раздваивается и завязана узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
93	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, № 121	дл. 198 мм	связаны два шнурка узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
94	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 123	дл. около 115 мм	узел сложной завязки, образующий две петли	2 пол. XV в.	–
95	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 124	дл. (в распрямленном виде) около 250 мм	на оконечности узел сложной завязки, образующий петлю	2 пол. XV в.	–
96	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв.	дл. (сложенного)	несколько ремешков концами связаны узлами	2 пол. XV в.	–

		34, № 126	вдвое) 160 мм	разной завязки, образуют связанное изделие		
97	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 127	дл. (в распрямленном виде) около 275 мм	два шнурка оконечностями связаны узлом сложной завязки, образующим петельку	2 пол. XV в.	–
98	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 132	дл. около 95 мм	на оконечности узел сложной завязки	2 пол. XV в.	–
99	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 133	дл. (в распрямленном виде) около 150 мм	два шнурка завязаны простым двойным узлом	2 пол. XV в.	74, 3
100	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 134	дл. (в распрямленном виде) около 285 мм	на оконечности простой одинарный узел, в 15 мм от него узел сложной завязки, образующий петлю	2 пол. XV в.	74, 11
101	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 135	дл. 102 мм	по центру двойной узел сложной завязки	2 пол. XV в.	74, 12
102	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 18, № 136	дл. около 190 мм	на оконечности простой одинарный узел	2 пол. XV в.	–
103	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, зачистка СВ части Ц участка, № 143	дл. 262 мм	на оконечности узел сложной завязки	2 пол. XV в.	–
104	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 28, № 160	дл. около 210 мм	два тонких ремешка связаны через прорезь в оконечности одного из них	2 пол. XV в.	74, 13
105	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 31, № 162	75 x 41 мм	с узлом сложной завязки, образующим петлю	2 пол. XV в.	–
106	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, № 170	дл. 62 мм	с узелком сложной завязки на оконечности	2 пол. XV в.	74, 10
107	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 173	дл. 38 мм	с простым двойным узелком на оконечности	2 пол. XV в.	74, 5
108	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 174	дл. 170 мм	с узлом сложной завязки на оконечности	2 пол. XV в.	–
109	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 178	дл. около 325 мм, шир. 13 мм	технологические отверстия, два (?) шнурка связаны оконечностями в узел	2 пол. XV в.	–
110	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 179	дл. 255 мм	на оконечности простой двойной узел, скрепляющий два шнурка	2 пол. XV в.	–
111	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв.	дл. 160 мм	на оконечности простой одинарный узел	2 пол. XV в.	74, 4

		34, № 182				
112	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 185	дл. 96 мм (сложенного вдвое)	оконечности шнурка связаны простым двойным узлом	2 пол. XV в.	–
113	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 34, № 186	дл. (в распрямленном виде) около 300 мм	оконечность раздвоена и концы связаны сложным узлом, на другой оконечности шнурка узел сложной завязки	2 пол. XV в.	–
114	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 1, № 231	дл. около 175 мм	на оконечности два шнурка завязаны простым (?) двойным узлом	2 пол. XV в.	–
115	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 13, № 239	дл. около 180 мм	оконечность раздвоена и концы связаны узлом сложной завязки	2 пол. XV в.	–
116	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 8, № 245	дл. 192 мм	на оконечности узел, скрепляющий два шнурка	2 пол. XV в.	–
117	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 272	дл. 135 мм	на оконечности узел сложной завязки, образующий петлю	2 пол. XV в.	–
118	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 2, № 273	дл. 107 (в сложенном виде, в распрямленном виде около 200 мм)	на оконечности узел сложной завязки	2 пол. XV в.	–
119	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 275	дл. около 145 мм	на оконечности раздвоение шнурка: концы связаны сложным углом	2 пол. XV в.	–
120	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 286	дл. 165 и 80 мм	нитевидный обрезок первичного раскроя, с простым одинарным узлом на оконечности	2 пол. XV в.	74, 7
121	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 287	дл. около 185 мм	нитевидные обрезки с узлом сложной завязки по центру, образующим петельку, простой одинарный узел на оконечности	2 пол. XV в.	74, 2
122	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 303	дл. 162 мм	с узелком сложной завязки	2 пол. XV в.	–
123	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 29, № 304	дл. 195 мм, дл. 135 мм	с узелком сложной завязки на одной оконечности и в 55 мм от другой оконечности	2 пол. XV в.	–
124	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 52, № 215	дл. 120 мм, шир. 2–3 мм	с петель, образованной узлом, одна оконечность продернута через другую	посл. треть – кон. XV в.	–
125	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 71, № 287	дл. 110 мм, шир. 2 мм	шнурок с узлом сложной завязки на оконечности	посл. треть – кон. XV в.	–
126	Изделие с	Введенский	дл. 83 мм	с узелком на оконечности	посл.	–

	узлом	раскоп, пл. 6, кв. 67, № 370			треть – кон. XV в.	
127	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 18, № 384	дл. 110 мм, шир. 2 мм	с простым одночастным узлом на оконечности	посл. треть – кон. XV в.	–
128	Изделие с узлом	Введенский раскоп, пл. 5, кв. 54, № 322	дл. 150 мм, шир. 13 мм	два обрезка вторичного раскроя связаны оконечностями в узел	кон.– посл. треть XV – нач. XVI в.	–

Таблица XIV.
Прокладки и шайбы

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Прокладка	Милонов, 1929, шурф 2, № 511	24 мм	круглой формы, с отверстием в центре	?	–
2	Прокладка	Милонов, 1929, шурф 2, № 516	25 мм	круглой формы, с отверстием в центре	?	–
3	Прокладка	Милонов, 1929, жилище 2, № 522	24 мм	круглой формы, с отверстием в центре	?	–
4	Прокладка	Житный раскоп, осыпь Зап. стенки, № 59	диам. 28 мм	круглой формы, в центре выполненное иглой или шильцем отверстие	?	–
5	Изделие	Житный раскоп, осыпь Вост. стенки, № 265	13–33 мм	округлой формы, со следами от швов по периметру	?	78, 12
6	Шайба	Житный раскоп, пл. 24, кв. 34, № 730	35 x 36 мм, диам. отв. 8 мм	округлой формы, с отверстием в центре, по краю одной стороны прослеживаются параллельные сквозные прорези	2 пол. XIV в.	78, 4
7	Прокладка	Житный раскоп, пл. 22, кв. 7, № 100	диам. 26 мм	круглой формы, с надрезом в центре	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
8	Шайба	Житный раскоп, пл. 22, кв. 22, № 41	диам. 34 мм, диам. отв. 3 мм	круглой формы, с отверстием в центре	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
9	Шайба	Житный раскоп, пл. 21, кв. 21, № 354	45 x 54 мм	округлой формы со срезанными углами, с отверстием в центре	кон. XIV – 1 пол. XV в.	78, 8
10	Шайба	Житный раскоп, пл. 21, кв. 13, № 343	диам. 44 мм	округлой формы, с отверстием в центре, с частично не удаленным волосом	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
11	Прокладка	Житный раскоп,	23 x 20 мм	округлой формы	кон.	78, 1

		пл. 21, кв. 22, № 399			XIV – 1 пол. XV в.	
12	Шайба	Житный раскоп, пл. 20, кв. 24, № 503	50 x 49 мм	округлой формы, с отверстием в центре	сер. – 2 пол. XV в.	78, 5
13	Шайба	Житный раскоп, пл. 19, зачистка, № 129	45 x 36 мм	округлой формы, с отверстием в центре	сер. – 2 пол. XV в.	78, 6
14	Шайба	Житный раскоп, пл. 19, кв. 34, в срубе, № 278	55 x 63 мм	округлой формы, с отверстием в центре, из головки сапога (тиснение, следы крепления полного двухчастного поднаряда)	сер. – 2 пол. XV в.	78, 9
15	Прокладка	Житный раскоп, пл. 16, кв. 32, № 461	диам. 24 мм	круглой формы, с отверстием в центре	1 пол. XVI в.	–
16	Прокладка	Житный раскоп, пл. 15, кв. 31, № 283	42 x 47 мм, 41 x 43 мм	два изделия круглой формы, две прорези в центре	1 пол. XVI в.	78, 11
17	Шайба	Житный раскоп, пл. 13, кв. 12, № 333	диам. 59 мм	круглой формы, со следами швов по краю, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	78, 7
18	Прокладка	Житный раскоп, пл. 13, кв. 7, внутри сооружения, № 356	диам. 22 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
19	Прокладки	Житный раскоп, пл. 13, кв. 35, № 468	диам. 22, 24, 25, 27 мм	круглой формы, с отверстием в центре, 4 шт.	2 пол. XVI – нач. XVII в.	78, 3
20	Прокладка	Житный раскоп, пл. 12, кв. 11, № 127	диам. 25 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	78, 2
21	Шайба	Житный раскоп, пл. 12, кв. 1, № 279	диам. 68 мм	круглой формы, со следами швов по краю и в центральной части, отверстие в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
22	Прокладка	Житный раскоп, пл. 12, кв. 35, № 156	диам. 23 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
23	Прокладка	Житный раскоп, пл. 12, кв. 11, № 137	диам. 26 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
24	Прокладка	Житный раскоп,	диам. 29 мм	круглой формы, с	2 пол.	–

		пл. 11, кв. 25, № 176		отверстием в центре	XVI – нач. XVII в.	
25	Прокладка	Житный раскоп, пл. 11, кв. 26а, № 186	диам. 25 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
26	Прокладка	Житный раскоп, пл. 11, кв. 28, № 208	диам. 24 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
27	Прокладка	Житный раскоп, пл. 11, кв. 14, № 222	диам. 25 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
28	Прокладка	Житный раскоп, № 203	диам. 24 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
29	Прокладка	Житный раскоп, пл. 10, кв. 16, № 96	диам. 23 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
30	Прокладка	Житный раскоп, пл. 10, кв. 14, № 139	диам. 27 мм	круглой формы, с отверстием в центре	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
31	Прокладка	Житный раскоп, пл. 10, кв. 19, № 166	диам. 26 мм	круглой формы	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
32	Изделие	Житный раскоп; пл. 20, кв. 40, № 533	диам. 35 мм	округлой формы, со следами тачного шва по периметру, надрезы	сер. – 2 пол. XV в.	78, 14
33	Изделие	Житный раскоп, пл. 15, кв. 18, № 383	15 x 19 мм	подовальной формы, со следами шва по периметру; аппликация?	1 пол. XVI в.	78, 13
34	Шайба	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 23, № 158	57 x 53 мм, диам. отв. 11 x 9 мм	округлой формы с отверстием в центре	сер. XV в.	78, 10
35	Прокладка	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 14, № 282	диам. 17 мм	круглой формы с отверстием в центре	2 пол. XV в.	–
36	Прокладка	Введенский раскоп, пл. 5, кв. 66, № 27	диам. 30–32 мм	круглой формы, в центре три маленьких отверстия	кон. XV в. – нач. XVI в.	–

Таблица XV.
Наперстки

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Наперсток	Житный раскоп, пл. 21, кв. 23, № 568	45 х 14–19 мм (в развернутом виде)	с тачным швом и наколами иглой	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
2	Наперсток	Житный раскоп, пл. 21, кв. 16, № 321	14 х 22 мм	с тачным швом и наколами иглой	кон. XIV – 1 пол. XV в.	–
3	Наперсток	Житный раскоп, пл. 21, кв. 18, печь в пределах соор. № 16	13 х 20 мм	трапецевидной формы, с тачным швом и наколами иглой	кон. XIV – 1 пол. XV в.	79, 1
4	Наперсток	Житный раскоп, пл. 19, кв. 27, № –	диам. 22 мм	трапецевидной формы, с переметочным швом и наколами иглой	посл. треть XV в.	79, 2
5	Наперсток	Житный раскоп пл. 19, кв. 32, вне сруба, № –	диам. 24 мм	трапецевидной формы, бахтармой сложен наружу, с тачным швом и наколами иглой	посл. треть XV в.	–
6	Наперсток	Житный раскоп, пл. 10, кв. 29, № 121	диам. 17 мм	с тачным швом и наколами иглой	2 пол. XVI – нач. XVII в.	–
7	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 8, внутри плетня соор., № 45	23 х 19 мм	трапецевидной формы, с многочисленными наколами иглой	сер. XV в.	79, 5
8	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 4, № 56	26 х 22 мм	трапецевидной формы, с многочисленными наколами иглой	сер. XV в.	–
9	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 99, № 155	19 х 20 мм	трапецевидной формы, бахтармой сложен наружу, с многочисленными наколами иглой	сер. XV в.	–
10	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 101, № 207	25 х 18 мм	трапецевидной формы, с наколами иглой	сер. XV в.	–
11	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 5, № 223	21 х 20 мм	трапецевидной формы, с наколами иглой	сер. XV в.	–
12	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 33, № 235	30 х 27 мм	трапецевидной формы, с наколами иглой	сер. XV в.	–
13	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 96, № 256	25 х 20 мм	трапецевидной формы	сер. XV в.	–
14	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10,	23 х 24 мм	трапецевидной формы, бахтармой сложен наружу	сер. XV в.	–

		кв. 76, № 271				
15	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 18, № 286	27 x 17 мм	трапециевидной формы	сер. XV в.	–
16	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 53, № 346	20 x 25 мм	трапециевидной формы	сер. XV в.	–
17	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 29, № 379	26 x 21 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой	сер. XV в.	79, 6
18	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 29, № 395	26 x 17 мм	трапециевидной формы	сер. XV в.	79, 7
19	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 29, № 396	24 x 22 мм	трапециевидной формы	сер. XV в.	–
20	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 105, № 407	20 x 16 мм	трапециевидной формы	сер. XV в.	–
21	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 10, зачистка ЮЗ сектора Ц участка, № 417	28 x 28 мм	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	сер. XV в.	–
22	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, траншея, № 9	27 x 16 см	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	2 пол. XV в.	–
23	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 19, № 62	24 x 20 мм	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	2 пол. XV в.	79, 8
24	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 14, № 75	25 x 18 мм	трапециевидной формы	2 пол. XV в.	79, 9
25	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 18, № 77	25 x 18 мм	трапециевидной формой	2 пол. XV в.	79, 10
26	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 95, № 118	25 x 21 мм	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	2 пол. XV в.	79, 16
27	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 9, № 127	23 x 21 мм	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	2 пол. XV в.	79, 17
28	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 15, № 217	29 x 29 мм	из кожи вторичного использования, со следами наколов иглой	2 пол. XV в.	79, 15
29	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 93, № 259	21 x 21 мм	квадратной формы, бахтармой сложен наружу	2 пол. XV в.	–
30	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 13, № 304	24 x 18 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой, разрыв был сшит (?)	2 пол. XV в.	79, 11
31	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 34, № 478	31 x 24 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой	2 пол. XV в.	79, 14
32	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, кв.	23 x 18 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой	2 пол. XV в.	–

		34, № 479				
33	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, зачистка IV сектора, № 481	25 x 26 мм	трапециевидной формы, с многочисленными следами наколов иглой на обеих сторонах	2 пол. XV в.	79, 13
34	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 9, зачистка СВ сектора Ц участка, № 324	27 x 24 мм	трапециевидной формы, с многочисленными следами наколов иглой	2 пол. XV в.	79, 12
35	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 16, № 259	23–29 x 20 мм	трапециевидной формы	2 пол. XV в.	–
36	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, № 305	28 x 22 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой	2 пол. XV в.	–
37	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 27, № 453	24 x 19 мм	трапециевидной формы	2 пол. XV в.	–
38	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 33, № 460	24 x 22 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой	2 пол. XV в.	79, 4
39	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 18, № 646	23 x 23 мм	потертости от эксплуатации	2 пол. XV в.	–
40	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 29, № 657	23 x 22 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой, разрез в центральной части	2 пол. XV в.	–
41	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 8, зачистка ЮЗ сектора Ц участка, № 660	24 x 19 мм	трапециевидной формы, с наколами иглой, отпечатки зубов человека	2 пол. XV в.	79, 18
42	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 89, № 67	48 x 18 мм	трапециевидной формы, с многочисленными наколами иглой	2 пол. XV в.	–
43	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 8, № 138	33–30 x 24–32 мм	трапециевидной формы	2 пол. XV в.	–
44	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 33, № 169	30 x 24 мм	трапециевидной формы, бахтармой сложен наружу	2 пол. XV в.	–
45	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 21, № 180	18 x 21 мм	эксплуатационные потертости	2 пол. XV в.	–
46	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 68, № 425	22 x 22 мм	трапециевидной формы, бахтармой сложен наружу, с наколами иглой	кон. XV – нач. XVI в.	79, 3
47	Наперсток	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 82, № 543	56 x 22 мм	трапециевидной формы, заготовка наперстка или обрезок	кон. XV – нач. XVI в.	–

Таблица XVI.
Образцы с буквами и метками

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Бирка	Житный раскоп, пл. 16, кв. 32, № 478	63 x 40 мм	обрезок подпрямоугольной формы, его правый нижний угол слегка закруглен, с буквами	1 пол. XVI в.	82, 1
2	Обрезок с метками	Житный раскоп, пл. 16, зачистка вост. уч-ка, № 538	80 x 38 мм	подпрямоугольной формы, с прорезанными изображениями	1 пол. XVI в.	82, 2
3	Обрезок с метками	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 52, № 6	93 x 24–39 мм	обрезок голенища с процарапанными пересекающимися линиями	2 пол. XV в.	82, 3
4	Обрезок с метками	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 57, № 494	170 x 68 мм	обрезок задника сапога с процарапанными заостренным инструментом пересекающимися линиями	кон. XV – нач. XVI в.	82, 4

Таблица XVII.
Атрибуты игр и развлечений

№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Мяч	Житный раскоп, траншея, № 313	26 x 45 мм	деталь	?	83, 1
2	Мяч	Житный раскоп, пл. 22–23, кв. 21а–26а, № 300	37 x 46; 32 x 50; 34 x 51 мм, диам. около 60 мм	детали	кон. XIV – 1 пол. XV в.	83, 2
3	Мяч	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 35, № 311	42 x 34 мм	деталь	сер. XV в.	83, 3
4	Маска	Житный раскоп, пл. 14, кв. 7, № 6	70–176 x 148 мм	оформлена на головке кожаного сапога	2 пол. XVI в.	83, 4
5	Маска (?)	Житный раскоп, пл. 12, кв. 40, № 177	60–115 x 130 мм	голенище сапога, могло использоваться как детская маска	2 пол. XVI в.	83, 5
6	Путцы	Житный раскоп, пл. 14, кв. 8, № 170	дл. ремешка 40 мм, шир. 3 мм; дл. кости 27 мм	путцы на части лапки ловчей птицы	2 пол. XVI в.	83, 6
7	Путцы, фрагмент	Житный раскоп, пл. 13, кв. 24, № 415	дл. 30 мм	путцы и часть лапки ловчей птицы	2 пол. XVI в.	83, 7
8	Вертлюг	Житный раскоп, пл. 14, зачистка Зап. участка, № 285	дл. 89 мм, диам. кольца 46–50 мм	оконечность загнута	2 пол. XVI в.	83, 8
9	Вертлюг	Судаков, 1988,	63 x 12 мм	прямоугольной формы, три	кон.	83, 9

		раскоп-1, кв. 12, я. 6, № 1132		отверстия	XIII – I пол. XIV вв.	
--	--	-----------------------------------	--	-----------	--------------------------------	--

Таблица XVIII.
Другие изделия

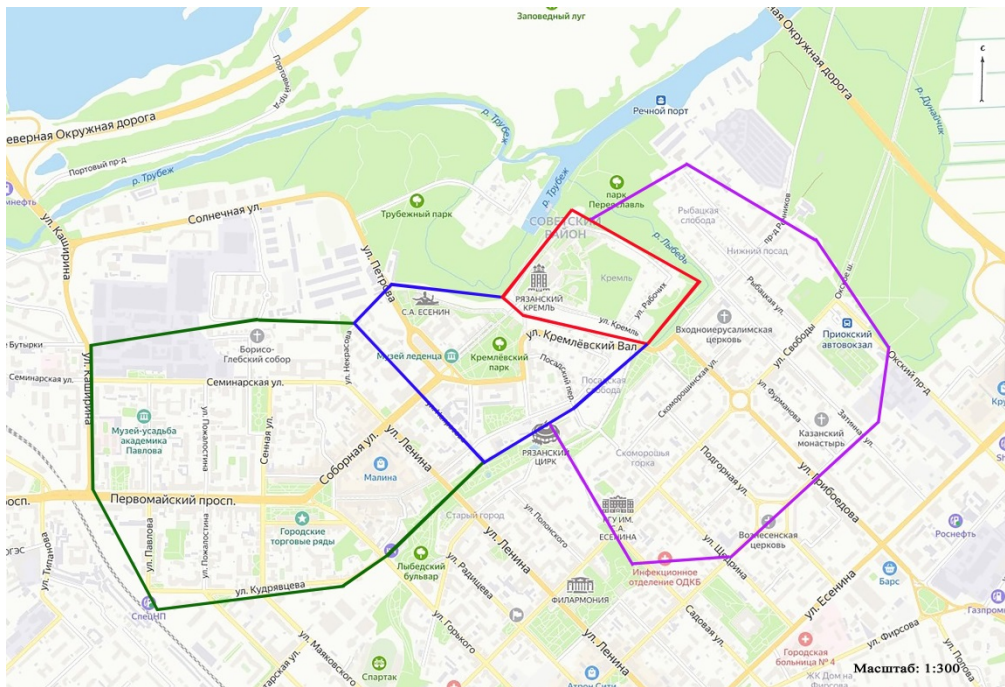
№ п/п	Название	Место обнаружения	Размер	Описание	Дата	Рис.
1	Изделие, фрагмент	Милонов, 1929, шурф 2, № 531	дл. 298 мм	на поверхности прослеживаются ряды отверстий от крепежа, сохранилась полоска кожи, прибитая гвоздями	?	84, 1
2	Изделие	Житный раскоп, пл. 17, кв. 36, № –	дл. 340 мм, шир. 55–110 мм	со следами небрежного шва	I пол. XVI в.	84, 2
3	Изделие	Житный раскоп, пл. 19, кв. 1, № 122	дл. 115, 80 мм	тонкие ремешки, скрепленные через прорезь, с переплетением «косичкой»	2 пол. XV в.	84, 3
4	Изделие	Житный раскоп, пл. 19, кв. 26, № 53	145 x 14 мм	крепеж (?), с расширением на оконечностях, на одной оконечности прорезь, с расположенными вокруг нее шовными отверстиями	2 пол. XV в.	84, 4
5	Изделие	Житный раскоп, пл. 19, № 523	15–24 x 105 мм	с отверстием на оконечностях	кон. XV – нач. XVI в.	84, 5
6	Изделие	Житный раскоп, пл. 14, кв. 1, № 250	дл. 170 мм	кожаный шнурок, раздвоенный с одной стороны, с другой в отверстие вставлен деревянный предмет	2 пол. XVI – нач. XVII в.	84, 6
7	Изделие	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 98, № 30	148 x 131 мм	две детали сшиты по одному краю кожаным шнурком, две другие стороны имеют следы тачного шва	сер. XV в.	85, 4
8	Изделие	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 22, № 353	дл. 90 мм, шир. 16 мм	полоска кожи, через отверстия продернут тонкий кожаный шнурок, зафиксированный с изнаночной стороны узлом	сер. XV в.	85, 9
9	Обшивка войлочного изделия	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 18, № 86	190 x 110, 170 x 50, 76 x 57 мм	войлок по краю обернут кожей	сер. XV в.	–
10	Обшивка войлочного изделия	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 14, № 645	80 x 120, 110 x 103, 228 x 62, 133 x 19 мм (сложено)	край войлочного изделия обшит кожей	2 пол. XV в.	85, 2

			вдвое)			
11	Обшивка войлочного изделия	Введенский раскоп, пл. 6, кв. 56, № 433	78 х 54, 140–195 х 230, 110 х 42–50 мм	край войлочного изделия обшит кожей	кон. – посл. треть XV в.	85, 1
12	Обкладка берестяного изделия	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 102, № 125	345 х 105 мм	плетение из лыка, обложенное кожей, сохранившей крепежные отверстия	сер. XV в.	85, 3
13	Шнурок	Введенский раскоп, пл. 10, кв. 25, № 315	дл. 210 мм	переплетен из четырех обрезков	сер. XV в.	85, 8
14	Изделие	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 28, № 276	39 х 12 мм	узелок в центре, кончики переплетены косичкой	2 пол. XV в.	85, 7
15	Изделие	Введенский раскоп, пл. 9, кв. 20, № 2	24 х 55 мм	полоска кожи с отверстиями на загнутых оконечностях	2 пол. XV в.	85, 5
16	Изделие	Введенский раскоп, 2021 пл. 8, кв. 83, № 548	42 х 36 мм	края загнуты к центру, деформированные (от крепления) прорези на оконечностях	2 пол. XV в.	85, 6
17	Изделие	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 85, № 545	44 х 10 мм	из рыбьей кожи, обрезок	2 пол. XV в.	86, 1
18	Изделие	Введенский раскоп, пл. 8, кв. 5, № 226	56 х 20 мм	из рыбьей кожи, сложено вдвое	2 пол. XV в.	86, 2
19	Изделие	Введенский раскоп, пл. 7, кв. 79, № 377	95 х 37 мм	из рыбьей кожи, обрезок с отпечатками крепления	2 пол. XV в.	86, 3

Приложение 3. Иллюстрации

1

2

Рис. 1. План Переяславля Рязанского.

1 – РГАДА. Ф.1356. ОП.1. Д. 4959.

1 – Кремль, 2 – Острог, 3 – Нижний посад, 4 – Выползова слобода,
5 – Архирейская слобода, 6 – Новая Чёрнопосадская слобода, 7 – Ямская слобода
2 – Карта Рязани.

1 – Кремль, 2 – Острог, 3 – Верхний посад, 4 – Нижний посад

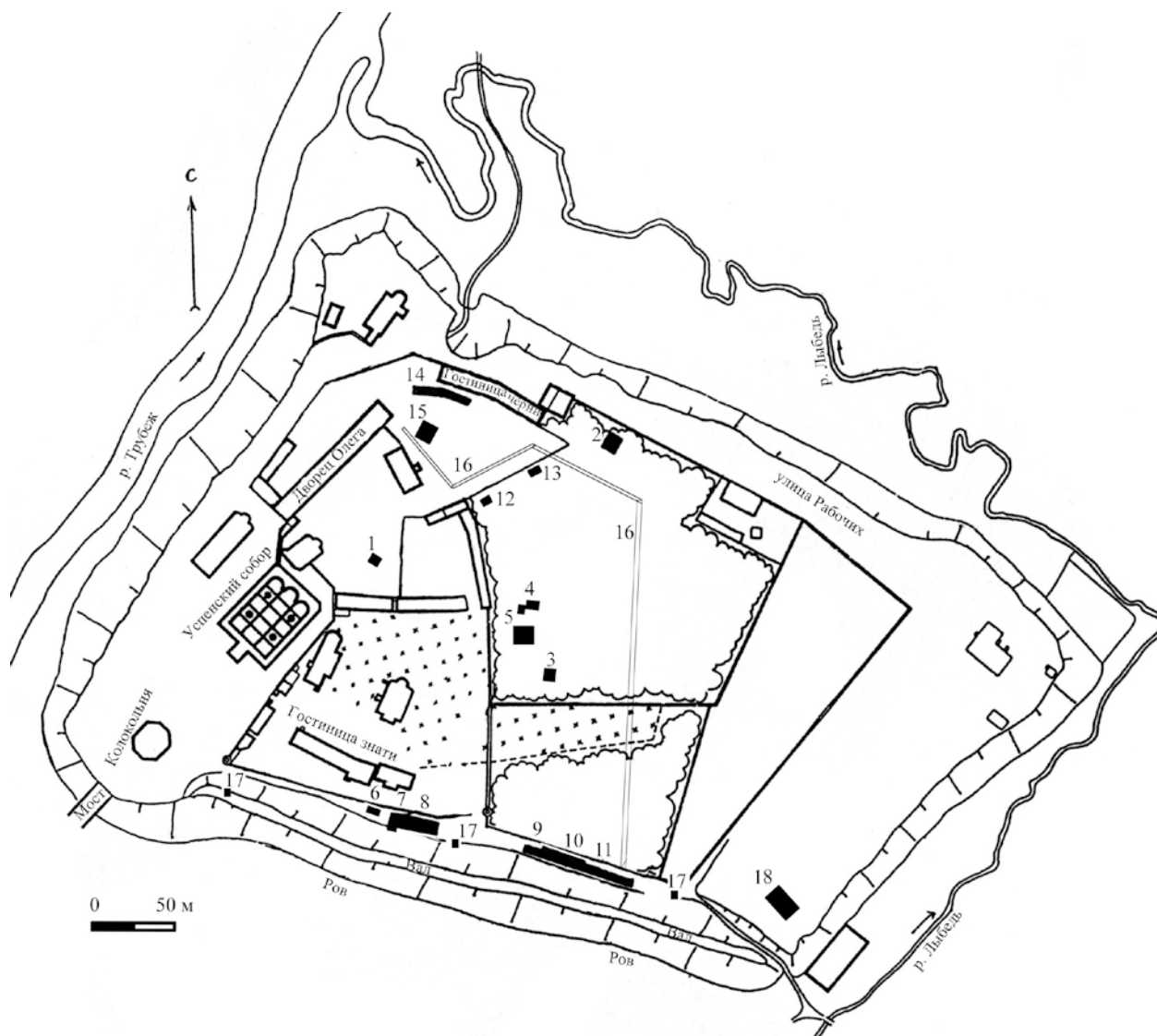

Рис. 2. Кремль Переяславля Рязанского с обозначением археологически исследованных территорий.
 1–4 – раскопы А.Л. Монгайта (1956–1957 гг.);
 5 – раскоп А.А. Коновалова (1980 г.);
 6–8 – раскопы М.М. Макарова (1983, 1987, 1989 гг.);
 9–11 – раскопы В.В. Судакова (1986, 1988, 1990 гг.);
 12 – раскоп № 1 Е.А. Толмачева (1972 г.); 13 – раскоп № 2 Е.А. Толмачева;
 14 – раскоп В.П. Челяпова (1981 г.);
 15 – Житный раскоп В.И. Завьялова (2004–2015 гг.);
 16 – археологические наблюдения за прокладкой траншей коммуникаций (В.М. Буланкин, В.И. Завьялов, 2006–2007 гг.);
 17 – шурфы при прокладке газопровода (В.И. Завьялов, 2009);
 18 – Введенский раскоп (В.И. Завьялов, О.А. Фатюнина, 2016–...)

1

2

3

4

Рис. 3. Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.
Русская летописная история.
1 – Кн. 7. С. 36; 2 – Кн. 7. С. 180; 3 – Кн. 7. С. 220; 4 – Кн. 6. С. 111

1

2

3

4

Рис. 4. Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в.
Русская летописная история.
1 – Кн. 12. С. 151; 2 – Кн. 12. С. 161; 3 – Кн. 18. С. 480; 4 – Кн. 19. С. 246

1

2

3

4

Рис. 5. Миниатюры Нюрнбергских домовых книг.
1 – Folio 92 recto (Mendel I); 2 – Folio 34 verso (Mendel I);
3 – Folio 44 recto (Mendel I); 4 – Folio 35a verso (Mendel I)

Рис. 6. Смачивание водой шкур.
Д. Култуки, Касимовский уезд, Рязанская губерния.
РИАМЗ. КП-28737/43

Рис. 7. Обработка шкуры косой.
Д. Култуки, Касимовский уезд, Рязанская губерния.
РИАМЗ. КП-28737/44

Рис. 8. Обработка шкуры крюком.
Д. Култуки, Касимовский уезд, Рязанская губерния.
РИАМЗ. КП-28737/45

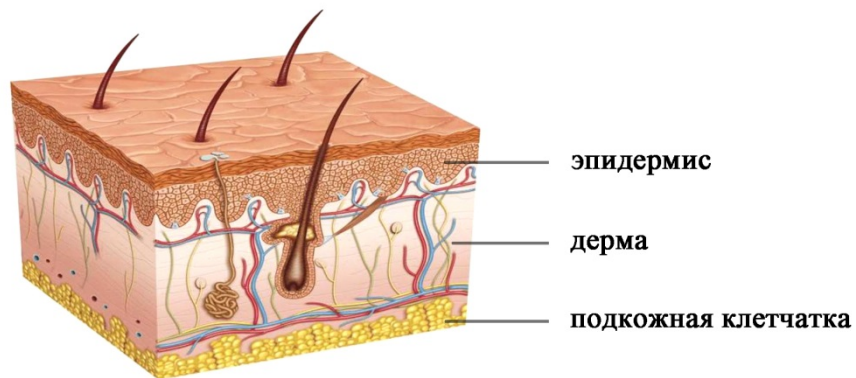
Рис. 9. Квашение.
Д. Култуки, Касимовский уезд, Рязанская губерния.
РИАМЗ. КП-28737/46

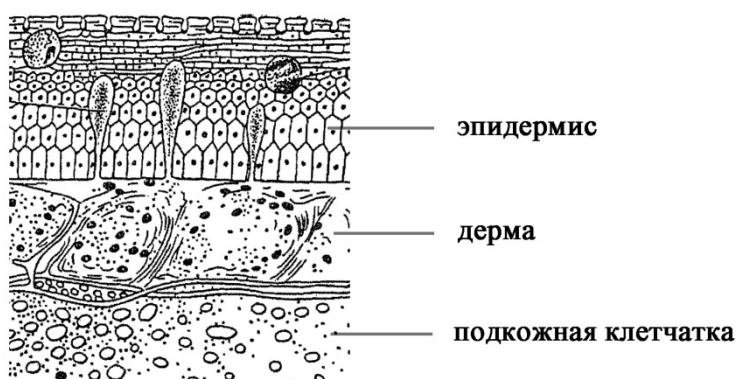
Рис. 10. Сапожная мастерская.
Рязанская губерния. РИАМЗ. КП-28737/5

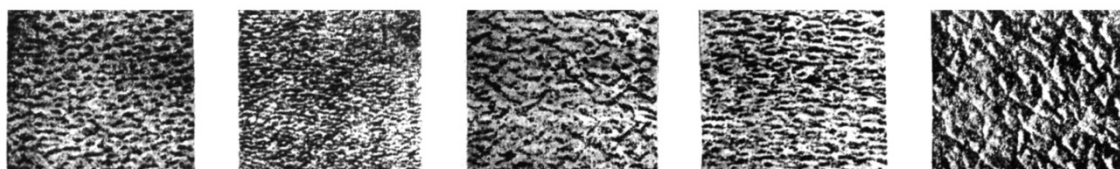
Рис. 11. Шорная мастерская.
С. Спас-Клепики, Рязанский уезд, Рязанская губерния.
РИАМЗ. КП-28737/6

1

2

а

б

в

г

д

(по Д.О. Осипову, 2006)

е

3

Рис. 12. Строение кожи.

1 – животное; 2 – рыба;

3 – меряя (а – корова, б – теленок, в – коза, г – овца, д – свинья, е – рыба семейства осетровых)

Рис. 13. Обрезки от раскря.
 Раскопки Н.П. Милонова, 1929 г.

1–2 – обрезки первичного раскря с технологическими отверстиями;
 3–7 – обрезки первичного раскря; 8–10, 12–16 – обрезки вторичного раскря;
 11 – голенище со следами вторичного раскря

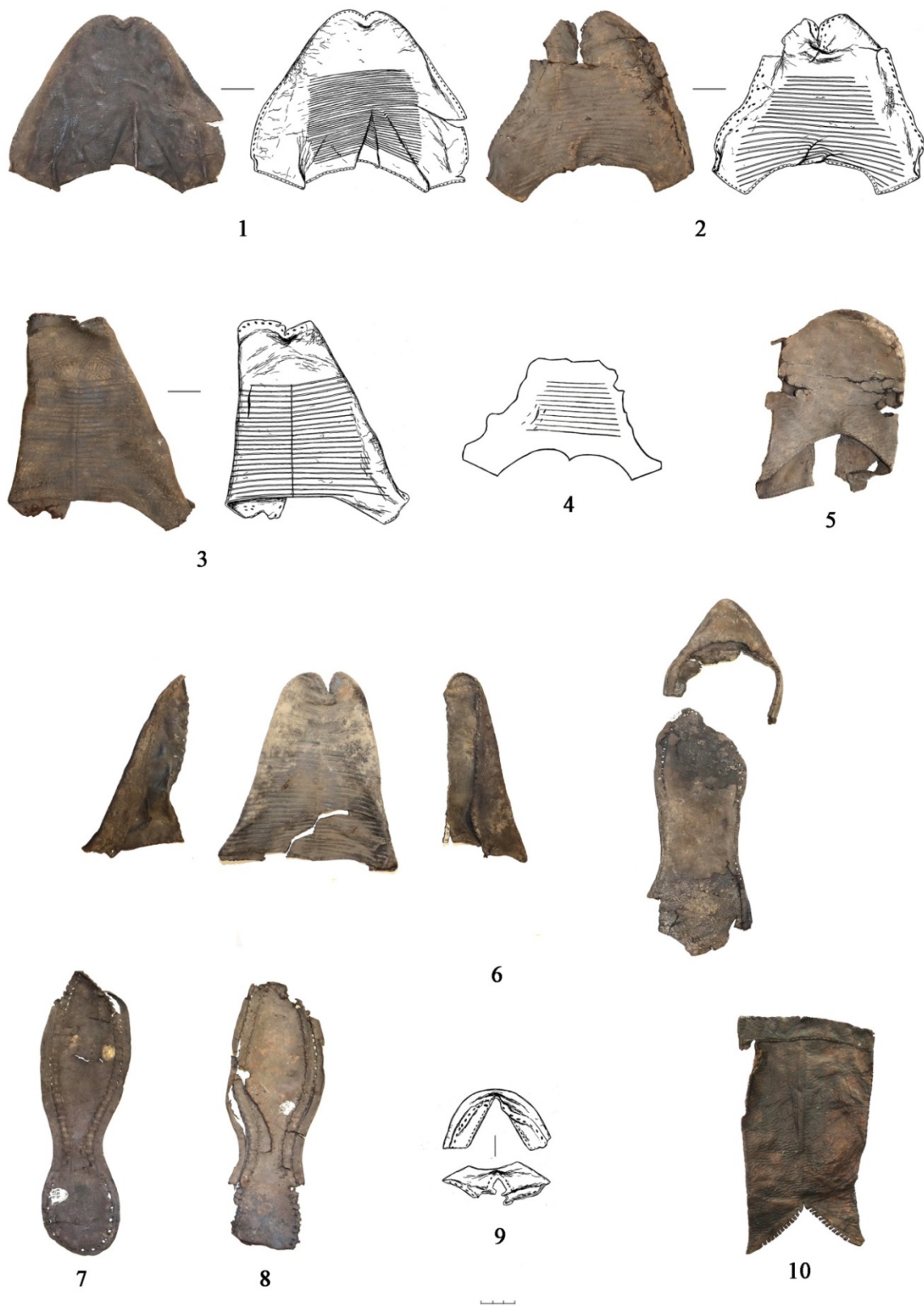

Рис. 14. Детали обуви.
 Раскопки Н.П. Милонова, 1929 г.
 1-5 – головки; 6 – головка, поднаряд, подошва; 7-8 – подошвы;
 9 – задник, 10 – голенище

- от 10 до 50
- от 50 до 100
- от 100 до 300
- от 300 до 600
- от 600 до 1000
- свыше 1000

Рис. 15. Житный раскоп.
Распределение находок из кожи, пласт 21

Рис. 16. Обрезки. Житный раскоп.
 1-11 – первичного раскоя; 12-16 – тренировочные материалы

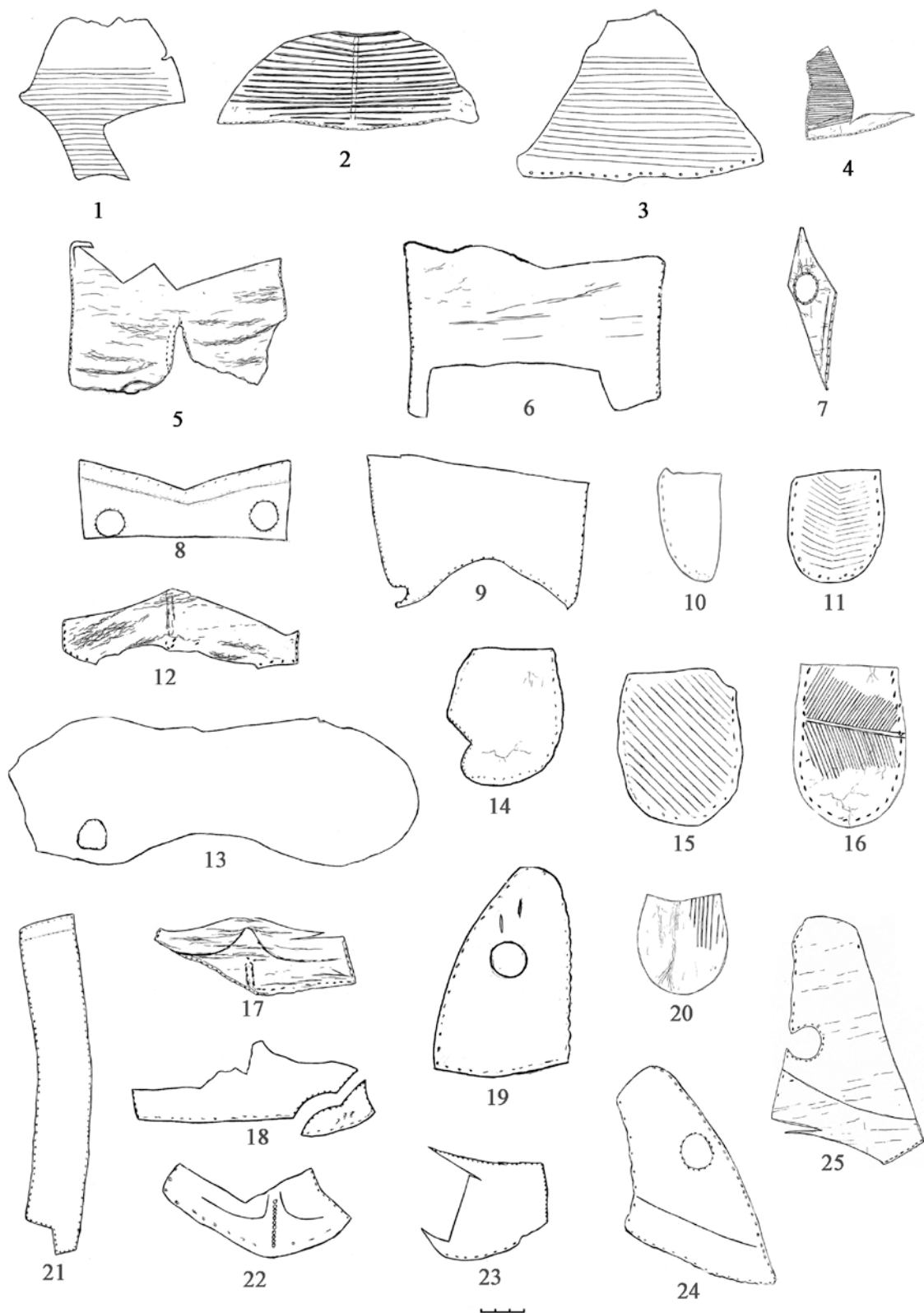

Рис. 17. Обрезки и детали вторичного использования.

Житный раскоп.

1-4 – головки; 5-9, 12 – голенища; 10 – каблучный флик; 11, 15-16, 20 – каблучные флики из головок; 13 – заготовка подошвы из голенища; 14 – каблучный флик со следами дотачки; 17, 18, 22 – задники со следами дотачек; 19, 24-25 – поднаряды из голенища; 21 – дотачка голенища; 23 – задник

Рис. 18. Введенский раскоп.
Распределение находок из кожи, пласт 8

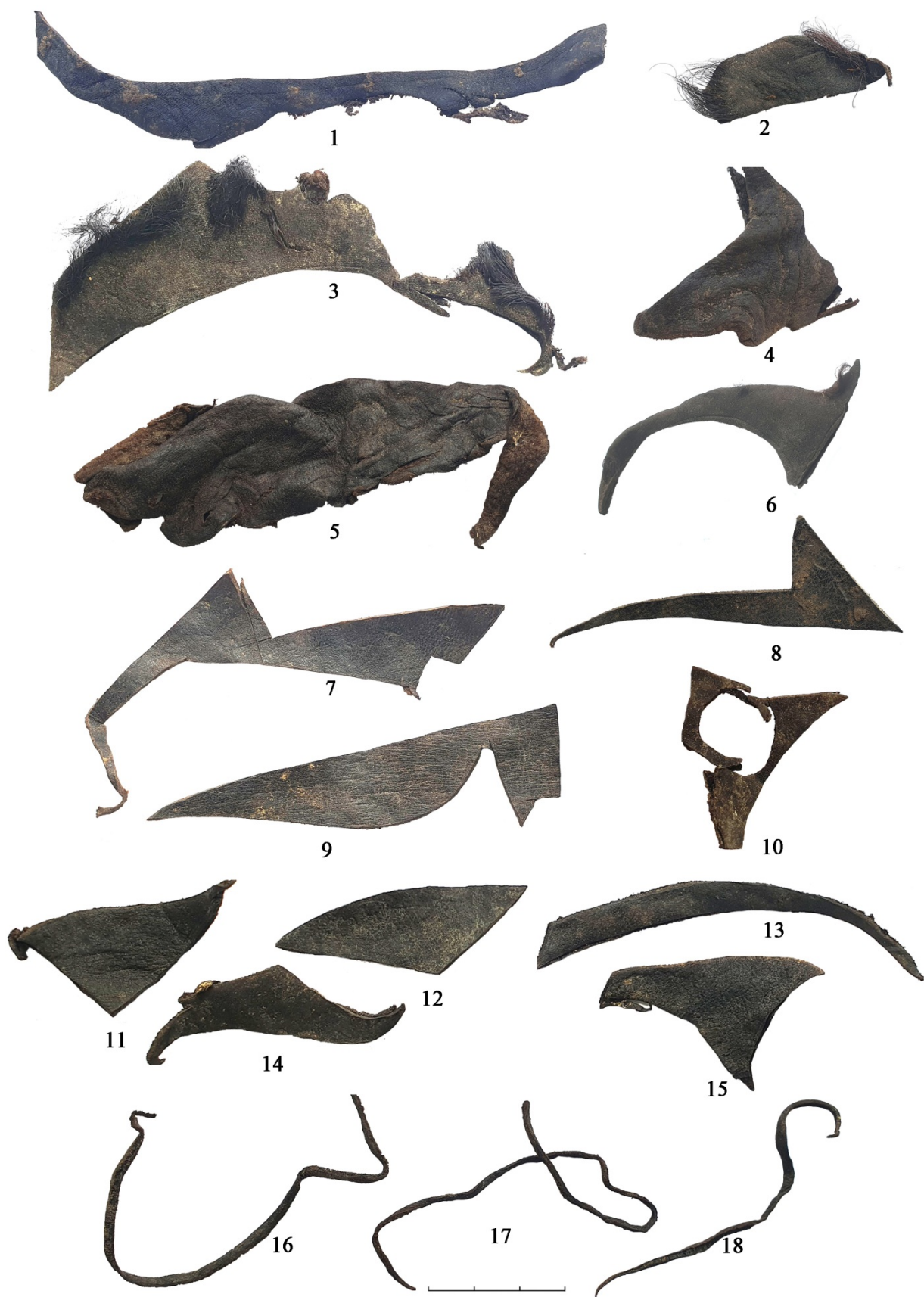

Рис. 19. Обрезки первичного раскроя кожи. Введенский раскоп.
 1 – обрезок края листа; 2–3 – обрезки края листа с не полностью удаленным волосом животного; 4–5 – обрезки со сморщенными участками кожи;
 6–10 – фигурные обрезки; 11–15 – геометрические обрезки;
 16–18 – нитевидные обрезки

Рис. 20. Обрезки первичного раскроя кожи
с технологическими отверстиями.
Введенский раскоп

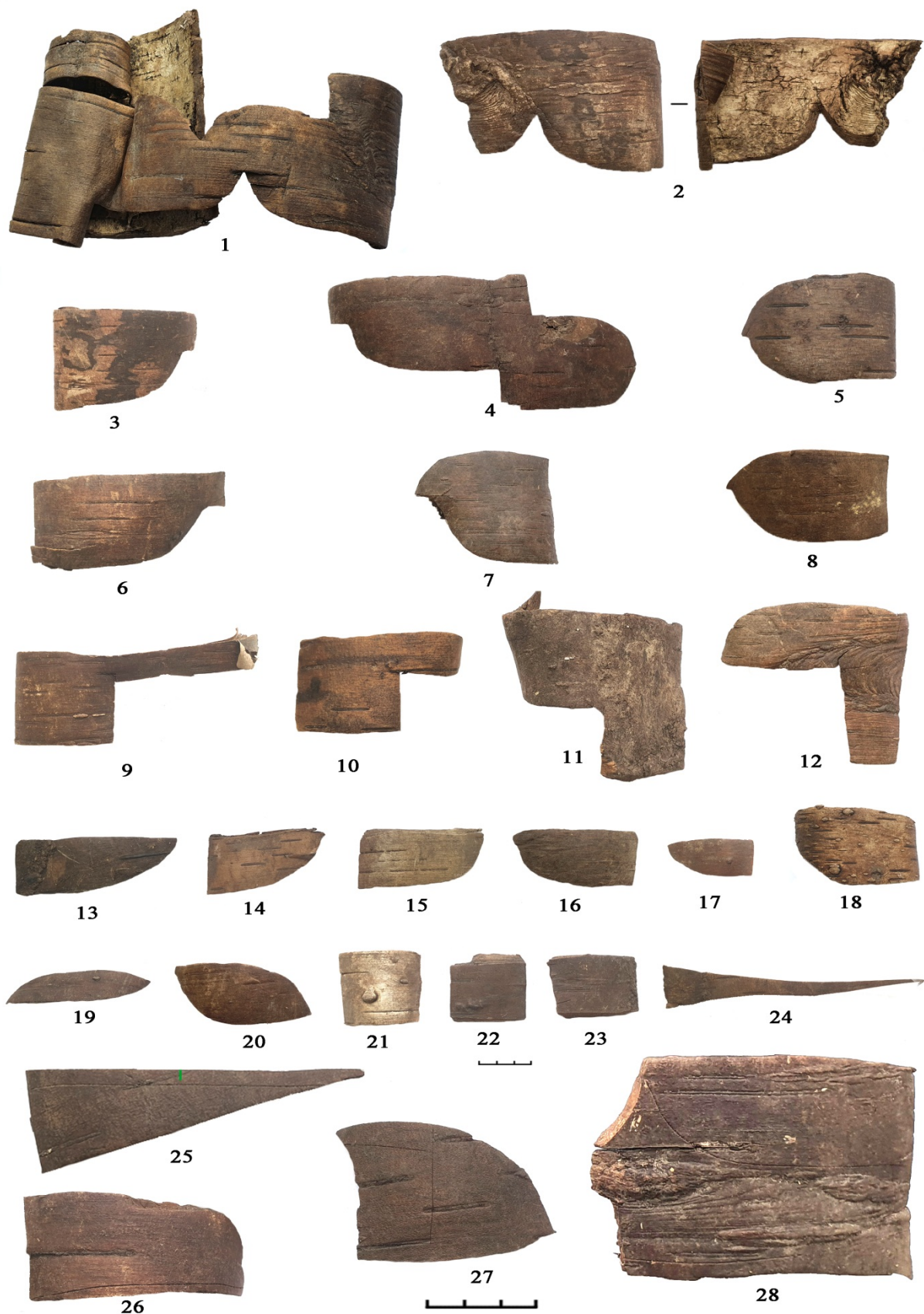

Рис. 21. Обрезки от раскроя вставок в задники сапог, береста.
Введенский раскоп

Рис. 22. Кожевенно-сапожный инструментарий.
Переяславль Рязанский.

1-2 – молотки-гвоздодеры; 3-4, 9-10 – шилья;
5-8 – инструменты; 11-12 – сапожные ножи; 13 – наперсток, цветной металл;
14 – сапожные гвозди; 15 – деревянная колодка;
16 – метаподиальные кости лошади с лошением и стертойстью на диафизе

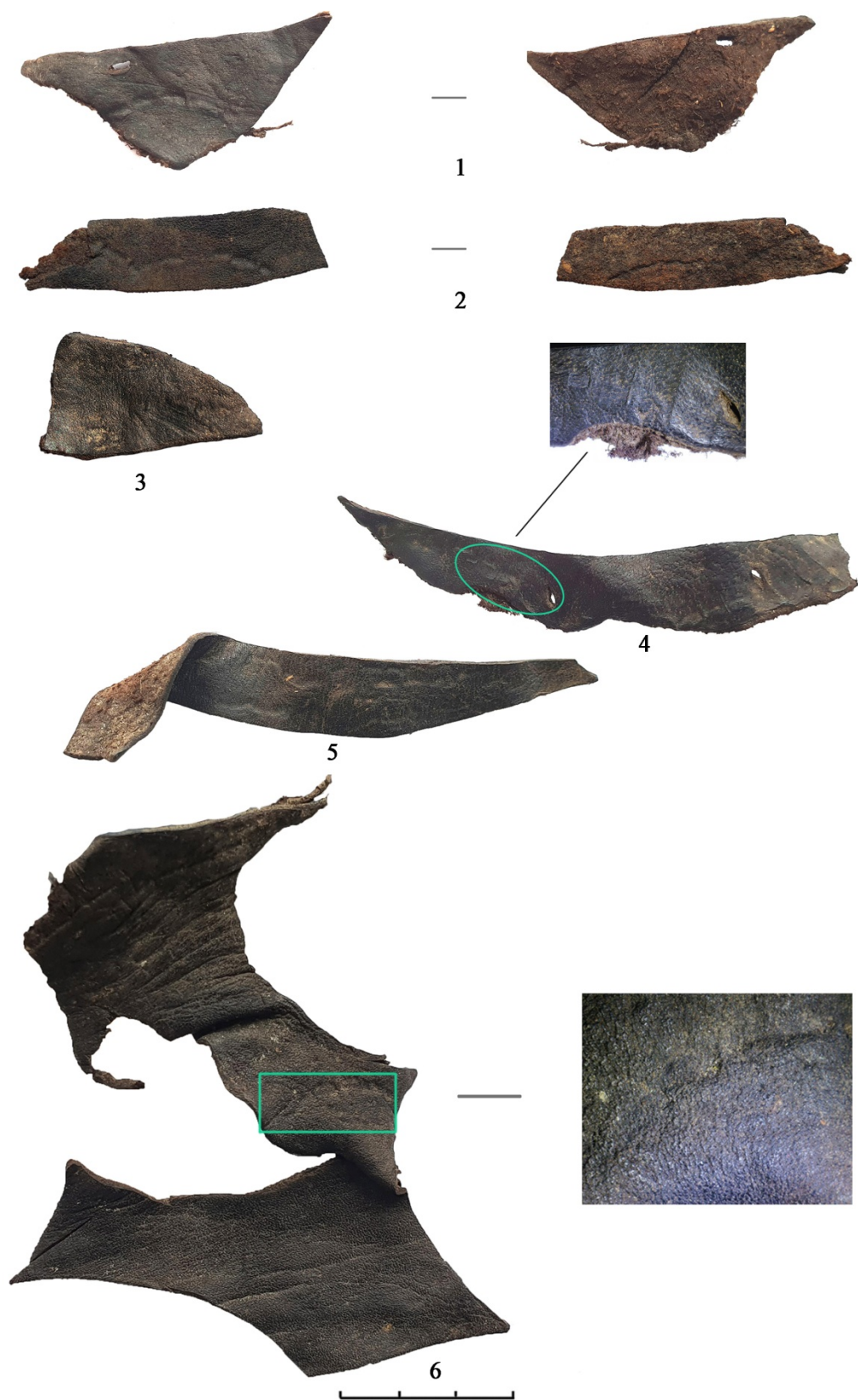

Рис. 23. Технологические приемы работы с кожей зубами человека.
 Житный и Введенский раскопы.
 1–2 – удержание; 3 – скобление волоса; 4 – растягивание; 5–6 – жевание

Рис. 24. Отпечатки зубов человека на изделиях из кожи.
 Житный и Введенский раскопы.
 1 – обрезок, сложенный вдвое; 2 – застежка;
 3 – голенище сапога; 4–5 – обрезки

Рис. 25. Обрезки первичного раскроя кожи.
Введенский раскоп.

1 – обрезаек со следами работы инструментом; 2: а – вмятины от зубов, б – надрезы инструментом, в – вдавливания инструментом; 3 – процарапанная линия разметки; 4-5 – продавленная линия разметки; б – надрезы ножом

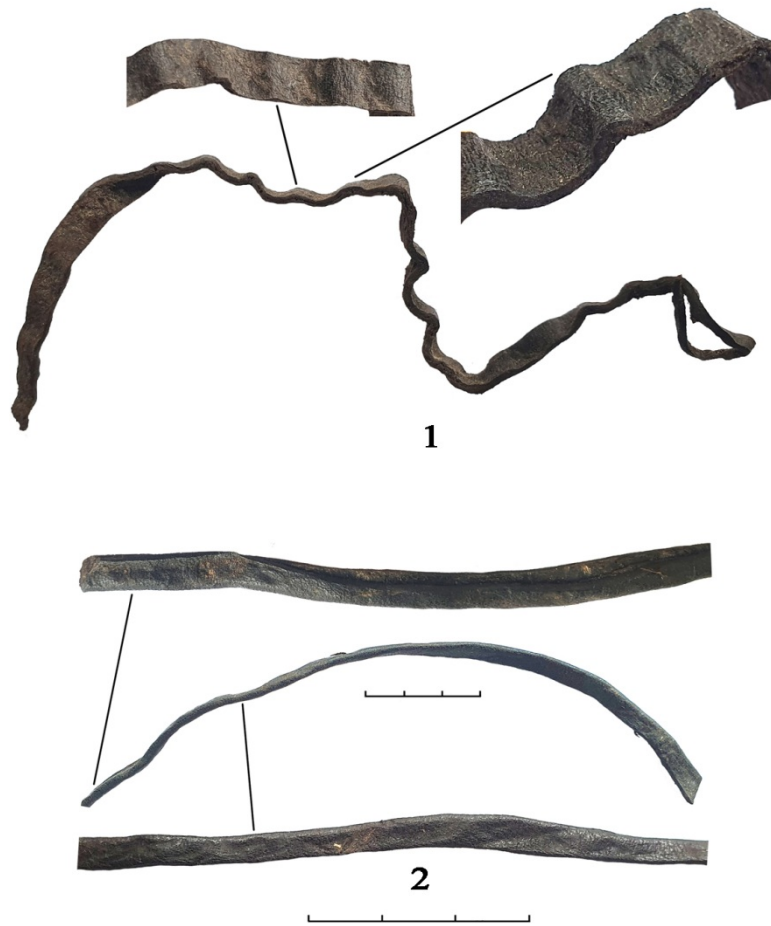

Рис. 26. Обрезки первичного раскроя кожи
с отпечатками рабочей поверхности инструментов.
Введенский раскоп

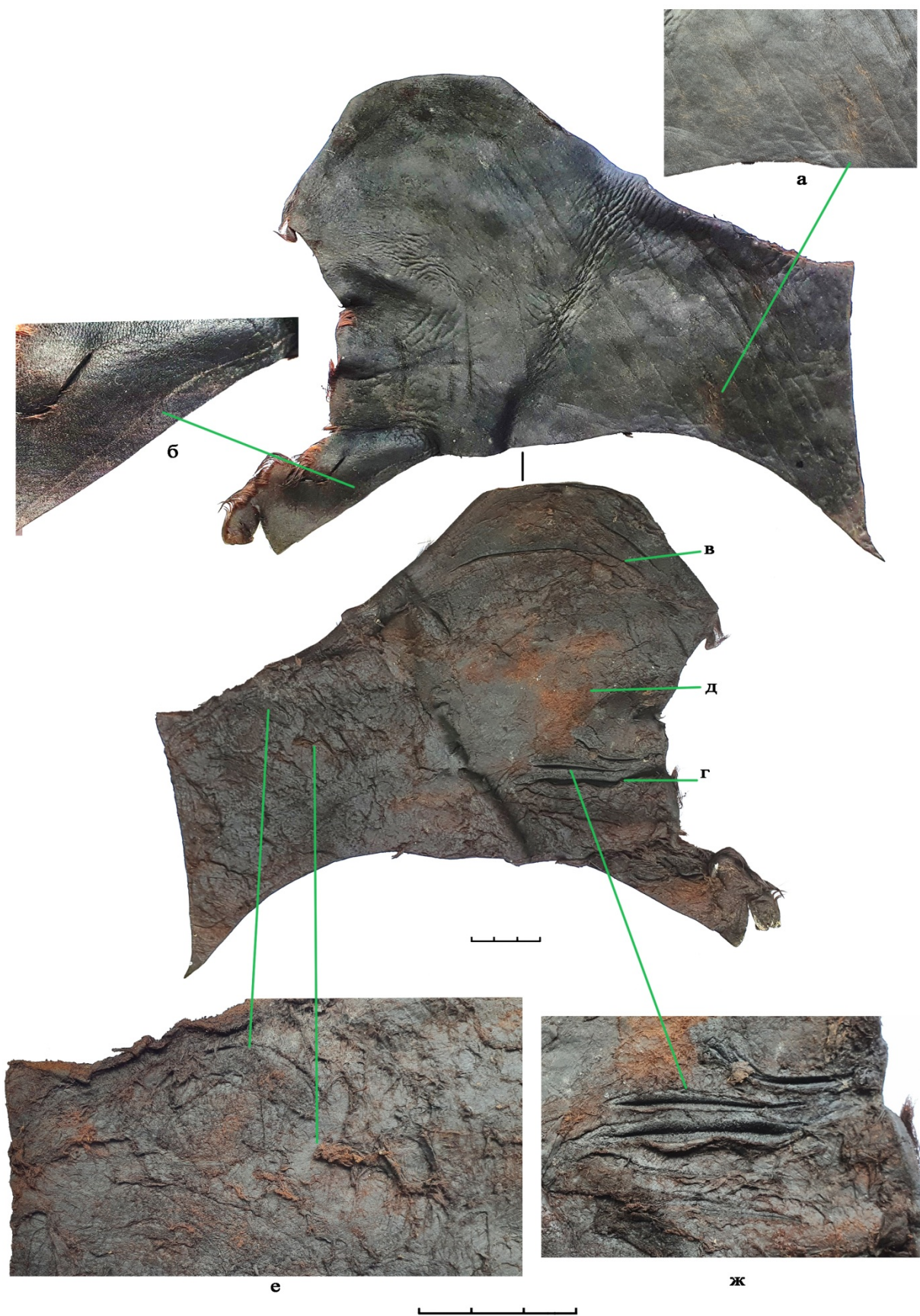

Рис. 27. Обрезок первичного раскроя кожи.
 Введенский раскоп.
a – не удаленный волос животного;
б – линия разметки; *в-ж* – следы инструмента

Рис. 28. Обрезки первичного раскроя кожи.

Введенский раскоп.

1–10 – тренировочные материалы с разрезами ножницами;

11 – надрезы ножом; 12 – вырез ножом и ножницами;

13–16 – упражнение (?) в изготовлении застежек

Рис. 29. Тренировочные материалы.

Введенский раскоп.

1-3 – разрезы; 4-6 – надрезы; 7-11 – прорезы; 12-14 – вырезы;
15 – продавливания поверхности; 16 – надрезы поверхности

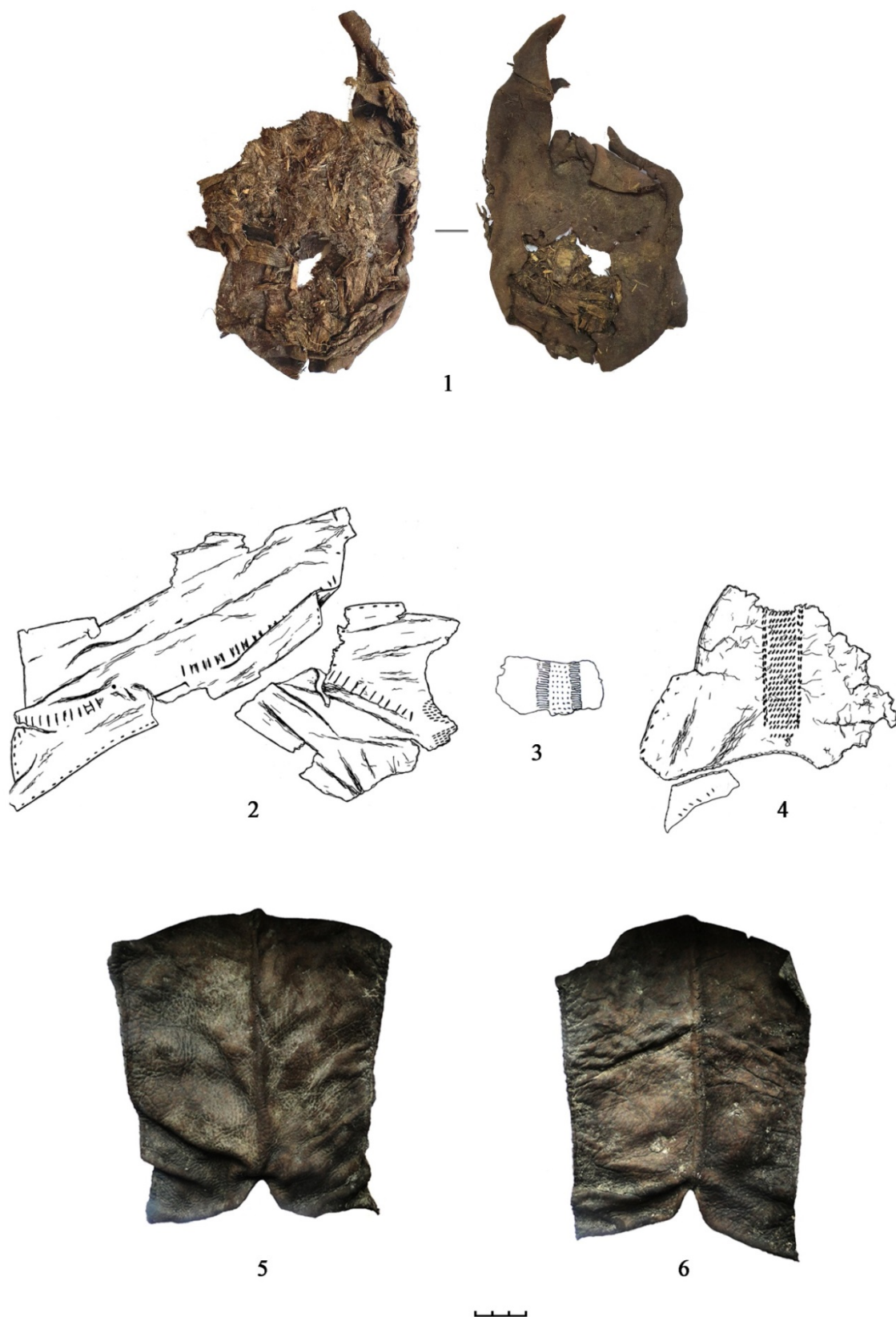

Рис. 30. Виды обуви, фрагментированные детали.
 1 – поршень (Введенский раскоп);
 2–4 – туфли (Житный раскоп);
 5–6 – полусапожки (Житный раскоп)

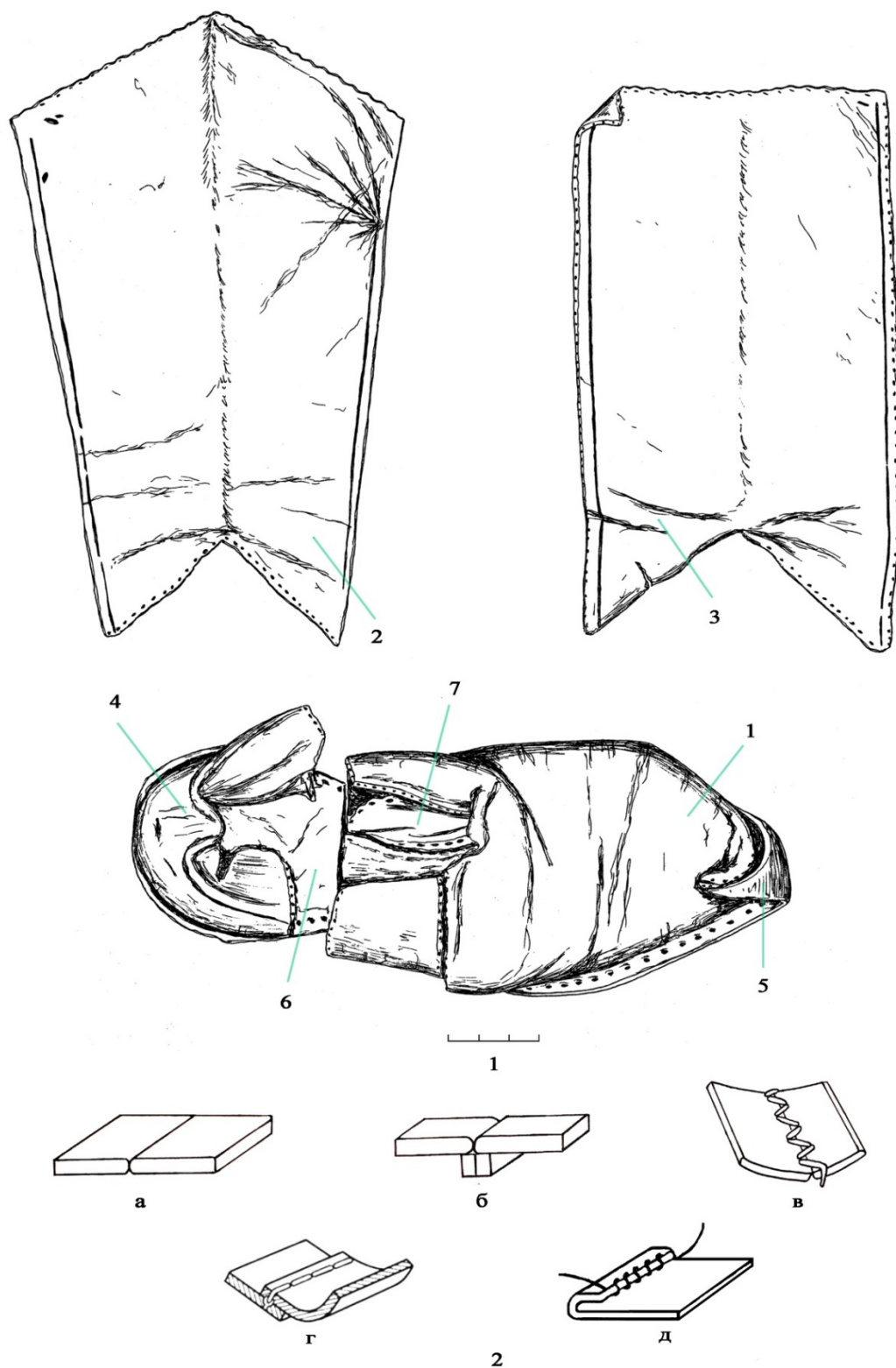

Рис. 31. Конструктивные элементы сапога и виды швов.
 1 – сапог (Введенский раскоп, пл. 8, кв. 35, № 246).
 Детали верха: 1 – головка, 2–3 – голенище, 4 – задник; детали низа: 5 – подошва,
 6 – внутренний каблук (подпяточные подкладки);
 дополнительные детали: 7 – поднаряд;
 2 – виды швов (а – тачной; б – выворотный; в – переметочный;
 г – сквозной; д – потайной)

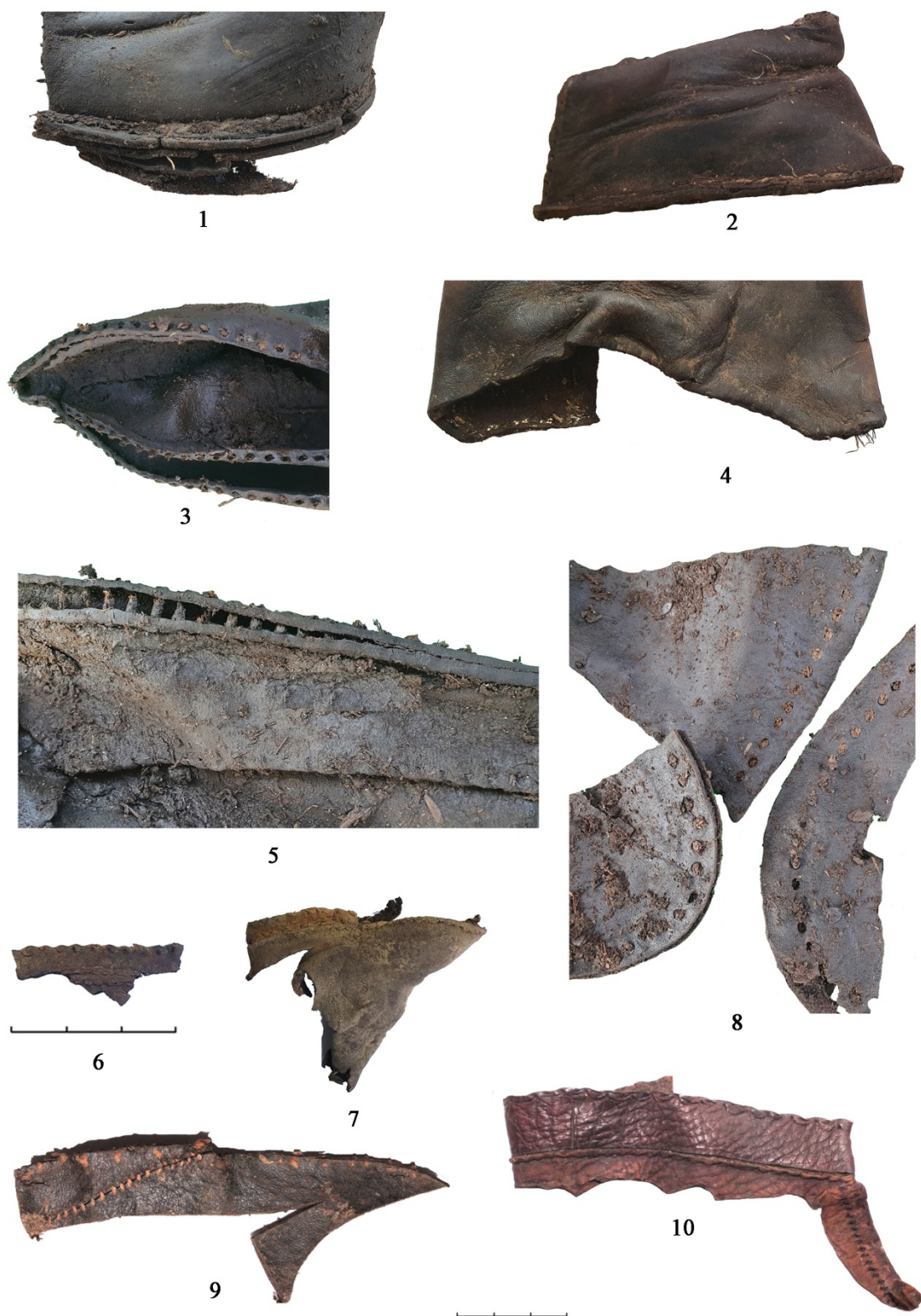

Рис. 32. Детали сапог с сохранившимися нитями в шовных отверстиях.
 1–2 – задники (Введенский раскоп); 3–5 – головки (Введенский раскоп);
 6–7 – голенища (Введенский раскоп), 8 – каблучные флики (Введенский раскоп);
 9–10 – голенища (Житный раскоп)

1

2

3

Рис. 33. Детали сапог с сохранившимися деревянными шпеньками в отверстиях.

Введенский раскоп.

1 – внутренний каблук; 2 – задник;

3 – задник и внутренний каблук

Рис. 34. Детали сапог.
Раскопки А.Л. Монгайта, 1955–1957 гг.
1–6 – головки; 7–8 – головки со следами вторичного раскроя

Рис. 35. Детали сапог.
 Раскопки А.Л. Монгайта, 1955–1957 гг.
 1–4 – голенища; 5 – голенище со следами вторичного раскроя;
 6 – заготовка из головки;
 7–8 – задники со следами вторичного раскроя; 9–11 – подошвы; 12 – задник

Рис. 36. Детали сапог.
Раскопки В.П. Челябинова, 1981 г.
1-6 – головки; 7-8 – подошвы

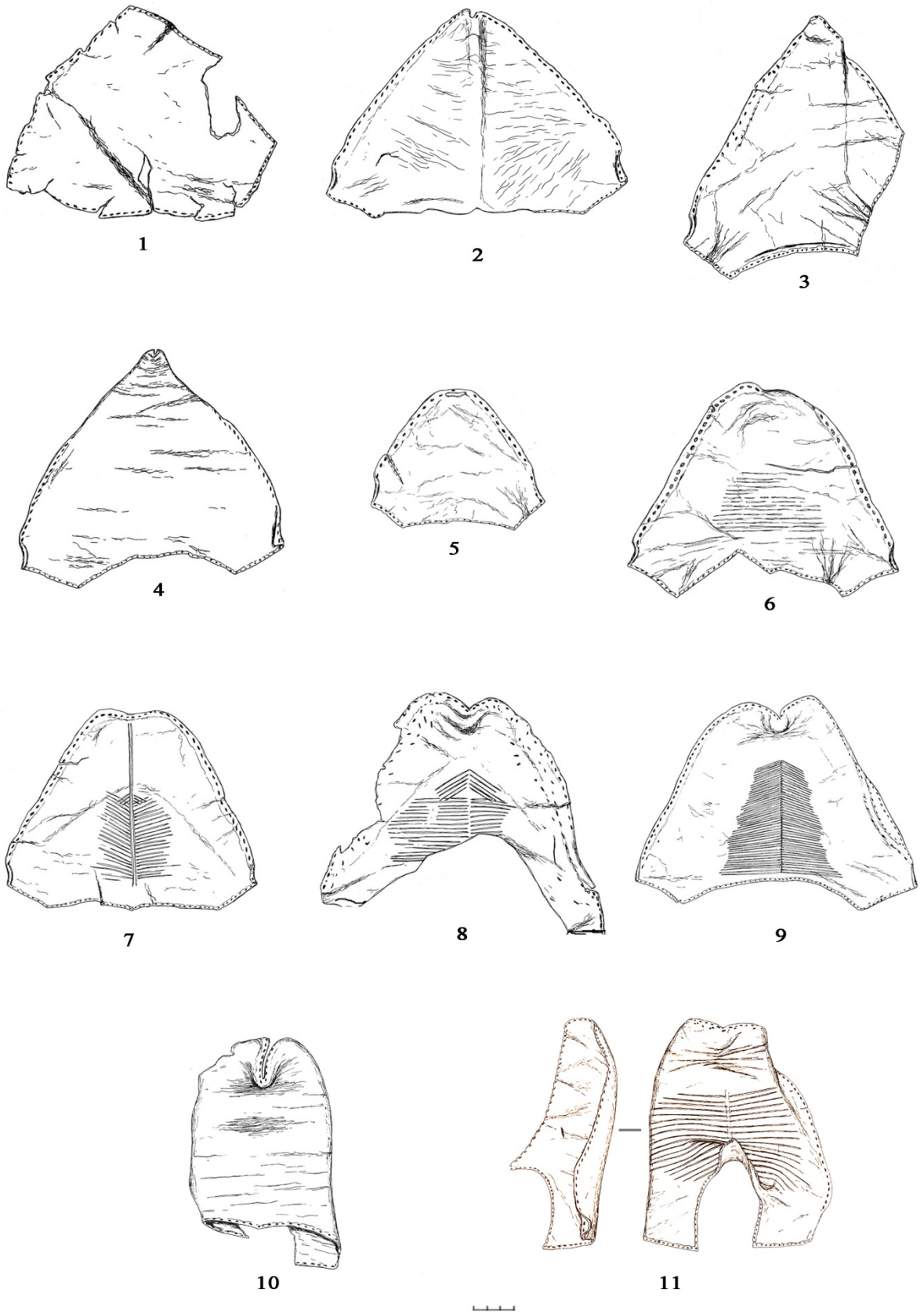

Рис. 37. Детали сапог.
 Житный раскоп.
 1–10 – головки; 11 – головка и поднаряд

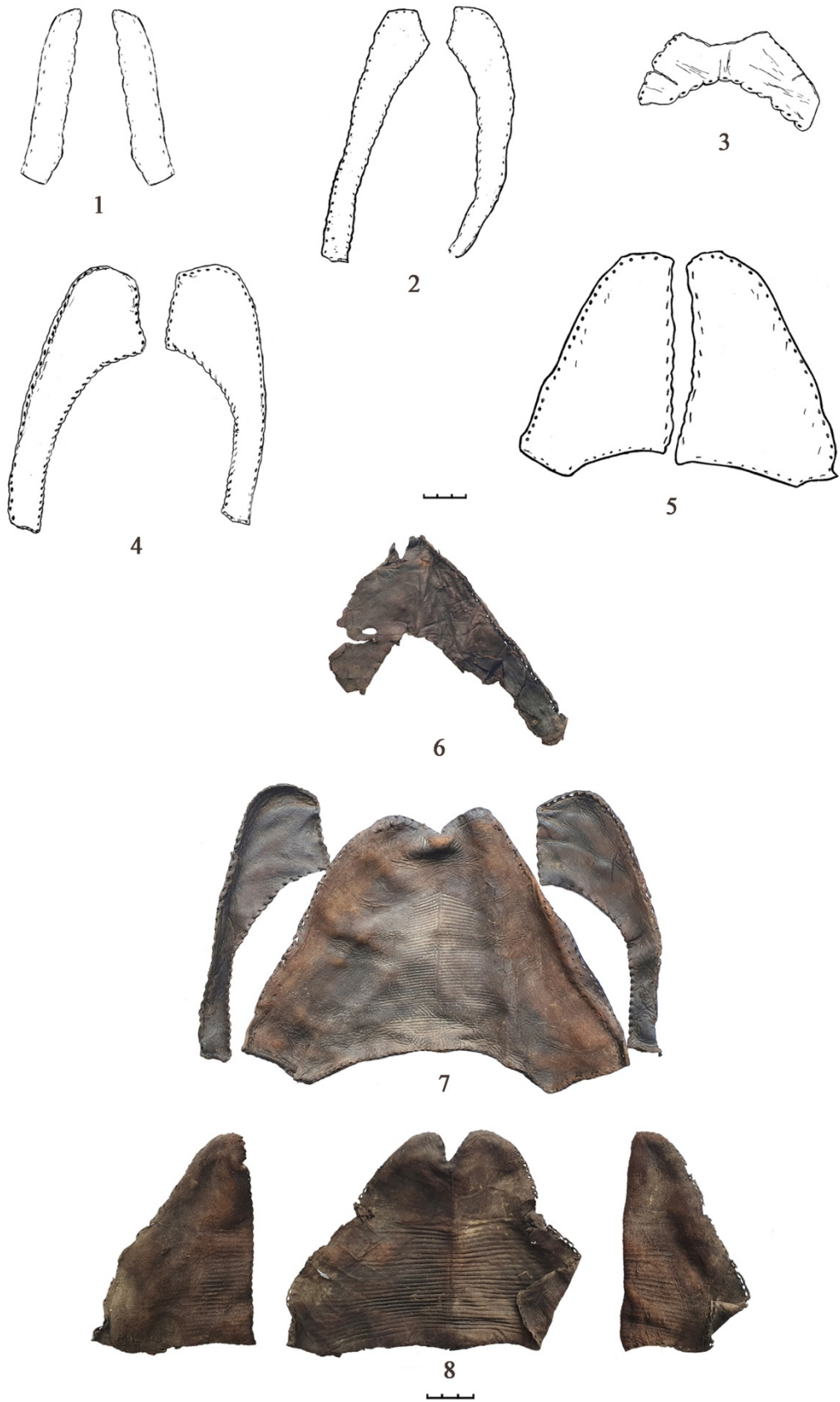

Рис. 38. Детали сапог.
 Житный раскоп.
 1-6 – поднаряд; 7-8 – головки и поднаряд

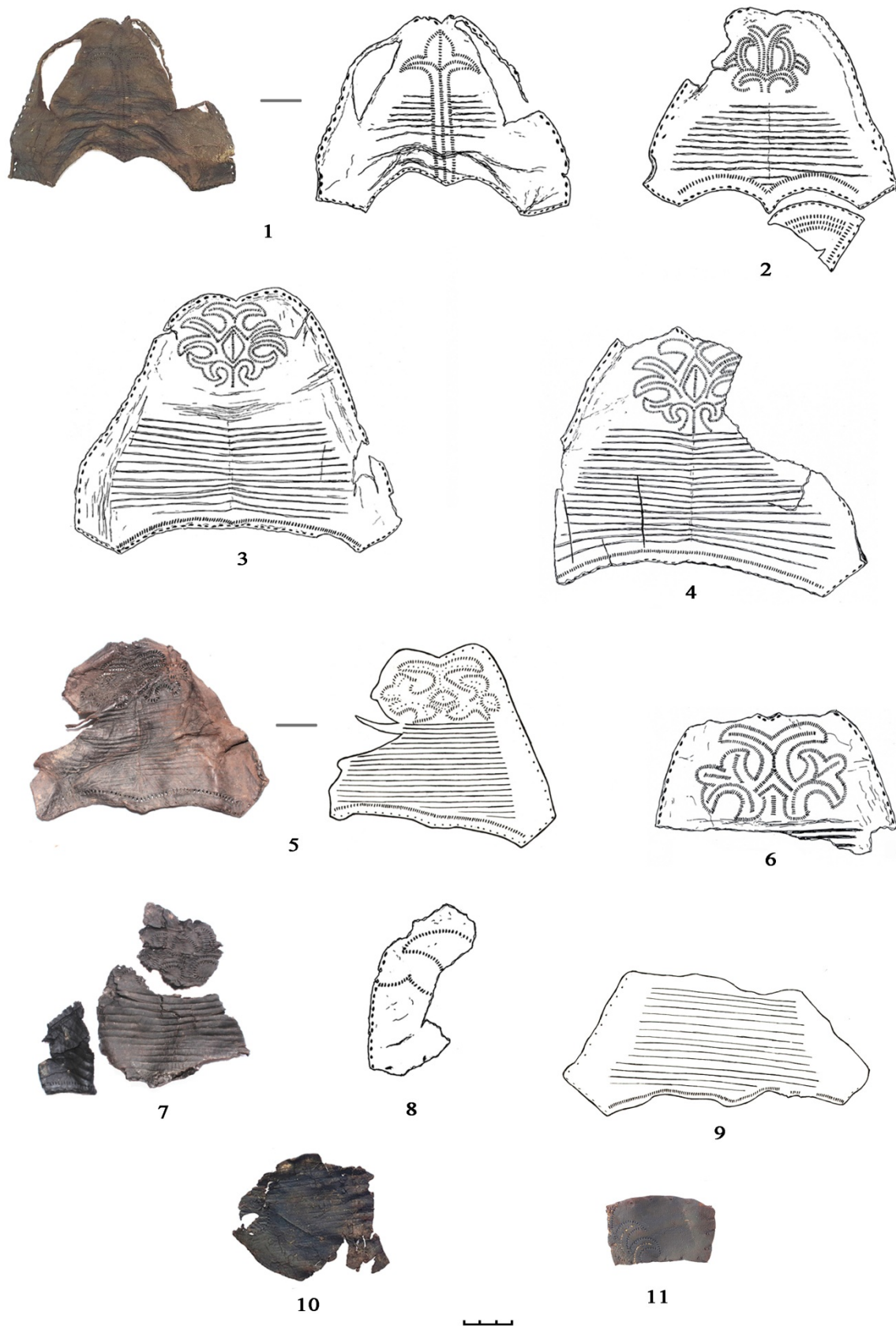

Рис. 39. Детали сапог со следами расшивки.
 1-9 – головки (Житный раскоп); 10 – головка (Введенский раскоп);
 11 – заплата (Введенский раскоп)

Рис. 40. Детали сапог. Житный раскоп.
 1-9, 13 – голенища; 10 – голенище со следами вторичного раскроя;
 11 – обрезки деталей; 12, 14-15 – обрезки голенищ

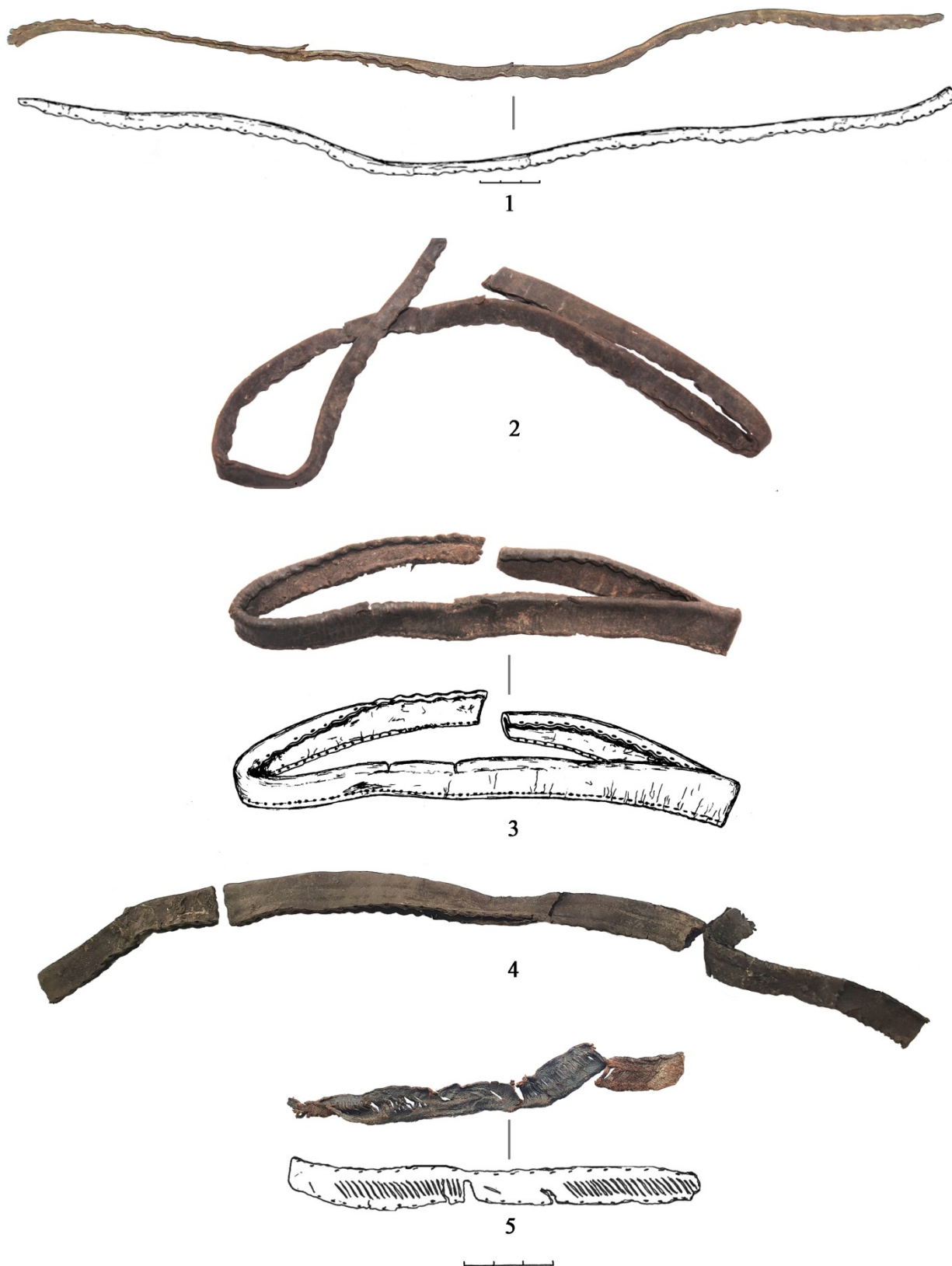

Рис. 41. Детали сапог.
 1–3 – обшивки верхнего края голенищ (Житный раскоп);
 4 – обшивка верхнего края голенища (Введенский раскоп);
 5 – обшивка края (Житный раскоп)

Рис. 42. Детали сапог.
 Житный раскоп.
 1–10 – задники; 11–12 – задники и пяточная часть подошвы

Рис. 43. Детали сапог.
Введенский раскоп.
1-2 – вставки в задник, береста;
3-5 – варианты вставок в задниках

Рис. 44. Детали сапог.
Введенский раскоп.
1-3 – варианты вставок (дерево, береста, кожа) в задниках

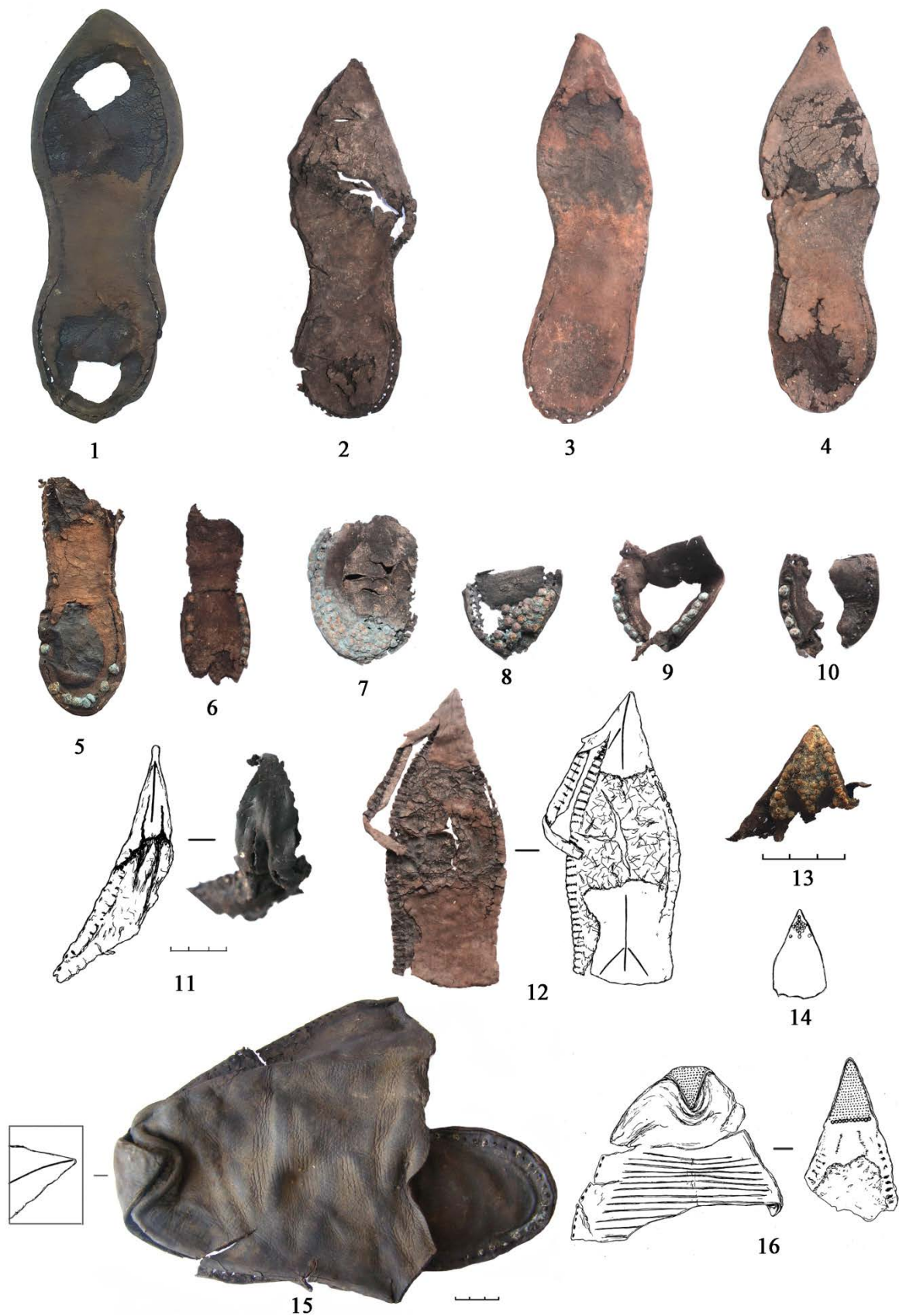

Рис. 45. Детали сапог. Житный раскоп.
 1-6 – подошвы; 7-10 – пяточные части подошв;
 11-12, 15 – подошвы с клеймами;
 13-14, 16 – декоры носочной части подошв

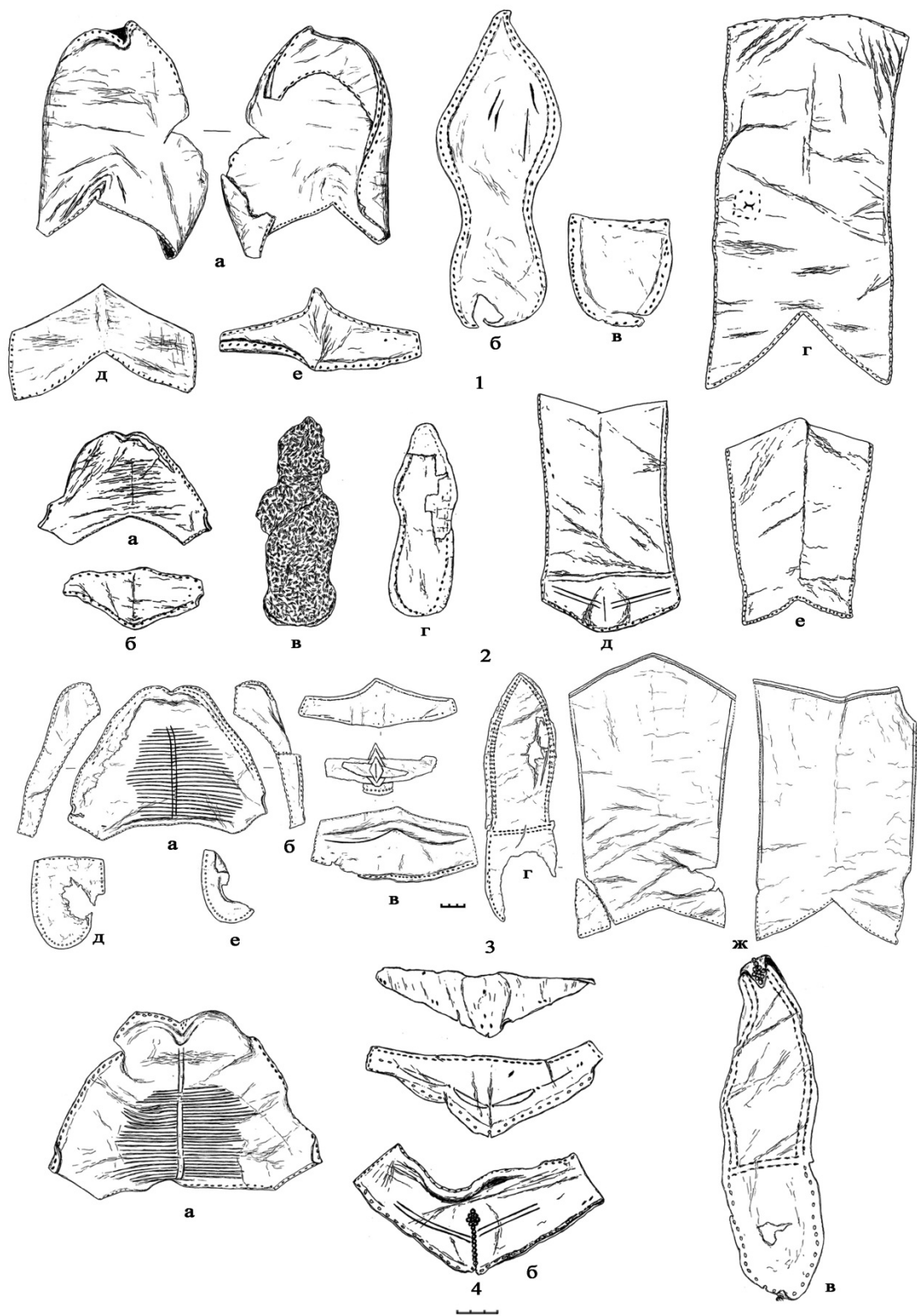

Рис. 46. Сапоги. Житный раскоп.

- 1 – детали сапога (а – головка, б – подошва, в – внутренний каблук, г – голенище, д – задник, е – вставка в задник);
- 2 – детали детского сапога (а – головка, б – вставка в задник, в – войлочная стелька, г – подошва, д-е – голенище);
- 3 – детали детского сапога (а – головка, б – поднаряд, в – задник с вставками, г – подошва, д-е – внутренний каблук, ж – голенище);
- 4 – детали сапога (а – головка, б – задник с вставками, в – подошва)

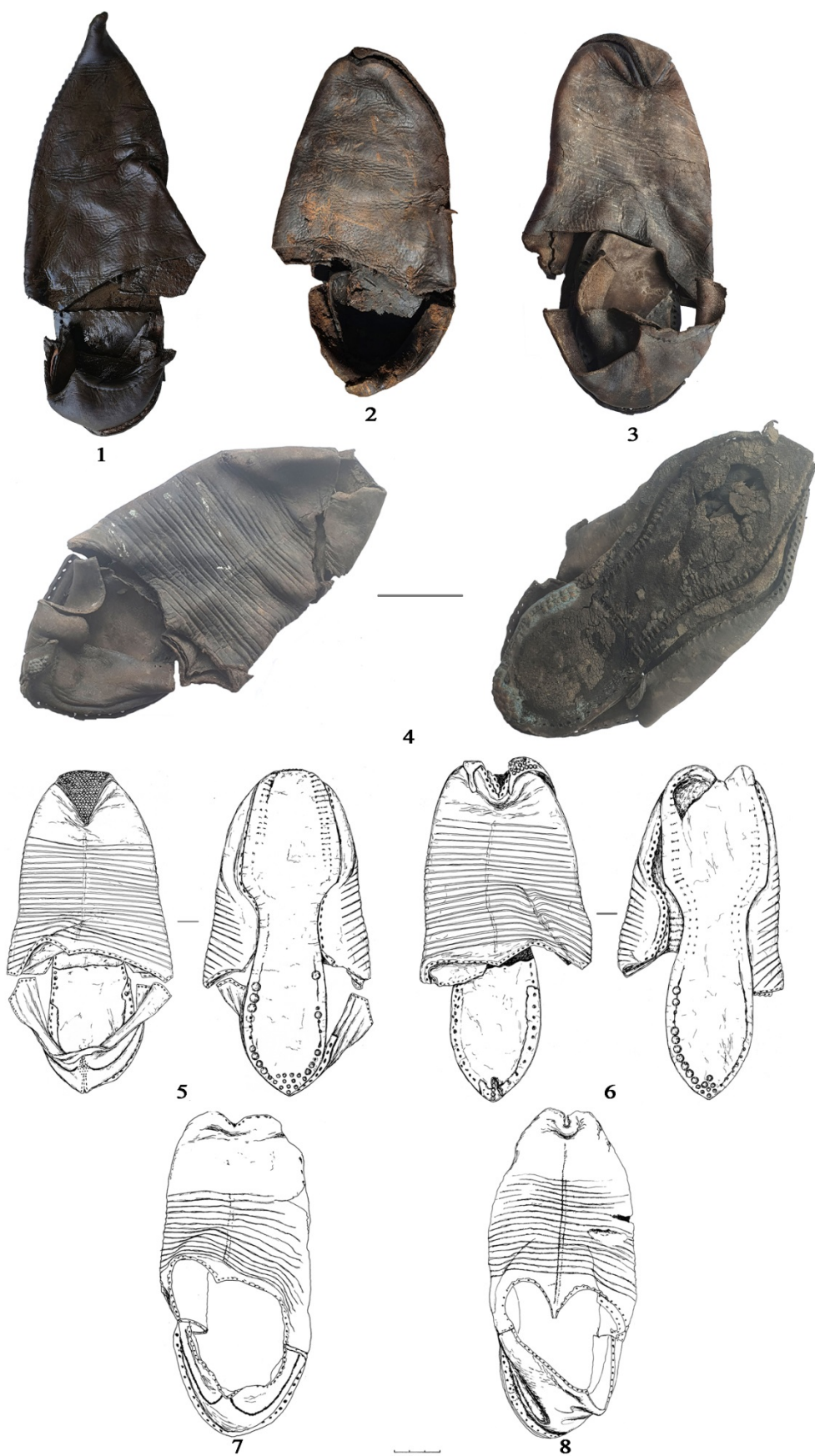
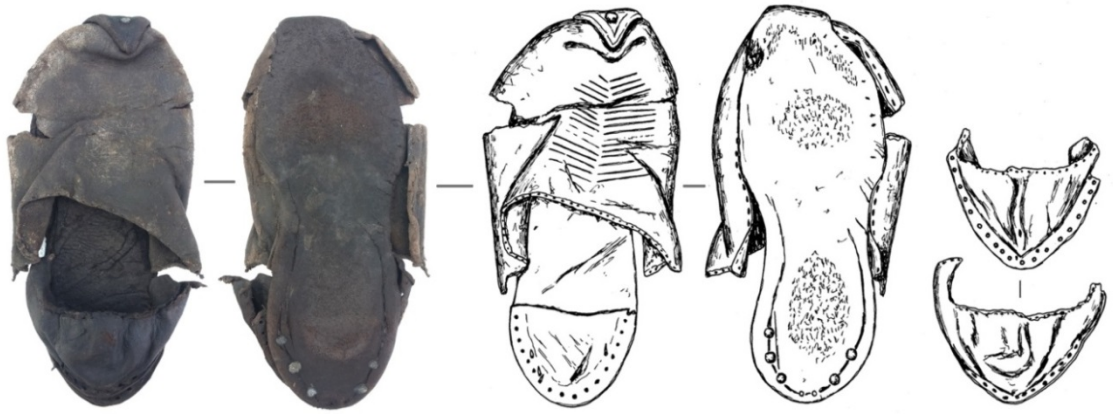
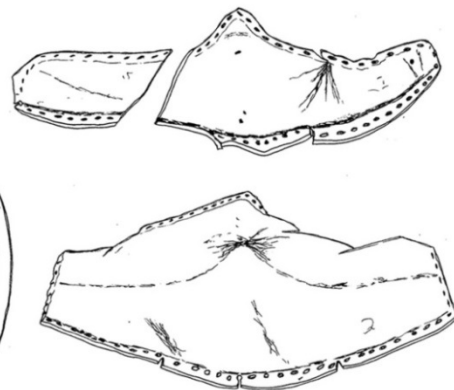
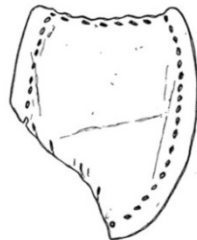
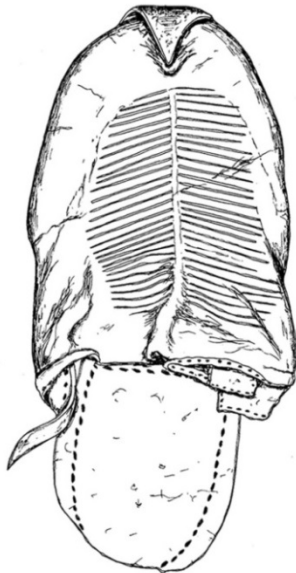

Рис. 47. Сапоги.
 1-3 – Введенский раскоп; 4 – наблюдения, 2007 г.; 5-6 – Житный раскоп;
 7-8 – Острог, наблюдения, 1997 г.

1

2

Рис. 48. Сапоги.
Введенский раскоп.
1 – сапог (детский); 2 – сапог

Рис. 49. Сапоги. Введенский раскоп.
 1–2 – детали сапог; 3 – задник; 4, 6 – головки; 5, 7 – фрагменты голенищ;
 8 – обрезки; 9–10 – обрезки голенищ

Рис. 50. Сапоги. Введенский раскоп.
 1 – головка и подошва; 2, 4, 6 – головки с поднарядами; 3, 5 – головки;
 7–8 – головки со следами вторичного раскроя;
 9 – каблучный флик из головки сапога;
 10 – голенище; 11–14 – обрезки голенищ

Рис. 51. Детали сапог. Введенский раскоп.
 1, 2, 4б – стелька, войлок; 3а – вставка в задник, 3б – подошва;
 4а – задник; 5 – головка с войлочным утеплителем

Рис. 52. Подковки, железо.
 Переяславль Рязанский.
 1–10 – врезные; 12–13 – комбинированные

Рис. 53. Лапти, фрагменты.
 Житный и Введенский раскопы
 1–8 – кожа, лыко; 9–12 – лыко

Рис. 54. Ремонт обуви. Житный раскоп.
 1-3, 11, 17 – детали сапог со следами крепления заплат;
 13-16, 18-19 – заплаты;
 12 – обрезок головки со следами крепления заплаты;
 4, 6-9, 10, 20-25 – ремонт обуви; 5 – обрезок головки

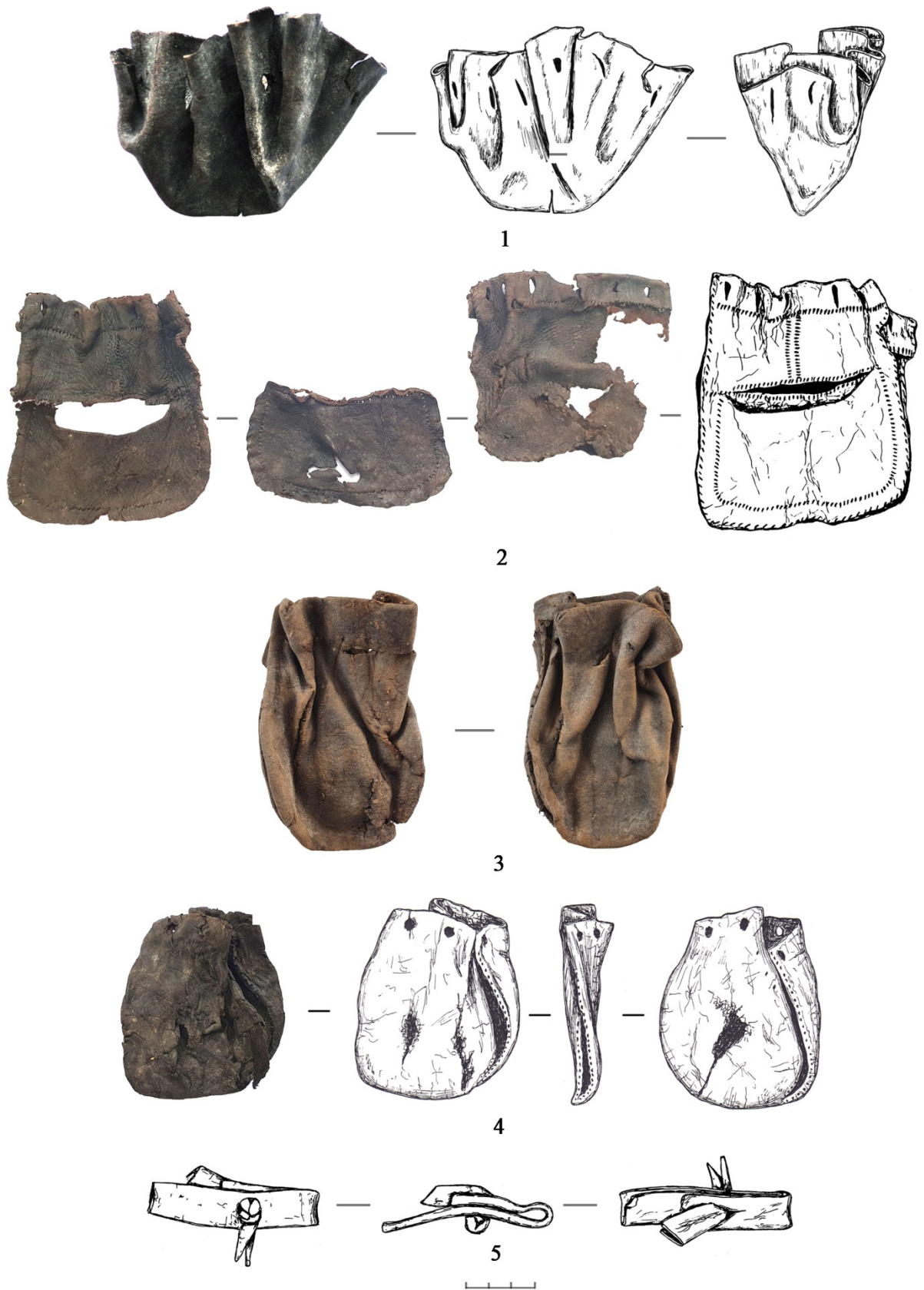

Рис. 55. Вместилища.
 1-4 – кошельки стяжного типа; 5 – обренок вместилища (?)

Рис. 56. Вместителища.
 Введенский раскоп.
 1 – футляр (?) (И.В. Ильенко, 1982 г.),
 2 – сумка с клапаном: а – сумка; б – внутренний карман;
 3 – клапан сумки, 4 – сумка, фрагмент

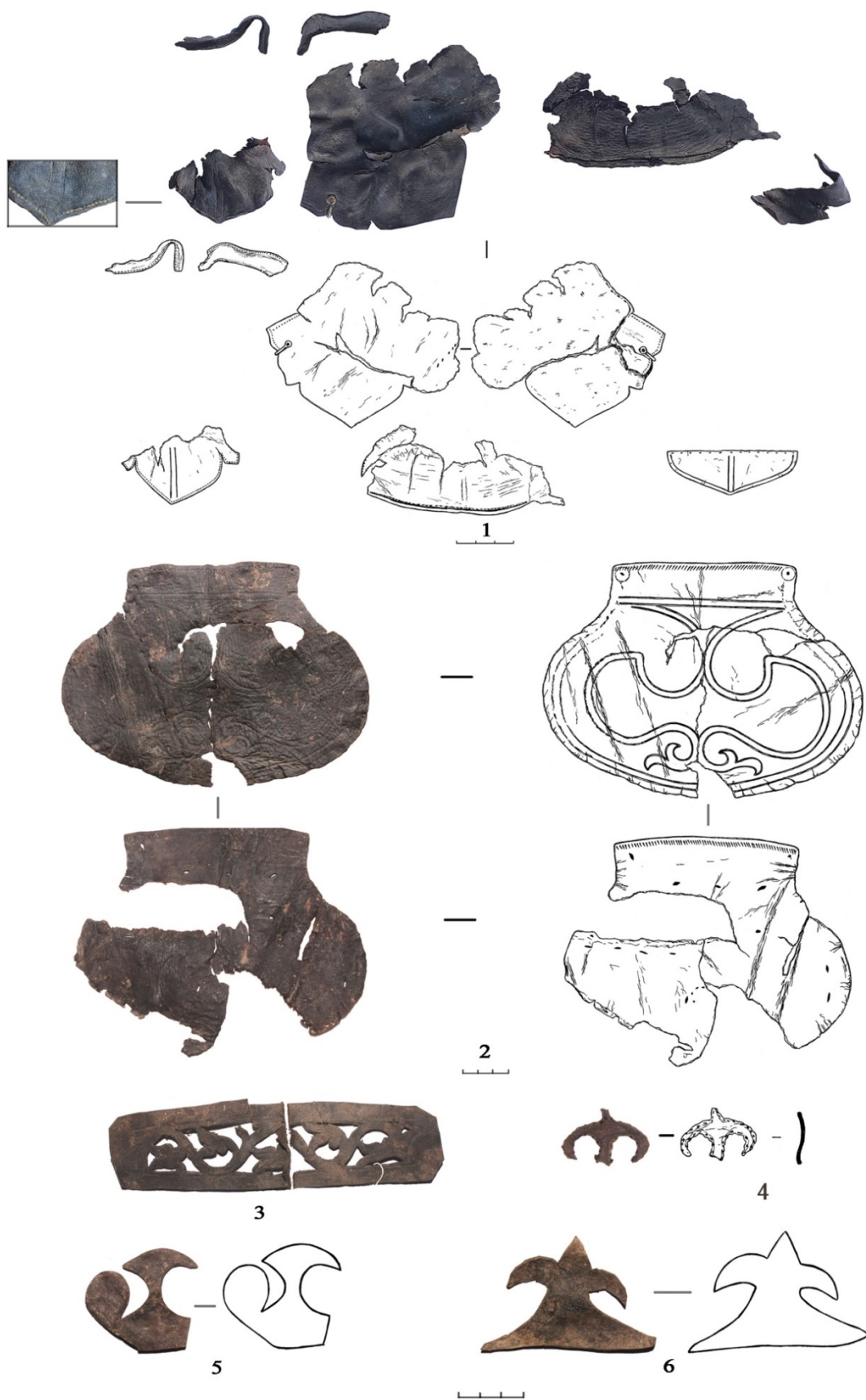

Рис. 57. Вместилища.
 Переяславль Рязанский
 1 – сумочка, фрагменты; 2 – клапан сумки, 3–4 – аппликации;
 5–6 – заготовки аппликаций (?)

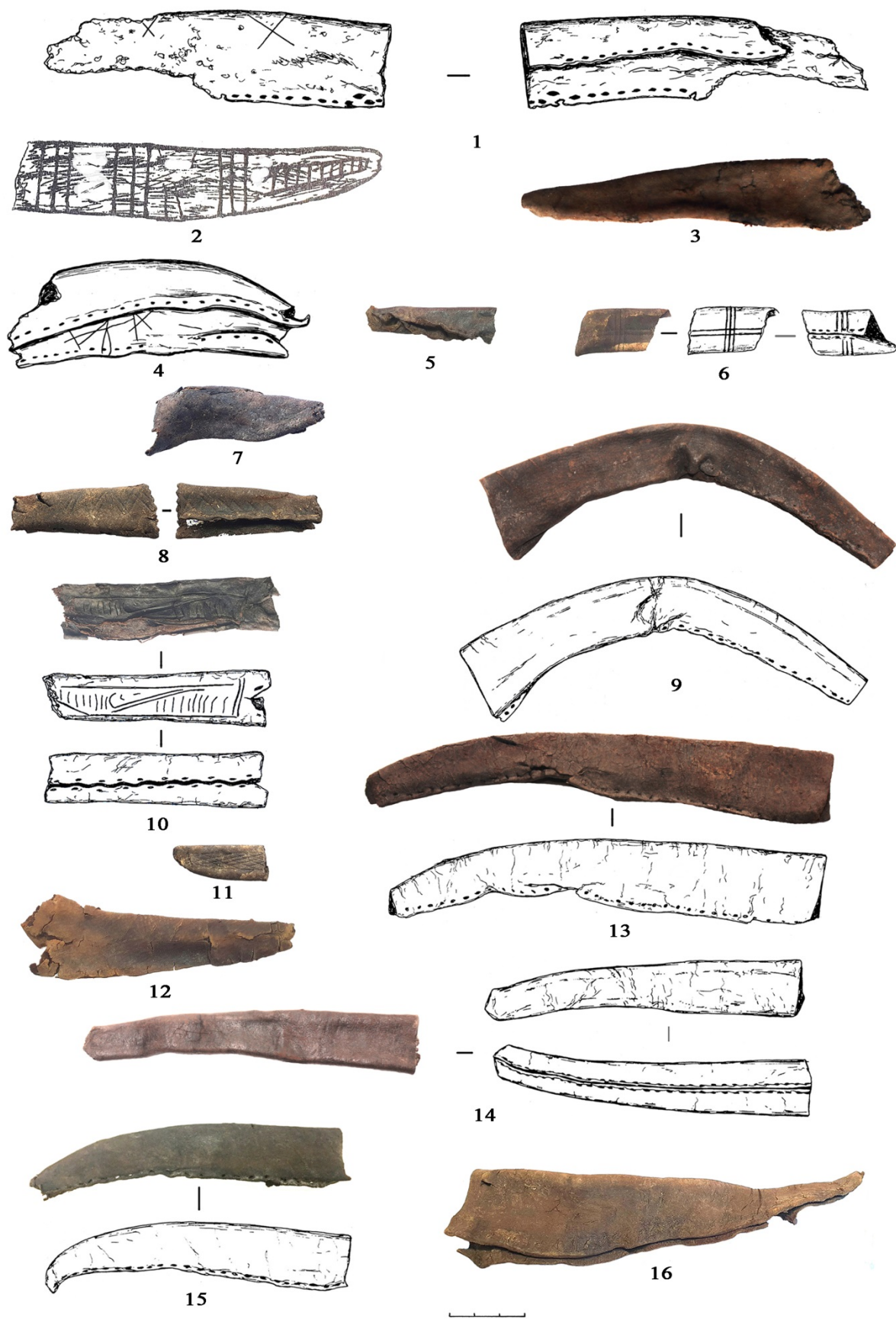

Рис. 58. Ножны.

1 – раскопки Н.П. Милонова, 1929; 2 – раскопки А.Л. Монгайта;
3 – наблюдения 1982 г.; 4–16 – Житный раскоп

Рис. 59. Ножны.
Житный раскоп

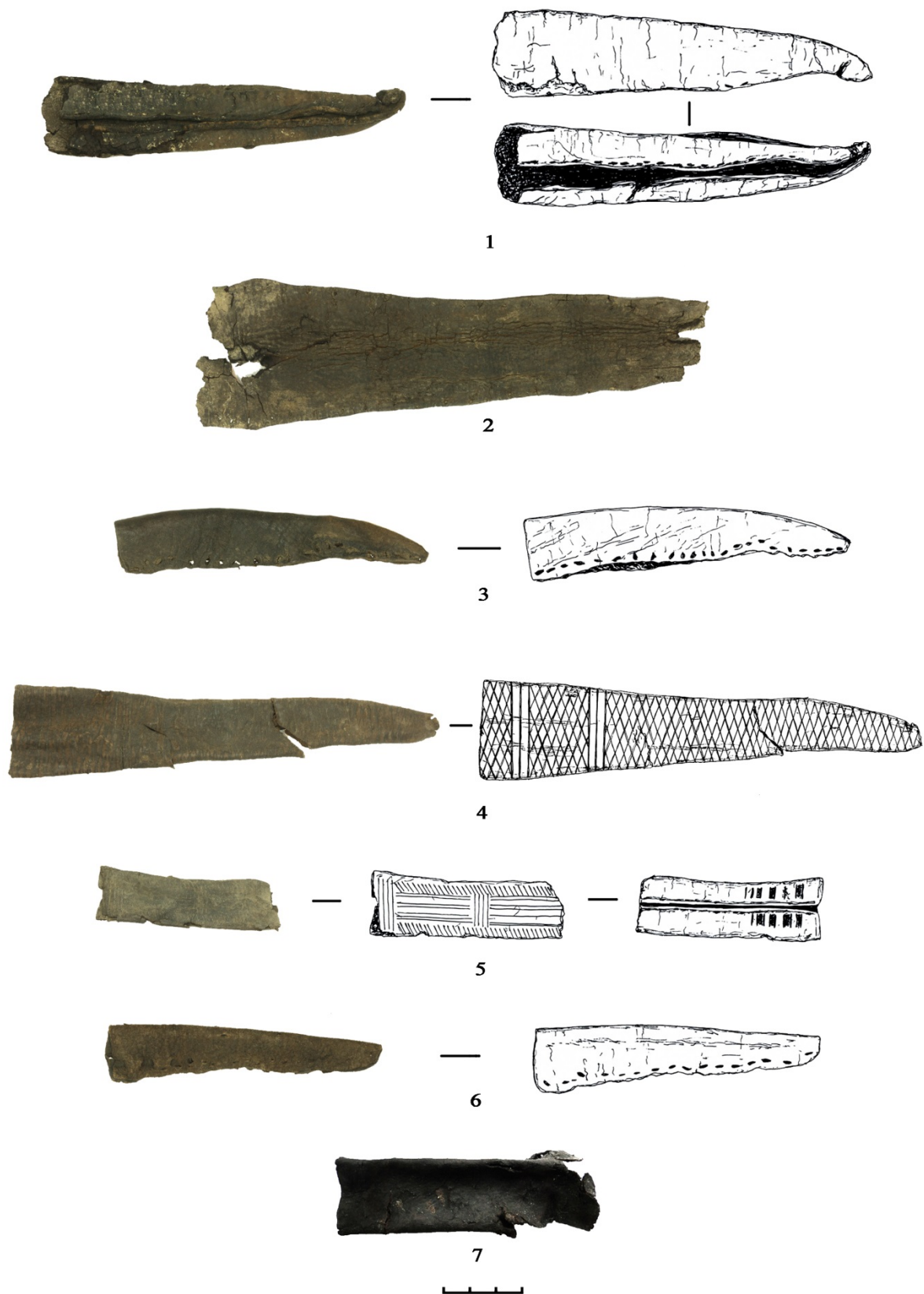

Рис. 60. Ножны
Житный раскоп

Рис. 61. Ножны.
Введенский раскоп

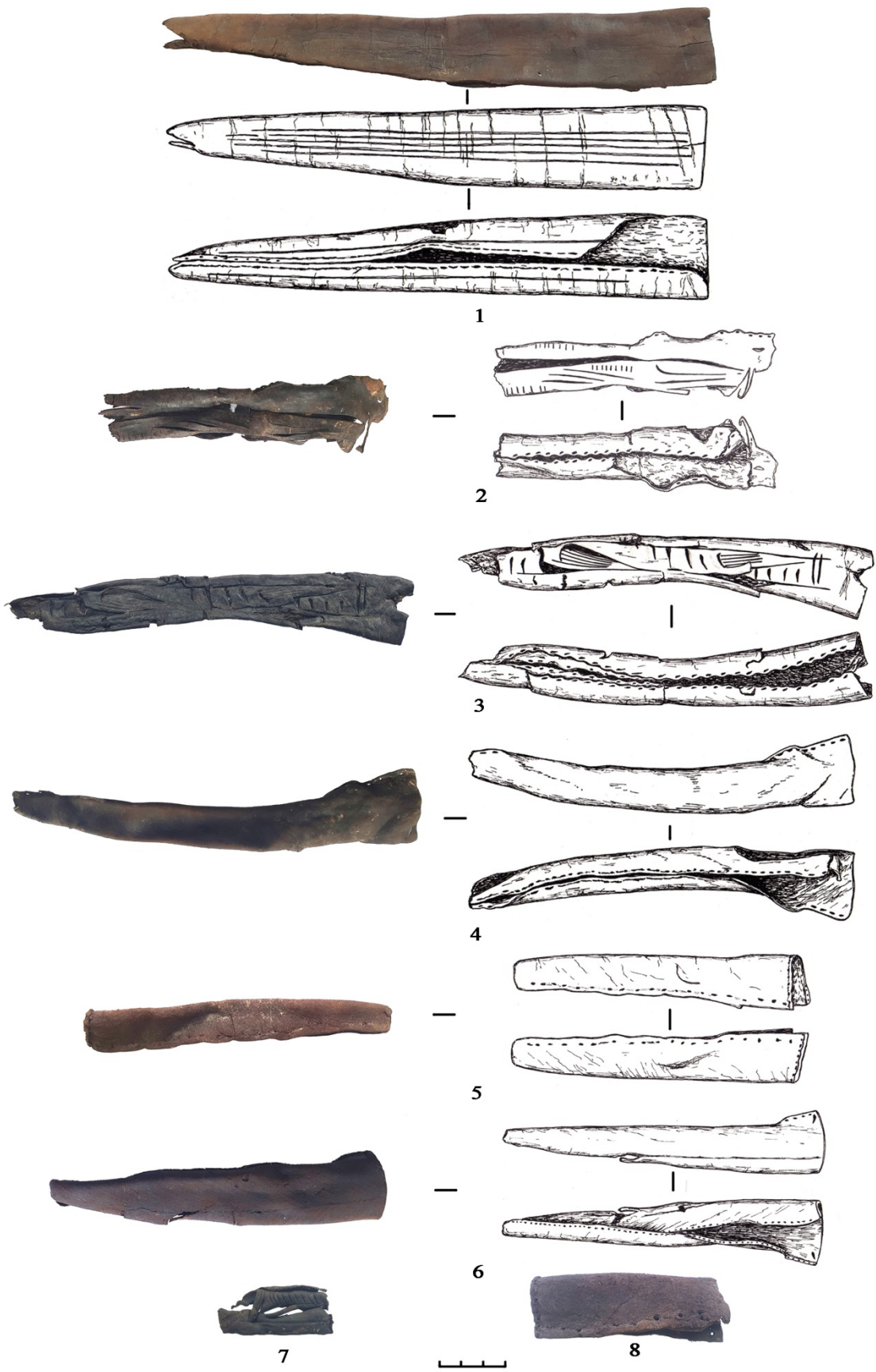

Рис. 62. Ножны.
Введенский раскоп

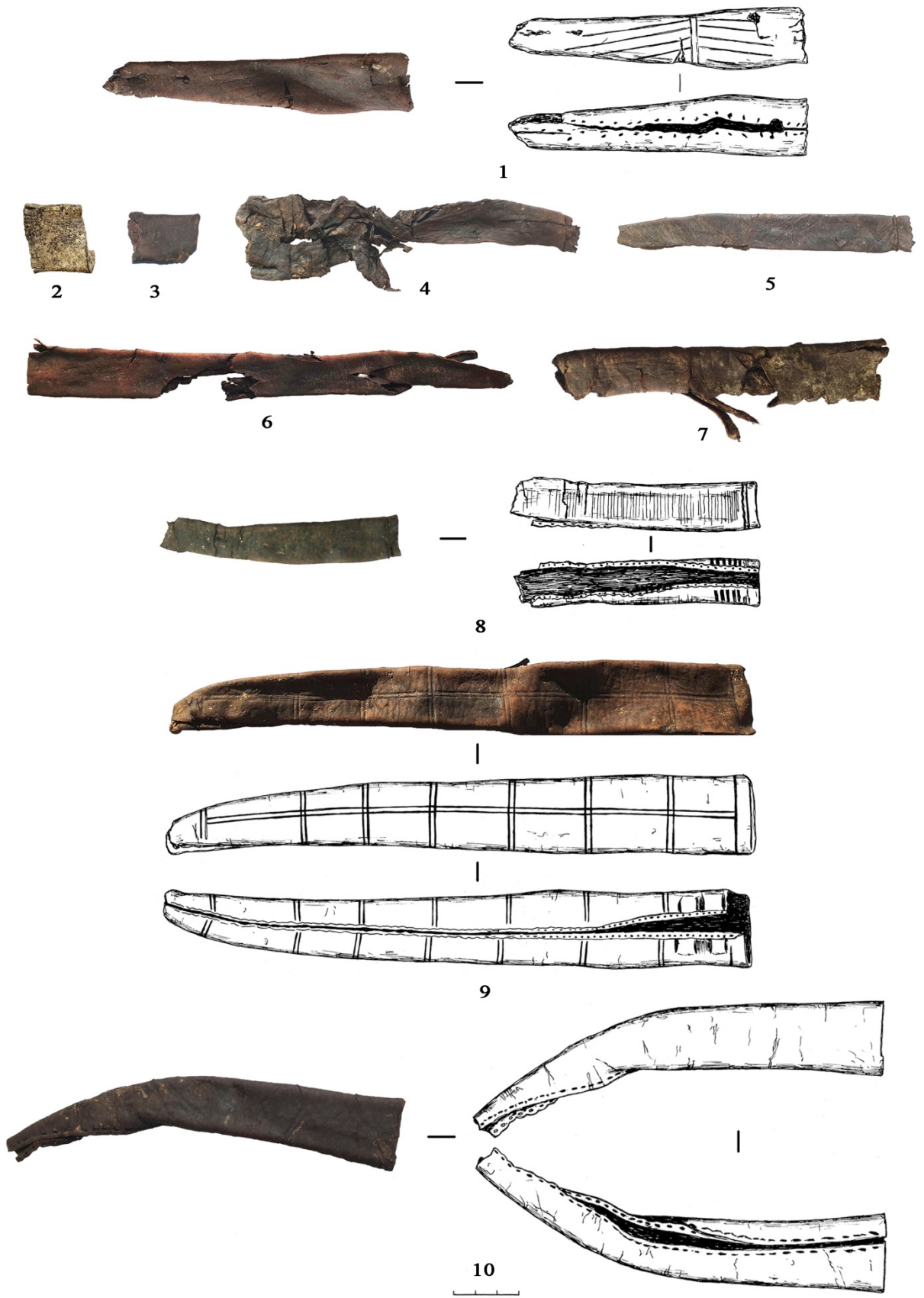

Рис. 63. Ножны.
Введенский раскоп

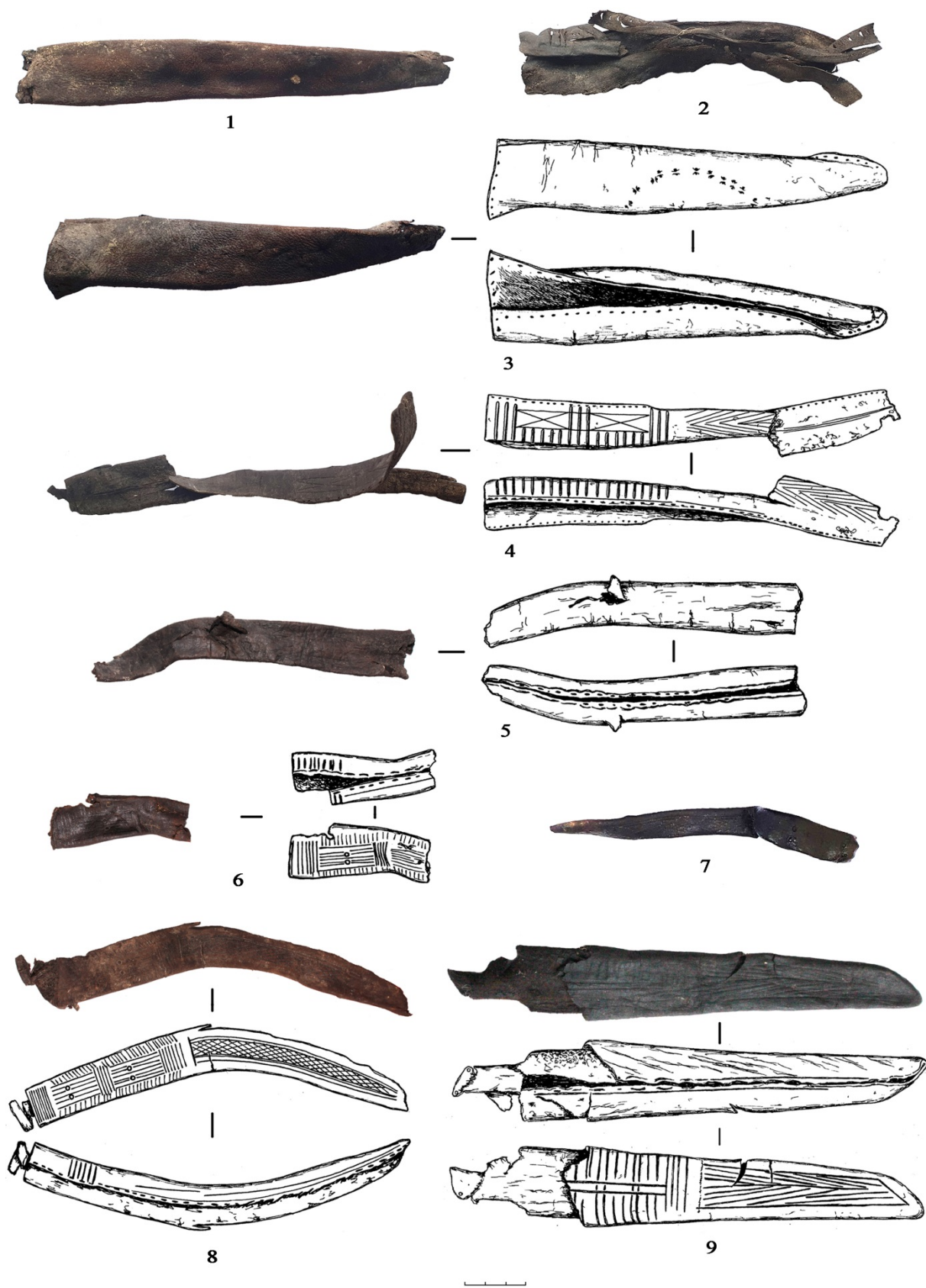
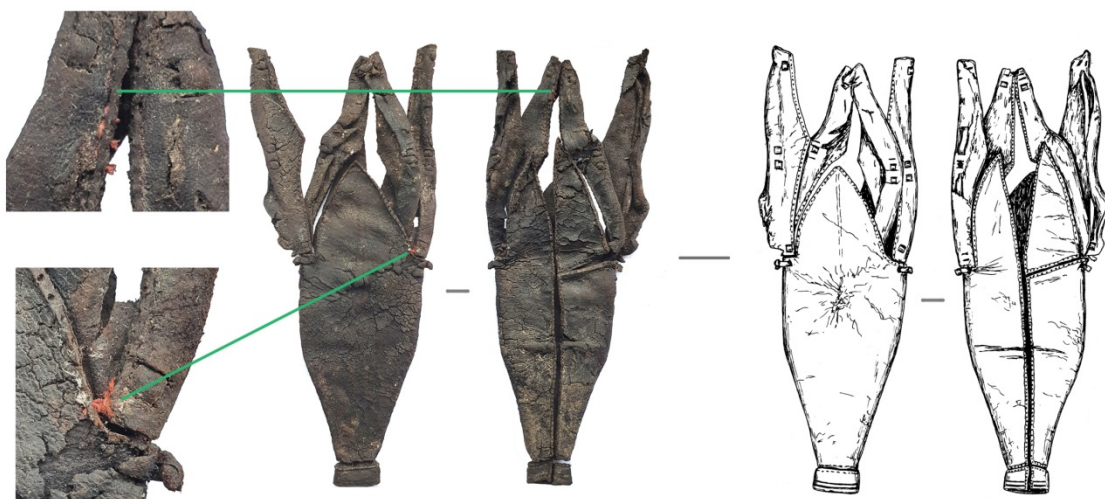

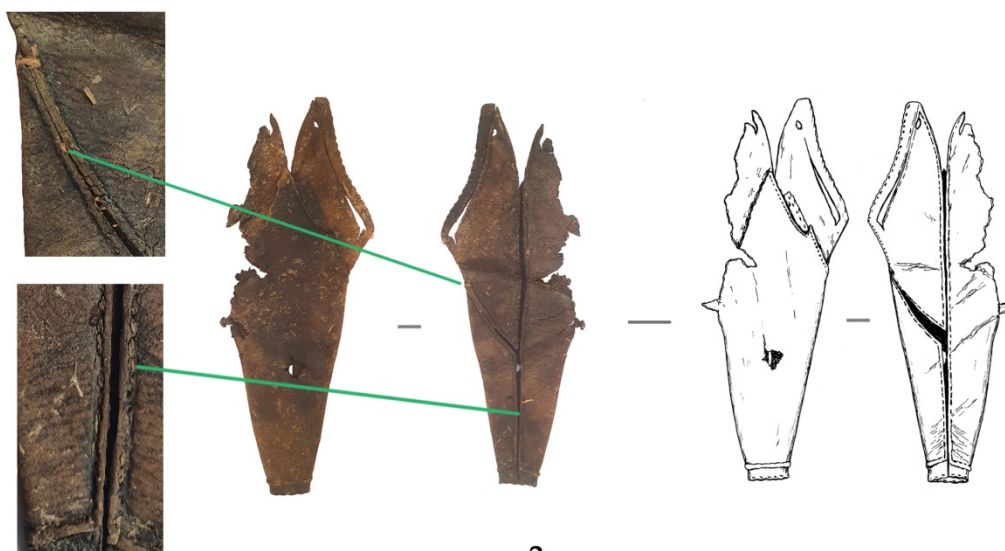
Рис. 64. Ножны
Введенский раскоп

Рис. 65. Оковки ножен, железо.
Перяславль Рязанский

1

2

3

Рис. 66. Футляры для ложек.
Введенский раскоп

1

2

3

4

Рис. 67. Рукавицы.
Переяславль Рязанский
1–3 пальцы; 4 – основа

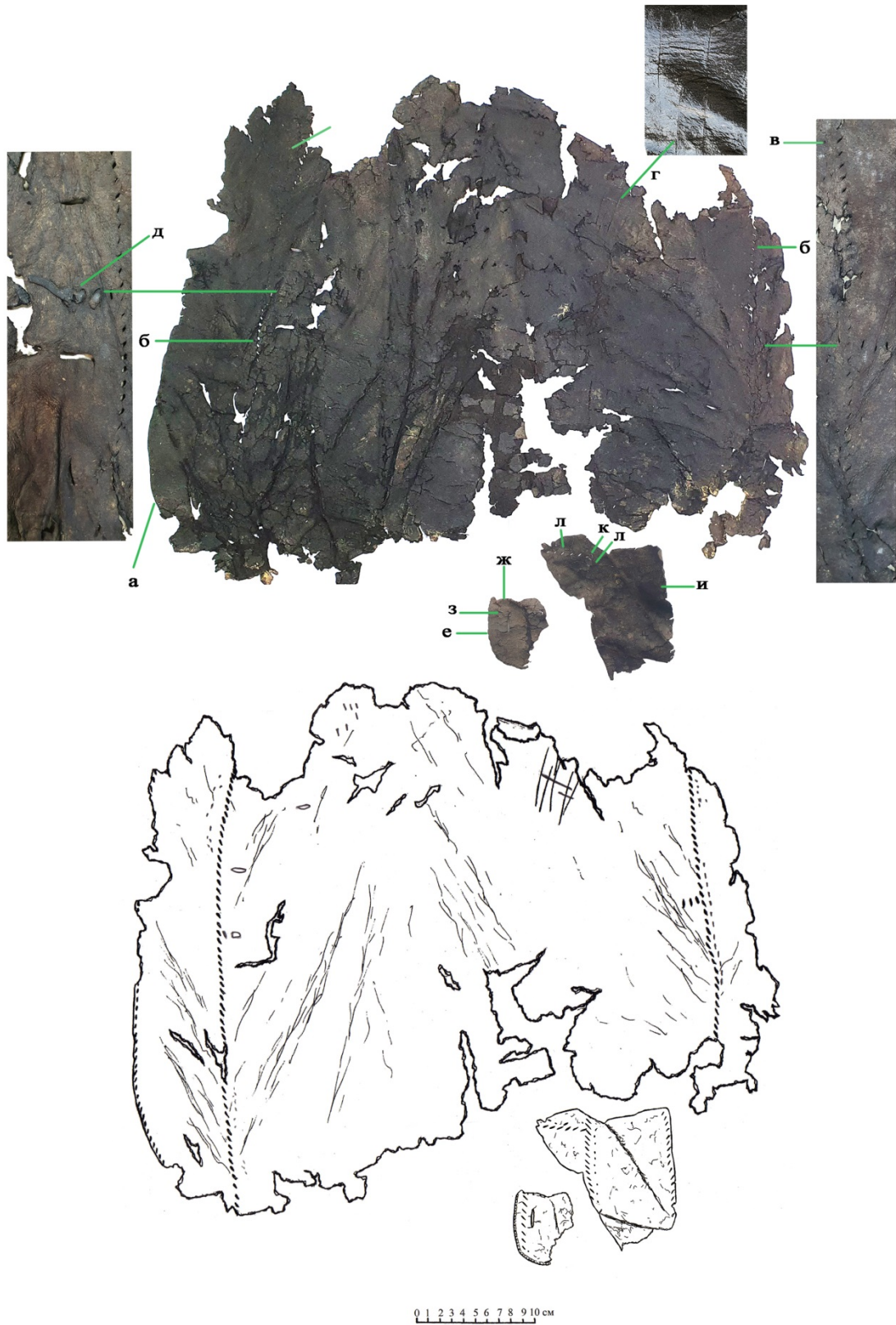

Рис. 68. Фартук (?).
Введенский раскоп (пл. 8, кв. 83, № 325)

Рис. 69. Изделия.
 Житный и Введенский раскопы
 1–2 – пуговицы; 3–5 – завязки; 6–13 – застежки; 14–15 – петли

Рис. 70. Ремешки.
Переяславль Рязанский

Рис. 71. Ремни и ремешки.
Перяславль Рязанский

Рис. 72. Конская упряжь.
 Переяславль Рязанский.
 1–3 – уздечка (?); 4 – подвеска; 5 – шлея (?); 6–7 – плетка

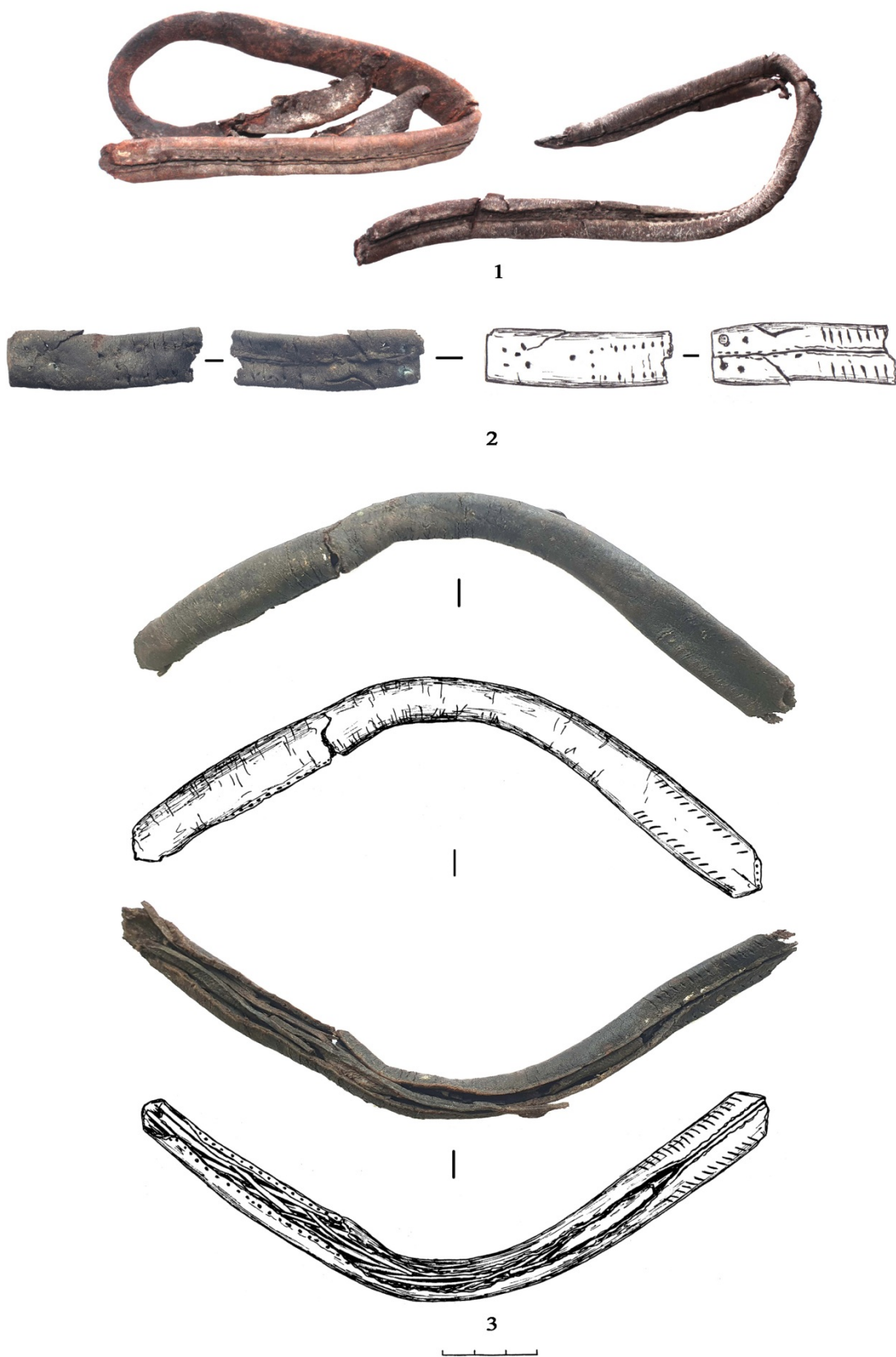

Рис. 73. Ручки
 1 – Житный раскоп; 2–3 – Введенский раскоп

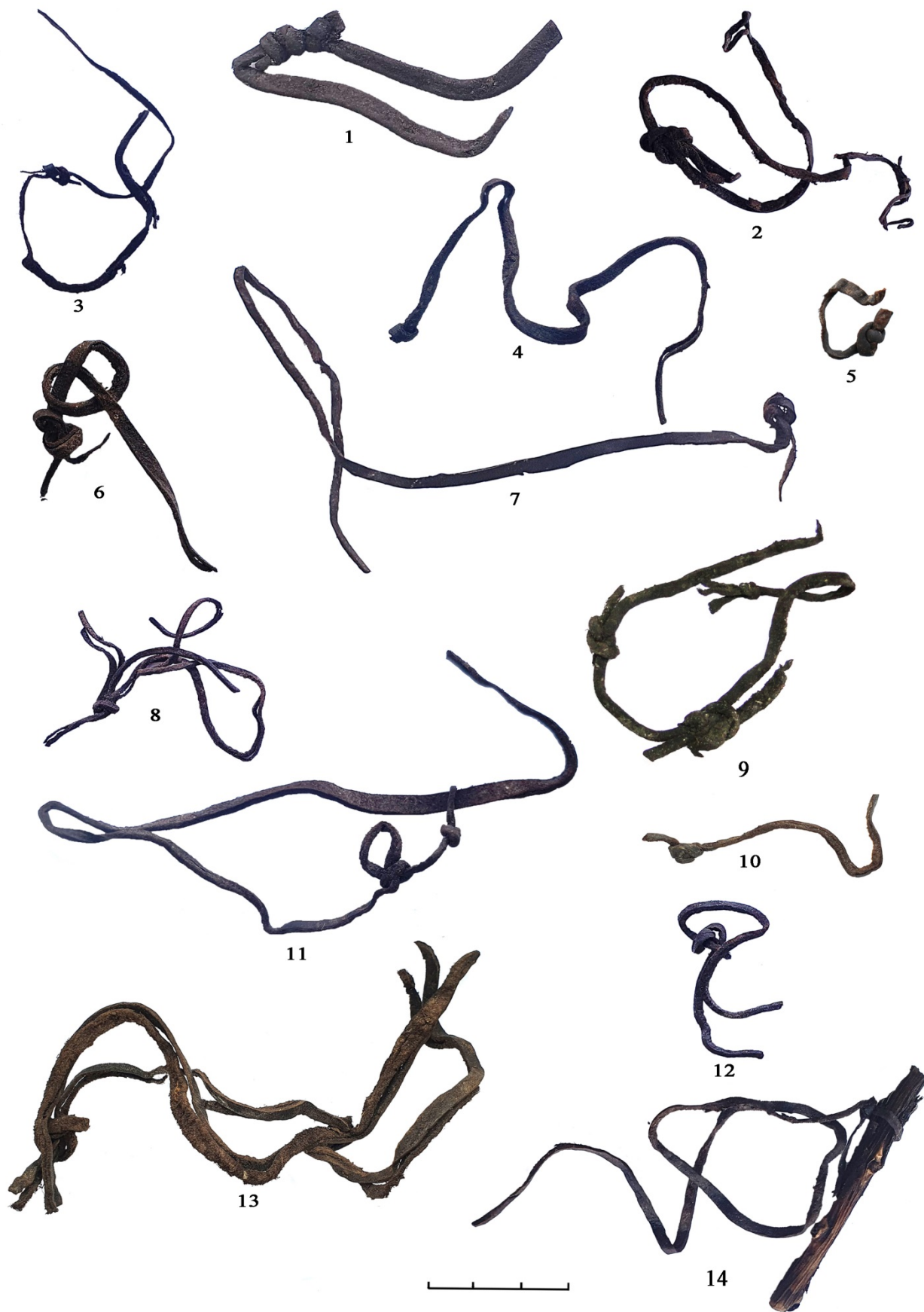

Рис. 74. Изделия с узелками
из скопления ремесленных отходов
на Введенском раскопе

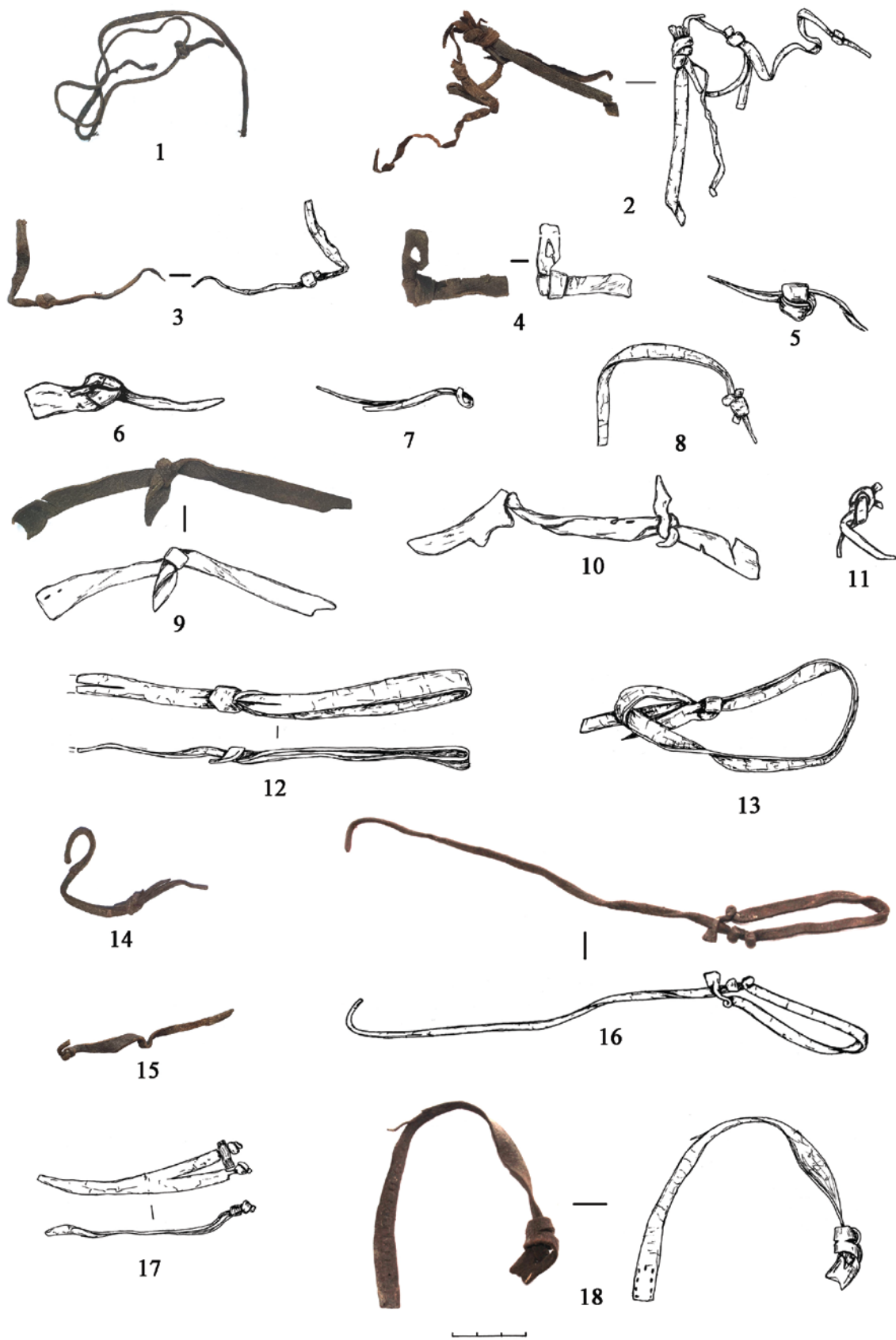

Рис. 75. Изделия с узелками.
Житный раскоп

Рис. 76. Изделия с узелками.
 Введенский раскоп.
 1 – ключ на шнурке, 2–20 – изделия

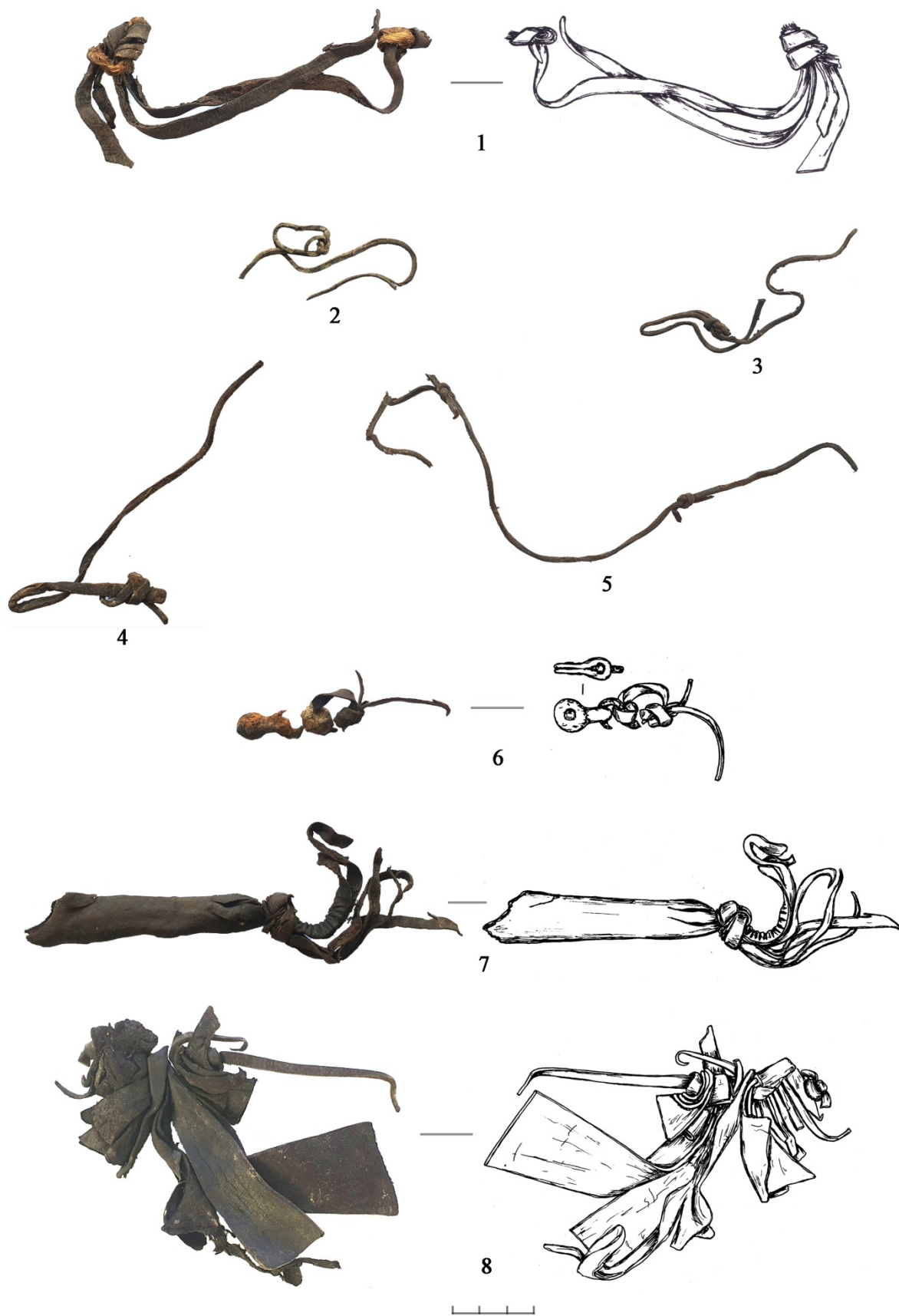

Рис. 77. Изделия с узелками.
Введенский раскоп

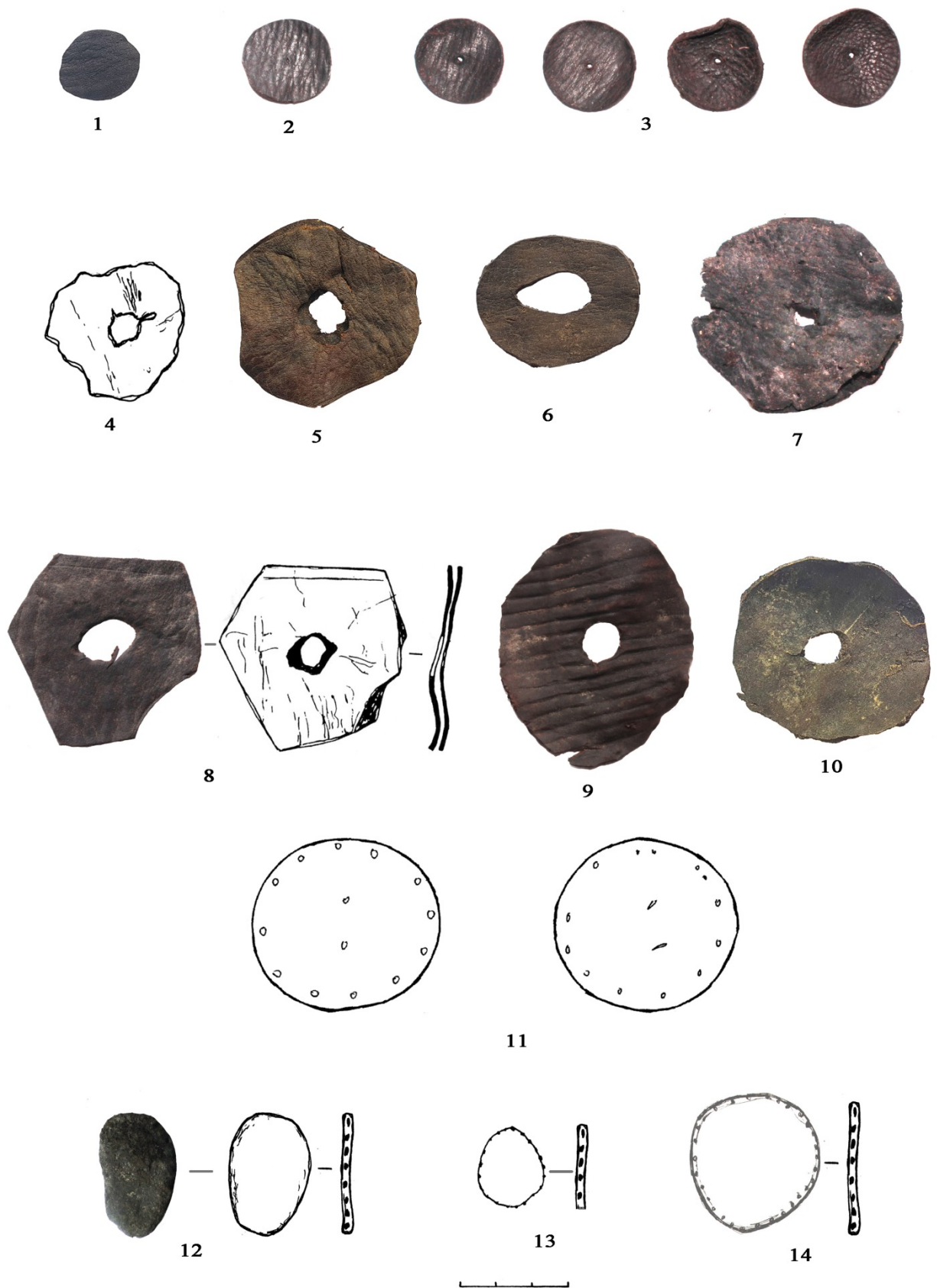

Рис. 78. Изделия из кожи.
 Переяславль Рязанский.
 1-3 – прокладки; 4-11 – шайбы; 12-14 – изделия

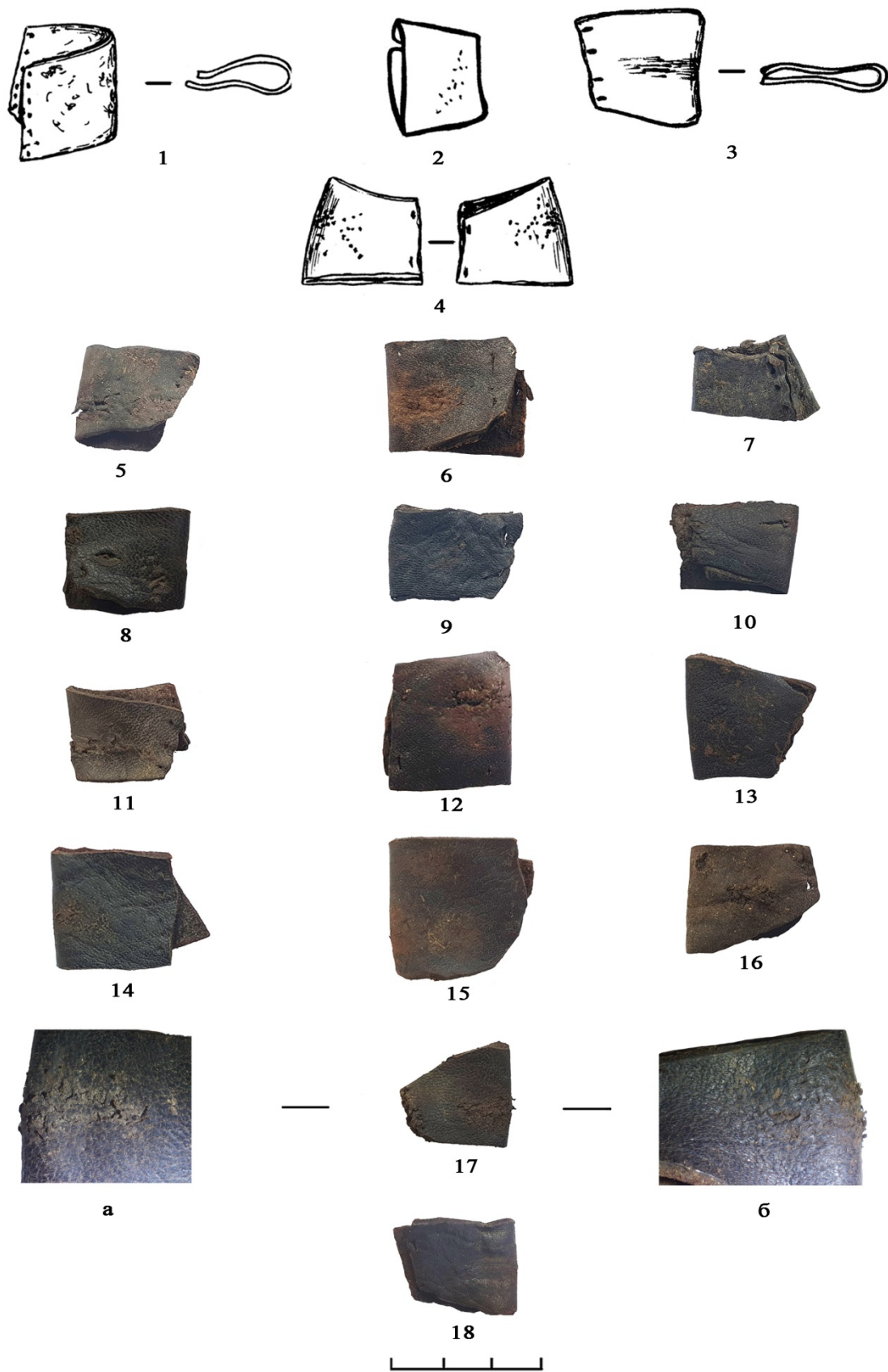

Рис. 79. Наперстки
 1-3 – Житный раскоп; 4-18 – Введенский раскоп

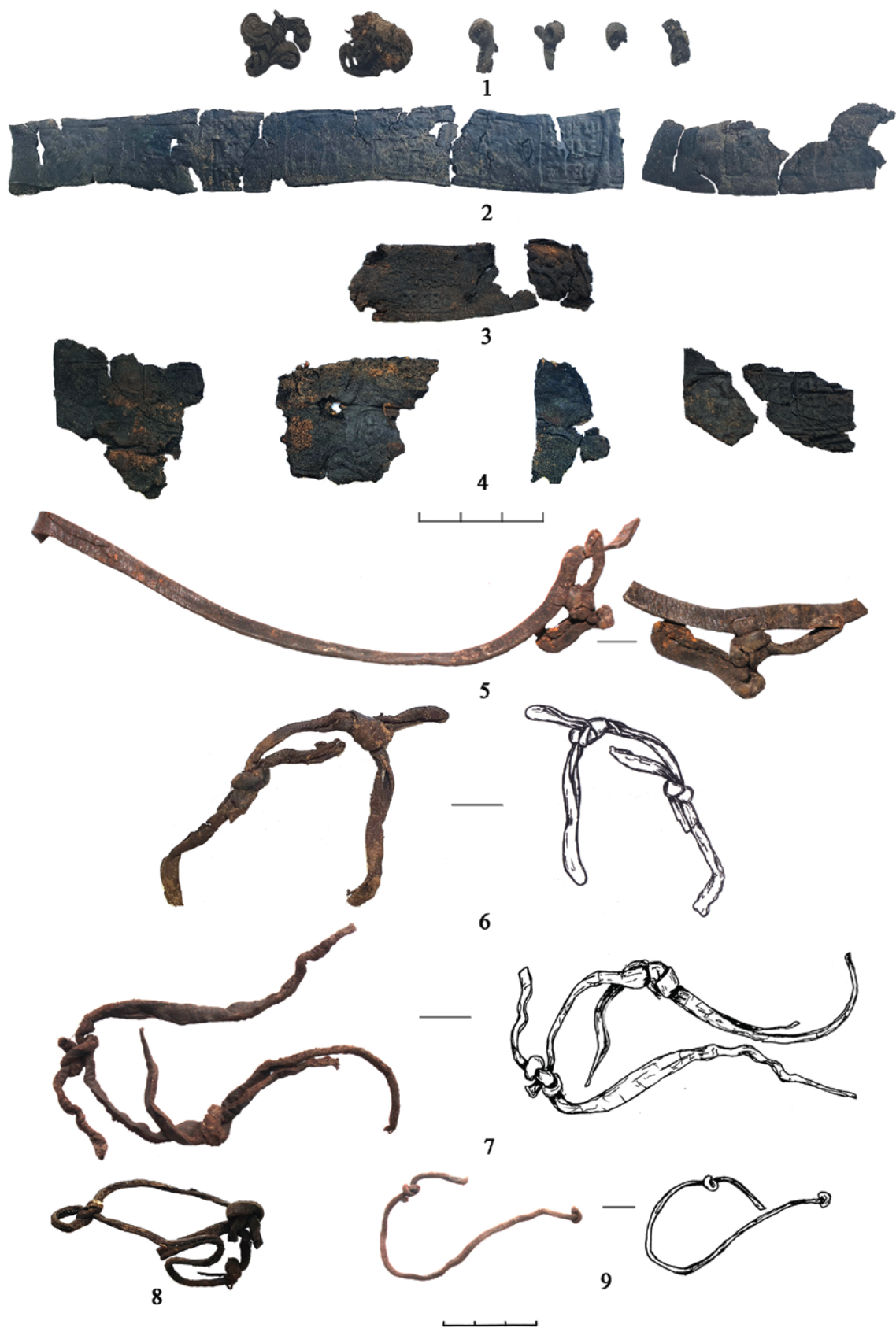

Рис. 80. Атрибуты верований.
 Раскопки А.А. Коновалова, 1980 г.
 1 – крест, фрагменты; 2–3 – монашеские пояса, фрагменты;
 4 – параман, фрагменты; 5–10 – наузы

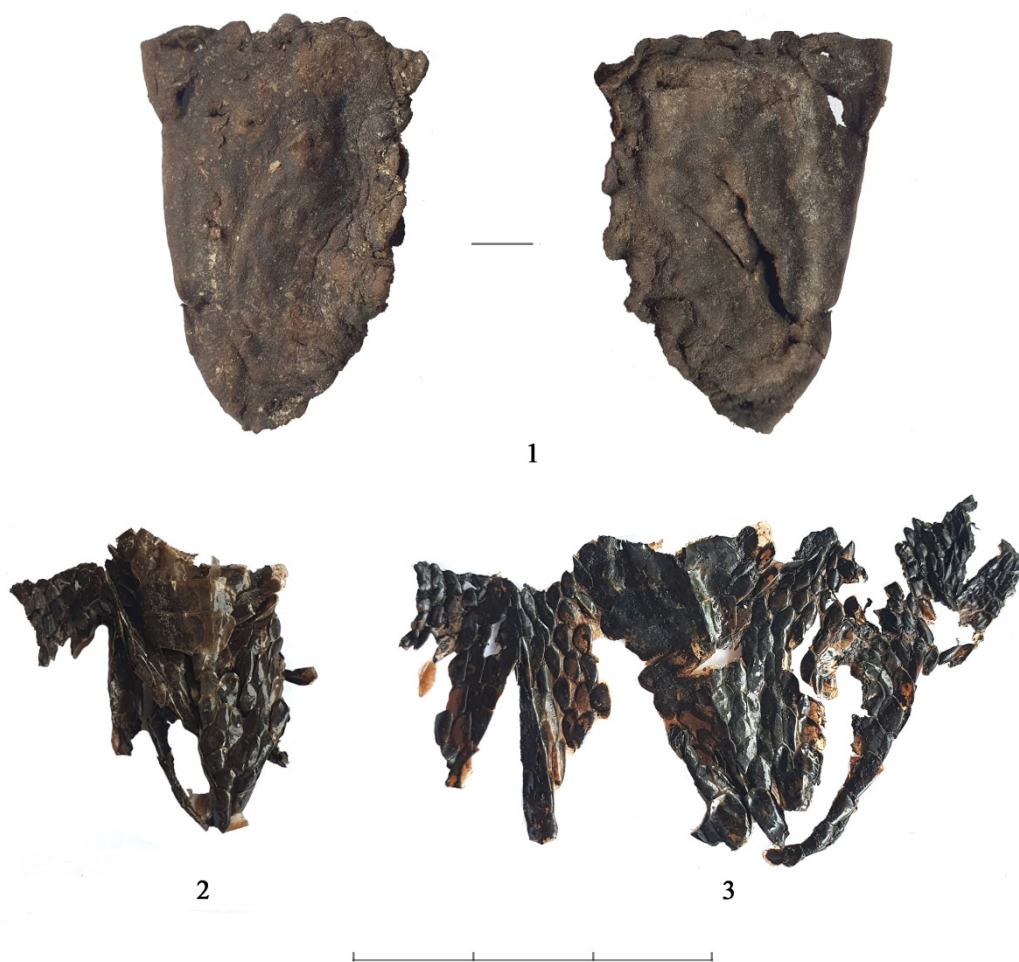

Рис. 81. Ладанка.
Введенский раскоп (пл. 10, кв. 19, № 298)

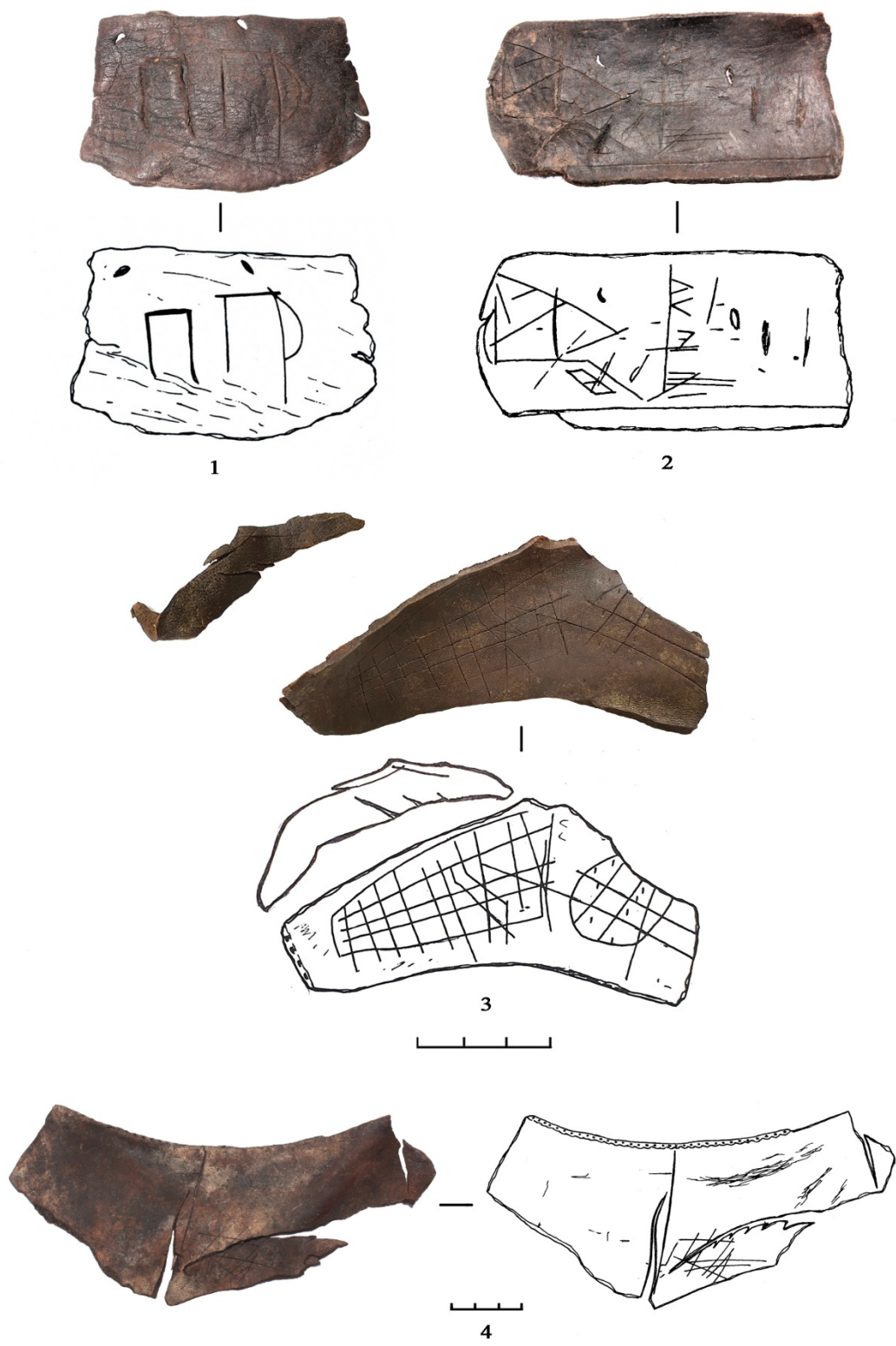

Рис. 82. Изделия с буквами и метками.
 1 – торговая бирка (Житный раскоп);
 2 – обрезок с метками (Житный раскоп);
 3–4 – обрезки деталей сапог с метками (Введенский раскоп)

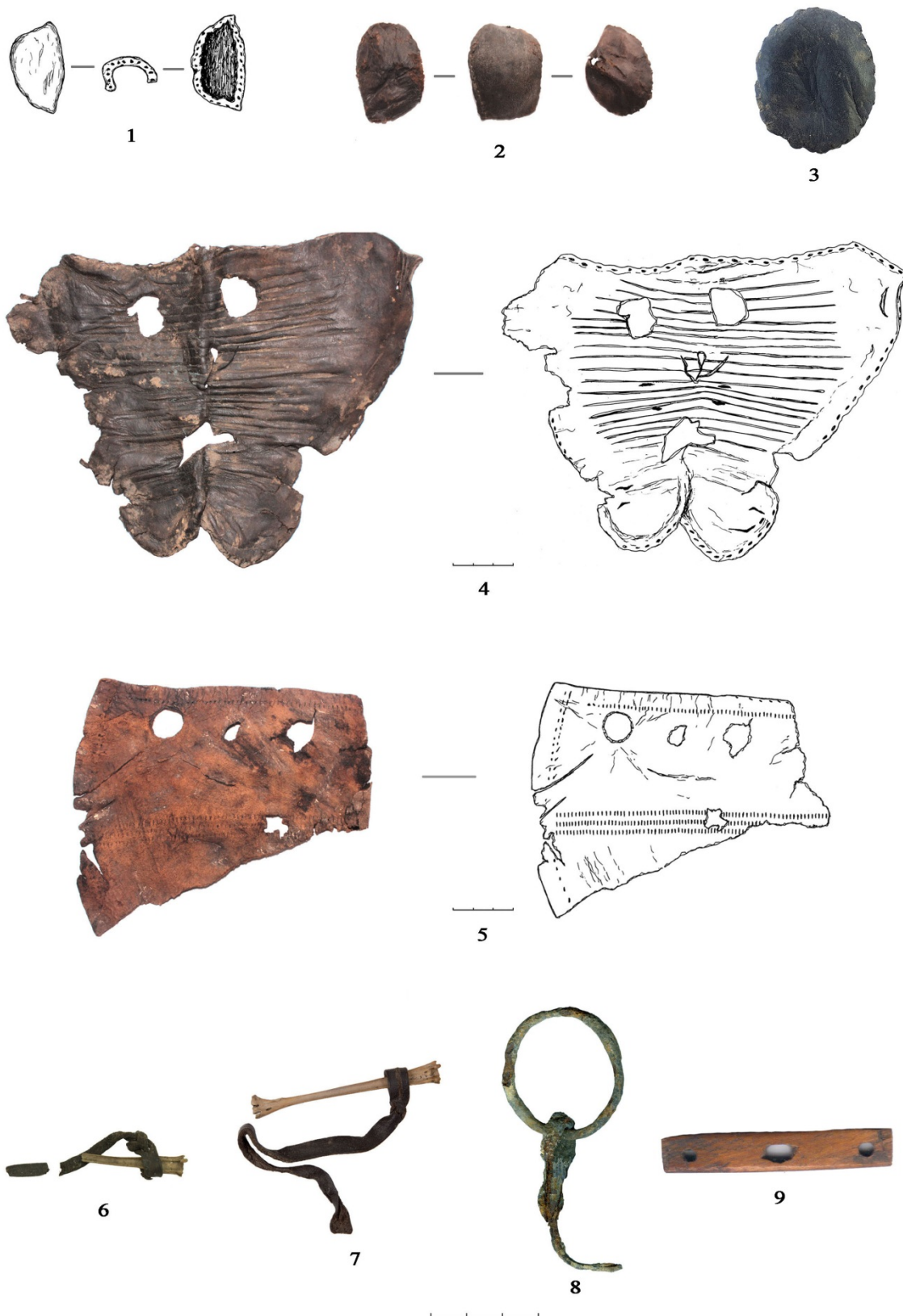

Рис. 83. Атрибуты игр и развлечений.

Житный раскоп.

1-2 – мяч, фрагмент; 3 – мяч, фрагмент (Введенский раскоп);

4 – маска; 5 – маска (?);

6-7 – пущы; 8 – вертлюг, железо; 9 – вертлюг, кость (В.В. Судаков, 1988)

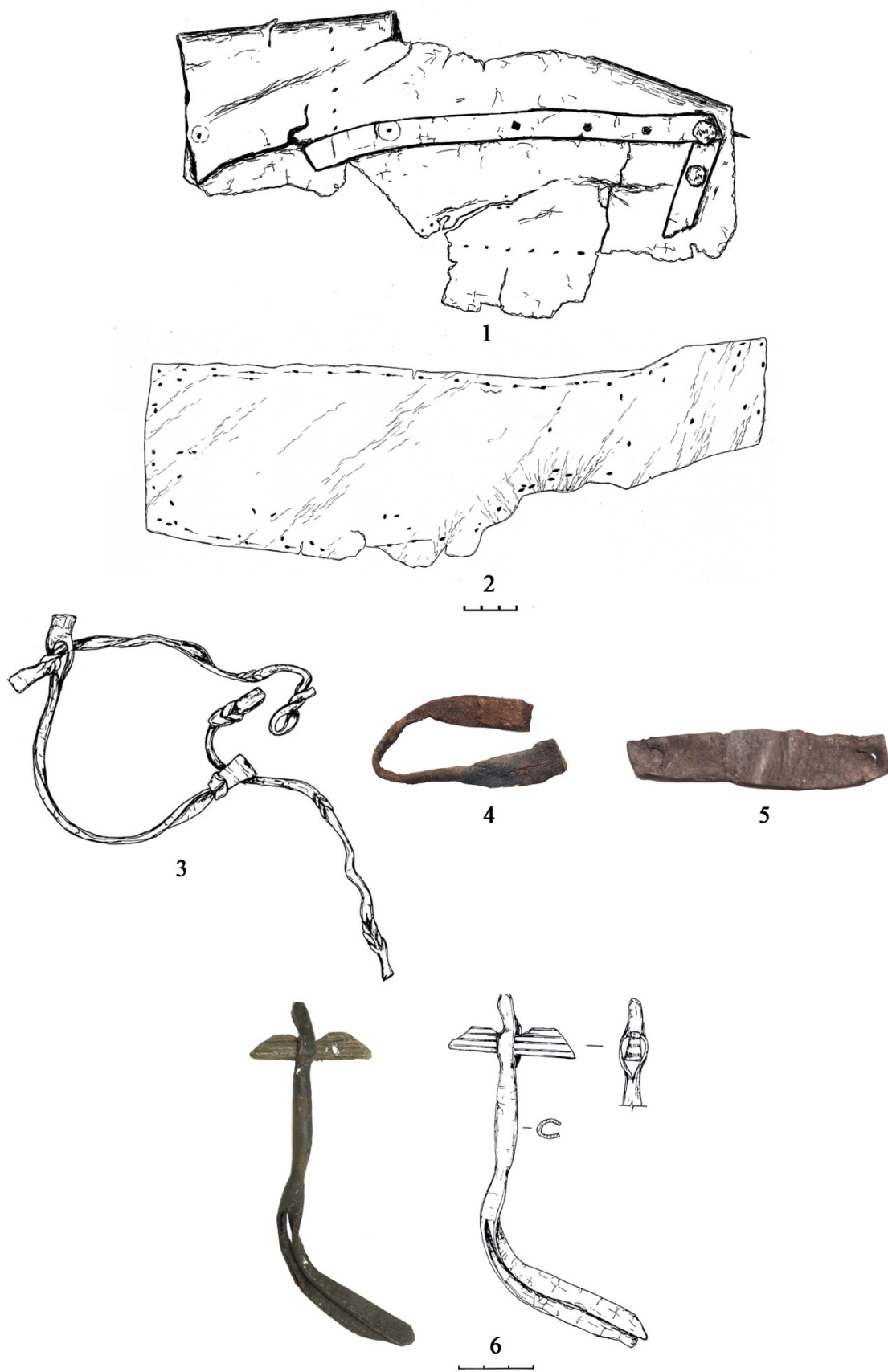

Рис. 84. Изделия из кожи.
Переславль Рязанский

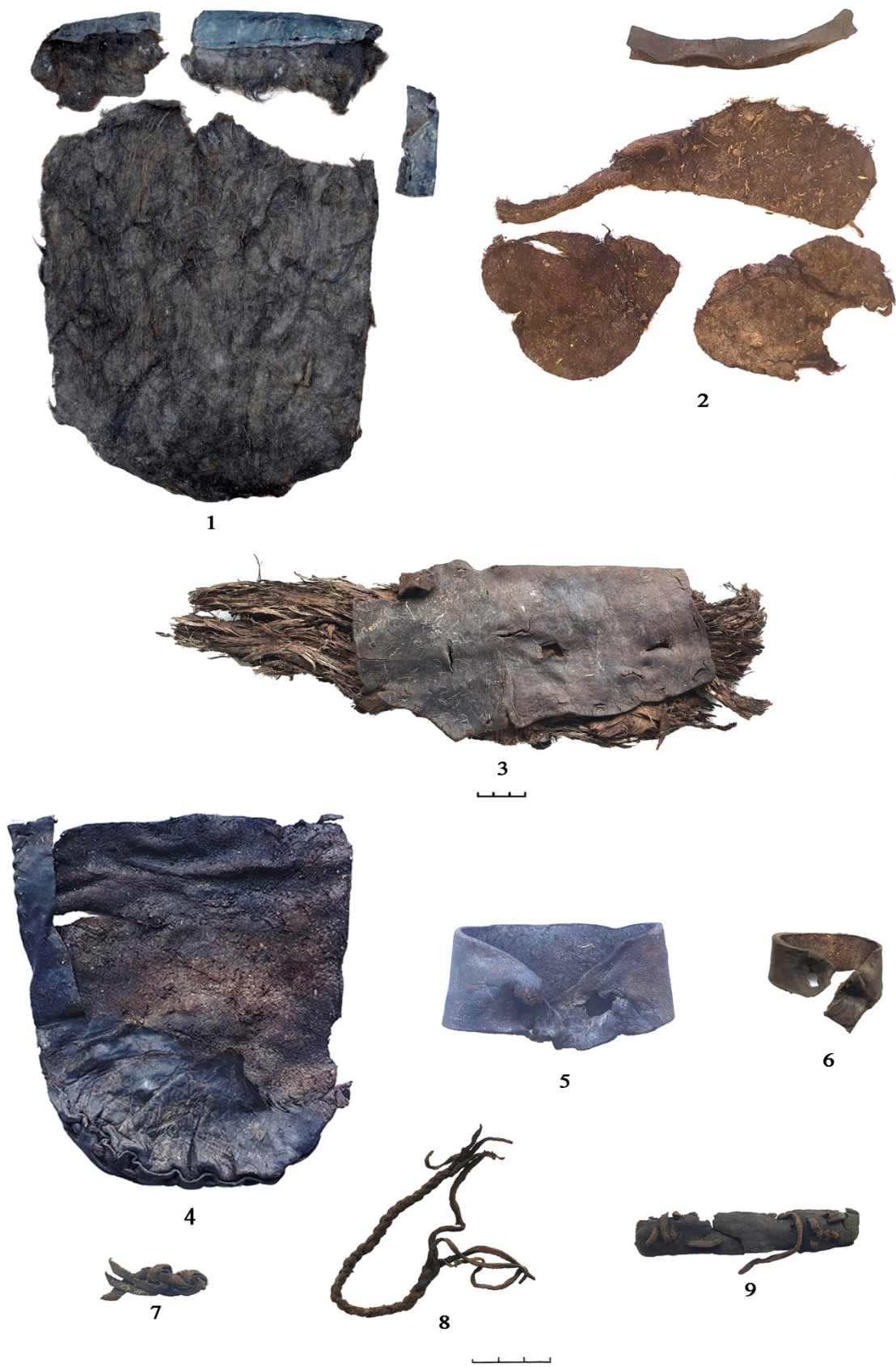

Рис. 85. Изделия из органических материалов.
Введенский раскоп

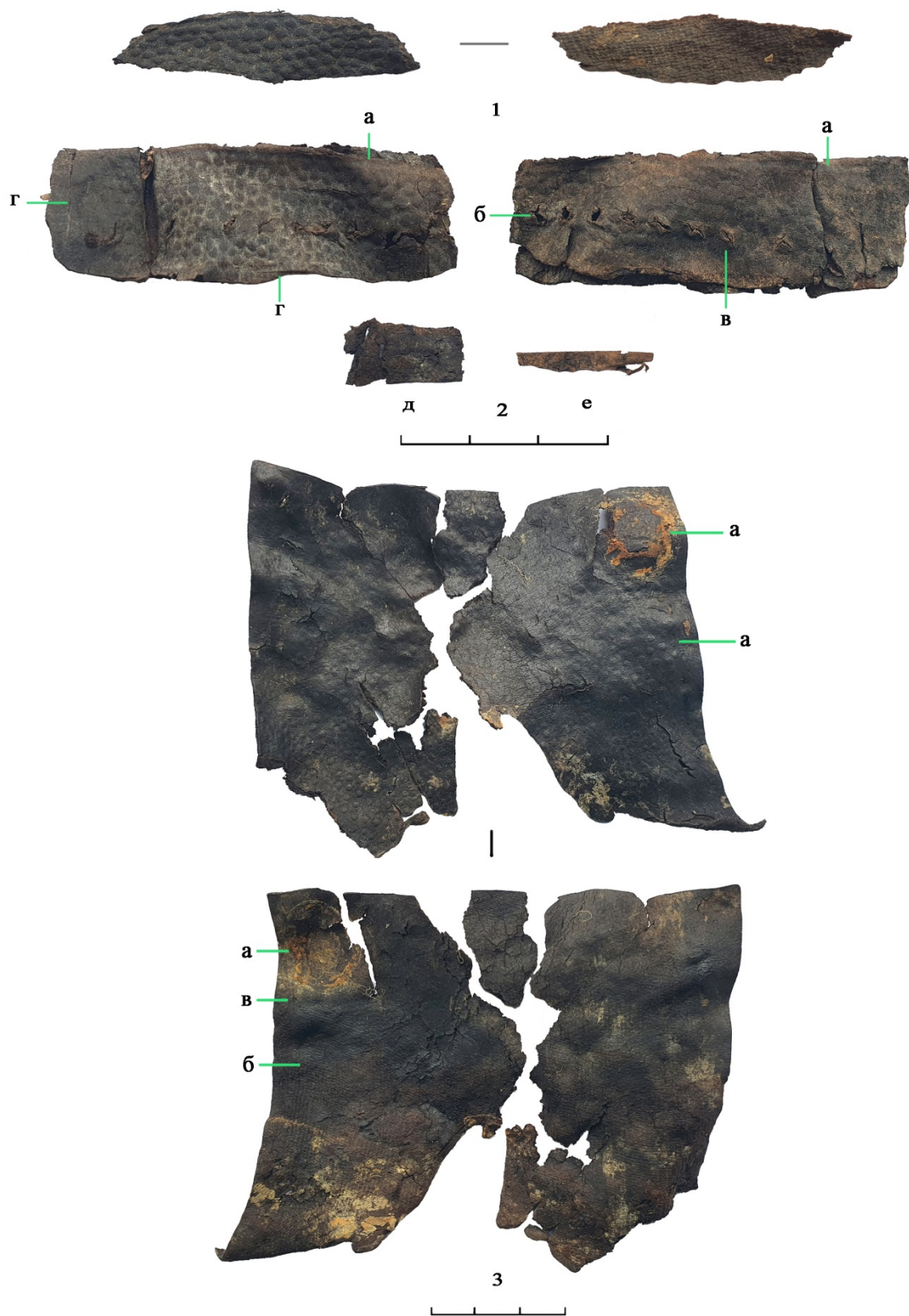

Рис. 86. Изделия из рыбьей кожи.
Введенский раскоп.

1 – обрезок изделия из рыбьей кожи; 2 – изделие из рыбьей кожи, фрагмент (а–г – отпечатки; д – кожаная вставка, е – берестяная вставка (?); 3 – изделие из рыбьей кожи, фрагменты (а – отпечаток шляпки железного гвоздя, б – отпечатки текстиля, в – отпечатки древесных волокон)